

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ РАН

На правах рукописи

Молочников Александр Михайлович

**Смоленский служилый город в Смутное время
(1605-1612 гг.)**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель: доктор
исторических наук, профессор
Андрей Павлович Павлов

Санкт-Петербург – 2014

Оглавление

Введение.....	0
Глава 1. Источники и научные исследования по истории Смоленского служилого города	9
1.1 Источники.....	9
1.2. Историография.....	35
Глава 2. Смоленская десятня 7114 (1605/06) года и борьба смоленского дворянства с восстанием Болотникова	49
2.1. Смоленский служилый город и верстание 1605-06 г.	49
2.2. Смоленский служилый город и борьба с восстанием Болотникова в 1606-07 гг.	99
Глава 3. Смоленский служилый город в годы наибольшего развития Смуты. (1608-1611 годы).....	113
3.1. Борьба смоленского дворянства с тушинцами в 1608-10 годах.	113
3.2. Участие смоленского дворянства в русско-польской войне в 1609-12 годах.	132
Глава 4. Результаты Смуты для Смоленского служилого города.....	178
4.1. Смоляне и четвертное жалование в Смутное время.	178
4.2. Поместное обеспечение и службы смолян по итогам Смутного времени.	191
4.3. Смоляне и государев двор по результатам Смутного времени (1620-е годы).....	206
(1620-е годы).....	206
Заключение.....	213
Приложение.....	216
Список источников и литературы	225

Введение

Настоящая диссертационная работа посвящена изучению положения и роли смоленского дворянства в Смутное время Российского государства начала XVII века.

Актуальность работы обусловлена возросшим в последнее время интересом к истории служилых городов и русского дворянства России XVI-XVII веков. Характерной чертой дворянства допетровского времени была их обязательная служба с поместий и организация в уездные корпорации, которые в документации того времени получили название «города» (новгородский, тверской, рязанский и т.д.), а в историографии – *служилые города*. В историографии последних лет изучение служилых городов значительно продвинулось вперед, благодаря работам В.М. Воробьева, В.Н. Козлякова, О.А. Курбатова, Т.А. Лаптевой А.В. Малова, и других исследователей¹.

Особо следует отметить появление работ не только по служилым городам в целом, но и по истории дворянства отдельных уездов. (Великого Новгорода, Твери и других)². Однако на общем фоне заметно отсутствие работы по изучению такой крупной и влиятельной корпорации, как смоленский служилый город. Вначале XVII века Смоленск был одним из самых крупных служилых городов.

Другая широкая тема, затрагиваемая в настоящем исследовании – роль дворянства в социальной и политической жизни России в годы Смутного времени. В историографии последних лет пересмотрена прежняя оценка Смуты как крестьянской войны. События на начала XVII века в историографии последних десятилетий (начиная с работ Р.Г. Скрынникова, А.Л. Станиславского, а затем И.О. Тюменцева, В.Н. Козлякова и других)³ стали рассматриваться, как гражданская война, в которой главными движущими силами

¹ Воробьев В.М. Как и с чего служили на Руси в XVII веке (к истории русского дворянства) //Средневековая и новая Россия. СПб., 1996. С. 451-462; Козляков В. Н. Служилый «город» Московского государства XVII века: От Смуты до Соборного уложения. Ярославль, 2000; Курбатов О.А. Морально-психологические аспекты тактики русской конницы в середине XVII века //Военно-историческая антропология. Ежегодник. М., 2003; Лаптева Т.А. Провинциальное дворянство России в XVII веке. М., 2010; Малов А.В. Ратные люди Великих Лук после Смуты и разбор служилых «городов» 1621/22 г. // Историография, источниковедение, история России X-XX вв. М., 2008. С. 90-126; Смирнов Н.В. Разбор и смотр войска в 1621 году и поместное дворянство //Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Новгород, 1999. С. 91-99.

² Азнабаев Б.А. История служилого населения Уфы XVI- первой половины XVIII в. (Источники из фондов РГАДА). «Российское Научное Сообщество в XX в.». М., 2000; Аракчеев В.А. Аграрная история великолукского и пусторжевского уездов во второй половине XVI - XVII вв.: Автореф. дисс. канд. ист. наук. СПб., 1994; Лисейцев Д.А. Костромские выборные дворяне рубежа XVI-XVII веков //Российская история . 2013 г. № 6. С.111-128; Малов А.В. Ратные люди Великих Лук накануне Смоленской войны 1632–1634 гг.: от разбора служилых «городов» 139-го (1630/31) г. до начала военных действий в октябре 1632 г. //Архив русской истории. М. 2007. Вып. 8. С. 98–156; Смирнов Н.В. Тверские служилые города в XVII в. Автореф. дисс. канд. ист. наук. СПб., 2002.

³ Скрынников Р.Г. Социально-политическая борьба в Московском государстве в начале XVII века. (Смута). М., 1989; Тюменцев И.О. Смута в России в начале XVII столетия: движение Лжедмитрия II. Волгоград, 1999; Козляков В.Н. Служилый «город» Московского государства XVII века: От Смуты до Соборного уложения. Ярославль, 2000; Станиславский С.Л. Труды по истории Государева двора XVI-XVII вв. М., 2004.

выступали служилые люди – дворянство и казачество. В этой связи всестороннее изучение участия смоленского дворянства, игравшего видную роль в событиях Смуты, является актуальной задачей. Ключевая роль смолян в подавлении восстания Болотникова и организации Нижегородского ополчения отмечалась в ряде исследований, но до сих пор история смоленского служилого города в Смуту не была раскрыта в полной мере.

Цель исследования – изучить историю смоленской дворянской корпорации в период Смутного времени, показать её участие в событиях начала XVII века, проследить изменения, которые произошли в её составе.

Задачи исследования – сопоставить и проанализировать нарративные и документальные источники по истории смоленского дворянства в Смутное время, восстановить персональный состав смоленского служилого города и службу отдельных его представителей, восстановить историю отдельных дворянских родов, раскрыть вопрос о структуре смоленского служилого города и о правящих группах внутри него.

Объектом изучения является дворянская корпорация смоленского уезда (служилый город) в годы Смутного времени (1605-1612 годы).

Предметом изучения являются узловые проблемы истории смоленского служилого города: история составления смоленской десяти 1605/06 года, поход смолян к Москве и участие их в разгроме Болотникова 1606 года, дорогобужские походы смолян 1608-09 годов, влияние польско-литовской интервенции и взятия Смоленска на положение смоленских дворян, участие смоленского дворянства в земских ополчениях, изменение в составе, структуре и статусе смоленских дворян в Смутное время, получение новых поместий в различных уездах России.

Хронологические рамки исследования определяются временем активного участия смоленского дворянского войска в событиях Смуты с 1605 по 1612 год.

Нижняя хронологическая грань исследования – составление смоленской десяти 1605/06 году. Смотр и поместное верстание 1605/06 года и поход для подавления восстания Болотникова в 1606 году стали переломными моментами в истории смоленского служилого города. В результате этих событий смоляне обретают значение как самостоятельная и активная сила, выступавшая на общерусской арене социально-политической борьбы.

Верхняя хронологическая грань исследования – участие смолян в ополчении Минина и Пожарского и освобождении Москвы в 1612 году.

Для освещения итогов участия смоленского дворянства в событиях смутного времени привлекаются материалы последующих лет: боярский список 1626 года, десяти 1622 года и т.д. Привлечены и более поздние материалы: писцовые книги 1620-х-1630-х

годов; родословные росписи конца XVII века. В ряде случаев диссертация затрагивает источники более раннего времени: посольские книги XVI века, т.н. «десятня 1574 г.», десятня новиков 1596 года и т.д.

Степень научной разработанности темы. История смоленского служилого города в Смутное время затрагивается в работах В.П. Мальцева⁴, Г.П. Енина⁵ С.В. Александра⁶. Монографии В.П. Мальцева и С.В. Александра посвящены истории Смоленской земли в Смутное время. В этих исследованиях значительное внимание уделено смоленскому дворянству. Исследование Г.П. Енина затрагивает основной источник по истории смоленского дворянства – «Повесть о победах Московского государства». Различные аспекты истории смоленского дворянства, затронутые в отдельных монографиях и статьях, более подробно рассмотрены в историографическом разделе.

Исследователями были привлечены основные источники по истории смоленского служилого города, и решены следующие вопросы: восстановлена хронология самостоятельных походов смоленского дворянского войска в 1606-1611 годах; отмечена ключевая роль смолян в разгроме И.И. Болотникова под Москвой в 1606 году и в организации Второго земского ополчения в Нижнем Новгороде в 1611 году; показано влияние этих событий на повышение статуса смоленской дворянской корпорации в общей иерархии служилых городов; также отмечена особенность положения смоленских дворян после утраты Смоленска: в царствование первых Романовых они были наделены новыми поместьями в центральных и северо-восточных уездах, и сохранили структуру служилого города и свое название «смоляне, разных городов помещики».

В то же время ряд вопросов по истории смоленского дворянства остаются спорными и нерешенными, в частности, вопрос о поддержке смоленскими дворянами кандидатуры королевича Владислава на русский престол и об их контактах с польско-литовским войском в 1610-1611 годах. Вопросы о внутренней организации смоленского служилого города не изучены в полной мере. Отсутствуют специальные исследования правящей группы смоленского служилого города; не изученным оставался состав особого чина в служилом городе - выборного дворянства и принципы его пополнения в Смутное время; нуждаются в дополнительном рассмотрении вопрос о назначении смоленским дворянам денежного четвертного жалования (четверти – специальные финансовые приказы Московского государства), а также изменения в структуре дворянства в Смутное

⁴ Мальцев В.П. Борьба за Смоленск в XVI-XVII вв. Смоленск, 1940.

⁵ Енин Г.П. «Повесть о победах Московского государства» - новонайденный памятник древнерусской литературы // Повесть о победах Московского государства. М., 1980. С. 93-134.

⁶ Александров С.В. Смоленская осада 1609-1611. М., Вече. 2011.

время. Спорной остается атрибуция важнейших источников по истории смоленского дворянства: десятины 1605/06 года и «Повести о победах Московского государства». Почти не привлекался такой важный источник, как родословные росписи дворянских родов конца XVII века. Все эти вопросы требуют своего разрешения в рамках нового комплексного исследования истории смоленского дворянства в Смутное время.

Новизна исследования. Диссертация является первым специальным исследованием по истории Смоленского служилого города в Смутное время. Автором были выявлены и обобщены новые биографические данные по истории смоленских дворянских родов начала XVII века. Впервые для изучения уездного дворянства привлекаются родословные росписи конца XVII века. Большинство из этих родословных росписей до сих пор не были опубликованы и впервые введены в научный оборот. Впервые для истории смоленского дворянства XVII века были привлечены сведения из архивных источников: десятины 1622 года, боярских списков 1620-х-30-х годов, писцовых книг. В диссертации предложена новая интерпретация происхождения уже известных источников по истории смоленского дворянства в Смутное время: десятины 7114 года и «Повести о победах Московского государства». Впервые выявлен и проанализирован состав правящей группы смоленского служилого города, а также составлена подробная база данных по смоленским дворянам, на основе которой реконструируется коллективный портрет смоленского служилого города.

Методологическую основу исследования составляет позитивистская методология изучения истории, согласно которой аналитическому обобщению должна предшествовать критика источника, не зависящая от заранее установленных историко-социологических схем.

Одним из основных методов исследования является *метод историко-генеалогических изысканий* – восстановление родовых связей, привлечение данных о службе из родословных росписей. С помощью этого метода восстанавливается схема внутривидовых отношений и отношений между отдельными родами в соответствии с системой службы «по отечеству». В частности, выявление родословных связей позволило доказать зависимость между положением в служилом городе и старшинством внутри рода.

В работе широко применялся метод просопографического исследования – комплексное изучение биографий с целью восстановить портрет социальной группы (в данном случае – смоленского служилого города). При помощи этого метода устанавливаются общие тенденции в судьбах смоленских дворян, основные векторы их продвижения по службе, степень зависимости этого продвижения от положения в роду, а

также во всей дворянской корпорации. Просопографический метод позволил автору не только нарисовать «коллективный портрет» смоленских дворян в Смуту, но уточнить биографии отдельных лиц, а также отличие между различными группами внутри служилого города.

Важным методом, примененным в работе, является метод ретроспекции – привлечение источников более позднего времени для изучения событий Смутного времени. В частности в работе привлекаются родословные росписи конца XVII века, дающие новые богатые сведения о многочисленных службах смолян в XVI-XVII веках. Сопоставление родословных росписей с документами Смутного времени позволило уточнить факты продвижения по службе смоленских дворянских родов.

Большое внимание в работе уделено методу статистической обработки массовых источников, таких как смоленская десятина 1605/06 года, «десятина разных городов» 1622 года, кормленые и приходно-расходные книги московских приказов, акты о наборе даточных крестьян с поместий. Количественная обработка этих источников, позволяет уточнить соотношение и роль отдельных групп в смоленском служилом городе, проанализировать состав выборного дворянства, сбор с дворянских поместий в даточных людей, динамику численности дворян, получавших четвертное жалование за годы Смуты и т.д.

Апробация результатов работы. Положения и выводы диссертации докладывались и обсуждались на научных конференциях, проводившихся в Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде, Ярославле, Смоленске, Балахне в 2011-2013 гг., а также на заседании Отдела древнерусской литературы ИРЛИ РАН (Пушкинский дом) 14 апреля 2010 г.

Отдельные главы и работа в целом рассматривались на заседании отдела Древней истории Санкт-Петербургского Института истории РАН. По теме исследования опубликованы 3 статьи в ведущих рецензируемых журналах, рекомендуемых Высшей аттестационной комиссией и 8 статей в других научных изданиях (включая электронные издания).

Результаты работы отражены в следующих публикациях:

Публикации в ведущих рецензируемых журналах, рекомендуемых ВАК:

1. Молочников А.М. Боевые действия против войска Болотникова в 1606 г. //Клио. Журнал для учёных. СПб.; Издательство Полторака, 2012 г. № 6 (66). С. 100-104.

2. Молочников А.М. Кузьма Минин и денежное жалование беспоместным дворянам //Клио. Журнал для учёных. СПб.: Издательство Полторак, 2013 г. № 8 (80). С. 38-40.

3. Молочников А.М. Стрелецкие сотни и их руководители в годы обороны Смоленска (1609-11 гг.) //Клио. Журнал для учёных. СПб.: Издательство Полторак, 2014 г. № 1 (85). С. 82-86.

Публикации в других изданиях

1. Молочников А.М. Даточные ратные люди, как архаичная категория вооруженных сил России в XVI-начале XVII вв. //Единорог. Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и раннего Нового времени. М. 2014. Вып.3. С. 30-42.

2. Молочников А.М. К вопросу об «Афанасии Варишкине» из «Повести о победах Московского государства» //«Смутное время в России в начале XVII века: поиски выхода. К 400-летию “Совета всея земли” в Ярославле». Материалы международной научной конференции (Ярославль.6–9 июня 2012 г.) С. 326-331.

3. Молочников А.М. Поход Адама Жолкевского к Москве в декабре 1612 года и его битва с отрядом Земского ополчения в свете новых источников» //Пятая Международная научно-практическая конференция «Война и оружие. Новые исследования и материалы». 14-16 мая 2014 г. Часть III. Санкт-Петербург: Военно-исторический музей артиллерии инженерных войск и войск связи, 2013. С. 225-237.

4. Молочников А.М. Смоленский род Полтевых и службы по отечеству в XVI-начале XVII вв. //Международная научная конференция «Смутное время в России: Конфликт и диалог культур» 12-14 октября 2012 г. Санкт-Петербург. Сборник материалов. СПб, 2012. С. 166-169.

5. Молочников А.М. Стрелецкие сотни в смоленской обороне 1609-11 гг. К проблеме статистического анализа //Четвертая Международная научно-практическая конференция «Война и оружие. Новые исследования и материалы». 15-17 мая 2013 г. Часть III. Санкт-Петербург: Военно-исторический музей артиллерии инженерных войск и войск связи, 2013. С. 262-272.

Публикации в электронных изданиях

1. Молочников А.М. Смоленские стрелецкие приказы и их руководители в Смутное время [Электронный ресурс] //История военного дела: исследования и

источники. — 2012. Т. III. С. 321-369. <<http://www.milhist.info/2012/12/19/molochnikov>> (19.12.2012)

2. Молочников А.М. Даточные люди черносошных земель в войске Ивана Грозного: лыжная и судовая рать [Электронный ресурс] //История военного дела: исследования и источники. 2013. Специальный вып. I. Русская армия в эпоху царя Ивана IV Грозного: материалы научной дискуссии к 455-летию начала Ливонской войны. Ч. I. Статьи. Вып. II. С. 203-226 <http://www.milhist.info/2013/04/10/molochnikov_1> (10.04.2013)

3. Молочников А.М. Смоленский служилый город Смутного времени. Часть I. Поместное верстание 7114 (1605/06) года [Электронный ресурс] //История военного дела: исследования и источники. 2013. Т. IV. С. 292-321. <http://www.milhist.info/2013/10/11/molochnikov_3> (11.10.2013)

Практическая значимость исследования состоит в выявлении новых сведений и фактов, связанных с такими ключевыми проблематиками, как история служилых городов и история Смутного времени в России. Полученные данные могут быть использованы для создания общих работ по истории Смутного времени, обобщающих исследований по истории служилых городов и российского дворянства допетровской эпохи, общих курсов по истории России и военной истории.

Научная значимость диссертации состоит в появлении первой обобщающей работы по истории Смоленского служилого города в Смутное время, новой интерпретации важнейших памятников по истории смоленского дворянства в Смутное время, выявлению и обобщению новых биографических данных по истории смоленского дворянства в Смутное время. Впервые позднейшие родословные росписи привлекаются для изучения уездного дворянства, восстанавливается история отдельных дворянских родов. Продвижение дворян по службе впервые подробно рассматривается в связи с системой наследственной службы («по отечеству»). В рамках настоящего исследования выделен и проанализирован состав правящей группы смоленского служилого города, показано, что старшие отечеством роды сохраняли свое значение даже в условиях ослабления царской власти и децентрализации управления Московского государства. В итоге исследования была составлена подробная база данных по смоленским дворянам, на основе которой реконструируется коллективный портрет служилого города. Значительная часть выявленных тенденций могут быть перенесены на другие служилые города. Дальнейшие исследования в этой области позволят расширить представления о зарождении российского дворянства как служилого сословия.

Глава 1. Источники и научные исследования по истории Смоленского служилого города

1.1 Источники

Особая роль смоленских дворян в событиях Смутного времени отразилась в самых разных по характеру источниках. Во многих повествовательных источниках – литературных сказаниях и повестях о Смуте – упоминаются смоляне, в качестве особого отряда смоленских дворян. История смоленского служилого города также нашла свое отражение в документах разрядного приказа и в других актах Московского государства начала XVII века и более позднего времени.

Повествовательные источники. В повестях и сказаниях о Смутном времени отмечается вклад смоленских дворян в восстание Болотникова 1606 г., и их участие в создании ополчения в Нижнем Новгороде в 1612 г.

Одним из первых литературных свидетельств о смолянах стало повествование о восстании Болотникова в «Ином сказании»⁷. Этот литературный памятник получил свое название по заголовку в одной из рукописей, («Иное» - отличное от «Сказания» Палицына, которое обычно сопровождает памятник в рукописных списках). «Иное сказание» отличается сложным, компилятивным характером. Изложение событий с конца XVI века и до мая 1606 года (свержение Лжедмитрия и воцарение Василия Шуйского) имеет в своей основе «Повесть, како отомсти всевидящее око Христов Борису Годунову». События с 1607 (осада войск Болотникова в Туле и Калуге) до 1613 года почти полностью совпадают с изложением «Хронографа 1617 года». Кроме того, автор пользовался другими повестями и документами (в частности, использовал «Извет Варлаама»)⁸. В то же время, фрагмент «Иного сказания» об осаде Москвы Иваном Болотниковым в 1606 году не имеет текстологической близости с другими литературными памятниками. Осведомленность автора о событиях в Москве в 1606 году и высокая оценка царствующего тогда Василия Шуйского позволяет нам присоединиться к мнению И.И. Смирнова, что рассказ об осаде Москвы Болотниковым записан вскоре после её завершения⁹. Во всяком случае, рассказ об осаде Москвы Болотниковым является самой оригинальной частью «Иного Сказания» и для его оценки необходимо специальное исследование. Автор «Иного сказания» использует «Повесть о видении некоему мужу

⁷ Так называемое Иное Сказание //Русская историческая библиотека издаваемая археографическою комиссией. СПб., 1892. Т. XIII. Стб. 1-144. (Далее: Иное сказание).

⁸ Кушева Е.П. Из истории публицистики Смутного времени XVII века. Саратов. 1926.

⁹ Смирнов И.И. Обзор источников о восстании Болотникова //Восстание Болотникова. Документы и материалы. М., 1959. С. 5-40.

духовну» – рассказ о видении Христа в Успенском соборе (в ноябре 1606 года после начала осады) с призывом к москвичам покаяться в грехах¹⁰. Но этот рассказ органично переплетается с авторским повествованием, которое содержит оригинальные подробности борьбы за Москву осенью 1606 года. В ответ на покаяние москвичей и их 5-дневный пост (до 19 ноября) к Москве приходит помощь от двух войск – смолян и даточных ратных людей с Двины. В изложении «Иного сказания» приход смолян и двинян прямо связан с милостью Божьей в ответ на покаянные призывы москвичей: «Воистину избави тогда от толикия печали с верою призывающих Его, не дал кровоядцом их злому умыслу и совету свершиться, около царствующего града Москвы всех дорог засести; злый сий совет и умысл их тогда вскоре разорися Божиим великим промыслом. Проиде тогда к царствующему граду Москве сила из Смоленска града, да з Двины с Колмогор двесте стрельцов»¹¹. Участие в обороне Москвы смолян и даточных стрельцов русского севера подтверждается другими источниками. «Иное Сказание» даже больше внимания уделяет двинянам, о которых сказано, что они «великие ратницы и зело смело к ратному делу». Эти слова произносит, обращаясь к болотниковцам, служилый пан Севастьян Кобыльский, который говорит, что «хаживал с ними (с двинянами - А.М.) в каянские немцы»¹². Именно двиняне показали болотниковцам «великой силой». Смоляне же вторично упомянуты позднее: «Поведано же бысть в царствующем граде Москве всем людям, яко з Двины приидоша 4000 войских людей, тако же и из Смоленска града»¹³. В результате прихода смолян москвичи воспряли духом, а «разбойники» из войска Болотникова, напротив, впали в уныние, что и привело к их разгрому. Место смолян в «Ином сказании» определяется авторским замыслом – показать, что москвичам помогали «небесные силы» в ответ на их покаяние. Однако упоминание смоленских дворян в этом контексте отражает представления автора – вероятного очевидца боев за Москву в 1606 году — об их роли в освобождении столицы от осады. Рассказ в составе «Иного сказания» подтверждает высокую оценку современниками участия смолян в разгроме Болотникова под Москвой.

Карамзинский хронограф также представляет собой компилятивный памятник¹⁴. С.Ф. Платоновым была выдвинута версия, что автором записей Хронографа за 1604-1644

¹⁰ Иное сказание. Стб. 101-105.

¹¹ Там же. Стб. 106.

¹² Там же. Пан Кобыльский - реальный участник каянских походов против шведов 1590-х годов; в этих же походах участвовали даточные и стрельцы с Двины. (См. Корецкий В.И. Соловецкий летописец конца XVI века. //Летописи и хроники. М., 1981. С. 240-241.) Эта подробность говорит, что автор «Иного сказания» был хорошо осведомлен о событиях Московской осады 1606 года.

¹³ Там же. Стб. 107.

¹⁴ Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесённых в хронографы русской редакции. Собрал и издал Андрей Попов. М., 1869. С. 321-379. Далее: Изборник Попова.

годы мог быть сын боярский из Арзамаса Баим Болтин¹⁵. В записях за 1620-1640-е годы перечислены походы и службы, в которых принимал участие сам Болтин, а в записях о Смутном времени встречаются упоминания о событиях, происходивших в Арзамасском уезде. Кем бы ни был автор погодных заметок в составе «Карамзинского хронографа», однако по особому вниманию к именам воевод и другим служебным назначениям этот источник имеет сходство с разрядами записями. Это сходство, можно обнаружить даже при описании «воровского» войска Болотникова: «А начальники у тех воров были воеводы: у резаньцов воеводы Григорей Федоров сын Сунбулов, да Прокофей Петров сын Ляпунов, а с тулены и с коширяны и с веневици Истома Пашков, а на Веневе был сотник, а с колужены и с олексенцы и с иными городами Ивашко Болотников, князя Ондreja Телятевского холоп, и иные вору были начальники. И пришли под Москву в Коломенское и в иные места в Заборское стали блиско Москвы»¹⁶. В записях из «Карамзинского хронографа» содержится один из самых подробных рассказов о походе смолян на Москву в 1606 году:

«И государь царь и великий князь Василий Иванович всея Руси прося у Бога милости и у Пречистыя Богородицы помощи против тех воров, послал с Москвы бояр своих князя Михаила Васильевича Скопина Шуйскова и иных бояр, и с ними стольников и стряпчих и дворян и жильцов и дьяков и подьячих и всяких служилых людей. Да в то же время к Москве из Смоленска пришли смоляне дворяне и дети боярские, а прислал их на очищение Московскому государству боярин Михайло Борисович Шеин, а воевода у них у всех был у смолян Григорий Михайлов сын Полтев, да с ним были головы сотенные и стрелецкие. И милостию Божиею и государя царя и великого князя всея Русии счастием бояре князь Михаила Васильевич Скопин-Шуйский и иные бояре и воеводы воровских разогнали и побили и из под Москвы вору побежали, а казаки во осаде в Заборье видели и те государю доби́ли челом»¹⁷. В этом рассказе отразилось внимание автора к воеводским назначениям. Автор особо отмечает, что вёл смолян Г.М. Полтев, а также сотенные и стрелецкие головы. Также в памятнике ошибочно представлена роль М.Б. Шеина, который в 1606 году ещё не был смоленским воеводой. Однако точность в передаче имени и отчества смоленского воеводы Г.М. Полтева свидетельствует о внимании автора к походу смолян, и достаточно хорошей осведомленности в его деталях.

¹⁵ Платонов С.Ф. Столяров хронограф и его автор //Сборник статей посвящённых В.О. Ключевскому. М., 1909, Ч. 1, С. 18—28. «Столяров хронограф» - одно из ранних названий памятника, данное Н.М. Карамзиным.

¹⁶ Изборник Попова. С. 332

¹⁷ Там же.

Рассказ в составе "Карамзинского хронографа" о попытке наделить смоленских дворян в арзамасском уезде в 1611 году, когда их поместья были захвачены польско-литовским войском, также изобилует подробностями, говорящими об осведомленности автора:

«Того же 119 ис под Москвы бояре отпустили смолян дворян и детей боярских в Арзамас испоместити их из дворцовых сёл, а для розделу с ними был Никифор Васильевич Траханиотов. И смоляне пришли в Арзамас, и стали все в селе, в ызбной слободе под градом, и дворцовые мужики не послушали, делить себя не дали, чтоб им быть за ними в поместьях, и стояли многое время, и бои с мужиками были, только мужиков не осилили, помогли мужикам арзамасские стрельцы триста человек»¹⁸.

Здесь автор записей в составе «Карамзинского хронографа» проявляет характерную осведомленность в арзамасских делах и передает интересные подробности об успешной борьбе крестьян с разоренными дворянами. В то же время автор погодных записок испытывает сочувствие к смолянам, когда рассказывает об их присоединении к ополчению Минина и Пожарского. Заметим, что в этом произведении Кузьма Минин впервые упоминается именно в связи с устройством смолян в Нижнем Новгороде.

«И во 120 году во осень о Дмитриев дни смоляне пошли из Арзамаса в Нижней Новгород, а из Нижнева Новгорода посацкие люди к ним присылали, чтоб к ним в Нижней пришли, и как смоляне в Нижней Новгород пришли, земский староста посацкой человек Кузма Минин и все посацкие люди приняли смолян честно и корм им и лошадем стали давать довольно и всем их покоить для тово, что они люди разорённые, Смоленск и поместья их отошли к королю литовскому, а жены и дети померли в смоленскую осаду, как король стоял под смоленском, а которые остались и те там же, в Смоленску. И земский староста Кузма Минин советовав с Нижегородцы со всякими людми, чтоб прося у Бога милости начать доброе дело помочи московскому государству, собрався с ратными со всякими служилыми людми идти под Москву, как бы Московское государство от злодеев от поляков очистить и Москву доступить, а ратных бы людей смолян пожаловать, поднять на службу большим жалованием. Смоляне сказали все ради идти под Москву для очищения от врагов. А смолянном поляки и литва грубны искони вечные неприятели, что жили с ними поблизку и бои с ними бывали частые и литву на боех побивали»¹⁹.

Интересно замечание автора записок в составе «Карамзинского хронографа», что неприязнь дворян к полякам и литовцем была связана не только с осадой и взятием

¹⁸ Там же. С. 352-353.

¹⁹ Там же. С. 353.

Смоленска, но носила давний характер и проистекала из порубежных столкновений. Сложно сказать, имела ли место в действительности неприязнь смолян к полякам до событий Смуты. Весьма вероятно, что автор имел какие-то контакты со смолянами во время образования Нижегородского ополчения.

Подробный рассказ о смолянах в Нижнем Новгороде содержит «Книга о чудесах преподобного Сергия», которая принадлежит перу троицкого келаря Симона Азарьина. О смолянах в 1611-12 годах повествует глава 9, «О явлении чудотворца Сергия Козме Минину и о собрании ратных людей на очищение Московского государства»:

«В то же время от Смоленска града дворяня и дети боярские и стрельцы, отбыв домов своих, стояху в арзамаских местех: граду бо их Смоленску от полского краля Жигомонта взяту бывшу, и жены их и дети в плен отведены быша. Они же не похотеша христианской веры отбыть, не приложишася к еретиком и придоша под Москву. И ту казаческое воинство к ним дворянам несогласно бысть и самоволно, положише на них зависть и хотеша их побивати. Они же не даша место гневу не восхотеша междусообныя брани составити, уклонишася от Москвы в арзамаские места и приходяше с места на места, не вредяше ничем православных христиан, ожидающе милости Божия дондеже ущедрит люди Божия. Слышав же о них Козма, яко люди благочестни суть и воинскому делу искусни, паче же в бедах сущи и в скудости мнозей ходяше, а христианом насилия не чиняще, послав к ним с молением, да приидут в Нижней, обещав им корм и казну на подмогу давати. Они же с радостью пришедше, яко до двою тысяч и вящшее число их. И елико множашася казна, толико воинских людей грядуще, яко бы со всея вселенная»²⁰.

Сочинение Симона Азарьина является поздним компилятивным памятником житийного характера. Житийный жанр повлиял на однообразное перечисление нравственных достоинств смолян: кротость, благочестие и искусность к воинскому делу. При этом «безнасильственные» отношения смолян с жителями арзамасских мест противоречат известиям о столкновениях с крестьянами в составе «Карамзинского хронографа». Книга Симона Азарьина была создана значительно позднее описываемых событий и в ней нашла отражение избирательная память об участии смолян во втором ополчении.

Несколько упоминаний о смолянах содержится в произведении, которое получило разные названия в литературе, однако в настоящее время принято называть её на основе заголовка: «Повесть книги сия от прежних лет»²¹. В разное время она публиковалась под заголовками: «Повесть князя Катырева-Ростовского», «Летописная книга», а её авторами

²⁰ Симон Азарьин. Книга о чудесах Преподобного Сергия. СПб., 1888. С. 36

²¹ Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3. XVII в. Часть 3. М.; СПб., 1998. С. 55-58.

называли Семена Кубасова, Катырева-Ростовского, Хворостинина, Семена Шаховского. Вероятнее всего, «Повесть» была написана после Смуты в первой трети XVII века. В этом произведении отразился сложный авторский взгляд на события Смуты, попытка дать оценку пережитым событиям. Трижды неизвестный автор упоминает о смолянах. Вначале он отмечает их участие в подавлении восстания Болотникова: «Той ж Иван Болотников поидоша во ополчении своем под стены града. Царь же Василий повеле воеводам и воинством препоясаться на брань и повеле им брань спущати. Воеводы же и начальницы московского воинства по повелению цареву на кони своя восходят, и врата града отворяют. И поидоша против северских людей и спустиша брань велию зело. И во ополчении своем мужески их поразиша смолняне своим ополчением: овиих убивают, овиих уязвляют, овиих связанных к Москве отсылая. И тако побеждены бысть северския люди»²². Второе краткое упоминание смолян – в рассказе о преследовании войска Сапеги после освобождения Троице—Сергеева монастыря и о взятии города Дмитрова во время похода Скопина-Шуйского к Москве в 1609 году. «Прежреченный же князь Михайла Шуйской, всего московского воинства властитель, и о своем деле попечение имея, поидоша на поляцы, которые пребывают во обступлении Сергеева монастыря и на восхищение его желают; и мужески на них нападоша. Они же силы их подъяти не возмогоша и вдашася бегству до городка Дмитрова. Москвичи ж вслед их женуша даже и до городка того. И на стены грацкие восходят и смолняне хоругви простирают, и елико в нем людей находят и тако мечем побивают. Поляци же московского воинства терпети не возмогоша, городок той оставиша и вдашася бегству и приидоша до великого обозу».²³ Здесь появление смолян выглядит несколько неожиданно и не совсем понятен смысл упоминания о них. Возможно, автор сохранил собственные уникальные воспоминания о яростном приступе смолян на стены Дмитрова. Так же вероятно, что остервенение смолян при штурме Дмитрова логически объяснялась началом осады Смоленска польским королём (об этом событии «Повесть книги сия» упоминает несколькими строками ранее). В любом случае, здесь мы имеем уникальный рассказ об особом участии смоленского служилого города во взятии Дмитрова. В третий раз автор упоминает о смолянах в рассказе о свержении царя Василия и о предании его в руки поляков: «Смолняне же о том немало втайне поскорбеша, о царском предании, а пособие учинити не возмogli, понеж на него сетуга быша»²⁴. О том, что смоляне хотели, но не смогли поддержать царя Василия, в других источниках свидетельств нет. Даже созданная смоленским дворянином

²² Шаховской С.И. Летописная книга //Памятники литературы Древней Руси XVI-XVII века. М., 1987. С. 384. (Далее: Шаховской С.И. Летописная книга).

²³ Там же. С. 400.

²⁴ Там же. С. 402.

«Повесть о победах московского государства» обходит этот вопрос стороной. Судя по всему, автор «Повести книги сея» испытывал не вполне объяснимый интерес к смолянам и был с ними каким-то образом связан. Однако этот вопрос требует особого исследования. В любом случае, частое упоминание смолян на страницах «Повести книги сея» говорит о том, что их участие в событиях Смуты оставило заметный след в памяти современников.

Говоря об участии смолян в событиях Смутного времени нельзя не указать на такой важный памятник, как «Новый летописец», который создавался в годы совместного правления Михаила Фёдоровича и патриарха Филарета и отражал официальную точку зрения на события Смуты. Главы о смолянах в этом произведении имеют характер простого изложения событий и содержат важные подробности, которых нет в других источниках. Конкретно смолянам посвящены главы: 133-я «О приходе к Москве смолян и о приезде от воровских людей и рязанцев», 237-я «О приезде смолян к гетману и в походе гетманском», 265-я «О приходе и побое смолян», 273-я «О смольянах и о иных городех». 133-я глава относится к восстанию Болотникова. «Во граде же Смоленске слышаху архиепископ и воеводы и все ратные люди такую настоящую беду над Московским государством, что хотят те воры царя и бояр побити, и возопиша единогласно, поидоша под Москву, выбрав себе старейшину Григорья Полтева. Идучи же грады очистиша, Дорогобуж и Вязьму. Грады же многие слышавшее то, начаша к царю Василию с повинными присылати»²⁵. «Новый летописец», как и другие источники Смутного времени отмечает заслуги смолян в борьбе с Болотниковым. В отличие от записей в «Карамзинском хронографе», в «Новом летописце» показана инициатива самих смолян в организации похода 1606 года и самостоятельный выбор воеводы. В «Новом летописце» упоминаются, не только заслуги смолян, но и кратковременное сотрудничество с польско-литовским войском в 1610-11 годах. Из 237-й главы мы узнаём об отъезде смолян к гетману Жолкевскому сразу после свержения царя Василия²⁶, а в 265 главе король Сигизмунд посылает смолян к Москве против Первого ополчения. Однако в той же главе смоляне поднимают бунт и уходят в Калугу, где присоединяются к подмосковному ополчению²⁷. Глава 273-я, «О смольянах и о иных городех» рассказывает о попытках Первого ополчения наделить смолян поместьями в арзамасском уезде, а вязмичей и дорогобужан в волости Ярополча. Столкновение новых помещиков с крестьянами автор «Нового летописца» объясняет кознями Заруцкого: «После же тово Заруцкий писа, не повеле их слушати, из Ераполча казакам повеле выбити»²⁸. Участие

²⁵ Новый летописец // Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. XIV. С. 72. Далее: Новый летописец.

²⁶ Там же. С. 100.

²⁷ Там же. С. 110.

²⁸ Там же. С. 113.

смолян в Нижегородском ополчении описано в 273 главе, и не содержит новых сведений по сравнению с независимым рассказом «Карамзинского хронографа». Однако в «Новом летописце» отмечается, что смоляне сами отправили челобитчиков в Нижний Новгород с предложением о создании ополчения. Также в «Новом летописце» содержится уникальное известие о подвиге смолян во время Боровского сражения 1618 года: «Только бы не две сотни смоленские, стояху в укрите, и те стояли самовольством, не по воеводцкому велению, и оне бы всех побиша. И те сотни отняша многих людей. Самих же измождение не взя и от них побегоша»²⁹.

Большой интерес представляют отдельные биографические сведения "Нового летописца" о Юрии Потёмкине³⁰, который единственный среди детей боярских избежал гибели и плена после взятия Смоленска в 1611 году, об Иване Довотчикове, который состоял в заговоре против Пожарского³¹, и об Иване Философове, который, по словам «Нового летописца» преувеличил численность гарнизона в Москве и тем самым заставил поляков отступить³².

В связи с этими известиями особый интерес представляет вопрос об источниках, который ставится в работе В.Г. Вовиной-Лебедевой³³. В качестве одного из предполагаемых информаторов о событиях 1612 года в Ярославле и под Москвой называется сам князь Пожарский³⁴. Этот вывод с некоторыми оговорками признает и Я.Г. Солодкин³⁵.

Данная точка зрения не противоречит известным сведениям о смолянах. В частности, рассказ о подвиге Ивана Философова совпадает с пересказом того же события в грамоте Пожарского в Осташков³⁶. На появление летописного рассказа также могла повлиять челобитная самого Философова о пожаловании в московский список в 1627 году³⁷. Героическое поведение Ивана Философова не подтверждается в недавно опубликованном письме ксендза Я. Задзика³⁸. Составителям «Нового летописца», очевидно, не были известны сведения, опровергающие героизм смолянина, а летописный

²⁹ Там же. С. 143.

³⁰ Там же. С. 111, 113, 120.

³¹ Там же. С. 121.

³² Там же. С. 128.

³³ Вовина-Лебедева В.Г. Новый летописец: история текста. СПб., 2004.

³⁴ Там же. С. 305-307, 340-341.

³⁵ Солодкин Я.Г. Очищение Московского государства в изображении «Нового летописца» (о некоторых спорных интерпретациях источника) // Смутное время Московского государства: поиски выхода. К 400-летию «Совета вся земли» в Ярославле. М., 2012. С. 47-50.

³⁶ Грамота князя Пожарского в г. Осташков с известием об освобождении Москвы и созыве земского собора // Сборник Новгородского общества любителей древностей. Вып. V. Новгород, 1911. С. 19-20.

³⁷ Челобитная Ивана Философова о пожаловании его в московские дворяне // Сташевский Е. Очерки по истории царствования Михаила Фёдоровича. Киев, 1913. С. I-II.

³⁸ Эйльбарт Н.В. Смутное время в польских документах государственного архива Швеции. Новосибирск, 2013. С. 325.

рассказ был построен на основе тех же сведений, которые используются в грамоте Пожарского и челобитной самого Философова.

Во всех повествовательных произведениях о Смуте смолянами названы смоленские дворяне и дети боярские. Участие смоленского дворянского ополчения в событиях 1606-1612 годах, как отдельной ратной силы, подтверждается их частым упоминанием в самых разных по происхождению и авторскому замыслу произведениях.

Определенные заслуги смолян в Смуту привели к тому, что в их среде появилась особое произведение о Смуте, которому следует уделить специально внимание в рамках настоящего исследования. Речь идёт о «Повести о победах Московского государства» - одной из многочисленных повестей и сказаний о Смуте. У этого произведения есть характерная черта: в центре рассказа о событиях Смуты стоят смоленские дворяне и дети боярские; вокруг их походов и ратных дел развивается сюжет. «Повесть» прославляет мужество и воинские достоинства смолян, их преданность царю Василию Ивановичу Шуйскому.

«Повесть» была найдена Г.П. Ениным в 1977 году. В 1980 году он же опубликовал её в виде отдельного издания со своей исследовательской статьей³⁹. Уже в этой статье публикатор сделал справедливое предположение, что создателем «Повести» был смоленский дворянин⁴⁰. Он же высказал мнение, что к авторству «Повести» мог иметь отношение фигурирующий в ней Афанасий Логинович Варишкин, который в других источниках того времени не упоминается⁴¹. «Повесть о победах» очень живо передаёт встречу Афанасия Логиновича с царём Василием. Встреча эта происходила в октябре или ноябре 1609 года, после взятия Александровской слободы. «Тогда же боярин князь Михайло Васильевич, видевше велию помощь Божию и одоление на государевы неприятели, скоро посылает со многою радостью к царю Василию Ивановичу всяя России в царствующий град Москву Афанасия Логиновича Варишкина, а с ним посылает выборных и честных и верных дворян, из многих городов лутчих людей, и немецких многих, и русских многих пехотных людей и з большим обозом со многими запасы на утверждение царствующему граду и осадным людям, дабы скорым приходом к Москве проити. И бысть царствующему граду Москве радость велия. Тогда государь царь в соборней и апостольстей церкви слушав молебныя пения и многу хвалу всесильному Богу воздав, и с радостью до своих царских палат возвратися, и Афанасия Логиновича и посланных с ним дворян от полку князя Михаила Васильевича государь много жаловал и

³⁹ Повесть о победах Московского государства/Подг. Г.П. Енина. Л., Наука. 1982.

⁴⁰ Там же. С. 97-99.

⁴¹ Там же. С. 101.

службу их многою похвалою похвалял, и поместья им и отчины жаловал по своему царскому милосердому рассмотрению и по природе, кто которой чести достоин»⁴².

Среди фамилий смоленских дворян, которые указаны в Смоленской десятне 1605/06 г., фамилии Варишкин нет⁴³. Это можно объяснить тем, что «Повесть о победах» дошла до нас в единственном позднем списке XVIII в. (РО РНБ. Собрание Погодина. № 1501). Фамилия «Варишкин» в этом списке встречается только один раз и могла появиться из-за ошибки переписчика. В десятне 1605/06 г. наибольшее сходство с упомянутым персонажем по имени и фамилии имеет Афанасий Деревня Лонского сын Вараксин⁴⁴. Для того чтобы уточнить факты его биографии и сопричастность событиям «Повести» родословной мы обратились к росписи Вараксиных XVII века⁴⁵.

Родословная роспись Вараксиных представляет интерес по многим причинам. Прежде всего, она, одна из немногих, сохранилась в подлиннике конца XVII века, в то время как большинство подобных документов дошло до нас в списках XVIII века в виде справочных материалов в книгах Герольдмейстерской конторы.

Ценность Родословия Вараксиных состоит и в том, что оно подтверждает тождество Афанасия-Деревни Вараксина и Афанасия Логиновича «Варишкина» из «Повести о победах». Вот отрывок из Родословия о нем и его братьях (здесь и далее курсив автора диссертации – А.М.):

«А у Лонсков<a><Д>мит<r>евича дети: Иван, да Василей, да Прохор, Домашней Логинович бездетен, да *Афонасей Деревня Логинович*, да Александр бездетен, да Тимофей бездетен. У Ивана Логиновича сын Прокофей, у Василья Логиновича дети Матфей, да Данило, убит в Смоленское взятие, да Тимофей. А Офонасей Деревня Логинович при царе и великом князе Василии Ивановиче из Александровы <C>лободы *от боярина князь Михайла Васильевича Шуйского Скотина с полком служивыми с русскими и с немецкими всякими людьми и з запасы скроз польские полки к Москве прошел. И во всё московское очищение и на многих боях был. Под Болховым был на бою ранен и в полон взят в Польшу. И другоредь под Боровском после того на бою взят в Польшу ранен же. И на посольстве в Вязьме з боярином с Федором Ивановичем Шереметевым на розмене был. И от ран умре»⁴⁶.*

⁴² Там же. С. 12-13.

⁴³ Десятня 7114 года по Смоленску // Мальцев В.П. Борьба за Смоленск в XVI-XVII вв. Смоленск, 1940. С. 364-393.

⁴⁴ Там же. С. 374.

⁴⁵ Род Вараксиных //РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. Родословные росписи поданные в палату Родословных дел по случаю отмены местничества. Часть 2. № 40.

⁴⁶ Там же. Л. 2.

Сведения из выделенного фрагмента родословной росписи совпадают с данными «Повести о победах Московского государства». Сравнение родословия и других источников помогают нам уточнить биографию человека, который, предположительно, имел какое-то отношение к созданию «Повести о победах Московского государства».

Афанасий Вараксин был поверстан новичьим окладом в 1604 году, а его старший брат, Прохор Домашний был записан в десятню новиков 1596 г. («Домачней Лансково сын Вараксин»)⁴⁷. Это говорит нам о молодости самого Деревни Афанасия к началу Смутного времени.

В десятню 1605/06 года записаны четыре из шести сыновей Логина-Лонского: Василий Лонского (дворовый с окладом 450 четей), Афанасий Лонского (городовой, верстания 1604 года, оклад 400 четей), Александр (новик, 300 четей) и Тимошка (новик, 250 четей)⁴⁸. Старшинство братьев по Родословной соответствует чиновному старшинству по десятне. Отчество у всех четверых по отцовскому прозвищу – Лонсково (в списке десятни встречаются варианты Ласково, Полсково). Именно из-за разного написания отчеств (по имени и по прозвищу отца) долгое время не удавалось сопоставить Афанасия Логиновича и Афанасия Лонского сына.

Некоторые источники об Афанасии Логиновиче, его братьях и детях, относятся уже ко времени после Смуты. В расходной книге Устюжской четверти 1619/1620 г. указан годовой четвертной оклад Деревни Вараксина в 29 рублей. Его брат Александр в тот же год получил 23 рубля⁴⁹. Сведения о поместье Вараксина удалось обнаружить в писцовой книге боровского уезда 137-138 года: «За Иваном да за Федором Деревниными детьми Вараксина купленная вотчина, что отец их купил у брата своего у Данилы Вараксина. <...> Дана Данилу за царя Васильево осадное сидение»⁵⁰. Ко времени составления писцовой книги (1629-30 год) Афанасий Логинович скончался от ран, а его вотчина перешла к детям. Родословие говорит, что Афанасий Деревня был ранен и уведён в плен в двух битвах: под Болховом (апрель 1608 года) и под Боровском (июнь 1618 года). Из-за

⁴⁷ Десятня новиков, поверстанных в 1596 году // Известия русского генеалогического общества. СПб., 1909. Вып. 3. С. 183.

⁴⁸ Десятня 7114 года по Смоленску С. 368, 374, 385, 388

⁴⁹ Приходно-расходные книги московских приказов 1619-1621 гг. М., 1982. С. 151, 153

⁵⁰ Список с писцовой книги Боровского уезда письма и меры Василия Кольчева 137 и 138 гг. //РГАДА. Ф. 1209. Поместный приказ. Кн. 10326.Л. 410 об. Брат Афанасия, вероятно двоюродный, Д.Ф. Вараксин, ещё владел этой вотчиной в 1613 году. Известно её писцовое описание: «За Данилом Федоровым сыном Вараксина в вотчине пол селца Литвиновского на речке на Выпрейке да на речке на Хвасце, а на его половину пашни паханные вотчинниковы пол-осьмины, да по речке по Выпрейке на берегу луг сена пять копен, да Онтоньевская на речке, на Пустынке, а в ней пашни паханные крестьянские пол-осьмины, да пустошь Лукьяновская, Чайкина тож Фотьяновская, да четверть деревни Окулово Нижняя, Холопова, Неронова, Воротынцева, Головинская, пашни перелогом и лесом поросло девяносто девять чети с осьминою в поле, а в дву потому ж, а дана та вотчина Данилу при государе царе и великом князе Михаиле Федоровича всея Руси за московское осадное сидение из его окладу с пятисот чети». (Дозор Боровского уезда //Боровский уезд в XVII веке. Подготовил С. Ермолаев. М., 1982. С. 93)

сходства названий городов и дат сражений, может показаться, что составитель Родословие продублировал одно событие. Однако двойное пленение Деревни Вараксина подтверждается документами разрядного приказа Московского государства. Сын Афанасия Фёдор в 1643 и 1644 году подал челобитную о службах отца: «Служу я, холоп твой государев, 9-й год, а поместным окладом не верстан. А отец мой тебе государь служил многие твои государевы службы и на многих боях кровь проливал за тебя, государя, многожды был ранен и *в полону дважды был*. За тебя, государя, живот свой мучил, от раной болезни скорбя, умер. А поместный оклад отцу моему был восемьсот четвертей, да денежного твоего государева жалованья из чети 34 рубля»⁵¹.

За службы своего отца Фёдор просил «поверстать из отца моего поместного окладу поместным окладом и денежным жалованьем». Помета приказного стола гласила: «В смоленской разборной десятне у разбору в Ярославле князя Дмитрия Тимофеевича Трубецкого, да дьяка Марка Поздеева 130 году написано: Дворовый 750 четей из чети 34 рубля Деревня Логинов сын Вараксин. А в челобитной Фёдора Деревнина сына Вараксина написано: отец-де ево служил прежним государям и государю царю и великому князю Михаилу Фёдоровичу всея Руси по Смоленску много лет и на боях ранен бывал многожды. И *в полону был дважды*, и при царе Василии Ивановиче на Москве сидел в осаде. И всякую полонскую и осадную нужду терпел и умер лет с 15. А он, Фёдор, после отца своего службу служит 9-й год, и в прошлом во 146 и во 147 и 149 и во 150 году был на государеве службе в Туле, а с Тулы в 151 году послан в Ливны. И на бою с татары бился, а государевым поместным окладом и денежным жалованьем не верстан»⁵².

Челобитная подтверждает, что Афанасий Вараксин умер в 1629 или 1628 году от боевых ран. Но в 1622 году он продолжал служить в чине дворового, а его четвертное жалование между 1619 и 1622 годами повысилось на 5 рублей.

Родословие называет ещё одну службу Деревни Вараксина: обмен пленными в Вязме в 1619 году (именно тогда в Россию вернулись патриарх Филарет, воевода М.Б. Шеин и др.). «Повесть о победах» также выделяет это событие и даже уверяет, что именно тогда, а не годом ранее в Деулине, был подписан договор о перемирии с поляками⁵³. Эту особенность «Повести» отмечает Г.П. Енин: «Деулинский договор осмысливается лишь как предварительное соглашение накануне переговоров «больших послов» под Вязьмой. На самом деле именно в Деулине, был заключен договор о перемирии на 14 с половиной лет, решён сложный вопрос о пограничных территориях, выработаны условия обмена

⁵¹ Челобитная Федора Вараксина о верстании //РГАДА. Ф. 210. Столбцы приказного стола № 60. Л. 502.

⁵² Там же. Л. 503.

⁵³ Повесть о победах Московского государства. С. 38

пленными. <...> Под Вязьму в марте-июне 1619 г. послы съехались уже для выполнений подписанного в Деулине договора: для обмена пленными, передачи и принятия, отходивших к Польше русских городов и решения незначительных порубежных споров»⁵⁴. Вряд ли был простым совпадением тот факт, что Афанасий Вараксин участвовал в размене пленными в Вязьме, и что этот же размен в «Повести» по значимости поставлен выше Деулинского перемирия. Поэтому причастность Афанасия Вараксина к созданию «Повести» подтверждается не одним, а двумя эпизодами из этого литературного произведения. Безусловно, что «Повесть о победах Московского государства» открыта для дальнейших литературоведческих исследований, которые позволят прояснить процесс её создания. Но всё же нужно сделать замечания относительно её заголовка. Можно предположить, что заголовок принадлежит автору, но был искажён переписчиком XVIII века, а первоначально в нем говорилось не о «победах», а о «бедах». Предположение об ошибке переписчика опирается на ряд аргументов.

Если читать заглавие, как «Повесть о бедах», оно перестаёт быть уникальным в среде близких памятников литературы. В составе Псковской летописи по списку Оболенского сохранилась повесть о смутах в Пскове. У этой повести есть "Предисловие" где кратко пересказаны события Смуты. Сравним заголовок этого «Предисловия» с полным заголовком «Повести о победах».

<p>Полный заголовок «Повести о победах Московского государства»⁵⁵.</p>	<p>Полный заголовок повести о Смутном времени из псковской летописи по списку Оболенского⁵⁶.</p>
<p>Повесть известна, о победах Московского государства, колики напасти подьяша за умножение грех наших от междоусобных брани, от поганых ляхов и от литвы и от русских воров, и како от толиких зол избавил ны всемилостивый Господь Бог наш своим человеколюбием и молитвами Пречистыя</p>	<p>Предисловие о бедах и скорбех и напастех, иже бысть в велицей России Божиим наказанием грех ради наших, на последок днии осмаго века, а в начале второсотного лета, и како и откуда начашася сия злая быти, многая кровопролития и неповинным человекам великим и малым горкия муки от царей,</p>

⁵⁴ Там же. С. 153.

⁵⁵ Повесть о победах Московского государства. С. 7.

⁵⁶ Псковские летописи. Вып. 1. // Полное собрание русских летописей. М., 2003. Т. V. С. 122.

<p>Его Матери и всех ради святых обращая нас в первое достояние своим человеколюбием. Написано вкратце.</p>	<p>по том же и междуособныя брани нашествие поганных Агарян и Латын и своих злых и нечестивых и скверных ругателей и убиец русских воров на всю Русскую землю.</p>
---	--

Заглавие «Повести» Афанасия Вараксина имеет более оптимистичную концовку, в нем нет указаний на время событий и ничего не сказано про «горкия муки от царей». Внешние враги России в «Предисловии» перечислены подробнее, в их числе даже названы агаряне, т.е. мусульмане. И всё же сходство в названии обоих сочинений больше, а начало у них синонимично по структуре и по лексике.

Такая же лексическая и смысловая взаимосвязь с заголовком видна в заключительной части «Повести»: «Мы же, видевше велию милость Божию, *толикое* к нам милосердие вседержителя Бога, имуще и у себе от Бога дарованного государя царя и великого князя Михаила Фёдоровича всея России премудра и разумна, благочестива и милосердна, и *толикое* нам от бед освобождение, от многия напасти и ратии междуособныя брани, и от многого разорения избавление, видевше от человеколюбца Бога многую свободу от толиких бед наших, вопием к нему, сице рекуще». Далее следует текст молитвы, в начале которой вновь говорится "и от *толиких бед* избавивый нас премногим своим милосердием *и человеколюбием*"; и ниже вновь: "и свобождая Московское государство от всех *бед*"⁵⁷.

По всей видимости, заголовок «Повести» носил более традиционный характер и её автор не имел намерения создать хвалебное произведение о «победах» смоленских дворян. Повесть заканчивается событиями 1626 года (принесение в Москву Ризы Христа). Предположение об авторстве Афанасии Вараксина указывает на время её создания между 1626 и 1629 годами.

Кроме русских Повестей и сказаний в настоящем исследовании были привлечены сведения из иностранных источников. В основном это письма, дневники или воспоминания поляков – участников Смуты. В работе использовались те источники, которые позволяют уточнить отдельные детали событий, в которых участвовали смоляне. Так, в сочинении участника тушинского движения Мархоцкого содержатся сведения об отряде смолян, сопровождавшем Марину Мнишек и её отца летом 1608 года⁵⁸.

⁵⁷ Там же. С. 41.

⁵⁸ Мархоцкий. Н. История московской войны. М.: РОССПЭН, 2000. С. 45.

В некоторых источниках можно обнаружить важные подробности о контактах смоленских дворян с польско-литовском войском короля Сигизмунда.

«Записки гетмана Жолкевского о Московской войне»⁵⁹ содержат сведения о походе короля Сигизмунда в Россию в 1609-11 году. Особое внимание в них уделяется деятельности автора записок, который писал о себе в третьем лице. Жолкевский подробно изложил события лета 1610 года: разгром русского войска под Клушиным, капитуляцию острога Валуева (в отряде которого были смоляне), свой поход к Москве и налаживание контактов со смоленскими дворянами после свержения Василия Шуйского. Из рассказа гетмана можно почерпнуть важные подробности о поддержке смолянами кандидатуры Владислава в 1610 году.

Другим важным источником является походный дневник короля Сигизмунда, который вели его секретари в 1609-11 годах⁶⁰. Большая часть этого дневника посвящена обороне Смоленска в 1609-11 годах. Из него мы узнаем некоторые подробности о деятельности смолян – сторонников царя Владислава в 1609-11 годах.

Недавняя публикация Н.В. Эйльбарт позволила познакомиться с таким важным источником, как письма ксендза Якуба Задзика своему покровителю канцлеру Гембицкому⁶¹. В своих письмах Я. Задзик излагает события, очевидцем и участником которых он был: смоленской обороны 1609-11 года и похода Сигизмунда на Москву в ноябре-декабре 1612 года. Из этого источника можно получить новые подробности о контактах короля Сигизмунда и его окружения с теми смоленскими дворянами, которые планировали возвести на русский престол королевича Владислава.

В результате, в нашем распоряжении имеется целый комплекс русских и польских повествовательных источников, которые освещают различные стороны деятельности смолян в Смутное время.

Документальные источники. Для изучения истории Смоленского служилого города используются самые разные материалы приказной документации Московского государства. Некоторые из них не имеют прямой связи со Смоленском. История переселения смоленских родов частично отразилась в Тысячной книге и дворовой тетради⁶².

В годы Смуты смоляне представители смоленского дворянства только начинают появляться в составе двора, поэтому в боярских списках этого периода сведений о карьере

⁵⁹ Записки гетмана Жолкевского о Московской войне. СПб., 1871.

⁶⁰ Дневник похода на Москву короля Сигизмунда III //Русская историческая библиотека. СПб., 1872. Т. I.

⁶¹ Письма Я. Задзика Л. Гембицкому //Эйльбарт Н.В. Смутное время в польских документах государственного архива Швеции. Новосибирск, 2013. С. 255-256.

⁶² Тысячная книга 1550 г. Дворовая тетрадь пятидесятих годов XVI века. М.; Л., 1950.

смолян сравнительно немного⁶³. Однако боярские книги и боярские списки имеют большое значение для изучения положения смоленских дворян по итогам Смутного времени⁶⁴. Например, в боярском списке 1626 года присутствует значительное количество выборных дворян по Смоленску. Там же можно отметить бывших смолян среди дворян московских и среди других московских чинов.

Изучение смоленского дворянства в Смуту требует обращения к источникам более раннего времени. Для истории Смоленска в XVI веке исключительный интерес представляют материалы Посольского приказа – дипломатические сношения с Литвой⁶⁵. В посольских книгах отразились сведения о службе представителей смоленского гарнизона в качестве «приставов» у послов из Литвы, Речи Посполитой и Священной Римской империи. По этим данным можно проследить этапы создания служилого города, службу отдельных родов и т.д. После утраты смоленского уезда в Смутное время активное участие смоленских дворян в посольских сношениях прекращается.

Сохранилось сравнительно немного смоленских актов и документов, созданных до Смутного времени. В их числе можно выделить крестоприводную книгу 1598 года, которую составили во время присяги Борису Годунову⁶⁶. От этой книги сохранился фрагмент, где переписана часть посадских людей, а также 4 стрелецких приказа. Собственно для истории смоленского дворянства в Смуту имеет значение только список стрелецких голов и сотников, по которому можно судить о распределении должностей среди смоленских дворян.

Местные смоленские материалы за Смутное время были опубликованы Ю.В. Готье под заголовком «Памятники обороны Смоленска». Это грамоты, которые были вывезены

⁶³ Станиславский С.Л. Труды по истории Государева двора XVI-XVII вв. М., 2004.

⁶⁴ Подлинный боярский список 1626 г. //Единорог. Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и раннего Нового времени. М., 2014. Вып. 3. С. 350-439.

⁶⁵ Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 35: Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. 1. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством в царствование Великого Князя Ивана Васильевича. Ч. 1 (годы с 1487 по 1533). СПб., 1882. (Далее: Сб. РИО. Т. 35); Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 59: Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. 5. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством, Ч. 2 (годы с 1533 по 1560) СПб., 1887. (Далее: Сб. РИО. Т. 59); Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 71: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством, часть 3-я (годы с 1560 по 1570): Т. 3. СПб., 1892. (Далее: Сб. РИО. Т. 71); Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 137: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-литовским государством: Т. 4 СПб., 1912. (Далее: Сб. РИО. Т. 137); Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 142: Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством: Т. 5 СПб., 1913. (Далее: Сб. РИО. Т. 142).

⁶⁶ Крестоприводная книга г. Смоленска 1598 г. //Источники по истории русского языка. М., 1978. С. 136-166.

в Польшу после взятия смоленской крепости в 1611 году. Самые ранние из них датируются 1605 г. (т.н. «дело о шатости в Смоленских людях при первом Лжедмитрии»), самые поздние – апрелем 1611 года. Во время польско-шведской войны 1656-58 годов эти документы были вывезены в Швецию и хранились в Ску-Клостерском замке братьев Брагге, где их обнаружил и частично приобрёл археограф В.П. Соловьёв, который также приобрел в Швеции большую коллекцию новгородских документов периода шведской оккупации. Некоторые акты были опубликованы В.П. Соловьёвым во II томе актов исторических⁶⁷. Значительную часть смоленских актов из шведского архива в 1912 опубликовал Ю.В. Готьё⁶⁸. Большая часть этих актов посвящена смоленской обороне 1609-11 гг. Коллекция смоленских актов содержит важные биографические сведения о смолянах – участниках Смутного времени.

В период царствования первых Романовых количество источников по истории Смоленского служилого города значительно возрастает. Главная особенность данного периода заключается в том, что смоляне, дорогобужане, беляне и вязмичи после утраты своих поместий получили земли в других уездах. Но при этом как служилые города они сохраняли единство и независимость: их разбирали отдельно от суздальцев, угличан или рязанцев. Собрать с разных краёв России весь город было нелегко, и вместо одной общей смоленской или вяземской десяти составляли несколько, на два-три служилых города в каждом регионе. Так, в десятине 1621 года записаны смоляне, дорогобужане и вязмичи – помещики суздальские, касимовские, гороховецкие и других центральных уездов. Воевода князю Хованскому и дьяк Василий Юдин собрали сведения о службе 20 смолян, 25 вязмичей и 30 дорогобужан⁶⁹. Географический разброс увеличивает ценность такого источника, как писцовые книги, хотя весь материал в рамках общего исследования охватить трудно: смоляне селились в 10 регионах Поволжья, русского севера, Рязанских и северо-восточных землях.

Существенное значение для понимания итогов Смутного времени для смоленского служилого города имеет подлинный боярский список 1626 года⁷⁰. Некоторые материалы разрядного приказа сохранились в виде частных списков из личных архивов. Важным источником для нашего исследования являются списки разрядных записи за Смутное

⁶⁷ Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1841. Т. II. (Далее: Акты исторические. Т. II.). Акты №№ 93, 96, 140, 146-148, 152, 169, 174, 186, 188, 192, 194, 199, 202, 207, 211, 217-220, 232, 233, 243-246, 254, 259, 260, 262, 264-268, 282-284, 301, 321, 324-325, 353, 354

⁶⁸ Памятники обороны Смоленска 1609-1611 гг. Под ред. Ю.В. Готьё. М., 1912. (Далее: Памятники обороны Смоленска).

⁶⁹ Разборная «десятина розных городов смолян, вязмичей, дорогобужан» 1622 года //РГАДА. Ф. 210 Разрядный приказ. Оп. 4 Дела десятиен. №18. Далее: Разборная «десятина розных городов смолян, вязмичей, дорогобужан» 1622 года.

⁷⁰ Подлинный боярский список 1626 г. //Единорог. Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и раннего Нового времени. М., 2014. Вып. 3. С. 350-439.

время⁷¹. Дополнительные сведения о службе смолян содержатся в поздних челобитных – таких, как уже упомянутые челобитная Ф.А. Варакина, И.И. Философова, а также две челобитные П.В. Дернова 1649 г., в которых он описывает свою службу в годы восстания Болотникова⁷². Данные о пожалованиях смоленских дворян за различные службы в годы смуты содержатся в приходно-расходных книгах Устюжской и Галицкой четвертей (территориальных финансовых приказов)⁷³. Четвертное жалование увеличивалось за особые заслуги перед государем и потому в этом источнике содержится важная информация о боевом пути смолян. В опубликованных книгах сохранились сведения о денежных придачах за 1609-1619 годы.

В числе документов по истории Смуты особое значение имеют источники польского происхождения. Из них можно узнать о деятельности смолян- сторонников кандидатуры королевича Владислава на русский престол. Для настоящей работы привлекались сведения о земельных пожалованиях короля Сигизмунда под Смоленском⁷⁴. Кроме того, удалось привлечь два архивных документа из коллекции польского магнатского рода Радзивиллов: список смолян – сторонников Владислава, составленный Жолкевским⁷⁵.

Среди источников следует особо отметить две смоленские «десятни», которые сохранились в списках XVIII века. Они были опубликованы, как десятни 1574 и 1606 годов⁷⁶.

По происхождению смоленские «десятни» отличаются от большинства десятен. Они сохранились не в архиве разрядного приказа, а в рукописных сборниках из дворянских семейных архивов. Это обстоятельство сильно снижает достоверность сведений, которые можно почерпнуть из этих документов. Если десятни из разрядного приказа это подлинные документы или точные копии, то частные сборники составлялись

⁷¹ Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время. (7113–7122 гг.). М., 1907.

⁷² Челобитные смоленского помещика - участника похода против Болотникова //Исторический архив. М.; Л., 1953. Т. VIII. С. 65-66. (Далее: Челобитные смоленского помещика - участника похода против Болотникова).

⁷³ Кормленная книга костромской чети. СПб., 1894. Сухотин Л.М. Четвертики Смутного времени. (1604-1617). М., 1912. Расходная книга Устюжской четверти 1619/1620 г. //Приходно-расходные книги Московских приказов 1619-1621 гг. С. 142-164 (Далее: Расходная книга Устюжской четверти 1619/20 г.).

⁷⁴ Реестр пожалований короля Сигизмунда на поместья 1610-1613 гг. //Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные археографической комиссией. СПб., 1848. Т. IV. (Далее: Акты Западной России. Т. IV.) С. 320-427; Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе. 1610-1611 гг. / Под ред. члена-соревнователя Л. М. Сухотина. М., 1912.

⁷⁵ Челобитная смоленских дворян королю Сигизмунду с просьбой отпустить королевича Владислава на Российский престол //AGAD. Dz 2. Archiwum Radziwiłłów. Suppl. 250.Список думных людей и дворян, отправленных гетманом Жолкевским в лагерь под Смоленск к королю Сигизмунду //AGAD. Dz 2. Archiwum Radziwiłłów. Suppl. 252. За предоставление данных материалов выражаем искреннюю признательность польскому исследователю Анджею Харатыму (Варшава).

⁷⁶ Десятня 7082 года по Смоленску //Летопись историко-родословного общества в Москве. 1913. Вып. 1-2. С. 71-82; Десятня 7114 года по Смоленску. С. 364-393.

в начале XVIII века. Их переписывали для своих нужд дворяне и дети боярские не могли обладать тем профессионализмом, который годами вырабатывался у разрядных дьяков. Кроме того, в XVIII веке многие фамилии и явления уже забылись. Поэтому при переписке «десятен» в документ вкрадывались ошибки. Однако обе смоленские «десятни» сохранились в нескольких списках, и потому у нас есть возможность сопоставлять разночтения. В сомнительных случаях есть возможность привлекать источники одного времени с составлением десятен.

Особенно сложным для изучения документом является первая смоленская «десятня», которая в заголовке датирована 7082 годом. Во всех её списках мы находим недостоверные сведения и сознательные подновления. При этом не только в подлинных документах из архива Разрядного приказа, но и в других поздних списках – десятне 1605/06 года и десятне новиков 1596 года – подобного рода недостоверных сведений нет. Поэтому по отношению к ней термин «десятня» разумно употреблять в кавычках.

История публикации этого комплекса смоленских десятин началась в 1912, когда член Новгородского историко-родословного общества Н. Муравьев опубликовал в «Летописи историко-родословного общества» в документ под заголовком «Разборная десятня 1574 года по Смоленску». Заголовок документа напоминает заголовки десятен: «Лета 7082 году по указу Великого государя и великого князя Федора Ивановича всея России самодержца, боярин Борис Васильевич Шеин, да окольный князь Федор Васильевич Елецкий, да дьяки Сеит Немиров, да Федор Кунаков отписали и разобрали в Смоленску дворян изведенцев и городов туточных уроженцев порознь, по десятням, и поместный оклад и денежную придачу учинили. А что кому учинено и то писано ниже того, по статьям»⁷⁷. Всего в десятне записано 519 человек. Они поделены на чины: выбор (70 человек), дворовых (150) и городских детей боярских (299); а также на 7 статей поместного и денежного оклада. Кроме того они поделены на десятки (десятни), всего 52 десятка на 519 человек (один, по-видимому, пропущен). Напротив имени каждого помещика указано его происхождения. Если он происходит из детей боярских, то сказано, из какого города он был переведен, если он из другого сословия то указано из какого (попов, сын, сын дьяка, монастырского слуги или затинщика). Против некоторых стоит помета – «земец». В конце документа два содержаться два перечня «того ж разбору, хто был у стрельцов в Смоленску головы», включает 4 стрелецких голов и 28 сотников, и «список того ж разбору Смоленским недорослям», включает 79 человек⁷⁸.

⁷⁷ Муравьев Н.М. Десятня 7082 года по Смоленску //Летопись историко-родословного общества в Москве. Вып. 1-2 за 1913. С. 71-82.

⁷⁸ Там же. С. 80-82.

Н.М. Муравьев привел к своему исследованию статью, в которой указал, что она дошла до нас в списке начала XVIII века⁷⁹. Эту статью критически разобрал историк Л.М. Сухотин, который в свою очередь обнаружил в коллекции Вахромеева другой список той же десяти⁸⁰. Обоим спискам он дал характеристику: «Список, опубликованный Муравьевым, извлечен им из рукописного сборника начала XVIII в., принадлежавшего жившему в первой четверти XVIII в., И.Б. Мякину, помещику Белозерской половины Водской пятины. В сборнике этом, кроме памятных записок Мякина и некоторых материалов, имеющих связь с его служебной деятельностью, записана родословная Мякинних, с приложением «случаев», по видимому, сомнительной достоверности»⁸¹. Сам Л.М. Сухотин обнаружил ещё один список десяти начала XVIII века, в сборнике из собрания Вахромеева №135. «принадлежавшем, как кажется, Сергею Власьеву (Власьевы – помещики пошехонские и отчасти Вологодские) и содержащем: выписки из летописца, родословца, новгородской Поганой книги, выписки из разрядных книг «случаев» фамилии Наумовых, и некоторые другие списки: список исследуемой десяти, список десяти смолян 1606 года, список новгородских и пошехонских помещиков – смолян, белян и дорогобужан около 1622 года, такой же список около 1637 года, и, наконец, список смолян, вязьмичей и можайчей – помещиков и вотчинников вологодских, пошехонских и белозерских, бывших на смотре у князя Тюфякина в 1679 или 1680 году»⁸². В результате, изысканий Л.М. Сухотина была впервые обнаружена «десяти смолян 1606 года»⁸³. Кроме того, Сухотин первый обратил внимание на противоречие в тексте обоих списков «десяти» 1574 года. Дата в заголовке не соответствует времени правления Федора Ивановича. Борис Васильевич Шеин к моменту своей гибели был окольничим. Разделение на выборных, дворовых и городских детей боярских соотносится почти как 4/2/1 (300/150/70) и по этой причине не может быть достоверным – Л.М. Сухотин считал разделение на чины позднейшим⁸⁴. Поскольку в десяти указано, из каких городов приведены смоляне, Сухотин сверил их имена и фамилии с известными ему десятиями и писцовыми книгами этих городов за последнюю треть XVI века. Сходство обнаружилось только по фамилиям. На этом основании Л.М. Сухотин утверждал, что десяти составлена

⁷⁹ Там же. С. 68-71.

⁸⁰ Сухотин Л.М. О списке смоленской десяти XVI в. //Журнал министерства народного просвещения за декабрь 1914 года. С. 257-264.

⁸¹ Там же. С. 257.

⁸² Там же. С. 258.

⁸³ Правильнее говорить – десятиа 1605/06, поскольку год тогда длился сентября по август и временем её составления может быть и 1605 и 1606 год. Также и десятию 7082 года при всей условности датировки удобно называть десятией 1573/74 г.

⁸⁴ Сухотин Л.М. О списке смоленской десяти XVI в. С. 259-260.

не раньше 60-х гг. XVI века⁸⁵. Из статьи остаётся неясными ряд моментов, в частности — дата «7082 год» в заголовке. Сам Сухотин признал документ незаменимым источником по «истории колонизации западно-русских земель» и видел в своей работе лишь предварительные наблюдения к будущему большому труду по истории смоленского края в XVI веке⁸⁶.

Ещё один список смоленских десятен «7082» и «7114» годов был обнаружен В.П. Мальцевым в рукописном отделе смоленской городской библиотеки⁸⁷. По этому списку им была опубликована «десятня 1606 года по Смоленску»⁸⁸.

В результате имеется три сборника:

Сборник Мякина начала XVIII, содержащий первую смоленскую десятню, датированную 7082 годом. Она была опубликована Н.М. Муравьёвым по этому списку.

Сборник Власьева (№136 из собрания Вахромеева). Содержит десятню 82 и 114 годов, а также ряд других списков дворян и детей боярских. Этот сборник не только самый полный по составу смоленских документов, но и наиболее достоверный, однако ни один документ из него не был опубликован.

Сборник, найденный В.П. Мальцевым содержащий «десятни» 7082 и 7114 годов. Вторая смоленская десятня была опубликована Мальцевым в его книге.

В.П. Мальцев предложил названия списков десятен, которые используются до настоящего времени. Список, который опубликовал Муравьев, он называл «Муравьевский», а для списков десятен из Вахромеевского сборника Мальцев применяет название «Вахромеевский список»⁸⁹. Все эти термины следует признать устоявшимися в историографии. Списки обоих десятен, найденных Мальцевым, можно назвать «мальцевскими». В настоящее время местонахождение муравьёвского списка неизвестно, мальцевский список, по словам самого Мальцева, погиб во времена оккупации Смоленска в 1941-43 гг., Вахромеевский список хранится в Отделе письменных источниках Государственного исторического музея под номером 135.

Относительно происхождения «десятни» 7082 (1574) года, сравнительно недавно появилась версия историка М.М. Бенцианова. Бенцианов указал, что наиболее достоверные имена и фамилии в этом источнике упоминаются в Смоленске с 1590-х по 1600-е годы (в частности Воин Битяговский убит под Тулой в 1607 году). В результате Бенцианов предположил, что десятня была составлена в 1606-07 годах вскоре после

⁸⁵ Там же. С. 262.

⁸⁶ Там же. С. 264.

⁸⁷ Мальцев В.П. Борьба за Смоленск в XVI-XVII вв. С. 145.

⁸⁸ Десятня 7114 года по Смоленску // Мальцев В.П. Борьба за Смоленск в XVI-XVII вв. С. 364-393.

⁸⁹ Там же. С. 68-69, 146-147.

«десятни 7114 года»⁹⁰. На наш взгляд, в истории смоленского служилого города нет прямых подтверждений о каком-либо дополнительном разборе 1607 года, равно как и причина подобного разбора не вполне очевидна.

Происхождение «десятни 7114 года», опубликованной по мальцевскому списку тесно связано с событиями истории смоленского служилого города в 1605/06 году, и потому этот источник следует особо рассмотреть в отдельной главе.

Десятня новиков 1596 года, опубликованная Н.П. Лихачевым, также сохранилась в одном из родословных сборников XVIII века. Её заголовок «Лета 104 году апреля в _ день (дата пропущена в тексте – А.М.) по государеву, цареву и великого князя приказу, бояре князь Тимофей Романович Трубецкой, да князь Иван Федорович Хворостинин да дьяки Андрей Татьянаин, да Филлип Голенищев верстали государевым царевым и великого князя всея России жалованием поместным окладом детей боярских новиков всех городов московския и новгородския земли неслужилых, беспоместных от отцев детей и от братьев братью и от дядей племянников, выпрашивая про них тех городов детей боярских. А что кому учинен поместный оклад и то писано в той десятне ниже сего»⁹¹. Среди «всех городов» упоминается и Смоленск. В перечне смолян выделены две статьи – дети боярские и земцы. При публикации Н.П. Лихачев отметил, что при копировании «список сверен с оригиналом, в настоящее время утраченном; по сверке сделаны исправления описок и вставки пропущенных имен. Кое-где приписаны целые строки, пропущенные переписчиком. Несмотря на поверку копий, нельзя не отметить, что чтение некоторых фамилий сомнительно»⁹². Знакомство с подразделом десятни под заголовком «Смоленск» свидетельствует, что часть фамилий дошла до нас в искаженном варианте, но большинство имен и фамилий смолян можно обнаружить в различных источниках Смутного времени. Так в десятне упомянут «Доманчей Вараксин» – Прохор “Домашний”, Вараксин, старший брат уже упомянутого Афанасия “Деревни” Вараксина. Список новиков позволяет уточнить сведения о начале службы некоторых смолян – участников событий Смуты начала XVII века.

К позднейшим спискам смоленских дворян принадлежит и так называемый «список 100-го году» который сохранился в нескольких сборниках вместе с тысячной книгой и дворовой тетрадью (в полном виде он сохранился только в составе т.н.

⁹⁰ Бенцианов М.М. Смоленская «десятня 1574» и формирование смоленской служилой корпорации. //Смутное время в России: конфликт или диалог культур? Материалы научной конференции. Санкт-Петербург. 12-14 октября 2012 года. СПб., С. 15-18.

⁹¹Десятня новиков поверстанных в 1596 г. //Известия Русского генеалогического общества. Вып. IV. СПб., 1911. С. 186-198. Далее: Десятня новиков 1596 г.

⁹² Там же. С. 187.

«никифоровского списка» 60-х годов XVIII века).⁹³ В этом списке перечислены дворовые и городовые дети боярские некоторых служилых городов в 1592 году, в частности в нем есть подраздел: «дети боярские архиепископа смоленского»⁹⁴. Сопоставление имен их этого подраздела с именами в десятне 1605/06 года позволяет глубже изучить обновление состава смоленского служилого города за счет верстания детей боярских смоленского архиепископа.

Для изучения истории смоленского служилого города в настоящей работе привлекались родословные росписи дворянских родов, составленные в конце XVII века. Они представляют собой достаточно многогранный и в то же время малоизученный материал, и для работ по истории дворянства в Смуту привлекаются сравнительно редко.

Эти генеалогические росписи подавались в разряд самими дворянами после отмены местничества, когда начали составлять общую родословную книгу Российских родов.

В соборном постановлении об отмене местничества от 12 января 1682 г. представлен указ царя Фёдора Алексеевича: «он, великий государь, им и пребудущим их родам на память изволит быти в Разрядной книге по-прежнему. А награждая их своею государскою милостью, тое родословную книгу ныне повелевает он, великий государь, пополнить. И которых имян в той книге в родех их не написано, и тех имяны в тою родословную книгу написать вновь к сродникам их, и для того взять у них росписи за руками»⁹⁵. Появление этого указа, по всей вероятности, вызвано стремлением сохранить консолидацию тех, кого объединяло понятие «служилые люди по отечеству», а также закрепить действующее положение высших придворных чинов⁹⁶. Поколенные росписи должны были подаваться в Родословную палату (создана в 1682 г.) и сверяться со старой Родословной книгой. Однако такая сверка была возможной только для тех, кто уже был в эту книгу записан, а многие провинциальные дворяне в 1680-е гг. впервые представили свои родословцы в высшие инстанции. В царском указе от 23 сентября 1686 г. было предписано: «которые родословных росписей до сего, великих государей указу не подали, и у тех ныне росписей не принимать и в Родословную книгу не писать»⁹⁷. Всего за 1682-1686 гг. было подано 750 росписей. Сбор родословных росписей продолжался в правление царевны Софьи при царях Фёдоре и Петре во второй половине 1680-х гг. Большинство известных росписей смоленских родов принимались в Разряд незадолго до царского указа о прекращении их подачи. Роспись Бестужевых с приложением документов была подана в

⁹³Тысячная книга 1550 г. и Дворцовая тетрадь 50-х годов XVI в. М.; Л., АН СССР. 1950. С. 24-49.

⁹⁴ Там же. С. 243.

⁹⁵ Собрание государственных грамот и договоров. М., 1828. Т. IV. С. 404.

⁹⁶ Подобную мысль высказывал П.В. Седов. См. Седов П.В. Закат Московского государства. Царский двор конца XVII века. СПб., 2005. С. 456-457.

⁹⁷ Барсуков А. Обзор источников и литературы русского родословия. СПб., 1887. С. 11.

разряд 23 мая 1686 года⁹⁸. Потёмкины подали свою роспись (также с приложением документов) 15 сентября 1686 года⁹⁹. Полтевы подали целых две росписи: одну 6 февраля 1686 г¹⁰⁰, другую, с дополнениями 25 января 1687 года¹⁰¹ (уже после царского указа).

В этих родословных росписях показана история нескольких поколений, от приезда на службу государю (великому князю) легендарного предка-иноземца. То есть, в этих документах отражается история рода за 2-3 столетия и более. Данная работа ограничивает нас родословиями смоленских дворян. В родословиях не содержится указаний на принадлежность к служилому городу, однако сопоставление имен и фамилий по десятне 1605/06 года, и другим источникам позволяет отнести службу представителей того или иного рода к смоленской дворянской корпорации.

В историографии не сложилось единой точки зрения о достоверности сведений из родословных росписей. В числе исследователей, которые отвергают возможность изучать историю по дворянским «сказкам» о службах предков можно назвать П.Н. Петрова, автора многотомной «Истории родов российского дворянства»¹⁰². По его мнению, родословцы составлялись «людьми, ничего не знавшими и не подозревавшими при своём неведении», которым «за уничтожение разрядных книг при царе Фёдоре Алексеевиче доверено было принимать сказки от родовитых людей о происхождении их родов и фамилий»¹⁰³. Попытка П.Н. Петрова реконструировать «правильную» историю российских родов была критически разобрана А.В. Барсуковым, который призвал относиться к родословцам с большим доверием. Многие его доводы действительно подкреплены сравнением родословий с другими источниками. В то же время Барсуков полагал, что росписи тщательно проверялись в Родословной палате и на этом основании он оправдывал даже более чем сомнительные известия о предках-иностранцах¹⁰⁴. Такое мнение тоже нельзя признать справедливым. Например, в Родословии Потёмкиных содержится развёрнутая версия их происхождения «от государств Римского, из королевства Неаполитанского, из княжества подрывному нареченного Самницкого и обоих Абрузий и базиминацкого от князя Самницкого Понциуша Телезина, а Понциуш Телезинус князь Самницкого народа и владительство ево было во Италии в Неопалитанском королевстве, и из своего владительства дал он князь Понциуш сроднику своему князю Понциушу-ж город люканский потенцию в Базиликанском княжестве, да другой город Потенцию-ж в

⁹⁸ Там же. С. 75.

⁹⁹ Роспись роду Потемкиных //РГАДА. Ф. 286. Герольдмейстерская контора. Оп. 1. Кн. 241. Л.567-585об..

¹⁰⁰ Там же. Л. 70.

¹⁰¹ Там же. Л. 71.

¹⁰² Петров П.Н. История родов русского дворянства. СПб., 1886. Т. 1.

¹⁰³ Там же. С. 1.

¹⁰⁴ Барсуков А. Обзор источников и литературы русского родословия. СПб., 1887. С. 5-9.

княжестве Пицеском, на устьи реки Потенции, и тот ево Понциуша Телезина Самницкого сродник Потенций теми городами владел и с того времени начал он зватися и при нем будучи его сродники Потентины, а по-словенски Потемкины»¹⁰⁵. Эта роспись получила скрепу дьяка Перфилия Оловянного. Подобные случаи делают понятным скептическое отношение П.Н. Петрова. Но та же потёмкинская легенда заканчивается более-менее достоверным известием о службе Тараса Александровича Потёмкина литовскому королю и о его переходе к московскому великому князю Василию III. Легенда о знатном иноземце была своего рода формой жанра и такая яркая легенда, как у Потемкиных, была не у всех. Встречаются вполне достоверные сведения о честных мужах из Литвы, т.е. о переходе на Московскую службу жителей западных русских земель, как у Полтевых¹⁰⁶. Родословие Вараксиных начинается с краткого упоминание Варакса, «мужа честна из Прусской земли», приехавшего в Новгород в начале XIV века. Но родоначальником назван Андрей Семенович Вараксин, родственная связь которого с Вараксом не обозначена¹⁰⁷.

Большинство сведений о лицах и их делах из Родословия прослеживаются по более древним источникам, и потому доверие к ним со стороны А.П. Барсукова представляется в большей степени оправданным, нежели скепсис его оппонента.

Важная особенность родословий состоит в их неоднородности. Эти документы происходят от разных лиц или точнее – от разных групп представителей рода. В родословиях смолян общим местом была ссылка на то, что их родовые жалованные грамоты «в Московское и Смоленское разорение от польских и литовских всяких людей распропали». И действительно, Полтевы и Вараксины не смогли представить жалованных грамот «от прежних государей», а у Потёмкиных они сохранились. Различной была и судьба рукописей, из которых немногие сохранились в подлиннике. Так родословие Вараксиных представляет собой подлинник конца XVII века из архива палаты Родословных дел. Однако большая часть подобных документов дошла до нас в копиях XVIII века в виде справочных материалов в книгах Герольдмейстерской конторы.

Сравнительное изучение родословий показывает их неоднородность и по другим параметрам. Поэтому необходима публикация и тщательное изучение каждого отдельного Родословия¹⁰⁸.

¹⁰⁵ Роспись роду Потемкиных //РГАДА. Ф. 286. Герольдмейстерская контора. Оп. 1. Кн. 241. Л.567-585об.

¹⁰⁶ Роспись роду Полтевых //Герольдмейстерская контор. Оп.1. Кн. 241. Л. 486-487об.

¹⁰⁷Род Вараксиных //РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 18. Родословные росписи поданные в палату Родословных дел по случаю отмены местничества. № 40. Л.1.

¹⁰⁸ Существенный зачин в этом направлении сделал А.В. Антонов. См.: Антонов А.В. Родословные росписи конца XVII века. М., 1996.

Работа с родословными росписями показала, что в большинстве своем они не имеют расхождений с повествовательными и документальными источниками XVI-XVII вв. Поэтому привлечение генеалогических справок конца XVII века для изучения смоленского дворянства начала столетия, представляется необходимым. Составление баз данных на основе родословных росписей и их сопоставление с документами и литературными свидетельствами о современниках Смуты представляет важнейшую особенность настоящего исследования.

В заключение раздела следует отметить, что история Смоленского служилого города в Смутное время относительно хорошо обеспечена источниками: русскими повестями о Смуте, свидетельствами иностранцев, документами с русской и польской стороны и т.д. В этих источниках освещены различные стороны деятельности смоленского дворянства в Смутное время. Русские повести и сказания делают упор на разгроме Болотникова в 1606 году и организации нижегородского ополчения в 1611 году, тогда как в польских документах и нарративных материалах содержатся сведения о поддержке смолянами кандидатуры польского королевича Владислава в 1610 году. Основными источниками по данной теме являются «Повесть о победах Московского государства» и смоленская «десятина 7114 года». В родословных росписях и кормленых книгах содержатся важные подробности о службе отдельных дворян. Сравнение различных источников между собой позволяет воссоздать историю смоленской дворянской корпорации в достаточно полном объеме.

1.2. Историография

Историографический обзор уместно будет разделить на две части. Первая часть посвящена специальным работам по истории Смоленской земли в Смутное время, а также исследованиям, в которых затрагивались различные аспекты истории смоленского служилого города. Во второй части исследования рассматривается историография служилых городов и поместного дворянства в целом.

В общих работах по истории России дореволюционного периода участие смоленских дворян в событиях Смутного времени подробно не изучались. В «Истории России» С.М. Соловьева и в «Очерках по истории Смутного времени» С.Ф. Платонова приведены общие сведения повествовательных источников об участии смолян в подавлении мятежа И.И. Болотникова в 1606 году и в образовании Земского ополчения в Нижнем Новгороде в 1611 году¹⁰⁹.

В 1926-м году появилась статья И.А. Голубцова «"Измена" смольнян при Б. Годунове и "извет" Варлаама»¹¹⁰. В этой работе автор приводит сведения о связях со Смоленском участников первой самозванческой интриги: изобличителя самозванца Якова Пыхачева, и монахов Варлаама и Леонида, спутников Григория Отрепьева. И.А. Голубцов выдвинул гипотезу, что в подготовке первого самозванца участвовали жители Смоленска. В своей статье он рассмотрел «дело о шатости смолян» 1605 года, когда после бунта в Комарицкой волости сын боярский Никифор Ефимьев рассказал воеводам, что слышал между посадскими людьми разговоры о чуде спасшемся царевиче и о том, что его племянник Елисейка Ефимьев уже два года назад сбежал из Смоленска и живёт где-то в Северной земле¹¹¹. На основании этого дела И.А. Голубцов сделал вывод о том, что самозванческая интрига 1604-05 года имела корни в Смоленске. В том же ключе Голубцов исследовал «Извет» монаха Варлаама Яцкого, написанный в Смоленске и выдвинул предположение о смоленских связях самого монаха Варлаама, монаха Леонида (который странствовал с Отрепьевым, а затем выдавал себя за него), а также сына боярского Якова Пыхачева. Вряд ли справедливо относить последнего к сторонником самозванца (как это сделал И.А. Голубцов), поскольку о нём известно только из «Извета» Варлаама и только то, что он изобличал самозванца и был за это казнён в Самборе. Однако И.А. Голубцов

¹⁰⁹ Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI-XVII века. СПб., 1937. С. 256, 406-410; Соловьев С.М. Сочинения. Книга IV. История России с древнейших времен. М., 1989. Т. 8. С. 457, 642-643.

¹¹⁰ Голубцов И.А. «Измена» смольнян при Б. Годунове и «извет» Варлаама // Учёные записки института истории РАНИОН. М., 1928. Т. 5. С. 218-251.

¹¹¹ Памятники обороны Смоленска. С. 86

выдвигает справедливую версию, что Пыхачев принадлежал к смоленским дворянам¹¹². В остальном же концепцию И.А. Голубцова нельзя считать убедительной, поскольку все нити, которые он пытался провести из Смоленска к самозванческой интриге, оказались непрочными. Единственный возможный смолянин – Яков Пыхачев – был обличителем самозванца и агентом Годунова, а двое участников самозванческой интриги – Варлаам и Леонид – оказались в городе уже после разрыва с Лжедмитрием и в первое время они оба скрывались от его гнева. Исследование А.И. Голубцова не оказало влияния на последующую историографию, в большинстве работ, связанных с историей смоленского дворянства его выводы не учитывались.

Первым специальным исследованием по истории Смоленска и, в частности, смоленского дворянства в Смутное время стала работа В.П. Мальцева «Борьба за Смоленск в XVI-XVII вв.»¹¹³. Данная монография посвящена истории смоленского края в составе Российского государства в 1514-1611 годах, однако в ней особое внимание уделяется событиям Смутного времени и смоленской обороне 1609-1611 годов. В.П. Мальцевым был введен в научный оборот ряд новых документов, а также была опубликована смоленская «десятина 7114 года» – важнейший источник по истории смоленских дворян в Смутное время¹¹⁴. Таким образом, исследование В.П. Мальцева внесло значительный вклад в изучение смоленского дворянства.

Заметной особенностью монографии В.П. Мальцева стала открыто выраженная неприязнь к смоленским дворянам и их роли в событиях Смутного времени. По мнению В.П. Мальцева, формирование служилого города в XVI веке было прогрессивным и выгодным для обороны российских рубежей, однако происходило оно «за счет усиления эксплуатации смоленского крестьянства». В.П. Мальцев высказал точку зрения о том, что «смоленские помещики, после московских, стояли на самом высоком экономическом уровне». Непримируемая классовая рознь, по мнению В.П. Мальцева, развела служилых и тяглых людей в разные лагеря в годы Смуты¹¹⁵. При оценке «экономического уровня» смоленских помещиков В.П. Мальцев опирался на величину поместных окладов смолян в «десятине 7114 года»¹¹⁶. Однако уже в то время в трудах по истории поместного дворянства был озвучен тезис о том, что величина поместного оклада не отражает реального размера

¹¹² Голубцов И.А. «Измена» смольнян при Б. Годунове и «извет» Варлаама». С.239-240; Памятники обороны Смоленска. С. 230, 253.

¹¹³ Мальцев В.П. Борьба за Смоленск в XVI-XVII вв. Смоленск, 1940

¹¹⁴ Там же. С. 364-393.

¹¹⁵ Там же. С. 59.

¹¹⁶ Там же. С. 58-59.

поместий у служилых людей¹¹⁷. Поэтому вывод В.П. Мальцева о том, что смоленские дворяне были хорошо обеспечены поместными наделами, представляется недостаточно обоснованным.

Привлечение смоленской десяти позволило В.П. Мальцеву собрать новые сведения о смоленских дворянах – участниках Смуты. В его монографии впервые были рассмотрены походы смолян против Ивана Болотникова в 1606-07 годах и против Лжедмитрия II в 1608-09 годах. В.П. Мальцев отметил решающий вклад смоленского дворянского войска в подавление восстания Болотникова и объяснял активность смолян их классовыми интересами. По мнению В.П. Мальцева, во время событий 1606 года обеспеченные помещики смоленского уезда выступили против восставших крестьян и холопов¹¹⁸. С восстанием Болотникова В.П. Мальцев связывал и составление смоленской «десятины 7114 года». По его мнению, в этой десятине отразились прибавки Василия Шуйского к поместным окладам смолян в награду за участие в походе 1606 года¹¹⁹.

Походы смолян против Лжедмитрия II были исследованы В.П. Мальцевым на основе смоленских документов из коллекции Ску-Клостерского замка, ранее опубликованных Ю.В. Готье и В.П. Соловьевым. В.П. Мальцев обратил внимание на то, что в своих походах против тушинцев в 1608-09 годах смоляне не смогли повторить успешного похода против войск Болотникова 1606 года и не продвинулись дальше Дорогобужа. Исследователь сделал вывод, что смоляне были верны царю Василию (Шуйскому) только при подавлении восстания Болотникова, а после склонялись в сторону Лжедмитрия II, а затем и поляков. По мнению В.П. Мальцева, смоленские дворяне готовы были служить той из сторон, которая наилучшим образом обеспечивала «успокоение земли» – по В.П. Мальцеву за этими словами скрывалось подавление классовой борьбы крестьян против феодалов¹²⁰. При этом В.П. Мальцев почти не рассматривал участие смолян в общерусском ополчении князя М.Ф. Скопина-Шуйского.

Во время обороны Смоленска от польско-литовского войска (1609-1611 годы), по мнению В.П. Мальцева, защитники крепости разделились на два лагеря. Посадские люди и поддержавший их воевода М.Б. Шеин были сторонниками защиты крепости и основной воинской силой в смоленском гарнизоне, в то время как немногочисленные смоленские дворяне были тайными сторонниками поляков¹²¹. Для подтверждения данной точки зрения Мальцев указывает на заговор смоленских дворян в августе 1610 года и раздачу

¹¹⁷ Павлов-Сильванский Н.П. Государевы служилые люди. Происхождение русского дворянства. СПб., 1898. С. 137-138.

¹¹⁸ Мальцев В.П. Борьба за Смоленск в XVI-XVII вв. С. 145-147.

¹¹⁹ Там же. С. 147-149.

¹²⁰ Там же. С. 172-179.

¹²¹ Там же. С. 228-231, 250-255.

королем Сигизмундом поместий смоленским дворянам¹²². Также В.П. Мальцев ссылается на показания перебежчиков, записанные в дневнике короля Сигизмунда. В этих показаниях действительно говорилось о желании смоленских дворян сдать крепость и об их противостоянии с посадским миром (такие же показания были записаны в письмах Я. Задзика)¹²³. Следует признать справедливость утверждения В.П. Мальцева о том, что основную часть смоленского гарнизона в обороне Смоленска 1609-11 годов составляли горожане – торговые и посадские люди, в то время как смоленские дворяне в основном участвовали в походе М.Ф. Скопина-Шуйского 1609-10 годов. Важные наблюдения были сделаны В.П. Мальцевым и относительно земельных пожалований смоленским дворянам от польского короля Сигизмунда III в годы интервенции 1609-10 года. Вывод В.П. Мальцева о поддержке большей частью смоленских дворян кандидатуры королевича Владислава на русский престол также представляется справедливым. Однако последующий разрыв смоленских дворян с поляками, и их решающий вклад в организацию нижегородского ополчения был описан В.П. Мальцевым только в общих чертах. По его мнению, смоляне были обмануты польско-литовским войском, захватившим их поместья, и были вынуждены покинуть смоленский уезд и стать «наемниками» у нижегородского ополчения¹²⁴. Таким образом, в исследовании В.П. Мальцева сохраняется негативная оценка участия смоленских дворян в событиях Смуты. Однако это не помешало исследователю сделать важные наблюдения по истории смоленского дворянства начала XVII века. В исследовании В.П. Мальцева смоленское дворянское войско впервые рассмотрено как отдельная сплоченная корпорация, действующая в своих интересах в годы Смутного времени.

В 1978 году А.А. Кондрашенкова высказал ряд справедливых замечаний, которые призваны были сгладить некоторые крайности во взглядах Мальцева, в частности, обвинения смоленских дворян в сотрудничестве с польско-литовском войском¹²⁵. Однако его работа представляет собой публикацию лекционного спецкурса и не стала известна широкому кругу исследователей.

Дальнейшее обращение к истории смоленского дворянства было связано с находкой и публикаций «Повести о победах Московского государства» в 1982 году. В публикации и

¹²² Там же. С. 325-326.

¹²³ Дневник похода на Москву короля Сигизмунда III. Стб. 613, 646-648, 667. Письма Я Задзика Л. Гембицкому //Эйльбарт Н.В. Смутное время в польских документах государственного архива Швеции. Новосибирск, 2013. С. 249.

¹²⁴ Там же. С. 345.

¹²⁵ Кондрашенков А.А. Смоленский край в XVI-первой половине XVII века. Спецкурс. Смоленск, 1978. С. 34-68.

исследовании Г.П. Енина¹²⁶ поднимается вопрос о заслугах смоленских дворян перед царями Василием Шуйским и Михаилом Романовым, поскольку это стремился подчеркнуть автор «Повести о победах». Исследователь указал на отразившуюся в этом произведении «взаимную симпатию между смоленскими дворянами и царем Василием Шуйским», которая определила позицию смолян в Смутное время. По его мнению, «Повесть о победах» отражает патриотизм смоленского дворянства, которое было «одним из самых богатых и отличаемых царями»¹²⁷. Г.П. Енин отметил, что смоляне были одним из самых верных отрядов царей Василия Шуйского и Михаила Романова. Также Г.П. Енин обратил внимание на то, что хронологические рамки «Повести о победах» (1606-1626), не обычны для русских литературных произведений о Смутном времени и совпадают с периодом активного участия смолян в Смуте¹²⁸.

В 1992 году была опубликована генеалогическая справка 1789 года о роде смоленских дворян Дивовых в XVI-XVII веках. В этой справке представлена подробная биография Воина Дивова (одного из лидеров смоленских дворян в годы Смуты) и ряд других сведений, связанных с событиями начала XVII столетия. По этой причине публикаторы Родословия М.П. Лукичев и В.Д. Назаров вновь обратились к истории смоленского дворянства и указали, в частности, что в годы Смуты происходил стремительный рост численности выборных дворян в смоленском служилом городе¹²⁹. В той же статье рассматриваются сведения о боях с Болотниковым, в особенности известие о приходе "воровских казаков с Ярославля» и битве на реке Лучесе, которая предшествовала походу смолян на Москву в 1606 году¹³⁰. Также статье М.П. Лукичева и В.Д. Назарова сделаны важные наблюдения о развитии смоленского служилого города с 1556 по 1606 года.

Важным вкладом в изучение обороны Смоленска 1609-1611 годов стали работы П.А. Медведева в 1990-е годы. Исследователь впервые указал на первоначальный план смоленского «осадного сидения» осенью 1609 года, который предусматривал оборону не только каменной крепости, но и деревянного смоленского острога¹³¹. В работах П.А. Медведева уточнена численность крепостного гарнизона и различные мероприятия,

¹²⁶ Енин Г.П. «Повесть о победах Московского государева» - новонайденный памятник древнерусской литературы // Повесть о победах Московского государева. С. 93-134.

¹²⁷ Там же. С. 104-105.

¹²⁸ Там же. С. 105-106.

¹²⁹ Из родословной Дивовых. Известия "статейного списка" по истории земских соборов и Смуты конца XVI - начала XVII вв. // Исторический архив, 1994. № 6. С. 169-174. Далее: Из родословной Дивовых.

¹³⁰ Там же. С. 174.

¹³¹ Медведев П. А. Подготовка смоленской обороны 1609 г. // Источниковедческое изучение памятников письменной культуры. Сб. научных трудов. Л., 1990. С. 79-82.

связанные с распределением хлебных запасов внутри осажденных¹³². Согласно выводам исследователя, основную роль в обороне Смоленска сыграли не столько служилые люди, сколько даточные посадские люди, которые составляли большинство гарнизона¹³³. Также П.А. Медведев отметил вклад в оборону города служилых людей из соседних уездов: Брянска, Вязьмы, Дорогобужа, Рославля и Серпейска. Действительно, смоляне в большинстве своем участвовали в походе М.В. Скопина-Шуйского против Лжедмитрия II (1609-10 годы). Тогда как в обороне Смоленска 1609-11 годов оставалась незначительная часть служилого города.

Для изучения истории смоленского служилого города значительную ценность имеет работа Б.Н. Флори посвященная русско-польским отношениям в 1609-11 годах¹³⁴. В этой работе события 1609-11 годов рассматриваются с привлечением новых данных из польских архивов. Исследователь глубоко анализирует мнение современников – как русской, так и польской стороны – относительно дальнейшей судьбы России и выхода из династического кризиса, а также ход политической и дипломатической борьбы в указанный период. Исследователем были сделаны важные наблюдения относительно взаимоотношений короля Сигизмунда и польско-литовского войска с помещиками западных уездов, в частности, со смолянами. В монографии впервые выстроена периодизация земельных пожалований короля Сигизмунда различным служилым корпорациям. По мнению Б.Н. Флори, первые смоляне, получившие пожалования от короля Сигизмунда принадлежали к верхушке служилого города, о чем свидетельствуют их высокие оклады в десятне 1606 года. В книге приводится множество новых фактов по истории смоленского служилого города, в частности впервые рассматривается значительное участие смолян в капитуляции острожка Валуева под Царевым-Займищем. Гарнизон острожка, значительную часть которого составляли смоленские дворяне, сдался полякам и согласился призвать польского королевича Владислава на русский престол. При этом, отмечает Б.Н. Флоря, условия коронации Владислава при капитуляции отряда Валуева оказались гораздо мягче, по сравнению с условиями, которые польский король Сигизмунд заключил с тушинцами в январе 1610 года¹³⁵. В дальнейшем смоляне оставались в войске Жолкевского и участвовали на его стороне в переговорах с жителями

¹³² Медведев П. А. К вопросу о регулировании внутренней жизни в осажденном Смоленске в 1609-1611 гг. Хлебное распределение //Россия от Ивана Грозного до Петра Великого. Сборник трудов посвященных 35-летию научной педагогической деятельности профессора Р.Г. Скрынникова. СПб.; Киев, 1993. С. 41-44.

¹³³ Медведев П. А. Подготовка смоленской обороны 1609 г. //Источниковедческое изучение памятников письменной культуры. Сб. научных трудов. Л., 1990. С. 79-82

¹³⁴ Флоря Б.Н. Польско-литовская интервенция в России и русское общество в начале XVII века. М., 2005

¹³⁵ Там же. С. 168-174

Москвы вплоть до избрания Владислава на Земском соборе 21 августа 1610 года¹³⁶. Таким образом, идея избрания на русский престол Владислава в первое время получила широкую поддержку у дворянства западных уездов. В то же время в монографии показан последующий разрыв смолян с поляками и их уход к Первому земскому ополчению под Москвой, а также впервые приводятся данные о планах смоленских дворян избавить родной город от осады в 1611 году¹³⁷. В последней части монографии Б.Н. Флори анализируется взгляд современников Смуты на интервентов, при этом составленная в среде смоленского дворянства «Повесть о победах Московского государства» представлена как пример негативного восприятия образа поляков («жителей Речи Посполитой»)¹³⁸. В работе Б.Н. Флори история смоленского дворянства в 1609-11 годах впервые рассматривается в широком контексте политической борьбы в период польской интервенции.

В 2011 году вышло монографическое исследование С.В. Александрова «Смоленская осада 1609-11 годов»¹³⁹. В монографии достаточно подробно рассмотрена история смоленской земли конца XVI-начала XVII веков с привлечением основных опубликованных источников. Александров уделит внимание не только смоленскому дворянству, но и дворянству других уездов смоленской земли: белян, вязмичей, дорогобужан и рославцев. С.В. Александров в частности привлек для своего исследования архив рославских дворян Масловых за Смутное время. Это позволило исследователю сравнить положение различных дворянских корпораций в Смуту и указать на то, что позиция смоленских дворян в восстании Болотникова отличалась от позиции дворян соседних уездов, в частности – рославских помещиков. В качестве причины расхождения интересов исследователь указал на различие экономического положения дворянства разных уездов накануне восстания Болотникова¹⁴⁰. По его мнению «гражданская война разделила, прежде всего, более обеспеченное дворянство северных уездов Смоленщины и экономически слабое дворянство Рославского уезда»¹⁴¹. Значительное внимание в монографии уделено участию Смоленского дворянства в обороне Смоленска 1609-11 годов. В отличие от В.П. Мальцева, С.В. Александров высказал мнение, что в обороне Смоленска посадский мир и служилые люди объединились для борьбы за интервентами. На роль дворян, как воинской силы в годы обороны указывает то, что их в первую очередь

¹³⁶ Там же. С. 180-183.

¹³⁷ Там же. С. 356-358.

¹³⁸ Там же. С. 396-398.

¹³⁹ Александров С.В. Смоленская осада 1609-1611. М.: Вече, 2011

¹⁴⁰ Там же. С. 40-54.

¹⁴¹ Там же. С. 101-110, 114-115.

затронули указы М.Б. Шеина о раздаче хлебного и соляного жалования¹⁴². Однако Александров высказывает мнение, что осенью 1610 года многие дворяне действительно были готовы сдать крепость королю Сигизмунду, в то время как воевода М.Б. Шеин и посадские люди стояли на том, чтобы целовать крест королевичу Владиславу. Связано это было с тем, что от короля Сигизмунда осенью-зимой 1610-11 годов исходили пожалования поместьями. Однако во время решающего штурма 21 ноября 1610 года смоленские дворяне оставались лояльными воеводе Шеину, поскольку «выступали не за безоговорочную капитуляцию, а на сдачу города на определенных условиях» - в первую очередь на сохранение свободы и поместий, на что они не могли бы рассчитывать, как военнопленные¹⁴³. Пораженческие настроения в 1610 году в наибольшей степени распространялись на дворян, но затрагивали и посадских людей. С.В. Александров связал эти настроения с утяжелившимися условиями осады, однако указал на то, что в ходе обороны удалось сохранить единство защитников крепости¹⁴⁴. В результате монография С.В. Александрова представила оборону Смоленска, как сложное событие, насыщенное коллизиями. В монографии показана часто меняющаяся позиция смоленских дворян относительно обороны крепости, однако, по мнению С.В. Александрова, оборона показала принципиальную возможность взаимодействия посадского мира и дворянства для борьбы за интервентами. Такое же единство посадских людей и дворян проявилось в присоединении смоленских дворян к Земскому ополчению Минина и Пожарского (исследователь справедливо указывает, что в походе на Москву в равной степени участвовали и другие дворяне западных уездов)¹⁴⁵. В заключительной части исследования С.В. Александрова приводятся наблюдения над смоленской разборной десятней 1622 года. На основе этого документа исследователь пришел к выводу о росте поместных окладов смоленских дворян по сравнению с 1606 годом, однако отметил небольшое количество крестьян и бобылей в их поместьях¹⁴⁶.

В ряде работ последнего времени уделено внимание различным аспектам истории смоленского служилого дворянства в Смутное время — проблемам наделения поместьями, службы, разбора. В первую очередь это исследование М.М. Бенцианова о развитии смоленской корпорации в XVI веке¹⁴⁷. М.М. Бенцианов по-новому датирует смоленскую «десятню 1574 года», а также анализирует положение различных родов в

¹⁴² Там же. С. 231-233.

¹⁴³ Там же. С. 238-240.

¹⁴⁴ Там же. С. 221-230.

¹⁴⁵ Там же. С. 254-256.

¹⁴⁶ Там же. С. 260-263.

¹⁴⁷ Бенцианов М.М. Смоленская «десятня 1574» и формирование смоленской служилой корпорации. //Смутное время в России: конфликт или диалог культур? Материалы научной конференции. Санкт-Петербург. 12-14 октября 2012 года. СПб., С. 15-18.

Смоленске накануне и в годы и Смуты. Среди важных достижений статьи Бенцианова следует особенно отметить указание на разбор и смотр смолян в 1597 году, сведения о котором исследователь обнаружил в некоторых списках родословных росписей конца XVIII века.

Важным исследованием, в котором затрагивается история смоленского дворянства, является статья С.А. Алексеева о раздачах поместий в белозерском уезде в 1613-21 годах. С этими поместными раздачами исследователь по праву связывает «новый этап» развития служилого землевладения уже при Михаиле Федоровиче¹⁴⁸. Некогда независимые, от помещика дворцовые и черносошные волости полностью ушли в раздачу смолянам, служилым иноземцам, казакам, и другим категориям, нуждавшимся в наделении новыми землями.

В рамках изучения смоленской дворянской корпорации остается ряд проблем, не до конца решенных предыдущими исследователями. По-прежнему отсутствует обобщающие исследования таких аспектов, как состав, правящие группы, изменение структуры смоленского служилого города в годы Смутного времени. Спорной остается атрибуция ряда источников, в частности смоленской десятины 7114 года.

Для дальнейшего раскрытия истории смолян в Смуту большое значение имеют исследования других уездных дворянских корпораций и служилых городов в целом. Тема служилого города достаточно подробно разрабатывается в отечественной историографии. Источниковедческая работа по изучению десятен и боярских списков началась с конца XIX столетия (В.Н. Сторожев, Н.П. Лихачев, В.И. Новицкий, Н.П. Павлов-Сильванский)¹⁴⁹.

Особую значимость для изучения дворянских корпораций имеют работы А.А. Новосельского¹⁵⁰. Его работа посвящена высшему чину городских служилых корпораций – выборным дворянам. Принадлежность к этому чину определял личный долгий служебный путь, «отечество», т.е. заслуги предков, и материальная состоятельность. А.А. Новосельский подчеркивал, что именно выборные дворяне оставались носителями представлений о чести служилого города. «Служилый город, – отметил А.А. Новосельский – сложился в результате векового наслоения одной группы служилых

¹⁴⁸ Алексеев С.А. Дворянское землевладение в послесмутное время (на примере Белозерского уезда) // Смутное время в России в начале XVII в.: поиски выхода. Сборник материалов Ярославской научной конференции к 400-летию «Совета всей земли» в Ярославле. М., 2013. С. 159-170.

¹⁴⁹ Сторожев В.Н. Десятни XVI века // Описание документов и бумаг Московского архива министерства юстиции. М., 1890. Т. 9; Он же. Тверское Дворянство XVII века. Вып. 1-4. Тверь. 1890. Лихачев Н.П. Разрядные дьяки XVI века. СПб., 1888; Он же. Тверское Дворянство XVII века. Вып. 1-4. Тверь. 1890. Новицкий В.И. Выборное и большое дворянство XVI-XVII вв. Киев, 1915. Павлов-Сильванский Н.П. Государевы служилые люди. Происхождение русского дворянства. СПб., 1898

¹⁵⁰ Новосельский А.А. Правящие группы в служилом городе XVII века // Учёные записки Института Истории РАНИОН. М., 1928. С. 315-335.

людей над другой, неравных по своему достоинству и боевому положению; при этом традиция закрепила за высшим чином командующее положение»¹⁵¹. Выводы А.А. Новосельского относятся к царствованию первых Романовых. Но их вполне можно распространить на выборную верхушку Смутного времени.

Значительные достижения в изучении служилого дворянства произошли в новейшей историографии, когда были пересмотрены прежние концепции классовой борьбы дворян-помещиков и крестьян в Смутное время. В первую очередь эти изменения отразились в работах по истории социально-политической борьбы в начале XVII века, в особенности в трудах Р.Г. Скрынникова¹⁵². Он убедительно показал, что восстание Болотникова не было крестьянской войной, а участие в самозванческом движении не определялось принадлежностью к какому-либо социальному классу. Разделение на враждующие лагеря, за редким исключением затрагивало целые служилые города, которые представляли собой особые замкнутые корпорации с внутренним самоуправлением.

Ведущим специалистом по истории важнейшей служилой корпорации - Государева двора был А.Л. Станиславский¹⁵³. Исследователь показал, что в ходе Смуты многие представители уездных дворянских корпораций получили как повышение чин выборных дворян и вошли, таким образом, в Государев двор. По мнению А.Л. Станиславского, расширение состава выборных дворян было важнейшей уступкой уездному дворянству со стороны различных правительств в Смутное время с целью привлечь его на свою сторону.

Изменения в структуре Государева двора накануне Смутного времени показаны в работах А.П. Павлова¹⁵⁴. В работах последнего времени исследователь обратился к проблеме перехода в Государев Двор провинциальных дворян и детей боярских в послесмутный период¹⁵⁵. Активное участие дворянских корпораций в событиях Смутного времени привело к изменению их положения, а также оказало влияние на структуру государева двора. В результате Смуты значительно расширяется чин московских дворян, при этом его пополнение происходит в основном за счёт выходцев из дворянства южных

¹⁵¹ Там же. С. 335.

¹⁵² Скрынников Р.Г. Социально-политическая борьба в Московском государстве в начале XVII века. (Смута). М., 1989.

¹⁵³ Станиславский А.Л. Труды по истории государева двора в России XVI-XVII вв. М., 2004.

¹⁵⁴ Павлов А.П. Проблема «боярство и дворянство» XVI-XVII вв. и генеалогия //Генеалогия. Источники. Проблемы. Методы исследования. М., 1989. С. 12-14; Павлов А.П. Государев Двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584-1605 гг.). СПб., 1992. А.П. Павлов. Государев Двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584-1605 гг.). СПб., 1992.

¹⁵⁵ Павлов. А.П. К вопросу об участии дворянства «украинных городов» в событиях Смуты //Смутное время Московского государства: поиски выхода. К 400-летию «Совета вся земли» в Ярославле. М., 2012. С. 118-135; Осадный список 1618 г. //Памятники истории Восточной Европы. Источники XV—XVII вв. М., Варшава, 2009. Т. VIII: Осадный список 1618 г./Сост. Ю.В. Анхимюк, А.П. Павлов. Далее: Осадный список 1618 г.

и юго-западных уездов России, а также многочисленной группы дворян смоленского служилого города. Последний вывод имеет особую значимость для настоящего исследования.

История служилых городов стала темой специальных исследований В.Н. Козляковым. Результаты архивного поиска были отражены в кандидатской диссертации о дворянских корпорациях Верхнего Поволжья¹⁵⁶. Особый интерес для настоящего исследования имеет работа В.Н. Козлякова по верстанию «новики» - молодых дворян в царствование Бориса Годунова¹⁵⁷. Итогом исследовательской работы В.Н. Козлякова стала его монография по истории служилого города от Смутного времени до 1649 года¹⁵⁸. Изучение коллективных дворянских челобитных позволило В.Н. Козлякову показать участие уездных детей боярских, в частности западно-русских, в политической жизни Московского государства, а также их корпоративные устремления.

В.П. Седов сосредоточил внимание на увеличении поместных окладов и денежного жалования за верную службу в эпоху социально-политического кризиса¹⁵⁹. По его мнению, прибавка к поместному окладу служила главной мотивацией служилого человека во время службы.

Корпоративные устремления уездных дворян рассматриваются в работе И.Л. Андреева¹⁶⁰. По его мнению, вне корпорации городской сын боярский был «обречен на одиночество», тогда как внутри служилого города он мог реализовать не только формальные связи, но и множество неформальных взаимоотношений.

Тему самосознания и социального поведения дворян из служилых городов затронули Б.Н. Морозов и О.Е. Кошелева¹⁶¹. Они обратили внимание на такой важнейший источник для изучения служилых городов, как личные дворянские архивы XVII столетия. В этих архивах отражалась судьба предков служилого человека по мужской линии, а также других родственников. Поскольку речь идет о личных документах, исследователи с полным основанием полагали, что источник позволяет судить о базовых ценностях служилого человека.

¹⁵⁶ Козляков В.Н. Источники о формировании и составе городских служилых корпораций Верхнего Поволжья в первой половине XVII века. Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1989.

¹⁵⁷ Козляков В.Н. Источники о новичьем верстании в первой половине XVII века // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. Сборник статей. М., 1991. С. 89-101.

¹⁵⁸ Козляков В. Н. Служилый «город» Московского государства XVII века: От Смуты до Соборного уложения. Ярославль, 2000.

¹⁵⁹ Седов П.В. Поместные и денежные оклады как источник по истории дворянства в Смуту // Архив Русской истории. Вып. 3. М., 1993. С. 227-241.

¹⁶⁰ Андреев И.Л. О проблеме сословной организации и сословном самосознании служилого «города» в XVII столетии // Сословия и государственная власть в России. М., 1994. С. 13-20.

¹⁶¹ Кошелева О.Е, Морозов Б.Н. Историческое сознание и социальное поведение российского дворянства XVII века (К вопросу о формировании аналитического комплекса источников) // Сословия и государственная власть в России. М., 1994. С. 226-230.

Большое внимание в литературе последнего времени уделяется самосознанию служилого дворянства, как воинского сословия. В работе О.А. Курбатова был поднят вопрос о военно-психологических представлениях служилых людей и об их восприятии ратных трудов на «государевой службе»¹⁶². О.А. Курбатов показал, что ответственность и служебное рвение воинов поместной конницы были напрямую связаны с честностью рода и давностью наследственной службы московским государям. Кроме того, О.А. Курбатовым был сделан ряд важных замечаний относительно структуры и военной тактики поместного войска ссередины XVI до начала XVII века¹⁶³.

В статьях В.М. Воробьева о новгородском служилом городе впервые были систематизированы данные о боеготовности дворян и детей боярских¹⁶⁴. Большое значение для настоящего исследование имеет наблюдение В.М. Воробьева о массовом верстании дворян и детей боярских поместными и денежными окладами при Лжедмитрии I в 1605/06 году¹⁶⁵. Исследования В.М. Воробьева были продолжены в работах Н.В. Смирнова и других исследователей, посвященных статистическому изучению (на материалах десятен) служилого дворянства Твери, Костромы, Калуги и других городов¹⁶⁶. В ряде этих работ вопросы качественный и количественный анализ дворянских лошадей, боевых холопов и вооружения приводится комплексно, по всем служилым городам¹⁶⁷.

¹⁶² Курбатов О.А. Морально-психологические аспекты тактики русской конницы в середине XVII века //Военно-историческая антропология. Ежегодник. М., 2003.

¹⁶³ Курбатов О.А. «Копейный бой» русской поместной конницы в эпоху Ливонской войны и Смутного времени [Электронный ресурс] //История военного дела: исследования и источники. 2013. Специальный вып. I. Русская армия в эпоху царя Ивана IV Грозного: материалы научной дискуссии к 455-летию начала Ливонской войны. Ч. I. Статьи. Вып. II. С. 227-235 (23.04.2013); Курбатов О.А. «Конность, людность и оружность» русской конницы в эпоху Ливонской войны 1558-1583 гг. [Электронный ресурс] //История военного дела: исследования и источники. 2013. Специальный вып. I. Русская армия в эпоху царя Ивана IV Грозного: материалы научной дискуссии к 455-летию начала Ливонской войны. Ч. I. Статьи. Вып. II. С. 236-295 (14.08.2013)

¹⁶⁴ Воробьев В.М. Как и с чего служили на Руси в XVII веке (к истории русского дворянства) //Средневековая и новая Россия. СПб., 1996. С. 451-462.

¹⁶⁵ Воробьев В.М. Лжедмитрий I и судьбы службы по отечеству и поместной системы //Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Новгород, 2003. С. 98-122.

¹⁶⁶ Баранов К.Н. О готовности Костромского служилого города к службе в 1630 и 1649 гг. //Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Новгород, 2002. Ч.1. С. 170-173; Богданов И.В. О «конности, людности и оружности» алексинского и козельского служилых городов в 1621 г. //Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Новгород, 2002. Ч.1. С. 160-163; Воробьев М.В. Псковский и пусторжевский служилые города по материалам смотра военных сил России в 1621 г. //Псков в Российской и европейской истории (к 110-летию первого летописного упоминания). М., 2003. Т. 1. С. 326-333; Смирнов Н.В. Разбор и смотр войска в 1621 году и поместное дворянство //Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Новгород, 1999. С. 91-99; Фатеев Д.М. Приокские служилые города в 1550-х и 1570-х гг. (готовность к дальней полковой конной службе) //Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Новгород, 2002. Ч.1. С. 124-129; Федосеев Д.М. Тульский служилый город в 1621 и 1631 гг. //Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Новгород, 2003. С. 326-333.

¹⁶⁷ Воробьев М.В. Боевые лошади русской кавалерии XVI-XVII вв. (мифы и реальность) //Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Новгород, 2002. Ч.1. С. 155-160; Смирнов Н.В. Боевые холопы в составе поместной конницы в первой половине XVI-первой половине XVII в. //Исследования по истории средневековой Руси. СПб., 2006. С. 369-382; Фатеев Д.М. Вооружение и снаряжение русской кавалерии в 1556-79 гг. //Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Новгород, 2002. Ч.1. С. 147-154.

В последние годы все больше внимания уделяется региональному аспекту, исследованию служилого дворянства на материалах одной конкретной корпорации. Этот подход применен в работах А.В. Аракчеева по землевладению великолукского уезда¹⁶⁸, Д.А. Лисейцева по костромскому выборному дворянству¹⁶⁹. Служилая корпорация Великих Лук и её боеготовность была изучена А.В. Маловым на материалах разбора и смотра 1631 года¹⁷⁰.

В исследовании А.А. Селина о новгородской земле в Смутное время приведены ценные биографические и бытовые подробности жизни рядовых участников Смуты, в том числе — представителей служилого дворянства¹⁷¹. Исследователь сознательно избрал основным объектом изучения «индивидуальные стратегии», то есть биографии отдельных лиц их разных сословий. В разделе о новгородском дворянстве у А.А. Селина есть наблюдения над отдельными судьбами, которые имеют значительную ценность для осмысления истории служилого города в контексте историй отдельных семей. В работе Селина поднимается вопрос о составе новгородского дворянства, особое внимание уделяется татарам-новокрещенам и своеземцам¹⁷².

Новейшим крупным исследованием по истории служилого дворянства XVII века является монография Т.А. Лаптевой¹⁷³. В обширном труде исследовательницы обобщены достижения предшественников и собственная работа с большим массивом архивного материала. Работа Т.А. Лаптевой затрагивает самые разные аспекты жизни провинциального дворянства: вопросы службы, представление о чести, быт, образование и круг чтения, а также государственную политику в отношении службы поместной конницы.

Истории служилого дворянства России XVII века посвящены зарубежные исследования. Особенно следует остановиться на работе американской исследовательницы Валери Кивельсон «Самодержавие в провинциях: Московское дворянство и политическая культура в XVII веке»¹⁷⁴. В книге рассматривается жизнь провинциальных дворян в северо-восточных регионах России. В. Кивельсон показала

¹⁶⁸ Аракчеев В.А. Аграрная история великолукского и пусторжевского уездов во второй половине XVI - XVII вв.: Автореф. дисс. канд. ист. наук. СПб., 1994.

¹⁶⁹ Лисейцев Д.А. Костромские выборные дворяне рубежа XVI-XVII веков //Российская история . 2013 г. № 6. С.111-128

¹⁷⁰ Малов А.В. Ратные люди Великих Лук накануне Смоленской войны 1632–1634 гг.: от разбора служилых «городов» 139-го (1630/31) г. до начала военных действий в октябре 1632 г. //Архив русской истории. Вып. 8. 2007. С. 98–156.

¹⁷¹ Селин А.А. Новгородское общество в эпоху Смуты. СПб., 2008.

¹⁷² Там же. С. 522-548.

¹⁷³ Лаптева Т.А. Провинциальное дворянство России в XVII веке. М., 2010.

¹⁷⁴ Kivelson V.A. Autocracy in the Provinces: The Muscovite Gentry and Political Culture in the Seventeenth Century. Stanford. 1996;

механизмы взаимодействия между воеводской властью, назначенной из Москвы, и верхушкой местного дворянства. По мнению исследовательницы, воеводы из Москвы были вынуждены считаться с местными традициями самоуправления и судебной практики, которые не всегда соответствовали указаниям центральной власти. В жизни провинциального дворянства личные и неформальные связи имели большее значение, чем попытки центральной власти регламентировать жизнь в уезде. По мнению исследовательницы, определенная самостоятельность дворянских корпораций была связана со слабой централизацией московского государства.

Можно сделать вывод, что тема служилых городов весьма интенсивно разрабатывалась предшествующими исследователями. В особенности много достижений содержится в работах последнего времени, которые позволяют пересмотреть прежние концепции и увидеть в дворянах Московского государства особые корпорации со своими нуждами и спецификой мировоззрения. Однако в работах по истории служилого дворянства имеется лакуна: отсутствие специальных исследований смоленского служилого города, который был одной из крупнейших дворянских корпораций своего времени. Поэтому отдельная комплексная работа по истории смоленского дворянства в Смутное время является давно назревшей необходимостью.

Глава 2. Смоленская десятина 7114 (1605/06) года и борьба смоленского дворянства с восстанием Болотникова

Переломным моментов в истории смоленского дворянства в Смутное время стали два близких по времени события. В 7114 (1605/06) году в Смоленске произошел смотр и верстание поместными окладами, результаты которого сохранились в списках смоленской десяти. Осенью-зимой 1606 года смоляне выступили в поход против Ивана Болотникова в поддержку царя Василия, что нашло отражение в целом ряде повествовательных источников о Смуте. Оба этих события имеют между собой определенную взаимосвязь, а их последующие изучение имеет ключевое значение для понимания структуры смоленского служилого города и тех процессов, которые произошли в результате Смутного времени.

2.1. Смоленский служилый город и верстание 1605/06 г.

Десятина 7114 года – основной источник по истории смоленского дворянства в Смутное время¹⁷⁵. По своему происхождению и внутренней структуре это источник обладает рядом особенностей и требует особого изучения. Десятней называют список дворян и детей боярских определенного уезда. Десятни были трех видов: разборные, верстальные и десятни денежной раздачи. Разборные десятни учитывали готовность дворян и детей боярских к службе, в этих документах напротив имени каждого дворянина говорилось, будет ли он на государеву службу на добром коне, или на мерине, чем он будет вооружен, сколько с ним будет боевых слуг и с каким оружием. Верстальные десятни составлялись, когда служилому человеку назначали впервые или увеличивали поместный оклад, в них указывали прибавку к окладу (в четвертях земли), размер старого и размер нового оклада. Наконец, десятни составляли при выдаче денежного жалованья, размер которого также указывали напротив фамилии каждого служилого человека. Многие десятни сочетают в себе разбор, верстание и денежную раздачу. Обычно десятни составляли для отдельного служилого города, т.е. уездной дворянской корпорации. Имена и фамилии дворян каждого города перечислялись в определенном порядке по старшинству чинов (сначала выборные, потом дворовые, затем городские и, наконец,

¹⁷⁵ Десятина 7114 года по Смоленску // Мальцев В.П. Борьба за Смоленск в XVI-XVII вв. Смоленск. 1940. С. 364-393. Далее при ссылке на источник - Десятина 7114 года по Смоленску, при ссылке на исследование - Мальцев В.П. Борьба за Смоленск в XVI-XVII вв.

новики) и по величине поместных окладов (дворяне с большим поместным окладом записаны выше).

Десятня 7114 (1605/06) года по Смоленску выделяется из общего ряда подобного рода документов. С одной стороны, это действительно список смоленских дворян и детей боярских, имена которых известны по другим источникам. Как и в других десятнях, служилые люди распределены по чинам (выборные, дворовые, городовые, новики) и поместным окладам. Но напротив фамилий не указано сведений ни о боеготовности, ни о прибавках к окладу, ни о денежном жаловании. То есть, смоленская десятня 7114 года – это просто перечень фамилий, которые традиционным образом поделены на чины и оклады.

Такая особенность десяти 7114 года и некоторые другие её особенности связаны с происхождением этого документа. Десятня сохранилась в двух списках – Вахромеевском и Мальцевском. Вахромеевский список хранится в рукописном сборнике № 136 из коллекции Вахромеева в Отделе письменных источников ГИМ и до настоящего времени не опубликован. Второй список хранился в рукописном отделе Смоленской библиотеки в семейном архиве рославских дворян Масловых. Он был опубликован В.П. Мальцевым в приложении к книге «Борьба за Смоленск в XVI-XVII вв.» в 1940 году¹⁷⁶. Впоследствии этот список погиб во время оккупации Смоленска немцами в 1941-43 годах. Поэтому можно сказать, что В.П. Мальцев сделал своевременную публикацию и этот список с полным правом можно назвать «мальцевским». К тому же В.П. Мальцев привел в своей публикации разночтения по Вахромеевскому списку, на которые мы опираемся далее.

Однако анализ этих разночтений показывает, что список, который Мальцев выбрал для своей публикации, сохранился не так хорошо, как список из собрания Вахромеева. По разночтениям видно, что Вахромеевский список полнее и точнее в передаче имен, чем тот, который опубликован.

В смоленском списке пропущено 12 имен по сравнению с Вахромеевским. В том числе пропущен весь раздел бывших детей боярских смоленского архиепископа с окладом 300 четвертей (3 человека). В примечании Мальцева сказано: «По Вахромеевскому списку после М. Х. Голского записано: Дети боярские, которые были у архиепископа: Андрюшка Иванов сын Рогожин, Ивашко Андреев сын Полозов, Посничко Матвеев сын Суворов»¹⁷⁷.

Разночтения, приводимые Мальцевым в публикации, указывают на различие некоторых имен в обоих списках. Сравнение этих имен по другим известным источникам Смутного времени во всех случаях – в пользу Вахромеевского списка. Это в особенности

¹⁷⁶ Десятня 7114 года по Смоленску. С. 364-393.

¹⁷⁷ Десятня 7114 года по Смоленску. С. 382.

видно по имени составителя десяти в конце документа по Мальцевскому списку: «У подлинного списка припись дьяка Ивана Мунахова». В примечании Мальцева сказано: «По Вахромеевскому списку: Бунакова. Иван Бунаков был дьяком в Смоленске при воеводах князьях И. С. Куракине и В. А. Звенигородском с 1606 по 1608 год. (См. «Чтения И. О. И. и Д. Р.» за 1907 г., кн. 2, разрядные записи, стр. 41.)»¹⁷⁸. Если Иван Бунаков действительно был смоленским дьяком в Смутное время, то Ивана Мунахова в источниках этого времени нет вовсе.

Некоторые разночтения имен по Мальцевскому списку представляют явную интерпретацию переписчика XVIII века: «Планида», «Наумов» вместо «Плакида», «Пауков» по Вахромеевскому списку. В других случаях расхождения имен вызвано пропусками переписчика. Так в Смоленском списке записан «Григорий Федоров сын Веснин», а сразу после него «Головин Иван Баскаков». Против обоих стоят примечания Мальцева: «По Вахрамеевскому списку: Веснин-Головин» и «По Вахрамеевскому списку: Иван Федоров сын Баскаков»¹⁷⁹. Здесь явная погрешность переписчика, тем более что в десяти есть и другие Веснины-Головины, а просто Весниных нет.

Только одно расхождение можно решить в пользу первичности Мальцевского списка. Про Меньшого Андреева сына Клокачева в примечании сказано: «В Вахромеевском списке по ошибке написан два раза»¹⁸⁰. В этом случае составитель Смоленского списка действительно исправил ошибку предшественника. Но все остальные разночтения позволяют выдвинуть гипотезу, что Мальцевский список представляет собой не всегда удачную копию с Вахромеевского. Поэтому для изучения десяти следует обязательно учитывать те расхождения, которые приводит Мальцев в своей публикации и ориентироваться на текст Вахромеевского списка. Не нужно, впрочем, забывать, что оба списка относятся к началу XVIII века и оба, как можно предположить, имеют важное расхождение со своим протографом – документом, составленным в Смутное время для нужд Разрядного приказа. Дело в том, что в обоих списках десяти опущены сведения о прибавках к окладу и о денежном жаловании, а также нет обычного для большинства десяти подробной преамбулы, в которой бы разъяснялись цели и задачи этого документа.

Смоленская десяти 7114 года начинается со слов: «Смоленск. Выбор. Выше статей. Государево цареву и великого князя Василия Ивановича всея России жалованье емлют из четверти. По государеве грамоте за приписью дьяка Истома Карташова велено учинить оклад в 114 году за литовскую службу»¹⁸¹. Публикатор десяти Мальцев, а вслед

¹⁷⁸ Там же. С. 393.

¹⁷⁹ Там же. С. 371.

¹⁸⁰ Там же. С. 365.

¹⁸¹ Десяти 7114 года по Смоленску. С. 364.

за ним исследователь С.В. Александров полагали, что эти строки и являются «заголовком десяти»¹⁸². Однако, совершенно очевидно, что заголовок десяти не мог писаться после слова «выбор». Вероятно, если смоленские дворяне поделены на выборных, дворовых, городских и т.д., то всё, что пишут после слова «выбор» относится не ко всей десяти, а только к списку выборных, или даже к какой-то его части. А заголовок десяти не сохранился в её позднейших списках. Точно также не сохранился обязательный для общего смотра список окладчиков – авторитетных представителей от каждого служилого города. После строк, которые Мальцев и Александров называют «заголовком десяти», сразу следуют имена детей боярских с разделением на чины и оклады. Всего в десяти 12 статей поместных окладов: 700, 600, 550, 500, 450, 400, 350, 300, 260, 200, 150 и 100 четвертей земли. У выборных дворян оклады от 700 до 500 четвертей, у дворовых – от 500 до 350, у городских – от 500 до 100, у новиков – от 300 до 100. При этом в самые высокие окладные статьи в 550-700 четвертей записаны всего шесть выборных дворян.

У дворовых и городских дворян внутри окладных статей от 400 до 100 четвертей есть еще подразделы: «Дети боярские, которые были у архиепископа в Смоленску», «Дети боярские верстанья 113 году», а также «Дети боярские служили со отцы вместе и впредь служить со отцы ж вместе с отцовых поместей»¹⁸³. В этих подразделах указаны особые верстальные категории. В первой категории указаны дворяне, которые раньше служили отдельно, у смоленского архиепископа, а теперь переведены на службу со всем городом. Дети боярские из второй категории впервые получили поместные оклады в 1604/05 году во время общерусского верстания новиков при Борисе Годунове, а теперь переведены из новиков в дворовые и городские дворяне. Третья категория охватывает детей боярских, которые уже получили оклады старослужащих (дворовых и городских), но не имеют своего поместья и продолжают служить с отцовского. Напротив некоторых фамилий названа должность служилых людей: голова у стрельцов, судья в Смоленске, городничий, губной староста, нарядчик.

Новики делятся на несколько категорий: те, кто служит с прожиточных поместий, кто верстан в отвод от отцов или от братьев, кто верстан в прибавку к прожиточному поместью и т.д. Встречаются отдельные указания на особое верстание, например «Новик 114 г(о)ду поверстан по г(осу)д(а)реве грамоте»¹⁸⁴. В конце идут «новики ж денежного

¹⁸² Мальцев В.П. Борьба за Смоленск в XVI-XVII вв. С. 146; Александров С. В. Смоленская осада 1609-1611. М., Вече. 2011. С. 98-99.

¹⁸³ Десятня 7114 года по Смоленску. С. 370, 373, 375-378, 381-385.

¹⁸⁴ Десятня 7114 по Смоленску. С. 387.

верстанья 114 г(о)ду, а поместьем не верстаны. Служить им велено со отцы вместе со отцовых поместей»¹⁸⁵.

После новиков следует список сотников, который озаглавлен: «Новики ж дети боярские в Смоленску в сотниках»¹⁸⁶. Здесь очевидно речь идет о стрелецких сотниках, а два слова «новики ж» попали по ошибке, возможно, в десятне пропущена ещё какая-то категория новиков. Сотники делятся на дворовых и городских детей боярских с окладами 500, 450, 400 и 350 четвертей.

Десятню завершает список 124-х отставников: «Имена детям боярским оставленным, которые служат осадную службу в Смоленску»¹⁸⁷. Здесь также можно обнаружить ошибку позднего переписчика: в слове «оставленным» пропущена буква «т». В результате можно подумать, что речь идет об «оставленных» детях боярских, хотя речь идет о тех, кто из-за старости или бедности несет не конную, а осадную службу. В конце списка десятни приводятся имена составителя «подлинного» списка, дьяка Ивана Бунакова и справщика, подьячего Ивана Максимова¹⁸⁸. Всего в десятне, с учетом всех сохранившихся списков, перечислены 1225 смоленских дворян и детей боярских. В исследованиях, правда, обычно приводятся другие числа: всего 1217, а без отставников – 1093 детей боярских¹⁸⁹. Но эти показатели основаны на нумерации в публикации Мальцева. Однако эта нумерация охватывает только Мальцевский список, и не учитывает 12 имен служилых людей, которые сам публикатор указал в разночтениях по Вахромеевскому.

Кроме того, четыре имени в обоих списках продублированы: Посник Юрьев сын Алтуфьев, Прокофей Петров сын Степанов, Василей Степанов сын Неелов, Сава Михайлов сын Хохлов. Сначала они названы среди дворовых с окладом 400 четвертей в подразделе «дети боярские, которые были у архиепископа в Смоленску», а затем те же имена в том же порядке перечислены в составе городских детей боярских с окладами 400 четвертей¹⁹⁰. Мальцев сам указал на этот факт в комментарии, однако делать пропуски в нумерации не стал, хотя речь идет, очевидно, об одних и тех же служилых людях, которых следует относить к категории бывших архиепископских дворян. Поэтому к подсчетам Мальцева и Александрова необходимо добавить двенадцать имен служилых людей и отнять четыре имени.

¹⁸⁵ Там же. С. 388.

¹⁸⁶ Там же. С. 390.

¹⁸⁷ Там же.

¹⁸⁸ Там же. С. 393.

¹⁸⁹ Александров С. В. Смоленская осада 1609-1611. С. 48.

¹⁹⁰ Десятня 7114 года по Смоленску. С. 373.

Итоговое распределение смоленских дворян и детей боярских по различным категориям верстаня приводится в таблице 1.

Таблица 1. Общие результаты верстаня смоленского служилого города в 1605/06 году.

Статьи учёта дворян и детей боярских в 1605/06 году по итогам верстаня:	Дворян и детей боярских	
	Кол-во	%
Служат старо, со своих поместий	640	52,3
Новики поместного верстаня 1604/05 года	259	21,1
Новики поместного верстаня 1605/06 года	152	12,4
Переведены от смоленского архиепископа на службу с городом	42	3,4
Служат с отцовских поместий	8	0,7
Отставлены от полковой службы к 1605/06 году	124	10,1
Итого.	1225	100

Источник: Десятня 7114 года по Смоленску //Мальцев В.П. Борьба за Смоленск в XVI-XVII вв. Смоленск, 1940. С. 364-393.

Вопрос о датировке «десятни» и целях её составления в историографии. Как уже упоминалось, В.П. Мальцев, а вслед за ним С.В. Александров полагали, что между словом «выбор» и списком выборных дворян приведен заголовок ко всей десятне. По их мнению, в «заголовке» содержатся датирующие признаки, общие для всей десятни: во-первых, имя царя Василия («Государево царево и великого князя Василия Ивановича всея России жалованье емлют из четверти»); во-вторых 7114 год, который длился с 1 сентября 1605 по 31 августа 1606 года («По государеве грамоте за приписью дьяка Истома Карташева велено учинить оклад в 114 году за литовскую службу»); в-третьих само упоминание «литовской службы». По этим признакам и Мальцев и Александров делают вывод не только о времени верстаня, но о его целях и задачах.

По мнению В.П. Мальцева: «В этом заголовке несколько не ясна последняя фраза. За какую это «литовскую службу» смоленские дворяне могли получать новые оклады в 7114 году? Года тогда начинался с 1 сентября, следовательно, с июня по август смоляне должны были получить награду за участие в каком-то походе против поляков, т.к. в то время под литовской службой подразумевалась борьба с поляками. Но никакой такой борьбы в эти три месяца не было, а поэтому и не за что было смолянам давать новые

оклады»¹⁹¹. В.П. Мальцев связывал составление десяти с походом смолян против войска Болотникова осенью 1606 года. По В.П. Мальцеву цель составления десяти состояла в повышении поместных окладов участникам этого похода. Фраза «за литовскую службу», по мнению Мальцева, была приписана позднее¹⁹². В позднейшей публикации Мальцев предположил, что под «литовской службой» как раз и следует понимать борьбу смолян против восстания Болотникова: «народного движения, возбудителем которого считались литовцы»¹⁹³.

С.В. Александров придерживается такой же точки зрения на «заголовок» и время создания десяти. Однако у него иной взгляд на цели её составления: «Упоминание в заголовке десяти царя Василия Шуйского говорит о том, что она была составлена между 18 мая-1 сентября 1606 года. Какую же «литовскую службу» могли совершить смоленские дворяне в этот период?» - задается вопросом исследователь и ниже высказывает предположение: «К составлению десяти, на наш взгляд, правительство побудили майские события в столице. Убийство Лжедмитрия I и поляков, прибывших на царскую свадьбу, взятие в плен посольства А. Гонсевского могли вызвать враждебную реакцию со стороны Речи Посполитой. Правительство Василия Шуйского опасалось прихода в Россию отрядов шляхты, которая в то время выступила против Сигизмунда III. Поэтому было необходимо усилить охрану западной границы. К тому же новому правительству необходимо было заручиться поддержкой дворянства, в особенности тех уездов, которые не поддерживали Лжедмитрия в 1604 г. Отсюда довольно большое количество верстанных дворян и наделение их высокими окладами»¹⁹⁴. Кроме того, Александров отмечает: «все смоленские дворяне, записанные в десятню, как сказано в её заголовке «емлют жалование из четверти», т.е. они вошли в состав четвертчиков – элиту государева двора. (...) Обычно в четвертчики входили выборные и дворовые. В смоленской десятне в эту категорию зачислены и городовые. Это свидетельствует о стремлении Василия Шуйского заручиться поддержкой смолян»¹⁹⁵.

Таковы выводы предыдущих исследователей документа. Представляется, что для дальнейших суждений о целях и задачах составления десяти нужно пересмотреть представление о её первых строках, которые не являются «заголовком». Сведения о четвертном жаловании и о «литовской службе» не следует распространять на всех детей боярских в смоленской десятне. Подзаголовок «Выше статей. Государево царево и

¹⁹¹ Мальцев В.П. Борьба за Смоленск в XVI-XVII вв. С. 146.

¹⁹² Там же. С. 146-147.

¹⁹³ Мальцев В.П. Смоленская десятня 1606 г. как памятник раннего периода крестьянской войны в России начала XVII в. Проблемы источниковедения. Т. IX. М., 1963. С. 338-345.

¹⁹⁴ Александров С. В. Смоленская осада 1609-1611. С. 98-99.

¹⁹⁵ Там же. С. 99-100.

великого князя Василия Ивановича всея России жалованье емлют из четверти» в лучшем случае относится только к выборным дворянам. Но скорее всего, в этом подзаголовке имеются ввиду те 6 из 36 выборных дворян, у которых поместные оклады 700, 600 и 550 четвертей, т.е. выше максимально возможного для дворовых и городских детей боярских оклада в 500 четвертей.

Что касается подзаголовка «По государеве грамоте за приписью дьяка Истома Карташева велено учинить оклад в 114 году за литовскую службу», то он и вовсе относится к какой-то небольшой части выборных дворян, и даже, скорее всего, только к самой высокой окладной статье 700 четвертей. В эту статью записан единственный сын боярский – Иван Борисович Макшеев¹⁹⁶. Поэтому пресловутая «литовская служба» означает личное участие этого смолянина в посольских или каких-то иных порубежных делах.

В смоленской десятне есть и другие такие же подзаголовки с указанием на верстание в 114 (1605/06) году. Эти подзаголовки относятся либо к конкретному служилому человеку либо к отдельной окладной статье и указывают на особое верстание новиков или детей боярских, которые служат с отцовского поместья. Вот примеры этих подзаголовков: «114 году поверстан был на Москве: Федор Афонасев сын Меншой Тимашов (городовой, 350 четвертей с отцов поместья –А.М.)», «Новики поместного и денежного верстанья 114 г(о)ду служилые», «Новик 114 г(о)ду по г(осу)д(а)ревой грамоте велено ево написать со отцова. С 320 четвертей. Дмитрий Иванов сын Зубов», «Новики ж денежного верстанья 114 г(о)ду, а поместьем не верстаны. Служить им велено со отцы вместе со отцовых поместей»¹⁹⁷. Для датировки верстания все эти подзаголовки имеют ровно такую же ценность, как и подзаголовок о «литовской службе». Они все указывают на верстание, которое происходило между 1 сентября 1605 года и 31 августа 1606 года. Нет никаких оснований связывать это верстание с царем Василием Ивановичем (Шуйским), который упомянут в подзаголовке о четвертном жаловании. Вероятнее всего, большое верстание в Смоленске приходилось на царствование Лжедмитрия. Имя же царя Василия появилось позднее, при составлении справочного, сокращенного списка десятни, который и был скопирован для частного родословного архива. Ниже будут показано, какие признаки десятни указывают на известное верстание, которое началось осенью 1605 года.

¹⁹⁶ Десятня 7114 года по Смоленску. С. 364.

¹⁹⁷ Там же. С. 377, 385, 387, 388. По нашему мнению, слово «иные» следует во всех случаях читать как «ныне».

Дело в том, что в царствование Лжедмитрия действительно проводилось большое верстание детей боярских поместными окладами во всех городах. Сохранились материалы верстания по 4-м пятинам Великого Новгорода, Торопцу и Холму, а также Епифани, Мурому и Нижнему Новгороду и некоторым другим городам¹⁹⁸.

Смоленская «десятня» весьма близка по структуре к «десятне» Водской пятины 1605/06 года¹⁹⁹. Оба документа представляют собой краткие варианты десятен и в обоих отсутствуют сведения о размерах прибавок к прежним окладам. Но в «десятне Водской пятины» присутствует хотя бы сокращенная преамбула, которая в списках смоленской десятни была утрачена. Поэтому для примера рассмотрим преамбулу к десятне Водской пятины:

«Лета 7114 года сентября в 27 день по наказу за приписью дьяка Василия Янова и по грамоте, за приписью дьяка Истома Карташова, боярин и воеводы Михайло Глебович Салтыков, да Василий Иванович Белеутов, да дьяк Михайло Огарков поверстали в Ывангороде государевым жалованием поместными оклады новгородцев Вотцкие пятины дворян и детей боярских и новиков, которые государеву службу служат и впредь им государева служба служить мочно, розспрашивая про них окладчиков: хто каков отечеством и службою и в которую статью хто пригодиться. А поместный им оклад учинен по государеву указу: первая статья – 600 чети, а другая статья – 550 чети, третья статья – 500 чети, четвертая статья – 450 чети, пятая статья – 400 чети, шестая статья – 350 чети, седьмая статья – 300 чети, осьмая статья – 250 чети, девятая статья 200 чети, десятая статья -150 чети. А новикам неслужилым: первая статья – 300 чети, другая статья – 250 чети, третья статья – 200 чети, четвертая статья – 150 чети, пятая статья – 100 чети.

А которые дети боярские по смотру и по окладчикове скаске стары и больны и худы и увечны и государевы службы служить им не мочно, и недоросли, которые в службу не успели, и те дети боярские написаны в сей десятне опроче, особными статьями»²⁰⁰.

Далее следует список окладчиков, который завершает преамбулу. Из неё мы видим, что в результате верстания происходила унификация поместных окладов. После прибавок к окладам (иногда – довольно значительных) сохранялось только 11 позиций поместных окладов от 100 до 600 четвертей, с шагом между окладами в 50 четвертей. В

¹⁹⁸ Десятня 1605 года по Епифани //РГАДА. Ф 210. Дела десятен. Оп. 1. № 223. Л. 1-90об; Десятня Водской пятины 1605 года //Известия русского генеалогического общества. Вып. IV. СПб., 1911. С. 435-509; Малов А.В. Торопецкая верстальная десятня 114-го (1605/06) – 115-го (1606/07) гг. //Единорогъ. Вып. 1. М., 2009. С. 12-62. О верстании в Бежецкой, Деревской и Обонежской пятинах см. Воробьев В.М. Лжедмитрий I и судьбы службы по отечеству и поместной системы //Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Новгород, 2003. С. 98-122. О верстании в Муроме см. Александров С. В. Смоленская осада 1609-1611. С. 51.

¹⁹⁹ Десятня Водской пятины 1605 года. С. 435-509.

²⁰⁰ Там же. С. 435.

десятиях трех других новгородских пятин и в торопецкой десятне того же времени точно те же 11 позиций окладов для старослужащих, и пять позиций для новиков²⁰¹.

Подобная унификация помесных окладов является первым характерным признаком самозванческого верстания 1605/06 года. По этому же признаку следует датировать смоленскую «десятью 7114 года» и делать выводы о её целях и задачах. Правда, в ней мы встречаем 12 позиций поместных окладов, поскольку И.Б. Макшеев получил «за литовскую службу» 700 четвертей. Но это единичный случай особого пожалования «по государеве грамоте». Оклад 700 четвертей встречается и в десятне Обонежской пятины того же года. В остальном унификация поместных окладов в смоленской «десятне», точно такая же, как и в других материалах верстания 1605/06 года.

Второй датирующий признак – имя дьяка Истома Карташова, который упомянут в одном из подзаголовков к смоленской «десятне» и в преамбуле к десятне Водской пятины²⁰². В обоих документах «государева грамота» за его «приписью» (подписью) дополняет царский указ и наказ о верстании. В подробных десятиях по трем другим новгородским пятинам и по Торопцу упомянут только сам указ и наказ за приписью дьяка Василия Янова²⁰³. Оба этих дьяка, Василий Янов и Истома Карташов служили в Новгородском разряде, который ведал верстанием в северо-западных и западных городах России²⁰⁴. Известный деятель Смутного времени В.О. Янов²⁰⁵ был думным дьяком и составил текст указа, который пересказан в подробных преамбулах десятен 1605/06 гг. Грамоты, которые составлял Истома Карташов, вероятно, касались особого верстания отдельных лиц. Дополнительное значение для датировки имеют имена составителей десятини – дьяка Ивана Бунаков (вариант Вахромеевского списка) и подьячего Ивана Максимова. Из разрядных записей мы узнаем, что дьяк Иван Бунаков был назначен в Смоленск в начале царствования царя Василия. Сначала он служил там с воеводами И.С. Куракиным и князем Звенигородским, и вторым дьяком Семым Ефимьевым. После 1607 года он же служил с М.Б. Шеиным, П.И. Горчаковым и вторым дьяком Никоном Алексеевым²⁰⁶. Его имя в последний раз упомянуто к грамоте московских воевод к царю от января 1609, после чего в смоленском делопроизводстве фигурирует только второй

²⁰¹ Воробьев В.М. Лжедмитрий I и судьбы службы по отечеству. С. 109-111.

²⁰² Десятня 7114 по Смоленску... С. 364. Десятня Водской пятины 1605 года. С. 435.

²⁰³ Малов А.В. Торопецкая верстальная десятня. С. 12

²⁰⁴ Рыбалко Н.В. Российская приказная бюрократия в Смутное время начала XVII века. М., Квадрига. 2011. С. 128-129. См. также. Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV-XVII вв. М., 1975. С. 600.

²⁰⁵ Новый летописец. С. 101.

²⁰⁶ Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время. С. 12, 41.

смоленский дьяк, Никон Алексеев, вплоть до 1611²⁰⁷. Иван Максимов известен как смоленский подьячий Дворцового приказа, упомянут в росписи от 1 мая 1610 года²⁰⁸.

Имена Бунакова и Максимова в конце документа говорят о том, что сокращенный справочный вариант смоленской десятни самозванческого верстания составлялся в Смоленске и уже в царствование царя Василия. Этот сокращенный вариант и послужил протографом для Вахромеевского, Мальцевского и Муравьевского списков.

Следует отметить, что окончательный текст большинства десятен был составлен уже после кратковременного правления самозванца. Поэтому в смоленской «десятне» в подзаголовке о четвертном жаловании появилось имя нового царя, а в торопецкой десятне сохранились сведения о позднейших прибавках к окладам²⁰⁹. По этой же причине в преамбулах десятен и в некоторых подзаголовках не названо ставшее имя бывшего «царя Дмитрия». Отсутствие имени государя следует признать третьим датирующим признаком верстания 1605/06 года.

Так, подробная преамбула к десятям Бежецкой, Деревской, Обонежской пятины и Торопца начинается словами: «Лета 7114 году по государеву указу и по наказу, каков прислан из Разряду за приписью дьяка Василия Янова...»²¹⁰. Имя государя так и не названо во всей преамбуле, равно как и в сокращенной преамбуле Водской пятины. Такое сокращение было возможно только в случае с именем самозванца. Точно такой же пропуск имени, совершенно невозможный ни в каком другом случае, мы встречаем в подзаголовке: «По государеве грамоте за приписью дьяка Истома Карташева велено учинить оклад в 114 году за литовскую службу», а также в других подзаголовках, которые приведены выше. Эти немислимые, с точки зрения приказных порядков того времени, пропуски царского имени в смоленской «десятне» являются третьим важным датирующим признаком. Связаны эти сокращения с тем, что окончательный вариант десятни создавался уже тогда, когда «царь Дмитрий» официально был признан самозванцем. Все три признака говорят о том, что в смоленской «десятне» отражено верстание поместными окладами в правление Лжедмитрия. Это верстание происходило во всех городах, и было важнейшим мероприятием царствования Самозванца. Царь Василий подтвердил пожалования своего предшественника, поскольку также нуждался в поддержке служилых людей для преодоления Смуты. Поэтому уже в его царствование десятни были оформлены в окончательном виде. Однако все преамбулы этих десятен

²⁰⁷ Памятники обороны Смоленска. С. 2-3; Акты исторические. Т. II. С. 161-162, 173-174

²⁰⁸ Там же. С. 123, 342.

²⁰⁹ Десятня 7114 по Смоленску. С. 364. Малов А.В. Торопецкая верстальная десятня. С. 14-62.

²¹⁰ Там же. С. 12.

ссылаются на указ и грамоты Лжедмитрия и на смотры в городах, которые проходили в его правление.

Кроме унификации и значительного повышения поместных окладов у этого верстанья были и другие задачи, о которых можно судить из подробных преамбул к десятням Торопца и трех новгородских пятин:

«А поместьем верстали дворян и детей боярских дворовых и городовых и новиков по последнему указу, по грамоте, каковы прислана из Ноугородского розряду за приписью дьяка Василия Янова, со 600 четей и ниж того на 11 статей, меньшие статьи на 100 чети, роспрашивая окладчиков, хто каков службою и отечеством. А которые дети боярские отечеством молоды, а собою и службою и головою своею добры, и тех верстали к тем же в статьи, которые отечеством добры, выпрашивая окладчиков хто в которую статью пригодиться. А новиков служилых и неслужилых верстали первую статью по 300 чети и ниж того на 5 статей, а пятую статью по 100 чети. А которые новики служилые служат лет по 10-и и по 15-и с прожиточных поместий, без поместного верстанья, и тех верстали по последним указом со старыми, выпрашивая окладчиков хто в которую статью пригодиться, а иных верстали в новичные и в отводные статьи»²¹¹.

Указ Лжедмитрия предполагал нарушение старинного русского принципа службы «по отечеству». Этот принцип предполагал при назначении окладов учитывать не только личные, но и родовые заслуги служилого человека. Такая система жалования определяла ответственность за службу перед предками и перед потомками. Родовая ответственность за продвижение по службе была общей для думных бояр и для простых городовых детей боярских. Поэтому указ Лжедмитрия носил характер коренной ломки поместной системы в прежнем её виде. Вероятно, этот указ распространился и на верстанье в Смоленске.

Сведения о самозванческом верстаньи сохранились в кратких разрядных записях и в Карамзинском хронографе. Разрядные дьяки и арзамасский летописец Баим Болтин отзываются о верстаньи отрицательно и заявляют, что значительные прибавки к поместным окладам были прелестью, т.е. обманом самозванца. («А в 114-м году, хотя всю землю прелстити и будто тем всем людем милость показати и любим быти, велел все города верстати поместными оклады и денежными оклады»)²¹².

У исследователей возникла полемика о результатах верстанья 1605/06 г. и об отношении к нему служилых людей по отечеству – дворян и детей боярских. Самозванческое верстанье поместными окладами упоминается в работе Скрынникова²¹³,

²¹¹ Малов А.В. Торопецкая верстальная десятня. С. 12-13.

²¹² Белокуров С.А. Разрядные записи за смутное время. С. 6; Изборник Попова. С. 329.

²¹³ Скрынников Р.Г. Самозванцы в России в начале XVII века. Григорий Отрепьев. Новосибирск, 1987. С. 159.

однако подробное изучение этого события содержится в работе П.В. Седова. В его статье о поместных и денежных окладах в Смуту сделаны некоторые основополагающие выводы. Седов отметил, что в ходе верстания был установлен максимальный оклад в 600 четвертей, что привело к дальнейшей унификации поместных окладов. Кроме того, по наблюдениям Седова, поместными окладами верстали «служилую мелкоту», чего не было во время предыдущего верстания новиков при Борисе Годунове. По мнению Седова самозванец стремился получить поддержку у служилого дворянства и поэтому при верстании в первую очередь исходил из их интересов. Верстание было проведено «в интересах широких слоев дворянства»²¹⁴.

В монографии В.Н. Козлякова впервые отмечается, что некоторые десятины 1605/06 года были не только верстальными, но и разборными. Задачами верстания, по мнению Козлякова, было «привлечь на службу как можно больше дворян и детей боярских, получить полную информацию о состоянии уездных дворянских корпораций, включив в указы вопросы о состоянии поместий и вотчин детей боярских». Козляков высказал мнение, что унификация поместных окладов не была связана с их увеличением. Поэтому оценку разрядных записей Козляков считает риторической и полагает, что унификация окладов в 1605 году «способствовала укреплению войска»²¹⁵.

Мнение о том, что оклады детей боярских не были значительно увеличены в ходе верстания, было опровергнуто статистическими подсчетами В.М. Воробьева. В его статье впервые использованы полные преамбулы десятиен Бежецкой, Деревской и Обонежской пятинам, в которых подробно перечислены задачи верстания: «А которые дети боярские отечеством молоды, а собою и службою и головою своею добры, и тех верстали к тем же в статьи, которые отечеством добры, выпрашивая окладчиков, кто в которую статью пригодится»; «а которые новики служилые служат лет по 10-и и по 15-и с прожиточных поместий, без поместного верстания, и тех верстали по последним указам со старыми»²¹⁶. В.М. Воробьев сделал важнейший вывод: «Главной целью «воровского» верстания лета-осени 1605 года было не просто разовое увеличение поместных окладов, а коренная ломка основополагающего принципа службы «по отечеству»; верстание окладами должно было всегда производиться с учётом родовых заслуг, т.е. «отечества». Указ же самозванца предписывал разрыв с этой традицией сразу по двум позициям, в отношении

²¹⁴ Седов П.В. Поместные и денежные оклады, как источник по истории дворянства в Смуту. //Архив русской истории. Научный исторический журнал. М., 1993. Вып. 3. С. 228.

²¹⁵ Козляков В.Н. Служилый «город» московского государства XVII века. (От Смуты до Соборного уложения). С. 79.

²¹⁶ Такой же подробный вариант преамбулы к десятине 1605 г. см. Малов А.В. Торопецкая верстальная десятина. С. 12-13.

старослужащих и в отношении служилых новиков»²¹⁷. Обращение к десятням Бежецкой, Деревской и Обонежской пятины позволило В.М. Воробьеву обработать статистические данные о старых окладах и о прибавках к окладу при самозванце. В результате выяснилось, что до самозванческого верстания в новгородских пятинах шкала окладов была более разнообразной: 26 позиций от 50 до 700 четвертей. Преобладающим (25,6 %) был оклад 200 четвертей земли, далее шли оклады в 150, 250, 300 и 100 четвертей. В результате унификации окладов «изменилась система окладов, в ней стали преобладать большие поместные оклады, не подкрепленные земельными дачами»²¹⁸. Именно с этого времени начинается расхождение между окладами и реальными размерами поместных дач. Доля окладов в 500-700 четвертей после верстания в новгородских пятинах возросла с 3,8 % до 17,4 %. «Наиболее частым стал оклад 400 четвертей (18,8 %), к нему примыкала внушительная группа высоких, по меркам XVI века поместных окладов: 300-350 (24,5 %) и 450-500 четвертей (21,4 %). Напрочь исчезли оклады меньше 100 четвертей, а оклады в 100 и 150 четвертей теперь составляли абсолютное меньшинство (3,2%)»²¹⁹. Значительное увеличение поместных окладов произошло в результате придач к окладам в ходе верстания. Придачи в некоторых случаях превосходили 400 четвертей, а самая частая придача составляла 200 четвертей (19,9 %). Данные о старых и новых окладах и о прибавках 1605/06 года по трем новгородским пятинам представлены в статье Воробьева в статистических таблицах. Одним из достоинств статьи В.М. Воробьева является то, что в ней впервые сказано о службе по отечеству, как о важнейшей составляющей мировоззрения городских детей боярских.

Вопрос о верстании 1605/06 года вновь поднял А.А. Селин в своей книге «Новгородское общество в эпоху Смуты»²²⁰. Верстание 1605 года Селин изучал по той же опубликованной десятне Водской пятины. «Спор среди учёных ведёт собственно о том – заявляет Селин – насколько верны слова Карамзинского хронографа о том, что данное верстание было «прелестью» Самозванца и не имело реального обеспечения земельными участками. Действительно, как Карамзинский хронограф, так и разрядные книги сохранившие почти дословно такую же оценку верстания 1605/06 г., - в значительной степени памятники идеологические, особенно в общеполитической трактовке событий Смуты. Не стоит в оценочных суждениях современников Смуты искать исторического факта. Впрочем, «инфляция» поместных окладов, действительно начатая в 1605/06 г., продолжалась и в последующие периоды Смуты, и в годы после неё. По такому же пути

²¹⁷ Воробьев В.М. Лжедмитрий I и судьбы службы по отечеству. С. 98-122.

²¹⁸ Там же. С. 115

²¹⁹ Там же. С. 112.

²²⁰ Селин А.А. Новгородское общество в Смутное время. СПб., 2009.

повышения среднего уровня окладов шли и руководители ополчений и правительство Михаила Фёдоровича, оказавшиеся, по сути, заложниками своих авансов служилому сословию. При этом довольно занятной выглядит своеобразная «аристократическая» позиция В.М. Воробьёва, определяющего самозванческое верстание, как нарушение основополагающего принципа службы – по отечеству (в статье чётко выражена личная, несколько эмоциональная позиция исследователя). Примечательно, что если В.М. Воробьёв считает, что верстание при Лжедмитрии увеличило оклады служилых людей, не соразмеряясь с реальными возможностями правительства, в чём исследователь видит авантюру режима Лжедмитрия I, то он никак не комментирует те придачи окладам служилым людям, которые в массовом порядке были сделаны после событий под Тулой осенью 1607 года правительством Василия Шуйского и были обеспечены реальными возможностями правительства не в большей мере»²²¹. В итоге А.А. Селин заключает, что в каждом исследовании о верстании 1605 года можно найти рациональное зерно. Он согласился с Воробьёвым относительно того, что десятина Водской пятины 1605 года не является полноценным источником, но поддерживал точку зрения В.Н. Козлякова и П.В. Седова, что верстание 1605 года вело не к увеличению окладов, а к их унификации. При этом Селин никак не прокомментировал статистические выкладки В.М. Воробьёва, хотя именно в таблицах показано, что размеры поместных окладов после верстания 1605 года резко возросли. Поэтому чрезмерное увеличение окладов по сравнению с земельными дачами подтверждается статистическими выкладками. Точно также исследователь не использует десяти три Новгородских пятин с более подробными формулярами и преамбулами. Но ведь как раз в этих преамбулах сказано, что в указе Лжедмитрия были предусмотрены высокие оклады, для «молодых отечеством» детей боярских. Отсюда следует, что система службы «по отечеству» была распространена среди уездных детей боярских, а значит, в ней не было ничего «аристократического». По этой причине нам представляется справедливой точка зрения В.М. Воробьёва, согласно которой, верстание Лжедмитрия нарушало традицию наделения окладами согласно заслугам рода на государевой службе.

Смоленская «десятина» 1605/06 года не содержит сведений о старых окладах и о прибавках 1605/06 года. Поэтому статистические подсчеты можно произвести только относительно новых окладов, которые смоляне получили по итогам самозванческого верстания. Результаты этих подсчетов представлены в таблице 2.

²²¹ Там же. С. 36-37.

Таблица 2. Поместные оклады смоленских дворян и детей боярских по результатам верстания 1605/06 г.

Поместный оклад (в четях):	Кол-во:	процент к итогу:
700	1	0.1
600	3	0.3
550	2	0.2
500	134	14.1
450	132	13.9
400	162	17.1
350	147	15.5
300	129	13.6
250	78	8.2
200	77	8.1
150	53	5.6
100	31	3.3
Итого:	949	100

Источник: Десятня 7114 года по Смоленску //Мальцев В.П. Борьба за Смоленск в XVI-XVII вв. Смоленск, 1940. С. 364-393.

Сведения о новых окладах по Смоленску совпадают с такими же данными, приведенными В.М. Воробьевым по Новгородским пятинам. Доля крупных окладов не увеличилась или увеличилась незначительно, составив в сумме 0,6 %. Значительно возросла доля окладов в 500 четвертей (14 %). Самое большое количество служилых людей было поверстано окладами в 400 четвертей (17,4%). Как и в десятках Деревской, Бежецкой и Обонежской пятины большие группы были поверстаны окладами в 300–350 четвертей (28,9 %), и 400–450 четвертей (27,8 %). Они составляли очевидное большинство. Доли невысоких окладов в 200, 150 и 100 четвертей составляли 8,1%, 5,6% и 3,2 % соответственно. Приведенные данные говорят о том, что в Смоленске происходило такое же верстание «окладами большими», как и в Новгороде. Вероятно, старые оклады и прибавки к ним также не сильно отличались от того, что уже известно по новгородским пятинам из статьи В.М. Воробьева. Точно также в смоленском уезде возникло

расхождение поместных окладов и земельных дач. Об этом расхождении можно судить по другим источникам Смутного времени.

В начальный период междуцарствия (1610–1612 гг.) некоторые смоленские дворяне стали решать возникшие проблемы с поместьем при помощи челобитных королю Сигизмунду, который с войском стоял под Смоленском. В 1610 году смолянин И.А. Кошелев сообщал в челобитной королю Сигизмунду в лагере под Смоленском, что у него «старого моего поместья 48 четвертей, а оклад мне 400 четвертей»²²². Однако значительное расхождение возникло уже после унификации окладов по итогам верстания при Лжедмитрии. При царе Василии сохранилась система жалования, при которой прибавки к старому окладу составляли 50 четвертей, а за особые заслуги — 100 четвертей. В отличие от своего предшественника, царь Василий Шуйский делал прибавки к поместным окладам только в награду за службу. В результате к концу Смуты поместные оклады смолян достигали 900 четвертей и уже не могли быть обеспечены реальными дачами²²³. Гораздо сложнее выявить факты нарушения принципа родового старшинства при верстании окладами, а тем более — оценить последствия подобного нарушения. Исследователи мало уделяют внимания службе по отечеству, особенно когда речь идет о мировоззрении городских детей боярских. Исключением является вышеупомянутое исследование В.М. Воробьева, которое остается основным по данному вопросу. В этой статье учёный высказал мнение, что отношение новгородских дворян к самозванческому верстанью проявилось во время их участия в свержении Лжедмитрия 17 марта 1606 года. Вероятно, те же причины побудили смолян выступить против самозванческого воеводы Ивана Болотникова осенью 1606 года.

Есть возможность сравнить сведения о самозванческом верстании 1605/06 года с одним из важнейших отрывков «Повести о победах Московского государства». По версии «Повести» смолян разделили на чины по родовому старшинству сразу после присоединения города к Московскому государству: «Егда взял сей славный град Смоленск благоверный государь и великий князь Василий Иванович Московский, и виде град преукрашен, изобилен и многим изобилием, и возлюбил его паче всех градов. Изобра государь из многих градов лучших и честных людей, дворян, и учинив к ним свое государское рассмотрение, и росписав их на три стати, первую и среднюю, и меньшую, учинив дворянский список и кто которой чести достоин, и повеле их в смоленских уездах испоместить против их отечества и чести по своему государскому разбору и рассмотрению

²²² Памятники обороны Смоленска. С. 248. Род Кошелевых //РГАДА. Ф. 286. Герольдмейстерская контора. Оп. 2. Кн. 1. Л. 131-135.

²²³ Разборная «десятиа розных городов смолян, вязмичей, дорогобужан» 1622 года. Л. 2–4.

и по их дворянской природе. По сем, повеле государь земцев собрати, сиречь которые тутошные помещики, в своих же поместьях остались на его государево имя. И не повеле государь у них тех поместьев отнимати, повеле им по-прежнему владети, кто чем владел, и разобрав их на три стати против их чести и повеле им особый список учинити. От того бо времени установися чин во граде Смоленске. Егда бысть смотр, первое повеле государь своих государевых дворян града Смоленска по их дворянскому списку кликати: первое — первую статью, потом же — среднюю и потом меньшую. После же дворянского списку повеле государь земцовский список кликати: первое — первую статью, потом же — среднюю и меньшую. И бысть по его государеву разбору и рассмотрению во граде Смоленске чин такой имеюся от взятия Смоленского великого князя Василия Ивановича и до взятия смоленского, до царя Василия Ивановича, как взял польский король Жигомонт во 119 и до разорения Московского. До того бо времени каждо всякий честь свою и породу знаяше, понеже бо той град Смоленск исперва пред всеми грады многую честию почтен баше»²²⁴.

В этом рассказе в составе «Повести о победах» лучше, чем в каком-либо другом источнике, отражено мировоззрение рядового сына боярского и его взгляд на поместное верстание. Важным моментом самого первого верстания дворян в Смоленске, по мнению создателя «Повести», был учёт родовых заслуг — «дворянской природы». Характерно, что дворян из других городов Московского государства верстали «против их отечества и чести», в то время как земцев только «против их чести». Это различие станет понятным, если мы учтём, что земцы жили в Смоленском уезде до присоединения к Московскому государству, и потому на момент верстания у них ещё не могло быть родовых заслуг перед московским государем. Но и земцы отличались честью, то есть положением в средневековом обществе, поскольку владение земельными наделами было распространено среди различных категорий населения. Этот отрывок позволяет говорить о негативном отношении смоленских дворян к нарушениям принципов службы по отечеству во время верстания 1605 года. Уважение смоленских дворян к родовому старшинству проявилось и во время похода 1606 года, когда они единодушно выступили против сторонников самозванца. Самозванческое верстание предполагало нарушение традиционной структуры служилого города. На наш взгляд, нельзя напрямую связывать величину поместного оклада в 1605/06 году и принадлежность к верхушке служилого города, как это делает Б.Н. Флоря в своей монографии²²⁵. Данные смоленской десяти следует проверять по другим

²²⁴ Повесть о победах Московского государства. С. 28.

²²⁵ Флоря Б.Н. Польско-литовская интервенция в России и русское общество в начале XVII века. М., 2004.

источникам Смутного времени и изучать положение каждого рода, а не отдельного дворянина. Только при таком подходе из десяти можно получить сведения о реальной системе управления служилым городом в Смутное время. О размерах поместий в смоленском уезде по десяти 1605/06 года нельзя судить вовсе. Однако в десяти отражена структура служилого города в том виде, в каком она сложилась накануне похода против Болотникова.

В смоленской десяти 1605/06 года против некоторых дворянских имен стоит указание на их должности в служилом городе, такие как голова у стрельцов, судья, городничий. Некоторые из этих должностей были выборными, другие напрямую замещались в соответствии с отечеством служилого человека. На должности в служилом городе указы Лжедмитрия не распространялись. Поэтому сведения о должностях позволяют делать заключение о связи между влиянием отдельных родов в Смоленске и их отечеством. Чаще всего такая связь прослеживается у выборных дворян или у дворовых детей боярских с высокими окладами, из чего можно заключить, что эти должности замещались представителями руководящих групп в смоленском служилом городе.

В смоленской десяти 1605/06 годов две должности занимались в соответствии с системой «службы по отечеству». Это – должности судей и стрелецких голов. В десяти эти должности занимают четыре человека, трое из которых были выборными дворянами. Стрелецкими головами (начальниками приказов) в 1605/06 году были П.И. Чихачев и И.Л. Зубов, выборный с окладом 500 четвертей²²⁶. Головами у стрельцов в 1598 году являлись Лукьян Федорович Корсаков, Казарин Бегичев и Пётр Чихачев²²⁷. Из посольских книг можно узнать, что Бегичев в уже в 1593 году был стрелецким головой и одновременно исполнял обязанности посольского пристава — сопровождал членов посольства Священной Римской империи от русской границы до Москвы²²⁸. В 1604 году он уже стрелецкий голова в Москве²²⁹. В десяти 1605/06 года из его родственников есть только М.П. Бегичев, будущий дьяк Галицкой четверти. Можно предположить, что Бегичев служил по Смоленску недолго и его род здесь не закрепился. Напротив, Корсаков и Чихачев принадлежал к старшим смоленским родам.

Пётр Чихачев был выборным дворянином с окладом 600 четвертей. Кроме него такой оклад имели ещё два человека и только у шести смоленских дворян были оклады выше 500 четвертей. Не удивительно, что Чихачев одним из первых смолян перешёл из

²²⁶ Десятня 7114 по Смоленску. С. 364.

²²⁷ Смоленская крестоприводная книга 1598 года/Публ. С. П. Мордовиной и А.Л. Станиславского //Источники по истории русского языка. М., 1976. С. 143, 151, 160.

²²⁸ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Ч. 1. СПб., 1851. Ст. 1251—1252, 1255—1256.

²²⁹ Сухотин Л. С. Четвертики Смутного времени. С. 19.

служилого города в Государев двор. Уже в 1608 году на свадьбе царя Василия «подножие несли: бархат Григорей Полтев, сорок соболей Петр Чихачов»²³⁰. Скорее всего, Пётр Чихачев возвысился вместе с Григорием Полтевым во время борьбы с Болотниковым в 1606—1607 годах. Если Г.М. Полтев тогда командовал отрядом смоленских дворян и детей боярских, то П.И. Чихачев, вероятно, водил в походы свой стрелецкий полк. Таким образом, они вместе осуществляли руководство смоленским ополчением. В боярском списке 1611 года П.И. Чихачев показан в числе московских дворян²³¹.

Вторым стрелецким головой по десятне 1605—1606 года был Иван Лукьянович Зубов, выборный дворянин с окладом 500 четвертей²³². Зубовы также принадлежали к одному из самых старших смоленских родов. Один из них, Игнатий Ширявич, в 1569—1570 был смоленским помещиком, а в 1578—1579 году уже стал дьяком поместного приказа и впоследствии проводил писцовые описания различных уездов²³³. Следовательно, смоленские Зубовы изначально происходили из семьи московских дьяков. Сам Иван Лукьянович, в отличие от Петра Чихачева, не получил заметных повышений по службе, но точно также в самые тяжелые годы Смуты уже не руководил стрелецким приказом. Если П.И. Чихачев перебрался в Москву, то И.Л. Зубов, скорее всего, ушёл со службы из-за старости или смерти. В любом случае, в самый напряжённый для Смоленска период Смуты руководство стрелецких приказов обновилось.

В сохранившихся документах говорится о подготовке смоленской крепости к осаде от поляков. В них упоминаются отставленные стрельцы приказов Фёдора Зубова и Василия Чихачева²³⁴. Из других источников можно узнать, что Фёдор Михайлович Зубов руководил стрелецким отрядом в ополчении князя Скопина-Шуйского в 1609—1610 годах, а Василий Григорьевич Чихачев был стрелецким головой в осаждённом Смоленске в 1609—1611 годах²³⁵. К их судьбе мы ещё обратимся, а пока следует отметить, что именной состав стрелецких голов изменился, но фамилии в 1609 году остались те же, что и в 1605-м. Более того, руководство стрельцами в обоих случаях перешло к следующему по старшинству представителю того же рода. В.Г. Чихачев был выборным дворянином с окладом 500 четвертей и по величине поместного оклада как раз занимал второе место в своём роду после П.И. Чихачева²³⁶. Такой же чин и оклад имел Ф.М. Зубов, который был

²³⁰ Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время. С. 269.

²³¹ Лихачев Н.П. Боярский список 1611 года. СПб., 1895. С. 19.

²³² Десятня 7114 года по Смоленску. С. 364.

²³³ Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XVI—XVII вв. М., 1975. С. 199.

²³⁴ Памятники обороны Смоленска. С. 140.

²³⁵ Акты исторические. Т. II. С. 317; Памятники обороны Смоленска. С. 3, 54, 55, 78, 103, 104, 112.

²³⁶ Десятня 7114 года по Смоленску. С. 365.

записан в десятне сразу после И.Л. Зубова²³⁷. Это значит, что самые влиятельные смоленские семейства сохраняли за собой управление стрелецким войском.

Подобная родовая преемственность стрелецких голов была не случайной. Например, точно такая же ситуация существовала и при замещении судейской должности. В десятне 1605—1606 года против двух детей боярских стоит помета: «судья в Смоленску». Первым из них был Воин Лукьянович Корсаков (выбор, 500 четвертей)²³⁸ — сын того Лукьяна Корсакова, который являлся стрелецким головой в 1598 году. Вторым смоленским судьёй указан Иван Иванович Чихачев (дворовый, 500 четвертей)²³⁹, старшие родичи которого также один за другим начальствовали над стрелецкими приказами. Старшинство ветвей было важнее, чем старшинство поколений. Но в остальном чин и оклад зависели от старшинства внутри рода, также как и должность (таблица 3).

Таблица 3. Должности стрелецких голов и судей в смоленском служилом городе в конце XVI — начале XVII веков.

Должность	Источник		
		Крестоприводная книга 1598 года.	Смоленская десятня 1605/06 год
Стрелецкие головы	Лукьян Корсаков, Казарин Бегичев, Пётр Чихачев.	Пётр Иванович Чихачев, Иван Лукьянович Зубов.	Фёдор Михайлович Зубов, Василий Григорьевич Чихачев, Иван Обошешев.
Судьи	Нет сведений.	Воин Лукьянович Корсаков. Иван Иванович Чихачев.	Иван Петрович Ленин.

Источники: Десятня 7114 года по Смоленску //Мальцев В.П. Борьба за Смоленск в XVI-XVII вв. Смоленск, 1940. С. 364-393; Десятня 7114 года по Смоленску //Мальцев В.П. Борьба за Смоленск в XVI-XVII вв. Смоленск, 1940. С. 364-393; Памятники Обороны Смоленска 1609-1611 гг. Под ред. Ю.В. Готье. М., 1912; Смоленская крестоприводная книга 1598 года/Публ. С. П. Мордовиной и А.Л. Станиславского //Источники по истории русского языка. М., 1976. С. 136-166.

Смоленские Корсаковы по большей части принадлежали к одной из ветвей того знаменитого рода, который впоследствии получил приставку «Римский»²⁴⁰. Сопоставление

²³⁷ Там же. С. 364.

²³⁸ Там же.

²³⁹ Там же. С. 366.

²⁴⁰Родословие дворян Корсаковых //Лихачев Н.П. «Генеалогия» дворян Корсаковых. СПб., 1913. С. 14.

родословия и десяти показывает определенную последовательность внутриродового старшинства. (См. генеалогию Корсаковых в Приложении). Стрелецкий голова Лукьян Корсаков принадлежал к старшей ветви рода. В 1605/06 году в Смоленске служили его двоюродные братья в чине дворовых детей боярских, а его сын Воин и родной племянник в чине выборных дворян с окладом 500 четвертей.

Должности стрелецких голов и судей и были теми ключевыми постами, которые сохраняли за собой три влиятельных смоленских семейства: Зубовы, Корсаковы и Чихачевы. Безусловно, такое сохранение служебных должностей за определёнными служилыми семействами было связано с системой службы по отечеству в Смоленске XVI—начале XVII вв. Зубовы, Корсаковы и Чихачевы занимали в Смоленске верхние ступени по своему положению в этой системе и пользовались влиянием в местной дворянской корпорации. Такой порядок укреплял взаимодействие поместной конницы и огнестрельной пехоты, поскольку руководители этих двух родов войска происходили из одного слоя — верхушки смоленского дворянства. По этой причине стрельцы и дети боярские сохраняли единство управления даже в годы в годы ослабления царской власти и междоусобия. Представители старших родов, занимали должность окладчиков. Их выбирали на время проведения смотра из числа влиятельных детей боярских. По их речам («сказкам») воеводы из Москвы составляли впечатление о боеготовности дворян и детей боярских и необходимости прибавить им поместный оклад и денежное жалование. Окладчики, безусловно, присутствовали и при верстании дворян в 1605/06 году. Обычно их имена перечисляли в самом конце преамбулы к десятне, поэтому в списках десяти 1605/06 года сведений о них не сохранилось. О составе окладчиков в Смоленске можно судить по десятне новиков всех городов 1596 года. Её смоленский раздел завершается словами: «А у верстанья у роспросу были смоленские губные старосты Иван Полтев, Кузма Якушкин, да дети боярские Нелюб Неелов, Иван Сназин, Третьяк Сушов, Влас Макшеев»²⁴¹. Первым среди окладчиков и губных старост назван Иван Полтев, представитель старшего смоленского рода, о котором речь пойдет ниже. Якушкиных в других смоленских десятинах нет, а в документах обороны Смоленска Семой Якушкин был лидером у вязмичей²⁴². Остальные четверо занимали средние позиции в системе службы по отечеству. Нелюб Неелов был губным старостой в 1605/06 году. Род Нееловых был вторым по многочисленности после Дерновых, но Дерновы были потомками земцев. Это отчасти подтверждает наблюдения Новосельского о том, что из представителей средних

²⁴¹ Десятня новиков 1596 г. С. 186.

²⁴² Памятники обороны Смоленска. С. 108, 113.

отечеством родов в окладчики попадали люди не только родовитые, но и влиятельные по многочисленности сородичей²⁴³.

Бессменным городничим в Смоленске и в 1605/06 и в 1609-11 годах был Салтан Леонтьевич Ахматов²⁴⁴. Другим городничим в десятне назван Сурьян Афанасьевич Обухов²⁴⁵. Оба они были дворовыми детьми боярскими с окладами 500 четвертей, однако не принадлежали к старшим родам. Сородичи Ахматова все были городовые дети боярские с окладами от 250 до 500 четвертей. Городничими назначали опытных детей боярских, которые успели проявить себя на службе. Эта должность, в отличие от стрелецких голов и судей, не передавалась по наследству в одном роду. Губными старостами в Смоленске десятня 1605/06 года называет троих дворовых детей боярских: Г.Б. Потёмкина, Н.И. Неелова, дворовых с окладами 500 четвертей и В.И. Клокачова, дворового с окладом 450 четвертей²⁴⁶. Нелюб Неелов ранее был окладчиком, а в 1605/06 году у него был самый высокий оклад в Смоленске среди его многочисленного рода. Потемкины и Клокачевы в 1605/06 году были среди выборных дворян. Род Потемкиных принадлежали к одному из «старших отечеством» родов. В XVI веке представители этого рода занимали должности посольских приставов. После Смуты Потемкины вошли в государев двор, а к концу XVII века их род дослужился до окольных²⁴⁷.

Судя по их родословию, Гаврила Булгакович принадлежал к старшему поколению, но к младшей ветви рода. Первое место в десятне занимал его племянник, представитель старшей ветви рода Юрий Федорович Потемкин. (См. генеалогию Потемкиных в Приложении). Сравнения родословия с десятней показывает, что Потемкины сохранили внутривидовое старшинство при назначении окладов. Старшинство по ветви для Потемкиных, как и для Корсаков, было важнее старшинства поколений при зачислении в выборный чин. По всей видимости, губными старостами и городничими становились лидеры средних или второстепенные представители старших «по отечеству» родов, проявившие себя на государственной службе.

Среди должностей в смоленском служилом городе следует отметить нарядчиков. Эту должность традиционно занимали представители средних и младших родов, а в Смоленске нарядчики обычно происходили из земцев.

Наконец, должности стрелецких сотников в Смоленске занимают дворовые и городовые дети боярские с окладами от 500 до 350 четвертей. Вероятно, сотники были

²⁴³ Новосельский А.А. Правящие группы в служилом городе XVII века. С. 324.

²⁴⁴ Десятня 7114 года по Смоленску. С. 365; Памятники обороны Смоленска. С. 118.

²⁴⁵ Там же. С. 366.

²⁴⁶ Там же. С. 365, 377.

²⁴⁷ Роспись роду Потемкиных //РГАДА. Ф. 286. Герольдмейстерская контора. Оп. 1. Кн. 241. Л.567-585об.

моложе стрелецких голов, как возрастом, так и своим «отечеством», а в остальном на эту должность назначали исходя из личных качеств.

Таблица 4. Стрелецкие сотники в смоленском служилом городе в конце XVI — начале XVII веков*

Крестоприводная книга 1598 года	Смоленская десятина 1605/06 год	Архив смоленской воеводской избы за 1608—1611 гг.
<p>Сотня Лукьяна Корсакова: Григорий Микулин. Михаил Битяговский. Пороша Кудрявой. Тимофей Довотчиков. <u>Ортемий Кушелев.</u></p>	<p>Дворовые, 500 четвертей: Лаврентей Варганов сын Обухов. Игнатей Семенов сын Мещеринов. Дворовые, 450 четвертей: Невзор Алексеев сын Бакин. <u>Артем Тимофеев сын Кушелев.</u></p>	<p>Ф. М. Зубова: Фёдор Лихарев. Афанасий Деденев. В. Г. Чихачева: <u>Семен Соколов.</u></p>
<p>Сотня Казарина Бегичева: Паук Макшеев. Посник Пикин. Микита Чечетов. Меньшой Клокачов. Иван Коптяжин</p>	<p><u>Артем Тимофеев сын Кушелев.</u> Кузма Варганов сын Обухов. Дворовые, 400 четвертей: Богдан Тимофеев сын Шестаков. <u>Андрей Василев сын Петрикин.</u> Городовые, 450 четвертей: <u>Осип Федоров сын Коноплев.</u></p>	<p>Константин Щелин. Стефан Шатихин. Осип Митков. И.К. Оболевеша: Андрей Петрыкин.</p>
<p>Сотня Петра Чихачева. <u>Осип Коноплев.</u> Нелюб Раков. Северга Глебов. Кречет Микулин.</p>	<p>Казарин Петров сын Вяземской. Сергей Никифоров сын Ефимьев. Городовые, 400 четвертей: Василей Иванов сын Полтев. Городовые, 350 четвертей: <u>Симон Истомирин</u> <u>сын Соколов.</u></p>	

* Совпадающие в разновременных источниках имена и фамилии сотников выделены подчеркиванием.

Источники: Десятня 7114 года по Смоленску //Мальцев В.П. Борьба за Смоленск в XVI-XVII вв. Смоленск, 1940. С. 364-393; Памятники Обороны Смоленска 1609-1611 гг. Под ред. Ю.В. Готье. М., 1912; Смоленская крестоприводная книга 1598 года/Публ. С. П. Мордовиной и А.Л. Станиславского //Источники по истории русского языка. М., 1976. С. 136-166.

В «десятне» перечислены 12 сотников под заголовком «новики ж дети боярские в Смоленску в сотниках»²⁴⁸. Как уже было сказано, «новики» появились из-за ошибки переписчика. О том, что речь идет о стрелецких сотниках можно судить по их именам. Состав сотников был непостоянным и значительно обновился между 1598 и 1605/06 годами. Однако двое из них, Артемий Кушелев и Осип Коноплев, служили ещё в 1598 году. Ещё один стрелецкий сотник, Василий Полтев, упомянут в родословной биографии смолянина Воина Дивова: «А как пришли из Ярославля воры на смоленские места, и боярин князь Иван Семенович Куракин послал Воина Дивова да с ним дворян и детей боярских да сотника стрелецкаго Василея Полтева с стрельцами, и на Лучась на реке воров побил, и с сеунчем от Воина Дивова послан был Осип Языков»²⁴⁹. Кроме того двое сотников из десятни – Андрей Петрыкин и Семей Соколов – упоминаются в последующих документах смоленской обороны.

В смоленском служилом городе можно выделить три группы должностей.

Первая группа: должности стрелецких сотников и судей, которые занимали старшие по отчеству фамилии. В Смоленске это были выборные дворяне или их родственники из 3-х фамилий – Корсаковы, Зубовы, Чихачевы. Вторая группа: выборные должности городничих и губных старост в Смоленске, которые обычно занимали дворовые дети боярские с окладом 500 четвертей. Состав этой группы был неоднородным. В ней присутствовали как выходцы из старших родов, так и те, кто получил высокий оклад за долгие годы службы. В их числе были как старейшины средних родов, так и ближайшие по старшинству сородичи выборных дворян. Наконец, к третьей группе относится должность нарядчика, которую занимали представители младших, как правило, земецких родов, проявившие себя на службе. Окладчиками становились представители первой и второй группы, а их младшие сородичи становились стрелецкими сотниками.

Для изучения руководства смоленским служилым городом в Смуту необходимо остановиться на судьбах шести выборных дворян, которые в 1605/06 году имели оклады выше 500 четвертей, т.е. 550-700 четвертей. Именно они должны были быть

²⁴⁸ Десятня 7114 по Смоленску. С. 390.

²⁴⁹ Из родословной Дивовых. С. 176.

авторитетными представителями служилого города по родству и по личным заслугам. В десятне самозванческого верстанья использовать одни только поместные оклады нельзя, т.к. они не отражают действительного старшинства в смоленском служилом городе. Однако не следует забывать, что и после верстанья 1605/06 года реальные позиции родов в служилом городе определялись не окладами, а старшинством «по отечеству». Во-первых, повышение окладов у отдельных представителей младших и средних родов не влияло на положение в десятне их сородичей. Во-вторых, все представители старших родов продолжали занимать в десятне высокие окладные статьи (600-400 четвертей у старослужащих и 300 четвертей у новиков). В-третьих, и это самое главное, в Смоленске уже после гибели самозванца старшие роды получили прежнее значение в управлении служилым городом, и это сказалось на занимаемых должностях.

Разберём эти позиции на примере смолян с самыми высокими окладами. В десятне 1605/06 года самый высокий оклад у дворовых и городских детей боярских – 500 четвертей. Более высокие оклады имеют только 6 выборных дворян: «Смоленск. Выбор. Выше статей. Г(осу)д(а)рево царево и великого кн(я)зя Василия Ивановича всея России жалованье емлют из четверти. По г(осу)д(а)реве грамоте за приписью дьяка Истома Карташева велено учинить оклад в 114 г(о)ду за литовскую службу. 70(0)четвертей. 1. Иван Борисов сын Макшеев. По 600 четвертей 2. Григорей Михайлов сын Полтев. 3. Андрей Иванов сын Дедевшин. 4. Петр Иванов сын Чихачов; голова у стрельцов. 550 четвертей. 5. Михайло Александров сын Языков. 6. Василий Меншаго сын Бестужев»²⁵⁰.

Прежде всего, отметим возвышение И.Б. Макшеева над Г.М. Полтевым. Во всех остальных смоленских десятнях конца XVI-начала XVII века Полтевы стабильно занимают самые высокие места. В десятне новиков 1596 года раздел смолян открывает Елизарий Полтев, сын Г.М. Полтева, а перечень смоленских окладчиков – губной староста Иван Полтев²⁵¹. В десятне 1622 года первыми показаны Иван и Фёдор Ивановичи Полтевы²⁵². Есть все основания полагать, что род Полтевых в Смоленске превосходил по старшинству все остальные роды, в том числе те, которые занимали должности судей и начальников стрелецких приказов. О происхождении рода Макшеевых и служебном продвижении его предков мы не можем сказать что-либо определённого, поскольку его родословная до сих пор не найдена. В десятне новиков 1596 года сын боярский Семён Васильев сын Макшеев получил средний новичий оклад 200 четвертей, а в числе шести окладчиков Влас Макшеев назван последним²⁵³.

²⁵⁰ Десятня 7114 по Смоленску. С. 364.

²⁵¹ Десятня новиков 1596 г. С. 183, 186.

²⁵² Разборная «десятня розных городов смолян, вязмичей, дорогобужан.» 1622 года. Л. 2-4.

²⁵³ Там же. С. 183, 186

В десятне 1605/06 года в выборе записано двое Макшеевых, у А.И. Макшеева был оклад 500 четвертей. Среди дворовых детей боярских числилось двое Макшеевых с окладами 450 четей и один с окладом 400 четей. Городовые Макшеевы получали оклады в 400 (двое), 350 (двое), 300, 250 100 четвертей. Макшеевы -новики получили оклады 300 и 250 четей. Старослужащих Макшеевых и Полтевых в десятне равное число – 13 и 14 соответственно. Однако из таблицы 2 мы видим, что Макшеевых было значительно меньше в окладных статьях 500, 450 и 400 четвертей, а Полтевых, напротив, почти нет в статьях 350-150 четвертей. Только один Полтев получил поместный оклад в 100 четвертей, но этот Полтев служил с отцовского поместья.

И.Б. Макшеев в 1603/04 году, т.е. ещё при царе Борисе, получил четвертное жалованье 12 рублей²⁵⁴. Практика Смутного времени показывает, что наличие четвертного жалования и его размер зависели не от родовых заслуг, а от личных достижений. Четвертное жалование за Макшеева взял его племянник Иван Зубов, т.е. сам он был к тому времени уже не очень молодым, но вполне способным к «доброй службе». По всей видимости, Макшеев подходил под указ самозванца: «А которые дети боярские отечеством молоды, а собою и службою и головою своею добры, и тех верстали к тем же в статьи, которые отечеством добры, выпрашивая окладчиков, кто в которую статью пригодится»²⁵⁵. Макшеевы были скорее «отчеством средние», и возвышение И.Б. Макшеева над Г.М. Полтевым было особенно заметным. Возможно, при повышении оклада учитывались какие-то его заслуги перед первым самозванцем. Весной 1606 года И.Б. Макшеев разрядные записи получил важное назначение: «Того ж году пришли к Ростриге Литовские послы: Николай Олесницкой коштелян Мологотский да староста Велишской Олександра Гасевской. А приставы из Смоленска с послы были: Ондрей Дмитриев сын Бунаков да Иван Борисов сын Макшеев Смольянин»²⁵⁶. Должность приставов в Смоленске традиционно занимали заметные представители старших родов. Однако вскоре должностные обязанности И.Б. Макшеева несколько изменились: «И после Розтриги вскоре учинился на Московском государстве царем и великим князем князь Василей Иванович Шуйской и крест ему на Москве и в Замосковных городех целовали. ... А на Посольском дворе велел быть у послов в приставех и для иных Польских людей, которые в смутное время утекли на Посолской двор, быть: князю Ивану Михайловичю Борятинскому, да Ондрею Дмитриеву сыну Бунакову, да Ивану Борисову сыну Мокшееву да дьяку Дорохе Бохину»²⁵⁷. Теперь И.Б. Макшееву предстояло охранять арестованных

²⁵⁴ Сухотин. Четвертчики Смутного времени. С. 24.

²⁵⁵ Малов А.В. Торопецкая верстальная десятня. С. 12

²⁵⁶ Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время. С. 7

²⁵⁷ Там же С. 8.

послов. В дальнейшем И.Б. Макшеев уже не получал заметных назначений. После свержения Самозванца в Смоленске восстановилась связь между службой и «отечеством», которая была нарушена при верстании 1605/06 года. В 1609-11 гг. И.Б. Макшеев жил в осаждённом Смоленске со своей семьёй и крестьянами. Он упомянут в описи хлебных запасов смолян (точно не датированной): «Да Ивана Борисова сына Макшеева с женою, да у него сын да 2 дочери, да невестка сама третья да людей 12 человек., да 15 жонок, да 8 девок, да 15 робят малых. А хлеба у него в малой клетке чети с пять овса, да с осмину пшеницы»²⁵⁸. Однако никаких военных или административных должностей при обороне Смоленска он не занимал. В неполных списках смоленских дворян – осадных сидельцев – И.Б. Макшеев не упомянут.

В дальнейшем его имя всплыло в связи с еще одним делом. Иван Макшеев упомянут среди арестованных за участие в заговоре августа 1610 года. Исследователь смоленской обороны В.П. Мальцев однозначно связывал этого изменника с И.Б. Макшеевым и считал, что измена сына боярского с самым высоким окладом отражала позицию верхушки смоленского дворянства²⁵⁹. Его выводы повторил Б.Н. Флоря в своём исследовании о польско-литовской интервенции: «8 августа в лагерь Сигизмунда перебежали двое детей боярских – князь Василий Морткин, сын боярский смоленского архиепископа и городской сын боярский Михаил Сушов. Они выступали от группы из нескольких десятков детей боярских, среди которых были лица, принадлежавшие к самой верхушке смоленской дворянской корпорации, как выборный дворянин Иван Макшеев»²⁶⁰. Фамилии исполнителей и руководителей заговора указаны в следственном деле, которое велось в Смоленске в августе 1610 года: «И боярин и воеводы Михаила Борисович Шеин да князь Петр Горчаков Богдана да Погожего Тихановых велели дати на поруку з записью, а Дениса Шушерина да Якова Головачова да Петра Башмакова, Ивана Мокшеева, Микифора Бестужего, Михаила Румянцова, Богдана Озаренского, Левонтия Бонакова и князя Васильеву жену Морткина велели до указу посадити в тюрьму и поручные записи по них взяты и в записях пишет»²⁶¹. Других упоминаний Макшеева в следственном деле нет, и потому мы даже не можем утверждать, что речь идёт о выдвигенце самозванца, а не о его сыне, который также сидел в осаде в Смоленске. Из материалов дела видно, что во главе заговора были П.А. Башмаков Я.П. Головачев, и, возможно, Д.Ф. Шушерин (последний в результате выдал всех воеводам). Иван Макшеев был в лучшем случае рядовым заговорщиком. В годы обороны Смоленска он уже никакого влияния не имел и

²⁵⁸ Памятники обороны Смоленска. С. 209.

²⁵⁹ Мальцев В.П. Борьба за Смоленск в XVI-XVII вв. С. 308-310.

²⁶⁰ Флоря Б.Н. Польско-литовская интервенция в России и русское общество в начале XVII века. С. 249.

²⁶¹ Памятники обороны Смоленска. С. 90.

его участие в заговоре не может отражать позиции верхов служилого города. Его высокое положение в десятне 1605/06 года было связано с верстанием 1605/06 года и особыми указами самозванца.

Следующим среди смолян с высокими окладами в 1605/06 году был Григорий Михайлович Полтев. Полтевы были смоленскими боярами ещё во времена великого княжества литовского. В реестре²⁶² смоленских князей, бояр и слуг конца XV века указаны четверо Полтевичей и трое Полтевых в рубрике «князи и бояре смоленские» и один щитный слуга Машинской волости – «Филип Григорев сын Полтева»²⁶³. Если верить родословию конца XVII в., то именно этот щитный слуга и стал родоначальником Полтевых на службе Московскому государству²⁶⁴. После присоединения Смоленска в 1514 году Полтевы стали служить великому князю Московскому в составе «Литвы дворовой» во Владимире, Медине и в Ярославле²⁶⁵. Впоследствии Полтевых вернули в Смоленск. Их род был к тому времени достаточно разветвленным. Г.М. Полтев был первым сыном Михаила Гребня и принадлежал одновременно к самой старшей ветви и к старшему поколению рода (см. генеалогию Полтевых в Приложении). Его старшинство среди рода Полтевых было несомненным. Он вместе с братом Андреем служил в Смоленске с 1570 года. Воевода С.В. Яковлев посылал из Смоленска с грамотой в Москву Андрея Полтева 17 сентября 1570 года²⁶⁶. Царские послы отправили с вестью о благополучной встрече их в Орше Григория Полтева – 10 марта 1571 года²⁶⁷. Важнейшим событием в жизни Г.М. Полтева стал поход смолян против Болотникова осенью 1606 года. О том, как он возглавил смоленский отряд, говорят различные источники Смутного времени. Наиболее кратко и чётко говорит об этом родословная роспись конца XVII века: «А Григорий Михайлович при великом государе, царе и великом князе Василии Ивановиче всея Руси в 115-м году был полковым воеводой у смолян, как шёл из Смоленска к Москве со смоляны для очищения Московского государства и был он в думных дворянах»²⁶⁸. Родословие прямо указывает, что во время освободительного похода смолянами командовал тот самый Г.М. Полтев, который во время самозванческого верстания уступил старшинство Б.М. Макшееву. Новый летописец подчёркивает, что смоляне сами избрали его старейшиной: «Во граде же Смоленске слышаху архиепископ и воеводы и все ратные люди такую настоящую беду над Московским государством, что хотят те воры царя и

²⁶² Реестр смоленских князей, бояр и слуг //Русская историческая библиотека. СПб., 1903. Т. XXVII. (Книги Литовской метрики). Стб. 477-508.

²⁶³ Там же. Стб. 478, 479, 496

²⁶⁴ Роспись роду Полтевых //РГАДА. Ф. 286. Герольдмейстерская контора. Оп. 1. Кн. 241. Л. 486.

²⁶⁵ Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х гг. XVI в. М.; Л., 1950. С. 144-145, 156, 207.

²⁶⁶ Сб. РИО. Т. 71. С. 762.

²⁶⁷ Там же. С. 791-792, 794.

²⁶⁸ Роспись роду Полтевых //РГАДА. Ф. 286. Герольдмейстерская контора. Оп. 1. Кн. 241. Л. 486.

бояр побити, и возопиша единогласно, поидоша под Москву, выбрав себе старейшину Григорья Полтева. Идучи же грады очистиша, Дорогобуж и Вязьму. Грады же многие слышавшее то, начаша к царю Василию с повинными присылати»²⁶⁹. Назначение Полтева вождем отряда происходило всем городом и имело для смолян особое значение. Таким образом смоляне проявили уважение к традиционной связи между служебным назначением и отечеством. Это позволило смоленскому служилому городу сплотиться перед угрозой Смуты и определило боевой путь смолян, как постоянных врагов самозванца и сторонников царя Василия. Во время похода на Тулу в мае 1607 года Г.М. Полтев впервые упомянут как думный дворянин²⁷⁰. На свадьбе царя Василия он нес бархат под ноги новобрачным²⁷¹. Впоследствии он ничем не проявил себя в годы Смутного времени. Как думный дворянин он уже перестал быть лидером смолян и не руководил ими в походах против тушинцев. Он умер или полностью отошёл от дел ещё до междуцарствия и в списке 1611 не упоминается. Не во всем можно согласиться с В.Н. Козляковым, который проводит параллели между лидерами дворянских корпораций П.И. Ляпуновым и Г.М. Полтевым. Служебное повышение (как тогда говорили – «случай») Полтева было закономерным завершением службы рода за сто лет после присоединения Смоленска. Г.М. Полтев получил думный чин в рамках того порядка, который предусматривала система службы «по отечеству». В отличие от Ляпунова он отличился неизменной верностью царю. Иными словами, переход Полтева в Думу был итогом общего, как родового, так и корпоративного повышения по службе. Он не противоречил системе службы по отечеству, т.к. эта система предполагала постепенное продвижение по лестнице чинов в течение нескольких поколений.

После Г.М. Полтева в десятню записан А.И. Дедевшин, также с окладом 600 четвертей. Новый летописец называет Андрея Дедевшина главным виновником взятия Смоленска 3 июня 1611 г.²⁷². Впервые он появился весной 1595 года на ответственной должности. Ему поручили сопровождать от Москвы до русско-литовского рубежа Александра Колемниуса, посланника папы римского. Посольскими приставами обычно назначали самых родовитых и опытных смоленских дворян, часто это должность переходила по наследству. Дедевшин должен был не только покупать продовольствие и нанимать лошадей для дипломатов, но и следить, чтоб они по дороге не ни с кем помимо пристава не общались, в особенности со служилыми иноземцами. По пути Дедевшин

²⁶⁹ Новый летописец. С. 72.

²⁷⁰ Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время. С. 87. Составители разрядных записей дважды неверно указали отчество Г.М. Полтева. Разрядные записи за Смутное время дошли до нас в виде различных частных списков. В некоторых списках его отчество не указано вовсе.

²⁷¹ Там же. С. 269.

²⁷² Новый летописец. С. 111.

несколько раз посылал царю подробные грамоты, где пересказывал все трудности переезда и накладки с кормом и подводами, которые возникали в дороге, и просил указаний, как поступать в том или ином случае²⁷³. Такая осмотрительность при решении государственных задач, видимо, вызывала одобрение у правителей государства – царского шурина Годунова и дьяка посольского приказа Щелкалова. По дороге папский посол попросил Дедевшина встретиться с послом императора Священной Римской империи. Дедевшин пересказал эту просьбу в донесении царю и уже в Смоленске получил наказ организовать эту встречу и присутствовать на ней вместе с немецким толмачом Григорием Крокольским. Встреча императорского и папского дипломатов состоялась 17 мая 1595 года, после чего Дедевшин прислал царю перевод их беседы, которая касалась балканских и придунайских земель и других проблем с Османской империей²⁷⁴. После этого Дедевшин проводил Колемниуса за рубеж и даже купил за свой счёт недостающие подводы для богатого посольского имущества, о чём тут же отписал в Москву. Когда Александр Колемниус приехал на литовско-русскую границу в апреле 1596 года, то смоленские воеводы получили указ: «с послом же послать в приставах из Смоленска Андрея Дедевшина или иного в ту версту»²⁷⁵. Следовательно, Дедевшин вполне удовлетворял почётной должности и по родовитости и по способностям. Но смоленские воеводы назначили приставом менее значимого стрелецкого сотника Василия Петрыкина. Как они объяснили в донесении: «Ондрей Дедевшин у твоего государева городового дела, а смоляне все на твоей государевой службе»²⁷⁶. Под «городовым делом», которым был занят Дедевшин, подразумевалось строительство Смоленской крепостной стены. Во время строительства крепости Дедевшин возглавил список дворян, которым было велено «быти у городового дела»²⁷⁷. Как и Б.М. Макшеев, он получил денежное четвертное жалование за 1603/04 - 25 рублей²⁷⁸. В 1608 году он был приставом у польских послов, которые ехали подписывать мирное соглашение царя Василия и короля Сигизмунда. В июне 1609 года он по приказу воеводы Шеина стал воеводой в Белой²⁷⁹. В октябре крепость Белую осадили запорожцы из Тушина, а затем войско велижского старосты Гонсевского²⁸⁰. В апреле 1610 года воевода Дедевшин сдал город полякам и принёс присягу королю на верность²⁸¹. В

²⁷³ Памятники дипломатических сношений с папским двором и с италиянскими государствами (с 1580 по 1699 год) //Памятники дипломатических сношений Древней Руси с державами иностранными. СПб., 1871. Т. 10. Стб. 402-414.

²⁷⁴ Там же. Стб. 428-430.

²⁷⁵ Там же. Стб. 464-465.

²⁷⁶ Там же. Стб. 468.

²⁷⁷ Подлинное дело о строении Смоленска //Смоленская старина. Вып. 1. Ч.1. СПб., 1909. С. 27.

²⁷⁸ Сухотин. Четвертки Смутного времени. С. 12.

²⁷⁹ Акты исторические. Т. II. С. 289-290.

²⁸⁰ Дневник похода на Москву короля Сигизмунда III. С. 465, 492.

²⁸¹ Там же. С. 569, 581.

качестве бельского воеводы А.И. Дедевшин служил интересам короля Сигизмунда и польско-литовского войска. Б.Н. Флоря приводит сведения из донесения Гонсевского о его связях с Дедевшиным, братья которого перешли на службу королю, а также о том, что у Дедевшина не хватило влияния, чтобы сдать Белую полякам раньше²⁸². Король Сигизмунд пожаловал А.И. Дедевшину несколько деревень и починков²⁸³. Служебные назначения Дедевшина говорят о том, что он действительно принадлежал к старшим родам смоленского служилого города. Свидетельство Б.Н. Флори о его братьях позволяют думать, что он принадлежал к верхушке бельского дворянства. Его предки в середине XVI века были записаны в Дворовую тетрадь, как дворяне города Белая²⁸⁴. В материалах разбора 1649 года фамилия Дедевшин также встречается у бельских детей боярских²⁸⁵. Из его рода в Смоленске в 1605/06 году представлен только он сам, а также И.Г. Дедевшин, городской с окладом 450 четвертей²⁸⁶. Итак, Дедевшин был смолянином в первом поколении, как и стрелецкий голова Казарин Бегичев, про которого упоминалось в предыдущем разделе. И Бегичев и Дедевшин по своему происхождению могли рассчитывать на успешную карьеру в Смоленске, однако не обладали влиянием старинных смоленских родов.

Четвёртым в смоленской десятне и третьим с окладом 600 четвертей записан Петр Иванович Чихачев. Против его стоит помета – «голова у стрельцов». О нем и о его родовом положении в Смоленске уже было сказано в предыдущем разделе. Он был руководителем стрелецкого приказа уже в 1598 году²⁸⁷. Затем стал одним из первых смолян, вторым после Полтева, перешедшим из служилого города в более высокий чин государева двора. На свадьбе царя Василия Петр Чихачев нес сорок соболей²⁸⁸. В числе московских дворян 1611 года были А.М. Полтев и П.И. Чихачев²⁸⁹. Сравнение чина и свадебной должности П.И. Чихачева указывает на то, что он вошёл в московский список за свое участие в походе смолян против восстания Болотникова. Должность стрелецкого головы делала его одним из руководителей этого похода, вторым по значимости после Полтева. Нет никаких сомнений, что его повышение по службе определялось не только личными заслугами, но и связью его положения с «отечеством». В 1614—1615 году Петр

²⁸² Флоря Б.Н. Польско-литовская интервенция в России и русское общество в начале XVII века. С. 108-109.

²⁸³ Акты Западной России. Т. IV. С. 542.

²⁸⁴ Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х гг. XVI в. С. 194

²⁸⁵ Разборная десятня городов Смоленска и Белой 1649 года //РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 4 Дела десятен. №175. Л. 81об., 84об, 85, 87об., 89, 102.

²⁸⁶ Десятня 7114 по Смоленску. С. 371.

²⁸⁷ Смоленская крестоприводная книга 1598 г. //Источники по истории русского языка. М., 1968. С. 190.

²⁸⁸ Там же. С. 269.

²⁸⁹ Лихачев Н.П. Боярский список 1611 года. С. 19.

Чихачев служил воеводой на Белоозере²⁹⁰. Он участвовал в раздаче новых поместий, в том числе своим бывшим однополчанам, смоленским дворянам. Впоследствии он получил по царскому указу вотчину за московское осадное сидение 1618 года, хотя из-за болезни не смог участвовать в обороне столицы²⁹¹.

В последней высокой окладной статье 550 четвертей записаны два выборных дворянина: М.А. Языков и В.М. Бестужев. Михаил Александрович Языков был сравнительно молодым дворянином. Он был новиком с окладом 250 четвертей в 1596 году²⁹². Его младшие братья Сава и Федор в 1605/06 году еще не были поверстаны поместными окладами и проявили себя только в последние годы Смуты. Сава получил вотчину за оборону Москвы 1618 года²⁹³, а Федор четвертное жалование за службу под Смоленском в 1614-15 году²⁹⁴. М. Языков был участником похода 1606 года. В родословной биографии Воина Дивова, одного из руководителей похода, сказано: «А как пришли из Ярославля воры на смоленские места, и боярин князь Иван Семенович Куракин послал Воина Дивова да с ним дворян и детей боярских да сотника стрелецкого Василия Полтева с стрельцами, и на Лучась на реке воров побил, и с сеунчем от Воина Дивова послан был Осип Языков. А как под Дорогобужем на Осме реке побил воров, и с сеунчем послан был от Воина Дивова Михаило Александров сын Языков»²⁹⁵. С боев на Лучаси и под Дорогобужем начался победоносный поход смолян против Болотникова и не случайно первыми с вестями о победы были отправлены представители рода Языковых. Этот род к тому времени занимал в Смоленске особое положение. В 1605/06 году известно шесть старослужащих и двое новиков Языковых. Все старослужащие были записаны в выбор с окладами 550-500 четвертей, а оклад новиков был 300 четвертей. Такое высокое положение не могло быть связано с одним только повышением поместных окладов во время самозванческого верстанья. Из родословия Языковых мы узнаём об отце Михаила: «В царство великого государя царя и великого князя Иоанна Васильевича всеа России Александр Дмитриевич взят был в полон на бою, и замучен в полону в Крыме»²⁹⁶. Возможно, «добрая служба» А.Д. Языкова в крымском плену привела к возвышению его рода. Правда, имена в родословии не совпадают с их именами в десятне. В родословии Языковых упомянут сам Михаил и его младшие братья. Отцовские заслуги позволили ему и его сородичам занять заметное положение в служилом городе. Как представитель

²⁹⁰ Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1848. Т. III. С. 30, 39, 41—44.

²⁹¹ Осадный список 1618 г. С. 42

²⁹² Десятня новиков 1596 г. С. 183

²⁹³ Осадный список 1618 г. С. 29

²⁹⁴ Сухотин Л. Четвертчики Смутного времени. С. 323.

²⁹⁵ Из родословной Дивовых. С. 176.

²⁹⁶ Роспись роду Языковых //РГАДА.Ф. 286, Оп. 1. Кн. 259. Л.122.

старшей ветви он имел первенство в своем роду. Назначение вестником с сеунчом о победе была для него первым крупном назначением и должна была в дальнейшем поспособствовать его карьере. Однако он так и не проявил себя на других должностях в служилом городе. В 1608 году он служил на засеке на русско-литовской границе – оборонял крестьян Щучейской и Порецкой волостей от набегов отряда пана Гонсевского. От этого периода сохранилось его письмо засечным головам Башмакову с товарищи²⁹⁷. Однако в дальнейшем его карьера трагически оборвалась – в родословии сказано, что он «убит на бою, бездетен». Про Василия Меньшого сына Бестужева долгое время не было ничего известно, поскольку в десятне он величается не по имени, а по прозвищу отца. Однако его отец, и он сам упомянуты в родословной Бестужевых конца XVII века. В этом родословии читаем: «У Ивана Матвеева дети: Андрей, Данило Красный, Феофан глазастой»²⁹⁸. И далее: «У третьего у Иванова сына у Данилова брата меньшого у Феофана Глазуна сын Василей»²⁹⁹. Итак, отец Василия Бестужева был Феофан Меньшой Глазун. Сам же известен в источниках, как Василий Феофанович Бестужев, видный участник обороны Смоленска в 1609-1611 годах. Он известен, как осадный голова на Молоховских воротах³⁰⁰. Большинство осадных голов на воротах и башнях имели меньшие чины и оклады. Однако Молоховские ворота были основным входом в Смоленск и не были прикрыты Днепром, как противоположные Фроловские. По этой причине Молоховские ворота были оснащены артиллерией лучше, чем другие башни, а по числу вооруженных посадских людей они уступали только Богословской башне. Поэтому на эти ворота назначали В.Ф. Бестужева, выборного дворянина с окладом 550 четвертей³⁰¹. В поручных записях времен обороны его имя записано выше, чем имена руководителей обороны – Воина Дивова и его родича Ивана Бестужева³⁰². Судя по родословным росписям, В.Ф. Бестужев принадлежал хоть и к младшей ветви, но к самому старшему поколению среди Бестужевых - участников смотра 1605 года. (См. генеалогию Бестужевых в Приложении). Внутриродовое старшинство у Бестужевых соблюдалось не так строго, как у Полтевых, Потемкиных и Корсаковых. Но Василий Бестужев действительно имел высокий статус в своем роду и во всем смоленском служилом городе. В документах смоленской обороны он обычно назван с полным отчеством – Василием Феофановичем³⁰³. Остальные его сородичи также имели высокие оклады в десятне 1605/06 года.

²⁹⁷ Памятники обороны Смоленска. С. 14.

²⁹⁸ Дело о челобитной Бестужевых //РГАДА. Ф. 286. Герольдмейстерская контора. Оп. 2. Кн. 1. Л. 138.

²⁹⁹ Там же. Л. 139.

³⁰⁰ Памятники обороны Смоленска. С. 214.

³⁰¹ Там же. С. 140, 155.

³⁰² Там же. С. 210.

³⁰³ Там же. С. 140, 155, 210.

Знакомство с биографиями первостатейных детей боярских позволяет сделать следующие заключения. В их числе был один заметный выдвиженец самозванца, который к тому же занимал самую высокую окладную статью. Верстание 1605/06 года действительно проходило с заметными нарушениями принципов службы по отечеству при назначении окладов. Но для большинства случаев эти принципы удалось сохранить (по мнению В.М. Воробьева это произошло за счет усилий окладчиков). Из шести первостатейных дворян четверо принадлежали к числу старших смоленских родов, а еще один был выходцем их верхушки Бельского дворянства. Их высокие окладные статьи были выслужены как ими самими, так и их предками. Те четверо, которые имели родовые связи в верхушке смоленского дворянства (Полтев, Чихачев, Языков, Бестужев), впоследствии играли ключевую роль в основных событиях в жизни служилого города (разгром болотниковцев, оборона 1609-11 гг.) Трое из них (Полтев, Чихачев, Бестужев) занимали в служилом городе безусловное высокое положение. Относительно Полтева, Языкова и Бестужева можно отметить, что они были старейшинами в своем роду. Связь между отечеством, службой и величиной поместных окладов глубоко укоренилась в смоленском служилом городе.

Следует рассмотреть вопрос о происхождении выборного дворянства и о его фамильном составе. Выборные дворяне представляли верхушку служилого города и в то же время были низшим чином государева двора и писались в общие списки (боярские книги) с думными людьми и московскими дворянами. В XVI веке в смоленском служилом городе выборных дворян не было³⁰⁴. В списках государева двора конца XVI века среди выборных дворян из городов нет рубрики смолян, в отличие от белян, вязмичей, и дорогобужан. Выборные дворяне Смоленска впервые появляются в десятне 1605/06 году, а их численность сразу же превосходит численность выбора в других служилых городах того времени. В десятне 1605/06 года записаны 36 выборных дворян, представители 17-ти родов детей боярских: Языковы (6), Башмаковы (3), Зубовы (3), Корсаковы (3), Бестужевы (2), Дементьевы (2), Дивовы (2), Ефимьевы (2), Макшеевы (2), Полтевы (2), Чихачовы (2), Шушеринны (2), Головачовы (1), Дедевшины (1), Клокачовы (1), Потемкины (1), Румянцевы (1)³⁰⁵. В таблице 5 показано распределение по окладам представителей этих фамилий не только для выборных, но и для дворовых и городских детей боярских.

³⁰⁴ См. выборных от городов в составе государева двора в боярских списках: Станиславский А.Л. Труды по истории государева двора в России XVI-XVII вв. М., 2004. С. 191-291.

³⁰⁵ Десятня 7114 года по Смоленску. С. 364-365.

Таблица 5. Количественное распределение детей боярских из родов, записанных в выбор по окладным статьям в 1605/06 г.

Дворянские роды служат по выбору	Распределение поместных окладов у выборных, дворовых и городских детей боярских.										
	700	600	550	500	450	400	350	300	250	100	всего:
Башмаковы				7	7	5	3			1	22
Бестужевы			1	6	2	5					14
Головачевы				5	2	1	2				10
Дедевшины		1			1						2
Дементьевы				3	1	2					6
Дивовы				3	3	2					8
Ефимьевы				3	4	1	1				9
Зубовы.				6	1	3					10
Корсаковы.				9	1	7	2				19
Клокачевы				2	1	2	1				6
Макшеевы.	1			1	2	3	2	1	1	1	13
Полтевы.		1		4	3	6				1	15
Потёмкины.				3		1					4
Румянцевы.				5	5	4		2			16
Чихачевы.		1		3	1	3	1				9
Шушериньы.				6	2	4					12
Языковы.			1	5							6
Итого:	1	3	2	71	36	49	12	3	1	3	181

Источник: Десятня 7114 года по Смоленску //Мальцев В.П. Борьба за Смоленск в XVI-XVII вв. Смоленск, 1940. С. 364-393.

Из таблицы видно превосходство крупных поместных окладов (500-450 четвертей) у тех родов, которые имели представителей в выборе. В 8-и служилых родах большинство детей боярских служили с окладом 500 четвертей. Вообще же в этой окладной статье 52,9 % человек принадлежат к 17 фамилиям, которые представлены в выборе.

Правда, не для всех родов такое превосходство очевидно. Не совсем ясно назначение в выбор Клокачевых и Дементьевых, поскольку о положении этих родов в XVI веке имеется слишком мало сведений. Известно только, что один из Клокачевых служил губным старостой³⁰⁶, а Д.Ф. Дементьев был третьим головой на заставе при обороне Порецкой волости в 1609 году³⁰⁷. В годы Смуты несколько Дементьевых получили четвертные оклады при царе Василии. Заметное превосходство высоких поместных окладов в 1605/06 году было у Башмаковых, Бестужевых, Головачевых, Дивовых, Ефимьевых, Зубовых, Корсаковых, Полтевых, Потемкиных, Румянцевых, Шушериньы и

³⁰⁶ Десятня 7114 года по Смоленску. С. 368.

³⁰⁷ Памятники обороны Смоленска. С. 12-14

Языковых. Высокие оклады у большинства из этих фамилий обусловлены тем, что выборными становились представители старинных служилых родов, которые ещё до 1605 года имели преимущество при поместном верстании. Старшинство «по отечеству» у таких родов, как Бестужевы, Зубовы, Корсаковы, Полтевы Чихачевы и Языковы мы уже разобрали выше. Однако и другие выборные дворяне сохраняли значительную роль в судьбе своих родов и всего служилого города. Положение отдельных служилых родов в Смоленске можно проследить на конкретных примерах. В выборе служили представители старейшего смоленского рода дворяне Дивовы: Воин Зыкович (Фаустович) и Ратман Васильевич³⁰⁸. В «десятне» 1605/06 года восемь представителей рода имеют поместные оклады 500, 450 и 400 четвертей. Дивовы служили в Смоленске с самого основания здесь служилого города. В январе 1542 года смоленскими приставами названы Михаил Битяговский, Роман Шушерин и Образец Дивов³⁰⁹. Должность пристава эти смоляне исполняли в течение нескольких лет. Образец Дивов последний раз встречал литовских послов в ноябре 1563 года вместе с Григорием Чихачевым³¹⁰. Этот Образец был дядей Воина, о чем можно узнать из родословной Дивовых. «При царе Иване Васильевиче было верстанье, верстал боярин Иван Петрович Федоров, а из статей государь сам смотрел. И в большую статью верстали Семена Обрасца, да Фавьвуста Зыка, да Зыкова сына Василья, да Ивана Ильина сына Дивовых»³¹¹. В этом известии говорится об общерусском разборе и смотре детей боярских 1556 года. Как раз в этот период Семен Образец служил смоленским приставом. Следовательно, Дивовы вошли в первую статью смоленских помещиков во время одного из самых ранних верстаний служилого города и впоследствии занимали высокие окладные статьи по своему отечеству. В родословии весьма подробно пересказана биография Воина Дивова, который занимал первое место в своем роду по десятне. Из родословной биографии мы узнаем, что он был одним из командиров в походе смолян против Болотникова. Впоследствии он командовал отрядом смолян во время проводов посла Олесницкого и «царицы» Марины Мнишек до русской границы в августе 1608 года³¹². Во время обороны Смоленска в 1609-11 году он «ведал треть города», и, по-видимому, руководил детьми боярскими. В списке смоленских дворян и в большинстве поручных записей его имя названо первым³¹³. В списке пленных смолян в 1613 году он также перечислен сразу после воевод³¹⁴. Судя по этим фактам, Воин Дивов был самым

³⁰⁸ Десятня 7114 года по Смоленску. С. 365.

³⁰⁹ Сб. РИО. Т. 59. С. 145.

³¹⁰ Сб. РИО. Т. 71. С. 189-191.

³¹¹ Из родословной Дивовых. С. 176.

³¹² Там же. С. 176-177.

³¹³ Памятники обороны Смоленска. С. 92-93.

³¹⁴ Сб. РИО. Т. 142. С. 372.

влиятельным среди смолян и фактически лидером служилого города после повышения Григория Полтева в чин думного дворянина.

По давности службы в Смоленске рядом с Дивовами стоит род Шушериных. Представители этого рода также занимают в десятне оклады в 400, 450 и в особенности 500 четвертей. Роман Шушерин, который был посольским приставом вместе с Образцом Дивовым и Михаилом Битяговским в 1542 году, вскоре начал служить дьяком при Смоленских воеводах³¹⁵. Службу в приставах продолжил его сын Елизарий³¹⁶. Следовательно, Шушерины по своему положению могли претендовать на высокие должности. Выборными дворянами стали двоюродные братья, внуки Романа Шушерина, старшие сыновья в своих родовых ветвях – Федор Дмитриевич и Василий Остафьевич³¹⁷. Ф.Д. Шушерин, как свидетельствует родословие Шушериных, стал думным дьяком. (См. генеалогию Шушериных в Приложении). Он известен, как руководитель Поместного приказа в подмосковных ополчениях 1611-12 годов³¹⁸. В отличие от многих других смолян, Ф.Д. Шушерин совершал продвижение по службе в Тушинском лагере у второго Лжедмитрия³¹⁹. Возможно, по этой причине его род не имел заметного влияния в служилом городе при царе Василии. На посольской службе проявил себя в XVI веке род выборного дворянина Юрия Федоровича Потемкина³²⁰. Сохранилась подробная родословная этого рода, которая начинается с вымышленных сведений об иноземчестве и о вотчинной грамоте, которую царь Иван Васильевич будто бы выдал деду Юрия, Ивану Тарасевичу Потемкину³²¹. В родовой росписи также упомянут Фёдор Потёмкин, сын Ивана Тарасевича и отец Юрия, служба которого хорошо прослеживается по посольским книгам. В июне 1558 года в Россию приехал литовский посланник Ян Юрьевич Волчек. «А в приставах с ними послан до Москвы сын боярский, смоленский помещик Фёдор Иванов сын Потёмкина, да с ним 4 человека детей боярских, смоленских помещиков»³²². В отличие от Дивова и Шушерина, Потемкин не имел постоянной должности пристава, а его служба при послах изначально стала временным назначением. Только через 11 лет Федор Потемкину снова доверили исполнять обязанности пристава, и он снова успешно с ними справился. Он встречал и провожал Литовского гонца Андрея Халецкого в 1569 году. О

³¹⁵ Сб. РИО. Т. 59. С. 145, 170, 539, 588.

³¹⁶ Там же. С. 379-381.

³¹⁷ Десятня 7114 года по Смоленску. С. 365; Род Шушериных //РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Кн. 241. Л. 1139об-1144об.

³¹⁸ Рыбалко Н.В. Российская приказная бюрократия в Смутное время начала XVII века. М., С. 232-233, 249-250, 407-408, 411.

³¹⁹ Акты исторические. Т. II. С. 352.

³²⁰ Десятня 7114 года по Смоленску. С. 365.

³²¹ Роспись роду Потемкиных //РГАДА. Ф. 286. Герольдмейстерская контора. Оп. 1. Кн. 241. Л.567, 584-585об.

³²² Сб. РИО.Т. 59. С. 551.

завершении миссии в посольских книгах сказано: «Поехал пристав Ондрей Халетцкой с Москвы сентебря 26 день, в понедельник. А провожали его приставы Иван Новосилцов да Посник Иванов до тех же мест, где его встречали. А до Смоленска послан пристав смоленский Федор Потемкин.Гонец литовский Ондрей Халецкой за рубеж пошёл октября 14 день, а до рубежа провожали его Алексей Zubov, а с ним смоленские помещики, да пристав Федор Потемкин»³²³. В этом сообщении дважды подчеркнута, что Фёдор Потемкин получил должность пристава, которую обычно занимали представители старших родов. Через два года он участвует в посольстве кн. Канбарова «с товарищи»³²⁴. На примере Ивана Потемкина можно наблюдать, как родовое продвижение по службе постепенно передавалось следующему поколению. Выборным дворянином с окладом 500 четвертей к 1605 году стал только его старший сын Юрий, поскольку Потемкины выслужились до «старших отечеством» родов сравнительно позднее Дивовых, Zubовых и других влиятельных смоленских родов. Этот Юрий отметился в нескольких событиях Смуты, участвовал в обороне Смоленска, но впоследствии перешел на службу королевичу Владиславу и эмигрировал.³²⁵ Тем не менее, продвижение поколений Потёмкиных по службе благодаря усилиям потомков его двоюродной ветви успешно продолжалось и в XVII веке. (См. Поколенное распределение рода Потемкиных в Приложении). По величине поместных окладов можно судить о значительном положении в Смоленске рода Башмаковых, а по представительству в выборе они уступают только одним Языковым. В своем родословии Башмаковы утверждали, что происходят из рода Воронцовых-Вельяминовых³²⁶. В десятне записаны двоюродные братья: Григорий Сергеевич, Иван Иванович и Яков Васильевич³²⁷. По родословной все трое к этому времени принадлежали самому старшему поколению и являлись старшими сыновьями в родовых ответвлениях. (См. генеалогию Башмаковых в Приложении). При этом очевидная принадлежность рода к старшим по своему отечеству в служилом городе не подкрепляется известиями об их прежних службах в Смоленске. Башмаковы не встречаются и на каких-либо заметных должностях в Смутное время. Можно только отметить, что сразу несколько представителей рода участвовали в обороне Порецкой волости (возможно, там располагались их поместья) от велижских войск пана Гонсевского³²⁸. Превосходство высоких окладов и по одному представителю в выборе были у Головачовых и

³²³ Там же. С. 616.

³²⁴ Сб. РИО. Т. 71. С. 791.

³²⁵ Роспись роду Потемкиных //РГАДА. Ф. 286. Герольдмейстерская контора. Оп. 1. Кн. 241. Л.567-585об. Новый летописец. С. 111, 113, 120.

³²⁶ Род Башмаковых //РГАДА. Ф. 388. Канцелярия разрядно-сенатского архива. Оп. 1. Кн. 765. Л. 592об-593

³²⁷ Десятня 7114 года по Смоленску. С. 365.

³²⁸ Памятники обороны Смоленска. С. 10-16.

Румянцевых, однако об этих родах также почти нет известий. Сопоставление сведений родословных росписей и смоленской «десятни» 1605/06 года позволяет выяснить, что во многих случаях величина поместных окладов зависела от старшинства внутри рода. Самые высокие оклады были у представителей старших ветвей и старших поколений, а у младших потомков шло постепенное уменьшение по нисходящей линии. Особенно строго эта система соблюдается в роду у Полтевых, но так же её можно отметить у Дивовых, Корсаковых, Потемкиных, а также в некоторых других родах. Точно такую же значимость имело отечество служилого человека при распределении на чины, в особенности при зачислении в выбор. Кстати, на примере Потемкиных и Корсаковых в Смоленске можно заключить, что старшинство по ветви при зачислении в выбор имело большое значение, чем старшинство поколений. Юрий Потемкин записан с окладом 500 четвертей по выбору, а его двоюродные дядя Данило и Федор, дети Родиона или Лариона (Булгака) с таким же окладом служат по дворовому списку³²⁹. Точно также у Корсаковых в выбор записаны представители старших ветвей – Воин Лукьянович и Федор Степанович. Их двоюродные дядя Лаврентий и Темир служили по дворовому списку с тем же окладом 500 четвертей. Старшинство ветви рода, а не поколения, как известно, было принято и у великих князей Московских со времен Василия Дмитриевича. Но эта система действовала не у всех смоленских родов. Упомянутый Василий Феофанович Бестужев принадлежал к старшему поколению, но к младшей ветви. У Башмаковых и у Шушериных мы наблюдаем еще более сложную систему, когда в выбор писали старших братьев из разных родовых ветвей. Во всех этих системах по различным признакам выделялся родовой старейшина, то есть влиятельный лидер служилой дворянской фамилии. Старейшинами в своем роду были вожди служилого города Г.М. Полтев и В.Ф. Дивов, а также Г.С. Башмаков, М.А. Языков, Ю.Ф. Потемкин и Ф.Д. Шушерин. Судя по десятне, старшими в своем роду были выборные дворяне Никифор и Сила Ефимьевы³³⁰. К сожалению, большая часть родословия Ефимьевых была утрачена, из-за чего поколенное распределение рода невозможно восстановить³³¹. Старейшины имели первоочередное право на ведущие служебные должности, но на них же лежала основная ответственность за продвижение рода по службе. Именно старейшины ведущих смоленских служилых родов получили первоочередное право на службу по выборному чину. Среди выборных дворян выдвиженцев самозванца было немного, а большинство выборных дворян были старейшины своих семейств и получали места по родовым выслугам.

³²⁹Десятня 7114 года по Смоленску. С. 365. РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Кн. 241. Л.567-585об.

³³⁰ Десятня 7114 года по Смоленску. С. 365.

³³¹ Род Ефимьевых //РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. Родословные росписи поданные в палату Родословных дел по случаю отмены местничества. № 65. Л.1.

Вопрос о появлении выборного чина в Смоленске имеет первостепенное значение. Вероятно, выбор появился в Смоленске после верстания 1605/06 года. Следует обратить внимание, что среди выборных родов не названы смоляне Битяговские. Между тем в прежние годы этот род, очевидно, принадлежал к верхушке служилого города. Михаил Битяговский был посольским приставом в 1543 и 1549 гг.³³². В 1552-1555 приставом назван его сын Алексей³³³. В 1558-59 гг. – другой его сын, Василий³³⁴. С 1565 по 1568 гг. смоленским приставом был Афанасий Битяговский³³⁵. Должность пристава была пожизненной и наследственной, и поручалась обычно представителем старших родов. Несомненно, Битяговские к этим старшим родам принадлежали. Кроме того, в десятне новиков 1596 года Ф.Б. Битяговский записан в самой высокой окладной статье 300 четвертей. Кроме него в статье только 5 новиков. Битяговский записан третьим после Е.Г. Полтева и К.Л. Зубова, а ниже него записаны Д.П. Чихачев и А.И. Беклемешев³³⁶. Можно заключить, что в XVI веке Битяговские занимали в служилом городе самые высокие места. В десятне 1605/06 двое Битяговских записаны как дворовые с окладами 500 четвертей³³⁷. Полное отсутствие этой фамилии среди выборных дворян возможно в том случае, если выбор в Смоленске появился при верстании 1605/06 года. Официальная версия о покушении на царевича могла повлиять на положение рода Битяговских в Смоленске только после смерти царя Бориса, в царствование Самозванца или царя Василия. Следовательно, выборный чин появился в Смоленске не раньше этого времени. Вероятно, количество выборных в 36 человек также появилось в ходе одного верстания. Шестеро выборных были первостатейные дворяне с окладами 550-700 четвертей, а остальные 30 имели оклад 500 четвертей, то есть, самый высокий оклад, какой имели большинство дворовых детей боярских. Это наводит на мысль, что в выбор зачислили ровно тридцать дворовых детей боярских с окладом 500 четвертей, а также тех, у кого оклад был выше этой статьи.

Появление выбора в Смоленске не следует связывать с пожалованием царя Василия Ивановича за участие в походах против Болотникова. Как уже было сказано, лидеры похода против Болотникова Г.М. Полтев, А.М. Полтев и П.И. Чихачев, получили дальнейшее повышение по службе и стали думными и московскими дворянами. Но в десятне 1605/06 года все трое перечислены, как выборные дворяне, к тому же их оклады ниже, чем поместный оклад Макшеева, который явно был получен при Лжедмитрии.

³³² Сб. РИО. Т. 59. С. 145, 170.

³³³ Там же. С. 362, 364, 366, 369, 383, 384, 457.

³³⁴ Там же. С. 563.

³³⁵ Сб. РИО. Т. 71. С. 302, 303, 306, 314, 315, 328, 336, 339, 416, 573-575, 577-580.

³³⁶ Десятня новиков 1596 г. С. 183.

³³⁷ Десятня 7114 года по Смоленску. С. 365.

Следовательно, выборные дворяне в Смоленске появились после смерти Бориса Годунова, но до участия смолян в походе против Болотникова. Следовательно, выбор был пожалован смолянам либо при Лжедмитрии, либо в самые первые месяцы правления царя Василия.

Установление выборного чина в служилом городе могло быть связано с планами Самозванца передать Смоленск с уездом в вотчину Марине Мнишек и как следствие – с его желанием заручиться поддержкой в местном служилом городе. В то же время, дальнейшая верность смолян царю Василию Шуйским и их борьба с самозванческим движением говорит в пользу того, что выборный чин был пожалован смолянам вскоре после воцарения этого государя весной-летом 1606 года. Имеющиеся в нашем распоряжении источники не позволяют однозначно склониться в сторону одной из этих двух версий.

В правящую верхушку служилого города входили также заслуженные представители средних родов, которые, как правило, служили дворовыми с окладом 500 четвертей. Термины «старшие, средние и младшие роды» основаны на личных характеристиках служилых людей того времени «отечеством стар, отечеством средний и отечеством молод». Достаточно сложно определить действительную степень отечества служилого человека за пределами верхушки служилого города. Невысокие поместные оклады традиционно имели как представители младших родов, так и молодые по возрасту дети боярские. Многие будущие деятели Смутного времени были новиками и 1596, 1604/05, 1605/06 года. Однако их судьбы нужно разбирать на личных примерах, а потому эти верстальные категории не требуют особого исследования. Гораздо важнее разбирать верстание потомков земцев и бывшие архиепископские дети боярские. Дети боярские из этих двух категорий принадлежали к младшим родам Смоленского служилого города. По мнению П.В. Седова, одной из задач во время общерусского верстание 1605/06 года было как раз наделение «служилой мелкоты» полноценными поместными окладами.

В десятне 1605/06 года в окладных статьях 400 четвертей у дворовых и 350-150 четвертей у городских есть особый раздел «дети боярские, которые были у архиепископа», т.е. бывшие служилые люди архиерейского полка, которых перевели в служилый город. В историографии не всегда обращают внимание, что после составления десяти эти дети боярские уже не служили смоленскому архиепископу. Самый первый среди них – князь Василий Васильевич Морткин (дворовый, оклад 400 четвертей). Он известен своей изменой в годы обороны Смоленска в 1609-1611 гг. В августе 1610 года Василий Морткин и Михаил Суцов перебежали из осаждённой крепости в стан поляков и сообщили о силах осаждённых, а также посоветовали во время штурма сделать дополнительный приступ у Крылошевских ворот. В.П. Мальцев, а следом за ним Б.Н.

Флоря называют его архиепископским сыном боярским³³⁸. В десятне, однако, сказано, что Морткин и другие «были у архиепископа», а теперь вошли в смоленский служилый город.

Архиерейские дети боярские (патриаршие, митрополичьи, архиепископские и епископские) обычно служили отдельно от всего города и в общие десятни их не записывали. Служилые корпорации архиерейских детей боярских остаются малоизученной в отечественной историографии.

Известен отдельный список детей боярских смоленского архиепископа. Он сохранился в составе т.н. «списка 100-го года», который опубликован вместе с тысячной книгой и дворовой тетрадью в 1950 году³³⁹. В списке перечислены только имена и фамилии, а сведений о поместных окладах нет. В этом документе перечислены дети боярские всех епархий за 1592 год, в том числе сорок девять детей боярских смоленского архиепископа. О полноте списка судить затруднительно, поскольку его назначение не вполне ясно. Этот список сохранился полностью только в составе сборника 60-х годов XVIII века из собрания Никифорова³⁴⁰. Однако сопоставление имен смоленских архиепископских детей боярских их этого списка, с именами служилых людей «которые были у архиепископа» в десятне 1605/06 года позволяет сделать важные заключения.

Раздел бывших архиепископских детей боярских впервые встречается в 1605/06 года в окладной статье 400 четвертей у дворовых детей боярских. Этого раздела нет в окладных статьях дворовых детей боярских 350 и 300 четвертей и городских детей боярских 500, 450 и 400 четвертей. Далее бывшие архиепископские дети боярские встречаются в окладных статьях городских детей боярских от 350 до 150 четвертей. Четверо из них: Посник Юрьев сын Алтуфьев, Прокофей Петров сын Степанов, Василей Степанов сын Неелов, Сава Михайлов сын Хохлов упомянуты в десятне дважды: как бывшие архиепископские дети боярские среди дворовых детей боярских с окладом 400 четвертей, и в общем списке городских детей боярских, с тем же окладом. Это заставляет думать, что изначально все они были распределены в городской список и получили оклады от 400 до 150 четвертей, но затем, вероятно, верхнюю окладную статью перевели в дворовые дети боярские.

Всего в смоленский служилый город поверстали 56 архиепископских детей боярских, т.е. около 6,3 % от общего числа старослужащих детей боярских. Из них в список 1591/92 года было записано 24 человека, т.е. почти половина этого списка. Больше

³³⁸ Мальцев В.П. Борьба за Смоленск в XVI-XVII вв. С. 309-310; Флоря Б.Н. Польско-литовская интервенция в России и русское общество в начале XVII века. С. 249.

³³⁹ Список 100 году //Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х гг. XVI в. Приложение 2. С. 245.

³⁴⁰ Археографическое введение //Тысячная книга 1550 г. и Дворцовая тетрадь 50-х годов XVI в. С. 24.

всего было записано в окладной статье 350 четвертей – 15 человек, в остальных статьях от 10 до 14 человек, а самые низкие оклады: 200 и 150 четвертей получили 3 и 2 человека соответственно. Кроме того, их дети и племянники были записаны в список новиков.

Насколько сократился при этом полк смоленского архиепископа неизвестно. Вероятно, общее количество архиепископских детей боярских было значительно ниже количества смоленского служилого города, а после верстания уменьшилось ещё больше.

В списке смолян – участников обороны 1609-11 года только трое обозначены как дети боярские смоленского архиепископа: Андрей Тютчев, Савелий (Совет) Башковский и Иван Федькин³⁴¹. Андрей Матвеевич Тютчев и Совет Иванович Башковский 3 августа 1610 года оставили подписи в поручной записи по дворянам – сообщникам изменников Морткина и Суцова. Поставил подпись под этой грамотой и Третьяк Оксентьевич Серков – приказной человек смоленского архиепископа³⁴². Известен также Григорий Мешаев, которого отправили в Москву с грамотами и частными письмами от 9-10 октября. Грамоты были обращены к царю, патриарху и смоленскому войску с просьбой о помощи. Мешаев попался в плен, а все важные документы оказались в руках поляков³⁴³. Фамилия Мешаевых, Башковских, Федькиных и Серковых в других документах не встречается. Следовательно, после верстания 1605/06 года на службе у Смоленского архиепископа остались преимущественно малоизвестные фамилии. Только Тютчевы принадлежали к старинному и известному на службе у Московских князей роду. В десятне 1605/06 года Алферий и Григорий Матвеевичи Тютчевы показаны в числе бывших архиепископских дворовых детей боярских с окладами 400 четвертей. В списке 1591/92 года названы Алферий Матвеевич и Василий Андреевич Тютчевы. Имя Матвей было распространено в роду у потомков Захария Тютчева, который ездил с грамотой Дмитрия Донского к хану Мамаю и участвовал в Куликовской битве. Матвеем звали одного из сыновей Захария. Потомки бояр Тютчевых служили не только в Смоленске, но и в других служилых городах. К старинному роду принадлежал и перебежчик из смоленской крепости в королевский лагерь - князь Василий Морткин из князей Ярославских. Кроме него в десятне записан Григорий Васильевич Морткин (городовой 400 четвертей) и Иван Васильевич Морткин (в раздел «новики ж от отцов дети и от дядей племянники»). Морткины стали единственными в смоленском служилом городе потомками князя Рюрика. Из того же рода происходил второй смоленский воевода в 1608-11 годах П.И. Горчаков. В списке 1591/92 года Морткиных нет. Среди бывших архиепископских детей

³⁴¹ Памятники обороны Смоленска. С. 239.

³⁴² Там же. С. 93-96.

³⁴³ Акты исторические. Т. II. С. 319; Дневник похода короля Сигизмунда на Смоленск. С. 465.

боярских следует отметить участников смоленской обороны Алтуфьева и Хохлова. Бывших архиепископских детей боярских Алтуфьевых в десятне двое – Посник и Леонтий Юрьевичи (400 и 350 четвертей), а также новик от отца Фёдор Леонтьевич Алтуфьев. Кроме них в десятне названы Тимофей Владимирович Алтуфьев (450 четвертей), Микита Тимофеевич Алтуфьев (300 четвертей) и новик, верстаный с отцова поместья Пётр Тимофеевич Алтуфьев. Их родственная связь между собой очевидна, а с бывшими архиепископскими Алтуфьевыми, напротив, сомнительна. В списке 1591/93 года представлен Андрей и Посник Юрьевичи Алтуфьевы. Леонтий Юрьевич Алтуфьев жил в Смоленске в самые первые дни обороны и терпел голодную нужду. Об этом он писал в письме своему сыну³⁴⁴. Савелий Хохлов был архиепископским сыном боярским в 1591/2 году. Кроме него в самом начале списка 1591/92 года указан Михаил Михайлович Хохлов. В десятне 1605/06 года записан также Богдан Михайлович Хохлов, бывший архиепископский, а теперь городской сын боярский, с окладом 250 четвертей и новик от отца Иван Богданович Хохлов с окладом 300 четвертей (про него сказано «верстан по государственной грамоте»). Савелий Хохлов назван в списке участников Смоленской обороны, в разделе «Смолняне ж, которые с Москвы пришли»³⁴⁵. 3 августа 1610 года он подписался в поручной записи по дворянам – сообщникам Морткина и Суцова³⁴⁶.

В 1605/06 году в служилый город от архиепископа переводили, как правило, одного или двух братьев, а их дети или племянники записывались в списки новиков, наравне со всеми смолянами. Поскольку новики заступали на службу впервые, то их родство с бывшими архиепископскими детьми боярскими в десятне никак не обозначалось. Только при сравнении списка 100-го года и десяти 1605/06 года можно проследить верстание дядей с племянниками.

Можно привести пример бывших архиепископских дворян Скорятиных и Ляховых. Скорятиных в списке 1591/92 года двое – Семен и Иван Микуловичи. В десятню 1605/06 года записаны бывший архиепископский сын боярский Иван Микулович Скорятин с окладом 300 четвертей и верстаные в отвод новики Васька и Тихон Семеновичи Скорятины с окладами 250 четвертей. В списке 1591/93 года представлены «Третьяк да Семенка Юрьевы дети Ляхова». В десятне 1605/06 года показан Третьяк Юрьевич Ляхов, бывший архиепископский сын боярский с окладом 300 четвертей и новик от брата в отвод Федька Семенович Ляхов с окладом 200 четвертей. То есть, в случае Скорятиных и Ляховых отражено верстание дядей вместе с племянниками. Семьидворян смоленского

³⁴⁴ Памятники обороны Смоленска. С. 34.

³⁴⁵ Там же. С. 239.

³⁴⁶ Там же. С. 93-96.

архиепископа не были разветвленными. Поэтому все более-менее заметные в 1591/92 году фамилии были переведены из архиепископского полка в служилый город. В первую очередь заинтересованы были в переводе в служилый город сами вновь поверстанные в смоленский служилый город дети боярские. Служба у архиепископа была менее почетной, чем со всем городом. Об этом можно судить по сравнительно низким окладам бывших архиепископских детей боярских в 1605/06 году. О том же говорят уменьшительные формы фамилий тех из них, которые получили оклады в 150 и 200 четвертей. Таких детей боярских с уменьшительным вариантом имени в десятне было пятеро: Андрюшка Иванов сын Рогожин, Ивашко Андреев сын Полозов, Посничко Матвеев сын Суворов, Лучка Андреев сын Криушин, Семенка Иванов сын Прохоров³⁴⁷. Речь не идёт о молодых годах детей боярских. В списке 1591/92 года у А.И. Рогожина, Л.А. Криушина, С.И. Прохорова и отца П.М. Суворова полные имена. Следовательно, уменьшительное написание фамилий отражает невысокое положение этих родов по сравнению с большинством смоленских детей боярских. Это может быть связано с тем, что род Суворовых пережил опалу, а Рогожины, Криушины, Прохоровы, а также Башковские и Фетькины совсем недавно вошли в состав служилых людей «по отечеству». Действительно, многие архиепископские дети боярские имели общие фамилии с земцами либо принадлежали к малоизвестным родам. В то же время на службе у смоленского архиепископа на рубеже XVI-XVII вв. были представители некогда знаменитых в истории родов – Тютчевы и князья Морткины-Ярославские. Кроме того, П.М. Суворов, который в десятне назван уменьшительным именем, был, возможно, потомком Посника Суворова, дьяка на земском соборе 1566 года³⁴⁸. Переход этих родов в архиепископские дети боярские был вызван упадком родового продвижения по службе в связи с опалами или иными причинами. Бывшие архиепископские дети боярские почти не пересекались по фамильному составу фамилиями с представителями старших и средних «по отечеству» смоленских родов. Редкое исключение составляют Алтуфьевы, о которых говорилось выше и Амелька Григорьевич Чихачев. Однако его уменьшительная фамилия заставляет сомневаться в близких родственных связях с теми Чихачевыми, которые занимали в Смоленске должности стрелецких голов и судей. Поместное войско смоленского архиепископа пополнялось из менее значительных фамилий, по сравнению со смоленским служилым городом. Верстание 1605/06 года позволило бывшим архиепископским детям боярским улучшить свое положение в системе московских чинов, в особенности после общего возвышения Смоленского служилого города в Смуту. И все же в последующие

³⁴⁷ Десятня 7114 года по Смоленску. С. 382, 383.

³⁴⁸ Приговорная грамота земского собора 1566 г. //Русский дипломатий. Вып. 10. М. 2004. С. 178.

годы они наряду с другими младшими родами продолжали занимать подчинённое место в служилом городе. Похожая ситуация произошла и со смоленскими земцами. В XVI веке смоленский служилый город делился на помещиков – переселенцев из других городов и земцев – местных землевладельцев. Обычно их записывали в разные списки, как это видно из приведенного выше фрагмента «Повести о победах Московского государства»³⁴⁹.

«Повесть» определяет помещиков из других городов, как «лучших и честных людей», которых верстали «против их отечества и чести». «Тутошних помещиков» верстали в нижние статьи и только «против их чести», поскольку «отчества» т.е. заслуг предков перед предыдущими государями у них не было. В этом состояло важное отличие между этими двумя группами смоленских служилых людей. По своему происхождению земцы не были мелкими землевладельцами. Земецкие фамилии Перфурьевы и Коверзины встречаются в литовском реестре смоленских бояр³⁵⁰. В московском государстве знатность и общественное положение земецких родов («честь») принималась в расчёт при верстании на службу. Но заслуги предков имели для служилых людей XVI-XVII веков определяющее значение при назначении поместных окладов. Смоленский служилый город был образован позже присоединения смоленского уезда к Московскому государству. Временем его создания следует считать рубеж 30-х-40-х гг. За это время Полтевы, такие же смоленские землевладельцы, успели послужить в государевом дворе в других уездах и заняли высокое место в списке помещиков из других городов. Так что решающую роль для земцев сыграла не их служба до 1514 г., а то, что в массе своей они предпочли сохранить свои вотчины. До образования смоленского служилого города земцы не поступали на государеву службу. Выбор Полтевых больше соответствовал практике московского государства, в котором наследовались не земельные наделы, а место и служба при государе.

В книге Полоцкого похода 1562-3 года разделяются термины «смоленские помещики» и «земцы», но в разрядах 1577 года уже употребляется общий термин – «смоленские дети боярские»³⁵¹. Однако разделение детей боярских и земцев сохранялось и в десятне новиков 1596 года. Земцы в этой десятне записаны ниже остальных детей боярских и занимают две окладные статьи – 150 и 100 четвертей. К земецким фамилиям

³⁴⁹ Повесть о победах Московского государства. С. 28.

³⁵⁰ Реестр смоленских князей, бояр и слуг. Стб. 478, 481, 482.

³⁵¹ Разрядная книга Полоцкого похода //Русский дипломатарий. Вып. 10. М., 2004. С. 120-154. Разрядная книга Ливонского похода 1577-78 //Вельяминов-Зернов. Исследования о Касимовских царях и царевичах. СПб., 1864. Т. II. С. 26-83.

принадлежали Петрыкины, Трубниковы, Дерновы, Раковы, Лесковы, Шетихины, Козловские и другие³⁵².

В предыдущих разделах упоминалась «десятьня 1574 года», которой следует пользоваться с особенной осторожностью. Тем не менее, следует учесть данные этого документа о смоленских земцах. В десятне указано происхождение детей боярских. Земцы записаны в один список с детьми боярскими из городов, но преобладают в нижних статьях поместных и денежных окладов, а в двух верхних статьях (которые в источнике объединены словом «выбор») их нет вовсе. Кроме того, в этой десятне есть указание на то, что смоленскими помещиками становились сыновья пушкарей, затинщиков, воротников, попов, казаков, монастырских слуг и других, которые также пересеклись по фамилиям с земцами. В «десятне 1574 года» среди земцев названы Бердяевы³⁵³. В десятне новиков 1596 года они уже записаны не среди земцев, а среди потомков смоленских помещиков, но в нижнюю окладную статью в 100 четвертей³⁵⁴. Из этого можно заключить, что переход из земцев в дети боярские происходил и до Смуты.

В Смутное время земцы совершенно исчезают из источников. В «Повести о победах» в рассказе о подготовке похода против Болотникова сказано: «начаша дворяне и земцы и все ратные люди совет совещать»³⁵⁵. Других упоминаний земцев нет ни в «Повести», ни в смоленских документах за 1608-11 годы, за исключением жалованных грамот короля Сигизмунда на поместья³⁵⁶. Это можно объяснить только тем, что в годы Смуты произошло окончательное нивелирование чинов служилого города и земцы перестали быть отдельной категорией. Такое значительное изменение в структуре служилого города, скорее всего, произошло во время верстания 1605/06 года, хотя в списке смоленской десяти этого времени не сохранилось прямых свидетельств о верстании земцев в общий список.

В 1605/06 году потомки земцев записаны в общем списке с детьми боярскими, но, как правило, с низкими поместными окладами. Один их самых высоких поместных окладов у Шерапа Бердяева – городской с окладом 500 четвертей. Семейство Бердяевых было одним из самых успешных среди бывших земцев. После Смуты сам Шерап Родионович и двое других Бердяевых даже попали в выбор с окладами 800, 750 и 650

³⁵² Десятня новиков 1596 г. С. 185-186.

³⁵³ Летопись историко-родословного общества в Москве.. 71-82.

³⁵⁴ Десятня новиков 1596 г. С. 185

³⁵⁵ Повесть о победах Московского государства. С. 6.

³⁵⁶ Акты Западной России. Т. IV. С. 320-427.

четвертей³⁵⁷. Следует учитывать, что Бердяевы названы земцами только в десятне 1574 года, а в 1596 году они уже земцами не были.

Самым многочисленным смоленским родом были потомки земцев Дерновы. Их фамилия в десятне встречается свыше пятидесяти раз. Самый высокий оклад, который занимали Дерновы – 350 четвертей (в дворовом и городском списке). Но некоторые земецкие роды занимали ещё более низкие окладные статьи. Земцы Лесковы и вовсе имели оклады от 250 и ниже четвертей. Бывшие земцы не отличались по своим служебным назначениям от прочих молодых «отечеством» или возрастом детей боярских. Их использовали в качестве посыльных и на других второстепенных должностях. Высоким служебным достижением для земцев была должность нарядчика. В десятне новиков 1596 года нарядчиком был земец Никита Иванович Трубников (оклад 100 четвертей). В 1605/06 году Трубниковы занимали оклады от 350 четвертей и ниже. Обязанности нарядчика известны мало. По всей видимости, он помогал окладчикам и воеводам распределять оклады и служебные назначения у младших родов детей боярских. При этом отдельные служебные назначения нарядчик мог выполнять сам и от этого круг его обязанностей получался довольно широким. В десятне 1605/06 года нарядчиком был Иван Алексеевич Глебов (городовой, оклад 400 четвертей). Более высоких окладных статей Глебовы не занимали. Они принадлежали не к земцам, но к младшим по отчеству родам, поскольку ещё в десятне новиков 1596 года у Павла Васильевича Глебова был оклад 100 четвертей. В августе 1608 года упоминается нарядчик Богдан Романчиков. Он ездил на рубеж встречаться с информатором смоленских воевод, слугой Александра Гонсевского, чтобы получить сведения о литовских делах³⁵⁸. У Максима Романовича Романчикова был самый высокий в его семье оклад – 150 четвертей, а остальные Романчиковы записаны среди отставленных детей боярских. И Глебов и Романчиков принадлежали к младшим родам, но занимали неравное положение. Нарядчики в Смоленске не всегда происходили из земцев, но они обязательно принадлежали к младшим по отчеству родам.

Земцы и дети боярские младших родов преобладали в категории отставных детей боярских. Согласно спискам десяти 1605/06 года их было 224 человека. Их объединяет заголовок «имена детям боярским оставленным, которые служат осадную службу в Смоленску». В Смоленске в эту категорию входили только земецкие семьи: Дерновы, Кожины, Шатихины, Раковы и другие. Осадная служба считалась менее почётной и в Смоленске на неё переходили только представители младших родов, которые уходили в

³⁵⁷ Подлинный боярский список 1626 г. С. 412.

³⁵⁸ Акты исторические. Т. II. С. 123.

отставку по бедности и невозможности нести конную службу. Отставленные земцы исполняли в Смоленске административные должности. Например, после допросов пленников в сентябре 1609 году смоленские воеводы отправляли их в тюрьму с приставом Афанасием Поганцовым³⁵⁹. В некоторых документах смоленской обороны упомянут судебный пристав Михаил Бастрыкин³⁶⁰. Известно судное дело Савелия Хохлова и смоленского пристава Потапа Трубникова³⁶¹. Наконец, в уже упомянутой поручной записи по сообщникам Морткина и Суцова сказано, что их выручали у тюремного приказчика Василия Шестакова³⁶². Позднее участников заговора всё же арестовали, но двоих отпустили на поруки и составили новые поручные записи, и выручали их уже у сына боярского Ивана Мальцова (вероятно, тоже тюремного приказчика)³⁶³. Имена и фамилии смоленских судебных приставов и тюремных приказчиков в Смоленске в 1609-1611 году встречаются в списке отставленных детей боярских: Ивашка Семенов сын Мальцов, Ивашка Иванов сын Мальцов, Афонка Перфин сын Поганцов, Михалко Герасимов сын Бастрыкин, Андрюшка Леонтьев сын Трубников³⁶⁴. Все они принадлежали к земецким родам, а род Мальцевых (пять человек) записан только в списке отставленных осадных детей боярских. Но были и исключения: Василий Шестаков не был в списке отставленных и, по-видимому, не принадлежал к бывшим земцам.

Все эти сведения позволяют уточнить характер осадной службы. Отставные дети боярские выполняли различные поручения внутри крепости. Об их реальном участии в отражении штурмов и т.д. говорить не приходится.

Перевод в дети боярские открывал для земцев и их потомков перспективы служебного продвижения. Скорее всего, категория земцев была решительно отменена при Лжедмитрии I и при нём же в служилый город перевели значительное число детей боярских смоленского архиепископа. Верстание Лжедмитрия не привело к расколу в служилом городе между старшими и земецкими родами во время борьбы с Болотниковым. На это были свои причины. Во-первых, царь Василий подтвердил пожалования самозванца. Сохранить новое место в служилом городе земцы могли только на верной службе царю вместе со всем служилым городом. Во-вторых, сами бывшие земцы считали естественным постепенное продвижение по службе нескольких поколений, как это было всегда в Московском царстве. Об этом писал автор «Повести о победах», который отметил, что уважение к родовым заслугам было характерно для всех дворян и детей

³⁵⁹ Памятники обороны Смоленска. С. 28.

³⁶⁰ Там же. С. 38, 85.

³⁶¹ Там же. С. 89.

³⁶² Там же. С. 92-96.

³⁶³ Там же. С. 91-92.

³⁶⁴ Там же. С. 391-393.

боярских, в том числе и для молодых отечеством, т.е. земцев и бывших архиепископских детей боярских³⁶⁵. Последующий вскоре после верстания поход против Болотникова показал, что смолянам удалось сохранять управление старших родов и единство служилого города в годы Смутного времени.

2.2. Смоленский служилый город и борьба с восстанием Болотникова в 1606-07 гг.

Исследователи восстания Болотникова по-разному объясняли преданность смолян царю Василию во время восстания Болотникова в 1606 году. С.М. Соловьев считал, что «на юге увлеченные примером энергических людей – Ляпунова, Сунбулова, Пашкова, - жители бросились на сторону самозванца», а в тверских землях жители присягнули ему только «вследствие упадка духа и нерешительности». Положительным примером для них стала Тверь, где энергично действовал архиепископ Феофил. В результате в сочинении С.М. Соловьева приверженность к Василию Ивановичу или к самозванцу объясняется позицией влиятельных представителей церкви и служилого дворянства. Правда, в Смоленске исследователь не указал местных лидеров и объяснил его «прямое стояние» к царю Василию так: «Смольнянам, говорят современники, поляки и литва были враждебны, искони вечные неприятели, жили смольняне с ними близко и бои с ними бывали частые: Поэтому смольняне не могли ждать хорошего от царя, который был другом поляков и за помощь, ему оказанную, мог уступить Смоленск Польше. Как скоро узнали в Смоленске, что из Польши готов явиться царь, ложный или истинный, новый или старый, всё равно, ибо никто ничего не знал подлинно, то немедленно служилые люди собрались и пошли под Москву, выбрав себе в старшие Григория Полтева, на дороге очистили от лжедмитриевцев Дорогобуж и Вязьму»³⁶⁶.

С.М. Соловьёв справедливо отмечал, что отношение смолян к Болотникову определялось их отношением к Лжедмитрию I. Кроме того, следует согласиться с мнением исследователя, что дворяне западных и северо-западных уездов подчинялись сторонникам самозванца по необходимости, а во время похода 1606 года легко переходили на сторону царя Василия. Это было связано с тем, что в захвате этих уездов участвовали казаки с юга, к которым местные служилые люди относились с враждебностью. Смоленск был удобно расположен, чтобы стать центром борьбы с воровскими шайками казаков.

³⁶⁵ Повесть о победах Московского государства. С. 28.

³⁶⁶ Соловьев С.М. Сочинения. Книга IV. История России с древнейших времен. Т. 8. С. 457.

В.П. Мальцев и другие советские исследователи объясняли позицию смолян логикой классовой борьбы феодалов с восставшими крестьянами. Они считали, что восстание Болотникова было восстанием крестьян в ответ на усиление крепостного гнета. По мнению Мальцева, смоленские дворяне превосходили дворян других уездов по обеспечению поместными землями, и этим объяснялась их последовательная крепостническая позиция и поддержка «боярского» царя Василия. Мнение Мальцева было основано на сведениях десяти 1605/06 года о поместных окладах смоленских дворян и детей боярских³⁶⁷. Однако эти оклады следует признать искусственно завышенными и потому они даже примерно не отражают реальных размеров поместий служилых людей, о чем было сказано в предыдущем разделе. Тем не менее, концепция о смоленских дворянах, как о последовательных борцах с восставшими крестьянами, была воспроизведена в работах И.И. Смирнов, А.А. Зиминой, В.И. Корецкого и Р.В. Овчинникова и других историков, поскольку эта концепция укладывалась в общую схему «крестьянской войны» 1606-07 года³⁶⁸.

В работах Р.Л. Станиславского, Р.Г. Скрынникова и О.В. Тюменцева восстание Болотникова представлено как один из этапов самозванческого движения начала XVII в³⁶⁹. В этих исследованиях показан пестрый социальный состав сторонников самозванца, в частности – особая роль казачества и детей боярских с южных окраин. Однако мотивации сторонников царя Василия, их боевой путь оставались в этих трудах неизученными. Б.Н. Флоря указывал на последующее жалование смолян за участие в походе 1606 года, но сам поход и его причины в его исследовании не рассматривал³⁷⁰. Наконец, С.В. Александров высказал мнение, что «раскол Смоленской земли в 1606—1607 гг. произошел не по классовому принципу, а по отношению населения к получаемому доходу. Гражданская война разделила, прежде всего, более обеспеченное дворянство северных уездов Смоленщины и экономически слабое дворянство Рославского уезда. Раздел произошел и между богатыми посадами Смоленска и Вязьмы и бедным посадом Рославля»³⁷¹. Александров, так как и Мальцев, полагает, что смоленское дворянство было более

³⁶⁷ Мальцев. Борьба за Смоленск в XVI-XVII вв. С. 145-147.

³⁶⁸ Смирнов И.И. Восстание Болотникова 1606-1607. Л., 1951; Зимин А. А. Некоторые вопросы истории Крестьянской войны в России в начале XVII века // Вопросы истории. 1958. № 3; Корецкий В. И. Из истории Крестьянской войны в России начала XVII века // Вопросы истории. 1959. № 3; Овчинников Р. В. Некоторые вопросы Крестьянской войны начала XVII века в России // Вопросы истории. 1959. № 7; Скляр И. М. О начальном этапе Первой крестьянской войны в России // Вопросы истории. 1960. № 6; О Крестьянской войне в Русском государстве в начале XVII века. (Обзор дискуссии) // Вопросы истории. 1961. № 5; Шепелев И. С. Освободительная и классовая борьба в Русском государстве. 1608-1610. Пятигорск, 1957.

³⁶⁹ Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. М.: Мысль, 1990; Скрынников Р. Г. Смута в России в начале XVII в. Иван Болотников. Л.: Наука, 1988; Тюменцев И. О. Смута в России в начале XVII столетия. Движение Лжедмитрия II. Волгоград, 1999.

³⁷⁰ Флоря Б.Н. Польско-литовская интервенция в России и русское общество в начале XVII века. С. 103.

³⁷¹ Александров С. В. Смоленская осада 1609-1611. С. 114-115.

обеспеченным, чем дворянство южных уездов. Мнение это основано на поместных окладах 1605/06 года, которые не отражают реального обеспечения дворян четвертями земли.

В итоге исследователям не удалось прийти к единому и непротиворечивому заключению о роли смолян в подавлении восстания Болотникова и о причинах поддержке ими царя Василия. У смоленских дворян не было значительного экономического превосходства по сравнению с дворянами других уездов. Гораздо важнее вопрос о том, какие пожалования смоляне получили от Лжедмитрия, а какие уже затем от царя Василия. Также важно выяснить, жаловал ли царь Василий смолян до их участия в государевом походе или после него, и каков был характер этих пожалований.

Исследователи, которые специально изучали роль смоленского дворянства в Смутное время – В.П. Мальцев, а затем С.В. Александров – связывают поход смолян и 1606 года и смоленскую десятню 1605/06 года. Такой подход представляется верным, однако оба исследователя полагали, что пожалование царя Василия смолянам (новые оклады и четвертное жалование) происходило ещё до похода против Болотникова. Мальцев утверждал, что смоляне получили новые поместные оклады при подготовке к походу 1606 года³⁷². Александров полагает, что царь Василий пожаловал смолян четвертным жалованием и высокими окладами в самом начале своего царствования, еще до похода³⁷³. Оба исследователя сходятся в том, что царь Василия даровал смолянам значительные привилегии еще до того, как они спасли его престол. Однако в источниках нет дополнительных сведений о каких-либо привилегиях смолянам.

Единственное, что следует из источников – что царь Василий признал результаты восстания и оставил пожалования своего предшественника в неприкосновенности. При нем были окончательно составлены десятни и в них нашли отражения все сведения о новых окладах. Представляется, что этого было вполне достаточно, чтобы смоляне выступили в поддержку царя Василия и против нового самозванца. Дело в том, что пожалования Лжедмитрия не могли считаться закрепленными в роду: когда разрядные дьяки отмечали, что Лжедмитрий «в городех дворян и детей боярских велел для прелести верстать и давать оклады болешие»³⁷⁴, они имели в виду, что новые высокие оклады не были связаны с наградами за военные успехи. Тем более сомнительными становились эти оклады после того, как самозванец был свергнут и объявлен ложным царем.

³⁷² Мальцев. Борьба за Смоленск в XVI-XVII вв. С. 145-146.

³⁷³ Александров С. В. Смоленская осада 1609-1611. С. 114-115.

³⁷⁴ Белокуров С.А. Разрядные записи за смутное время. С. 6.

Поэтому закрепление результатов верстания 1605/06 года при царе Василии окончательно приравнивало эти результаты к родовым и личным заслугам. Царь Василий пошел на этот шаг, чтоб привлечь на свою сторону дворянство и не допустить дальнейшего развитие Смуты. Смоленяне при этом выиграли больше других, поскольку смогли закрепить за своими родами особые пожалования. Во-первых, значительный по количеству выбор, в который вошли по преимуществу представители старших родов. В результате верхушка смоленского дворянства стала служить по боярскому списку вместе с думными и московскими чинами. Во-вторых, многочисленные представители младших родов перестали писаться по особому земецкому списку и вошли в общий список служилого города. Объединение детей боярских и земцев, несомненно, связано с именем Лжедмитрия, однако не так важно, пожаловал ли царь Василий смолянам выбор или только подтвердил прежний указ Самозванца. Главное, что в итоге смотра 1605/06 года и его закрепления при царе Василии смоленские старшие и младшие роды достигли таких результатов, каких не достиг ни один другой служилый город. Напротив, дворяне новгородских пятин в ходе самозванческого верстания так и не получили выборного чина и сохранили разделение на детей боярских и земцев³⁷⁵.

После таких значительных пожалований у смолян уже не было причин для недовольства Василием Шуйским. Напротив, перед смолянами стояли важные задачи, которые они могли выполнить только всем городом и только в боях на службе у московского государя. Во-первых, самозванческое верстание «для прелести» и последующая милость царя Василия должны были быть обоснованы реальными достижениями на государевой службе. После разгрома Болотникова никто не мог бы усомниться в праве верхушки смолян на массовое представительство в выборе или в переходе потомков земцев в единый список. Во-вторых, для смолян было важно восстановить систему службы по отечеству, как для управления служилым городом, так и для дальнейших государевых пожалований. Все эти задачи были решены в ходе выступления смолян против войска Болотникова в 1606/07 годах. Смоленское дворянское войско выступило в поддержку царя Василия Ивановича в критический момент, когда полки Болотникова уже стояли под Москвой и заняли большинство городов на юге и часть городов на Западе. Особая роль этого войска в разгроме Болотникова в 1606 году определялась их сплоченностью перед лицом угрозы, а также удобным стратегическим положением смоленского уезда.

В начале осени 1606 года значительные отряды казаков и служилых людей с Засечной черты стояли не в лагере Болотникова в селе Коломенском, а рассеялись по

³⁷⁵ Десятня Водской пятины 1605 года. С. 435-509.

западным и северо-западным уездам, захватывали города в кормления. Они достигли Иосифо-Волоколамского монастыря на северо-западе и ближайшего к Смоленску города Дорогобужа на западе. Однако за мощными стенами Смоленска у дворян было время собраться всем городом и подготовиться к походу. Общее совещание смолян перед выступлением в поход описано в «Повести о победах». «Видя государя в толицей печали и Московское государство в разорении от тех воров, и начаша в Смоленске дворяне и земцы и все ратные люди совет совещати, како бы им государю помощи подати и государство Московское очистить от тех воров и от Москвы отогнати»³⁷⁶. Закончилось совещание ратных людей всеобщим благословлением у Смоленского архиепископа Феодосия. Автор «Повести» не случайно упомянул в числе участников земцев, поскольку для сплочения служилого города следовало заручиться поддержкой этой весьма значительной категории служилых людей. В результате совещания был создан отряд, в состав которого вошли представители различных смоленских служилых родов. Один из земцев, Д.П. Дернов, вспоминал через много лет, в 1649 году: «при царе государе и великом князе Василье Ивановиче всеа Руси выбрано смолян шестьсот сорок человек и я, холоп твой, в том выборе был на всей службе в Московском приходе, и под Калугою з бояры, и под Тулою»³⁷⁷.

Численность отряда 640 человек равнялась численности всех старослужащих по десятне 1605/96 года. Однако в отряд вошли представители всех чинов, в том числе сам Дернов был тогда новиком и впервые участвовал в походе. Всего в отряд для борьбы с Болотниковым вошло 58,1 % от общего количества смолян, годных к дальнейшей службе. При выборе начальников отряда учитывались личные качества и родовые заслуги. Важным для смолян стал их самостоятельный и общий выбор Григория Полтева в качестве руководителя похода. Новый летописец сообщает: «Во граде же Смоленске слышаху архиепископ и воеводы и все ратные люди такую настоящую беду над Московским государством, что хотят те воры царя и бояр побити, и возопиша единогласно, поидоша под Москву, выбрав себе старейшину Григорья Полтева. Идучи же грады очистиша, Дорогобуж и Вязьму. Грады же многие слышавшее то, начаша к царю Василию с повинными присылати»³⁷⁸. Таким образом, сведения Нового летописца совпадают с данными «Повести о победах», однако содержат дополнительные известия о руководителе похода. Другие руководящие должности в смоленском войске также занимали представители старших служилых родов. Кроме дворян в походе участвовал стрелецкий

³⁷⁶ Повесть о победах Московского государства. С. 6.

³⁷⁷ Челобитные смоленского помещика - участника похода против Болотникова. С. 65-66.

³⁷⁸ Новый летописец. С. 72.

приказ, вероятно, под командой П.И. Чихачева. Другим руководителем похода был смолянин В.Ф. Дивов из родословной биографии которого известны многие подробности похода³⁷⁹. Следует иметь в виду, что составители родословной биографии Дивовых старались приписать ему первенство во всех крупных назначениях. Для примера сравним рассказ родословия о проходах польских послов и Марины Мнишек за рубеж и воеводское донесение о тех же событиях. В Родословии сказано: «Да Воин же Дивов послан с Москвы провожать Сардамирского пана и дочь его и послов литовских пана Витовского Станислава и Александра Башевского (так в тексте –А.М.) до литовского рубежа, а в наказе и в грамотах писано воеводою, а для разряду послан с ним дьяк Разборнова приказу Дмитрей Ракомской а дворян было с ним послано по списку, смолян и вязмич и белян, триста человек, да пять голов с татары, да триста человек стрельцов да два сотника, Иван Баутин да Богдан Болтин.»³⁸⁰. А вот состав того же отряда в донесении воеводы М.Б. Шеина: «Твои государевы воеводы, Борис Собакин, да Воин Дивов, да диак Дмитрей Раковский ... а с ними дворян и детей боярских 50 человек, да сотник стрелецкий со стрельцы Будаи Болтин»³⁸¹. В родословии состав отряда передан со всей достоверностью и даже с теми подробностями, которых нет в донесении Шеина. Однако первый воевода отряда Борис Собакин в родословии не назван и главным начальником представлен Воин Дивов. Точно так же в рассказе о походе 1606 года Родословие не упоминает Григория Полтева и подробно перечисляет имена дворян, которых Воин Дивов посылал с сеунчами о взятии городов. Вероятнее всего, Дивов был вторым головой в походе, а в грамотах с известиями о победах его имя стояла после Г.М. имени Полтева. Однако имена дворян-сеунщиков известны по Смоленской десятне 1605/06 года. Следовательно, в родословии обычно не упоминаются начальники Дивова, а сведения о его подчиненных переданы весьма подробно. Из родословной росписи Дивовых мы узнаём, что смолянам сначала пришлось отбивать отряды казаков на пути к своему городу. «А как пришли из Ярославля воры на смоленские места, и боярин князь Иван Семенович Куракин послал Воина Дивова да с ним дворян и детей боярских да сотника стрелецкого Василея Полтева с стрельцами, и на Лучась на реке воров побил, и с сеунчем от Воина Дивова послан был Осип Языков»³⁸². Вероятно, имеется ввиду не Ярославль, а Рославль, а битва была на реке Лучась (Лучеса, Лучесьянка), которая в наши дни протекает вблизи города Починка рядом с дорогой из Рославля в Смоленск. Битва на реке Лучесе, возможно, произошла ещё до выступления к Москве и избрания Полтева.

³⁷⁹Из родословной Дивовых. С. 169-174.

³⁸⁰Там же. С. 176.

³⁸¹ Акты исторические. Т. II. С. 124.

³⁸²Из родословной Дивовых. С. 177.

По мере очищения городов войско пополнялось за счёт дорогобужан, вязмичей и т.д. Смоляне выступили к Москве, «идучи же, грады расчистили, Дорогобуж и Вязьму». Служилые люди этих городов «поворотили» к Москве и начали создавать свои отряды против повстанцев³⁸³. Родословие Дивовых говорит о занятии Вязьмы и о разгроме воровского отряда под Дорогобужем: «А как под Дорогобужем на Осме реке побил воров, и с сеунчем послан был от Воина Дивова Михаило Александров сын Языков. И идучи к Москве, очистили Вязьму, и с сеунчем от Воина послан был Алексей Игнатьев сын Зубов»³⁸⁴.

Автор «Повести о победах» начинает описание боев с того, как смоляне «приидоша на некое место зовомое Царево-Займище и ту множество воровских людей побиша и живых поимаша, и до конца их отголе изогнаша и место очистиша»³⁸⁵. Дорогобуж, Вязьма и Царево-Займище были городами по пути из Смоленска к Москве. Последней крепостью на пути к Москве стал Можайск. Его осаде в «Повести» и других источниках уделено много места. Под Можайском произошло соединение смоленского отряда с отрядом И.Ф. Колычева. «Повесть о победах» говорит: «прииде им на помощь Иван Федорович Колычев, зовомый Крюк, с пешими людьми, с важанами и с лучным боем»³⁸⁶. Под важанами подразумеваются даточные ратные люди с Двины. Об их участии в разгроме Болотникова сказано в особой статье³⁸⁷. 15 ноября смоляне и важане «Можайск взяли и многих воров побили и предерекомого вора Юшка Беззубцева со многими ево советники взяли живых и к государю к Москве привели»³⁸⁸.

Упоминание в «Повести о победах» о пленении Юрия Беззубцева смолянами заставляет обратиться к его судьбе после восстания Болотникова. 5 декабря Василий Иванович писал «бояры и воеводы наши тех воров всех побили наголову, а Истомку Пашкова, да Митьку Беззубцева и многих атаманов и казаков живых поймали и к нам привели»³⁸⁹. Однако разрядные записи гласят: «Ивашко Болотников и Юшко Беззубцев с вору з достальными побежал в Калугу»³⁹⁰. Скорее всего, автор «Повести о победах» спутал два события: пленение казачьего атамана Ивана Горемыкина в Можайске и

³⁸³ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографической экспедицией Императорской академии наук. Т. II. СПб., 1836. С. 126-135.

³⁸⁴ Из родословной Дивовых. С. 177.

³⁸⁵ Повесть о победах Московского государства. С. 6.

³⁸⁶ Там же.

³⁸⁷ Молочников А.М. Даточные ратные люди, как архаичная категория вооруженных сил России в XVI-начале XVII вв. // Всероссийская научная конференция «Народные ополчения и российские города в Смутное время начала XVII века». г. Балахна. 6-7 октября 2011 г. Сборник материалов. Нижний Новгород, 2012. С. 46-61.

³⁸⁸ Повесть о победах Московского государства. С. 6.

³⁸⁹ Собрание государственных грамот и договоров. М., 1819. Т. II. №150.

³⁹⁰ Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время. С. 10.

пленение Дмитрия Беззубцева в Заборье 5 декабря 1606 года. Иван Горемыкин явил государю и принес ему свою вину и вины своих сподручников³⁹¹. Взятие смолянами и важанами Можайска совпало по времени с переходом на сторону Василия Ивановича рязанских дворян во главе с Ляпуновым 15 ноября³⁹². Известие о победе под Можайском привез в Москву Иван Степанович Корсаков³⁹³. После прихода к Москве из смоленского войска составили особый отряд, в который, вероятно, вошли и важане. «А как пришли к Москве смоляне, и иные городы, и царь Василий велел им быть з бояриным и со князем Иваном Ивановичем Шуйским с товарищи. И бояре князь И.И. Шуйский, да кн. В.В. Голицын, да М.Б. Шеин, да окольный И.Ф. Колычев с теми людьми пришли на воров в Коломенском»³⁹⁴.

На этом самостоятельный поход смолян к Москве закончился. В организации этого похода проявилось особое уважение смолян к первенству родов по отечеству. Воеводы Г.М. Полтев, В.Ф. Дивов, П.И. Чихачев, и первые сеунщики М.А. Языков, А.И. Зубов, И.С. Корсаков, были выборными и дворовыми детьми боярскими с высокими окладами³⁹⁵ и принадлежали к старшим смоленским родам. Стрелецким сотником во время первой стычки с ворами также был представитель Полтевых. Первым сеунщиком стал О.Н. Языков, выборный с окладом 500 четвертей, а с известием о первом взятом городе в Москву послали М.А. Языкова, выборного с окладом 550 четвертей. Оба они были из влиятельного рода, все представители которого были записаны в выбор. Следующим сеунщиком стал А.И. Зубов, а после него – И.С. Корсаков, дворовые дети боярские с окладами 500 четвертей старшие сородичи которых имели в Смоленске первоочередное право на должности стрелецких голов и судей. В решающей битве с болотниковцами 2 декабря 1606 года участвовали два царских полка: полк М.Ф. Скопина-Шуйского и полк И.И. Шуйского. Смоляне воевали в отряде И.И. Шуйского, который разбил основное войско Болотникова под Котлами, а затем осадил другой лагерь «воров» в селе Заборье. Родословие Дивова называет этот полк «передовым» и сообщает, что Воин командовал в нем ертаулом. «И пришед к Москве, ходили бояре на Болотниково, и в передовом полку были князь Иван Иванович Шуйский, да князь Иван Васильевич Голицын, да Михаиле Борисович Шеин, и перед собою послали в эртауле Воина Дивова, а с ними посланы были головы с сотнями Матфей Романов сын Уваров, да Дмитрий Полуехтов, да Павел Головачев, и воров яртоулом в Заборе побили, и с сеунчем к боярам

³⁹¹ Расходная книга Разрядного приказа // Исторический архив, Т. VIII. М.; Л., 1953. С. 44.

³⁹² Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографической экспедицией Императорской академии наук. Т. II. С. 126-135.

³⁹³ Из родословной Дивовых. С. 177.

³⁹⁴ Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время. С. 42-46.

³⁹⁵ Десятина 7114 года по Смоленску. С. 364-366.

послан от Воина Юрья Григорьев сын Башмаков»³⁹⁶. Известие об особом ертауле из смоленских дворян можно считать достоверными, поскольку составитель Родословия Дивовых был до определенной степени точен в деталях. Все трое сотников в десятне занимали самое высокое положение среди своих сородичей во время верстания 1605/06 года. Павел Головачов записан в десятне выше Воина Дивова среди выборных дворян с окладом 500 четвертей³⁹⁷. М.Р. Уваров служил дворовым сыном боярским с окладом 500 четвертей³⁹⁸, а Дмитрий Полуехтов – с окладом 450 четвертей³⁹⁹. На должность сеунщика опять назначили представителя старшего рода. Ю. Г. Башмаков был сыном старейшины рода Г.С. Башмакова и дворовым сыном боярским с окладом 500 четвертей⁴⁰⁰.

Двухдневная осада Заборья окончилась пленением казаков во главе с Дмитрием Беззубцевым 5 декабря 1606 года, после чего смоляне занялись преследованиям по лесам остатков войска: «Северские люди [побегоша] и смольняна гнаша по ним и множество их побиша, а иных поимаша, а иных мразом и студению по лесам изомроша»⁴⁰¹. В поход под Калугу весной 1607 года смоляне также ходили в составе войска И.И. Шуйского. И «Повести о победах» и в «Родословии Дивовых» отмечается участие смолян в разгроме казаков князя В.Ф. Масальского на реке Вырке⁴⁰². В этом сражении участвовало три полка⁴⁰³, однако смоляне подчинялись боярину И.Н. Романову. В этом сражении отличился Воин Дивов: «А как боярину Ивану Никитичу был бой и на выручке у Николы и Воин Дивов был от князь Ивана Ивановича Шуйскаго голова с дворяны, и боярин Иван Никитич послал Воина Дивова перед собою с сотнею на воров, и воров побили наголову, и воевод их поймали, и тут Воина Дивова ранили: проббили руку на обе стороны»⁴⁰⁴. Вместе с полком И.И. Шуйского смоляне также участвовали в осаде Калуги, битве при Пчельне, отходе в Серпухов, государеве походе на Тулу и её взятии⁴⁰⁵. Под Тулой убит младший брат одного из самых известных смолян того времени, выборного дворянина Юрия Потемкина, Степан Федорович (дворовый, 400 четвертей)⁴⁰⁶.

В «Повести о победах» отмечено, что в походе царя Василия против Болотникова под Тулу смоляне удостоились особой чести: «И видя государь их воровское жестокосердие и непокорение, поиде сам под Тулу со всеми полки. И пришед и ста под

³⁹⁶ Из родословной Дивовых. С. 176-177.

³⁹⁷ Десятня 7114 года. С. 263.

³⁹⁸ Там же. С. 366.

³⁹⁹ Там же. С. 369.

⁴⁰⁰ Там же. С. 366.

⁴⁰¹ «Рукопись Филарета» //Сборник Муханова. СПб., 1866. С. 273.

⁴⁰² Повесть о победах Московского государства. С. 7; Из родословной Дивовых. С. 177.

⁴⁰³ Белокуров. Разрядные записи. С. 11, 157.

⁴⁰⁴ Из родословной Дивовых. С. 177.

⁴⁰⁵ Повесть о победах Московского государства. С. 7.

⁴⁰⁶ РГАДА. Ф. 286. Герольдмейстерская контора. Оп. 1. Кн. 241. Л. 567-585об.

градом и повеле шатры ставити по его царскому чину. И близ своих шатров повеле смолянам ставитися, видя их к себе многую службу и радение, и многим дворянам града Смоленска повеле близ себя, государя, быти. И за сторожею смолян сам государь почи»⁴⁰⁷. Из этого известия можно заключить, что под Тулу смоляне ходили уже в составе государева полка. После окончательного разгрома Болотникова государь частично распустил войско по домам, но многие смоляне вместе с Воином Дивовым оставались служить в Москве зимой 1607/08 гг.

Государь особо отличил смолян за их содействие в сложнейший период восстания осенью 1606 года, а смоляне впоследствии сохраняли верность Василию Шуйскому в ещё более тяжелое время. Поход 1606 года показал, что смоляне стойко сохраняли связь службы и отечества, а после самозванческого верстанья 1605/06 года именно царь Василий выступал как защитник этих традиций. Государево жалование смолянам в наибольшей степени выразилось в переводе наиболее видных участников похода в более высокие чины Государева двора. Такой чести удостоились четверо смолян: вождь отряда Григорий Полтев стал думным дворянином, его брат Андрей и стрелецкий голова Петр Чихачев – дворянами московскими, а М.П. Бегичев – дьяком в Галицкой четверти. Г.М. Полтев впервые назван думным дворянином в разряде Тульского похода. На свадьбе царя Василия «подножие несли: бархат Григорей Полтев, сорок соболей Петр Чихачов»⁴⁰⁸. П.И. Чихачев назван в числе московских дворян 1611 года⁴⁰⁹. Несомненно, он уже получил этот чин ко времени царской свадьбы зимой 1608 года. А.М. Полтев также записан дворянином московским в 1611 году с пометкой «болен»⁴¹⁰. Более ранних упоминаний о его повышении в московские дворяне не встречается, но вероятнее всего, он получил пожалование вместе с братом за участие в походе 1606 года. Эти заслуженные повышения в чинах затронули самую верхушку смоленского служилого города и потому отвечали московскому обычаю постепенного продвижения рода по службе. В «Родословии Дивовых» есть сведения, что Воин Дивов также получил подобное повышение. «И государь Воина Дивова пожаловал за многая службы по московскому списку и велел ему ходить в переднюю, свои государския очи видеть»⁴¹¹. Однако ни в каких других источниках нет сведений, чтобы Воин Дивов был зачислен в список московских дворян. Напротив, вся его дальнейшая служба связана со Смоленском, что подтверждает и само родословие. Несомненно, что по своему отечеству и по вкладу в разгром Болотникова он

⁴⁰⁷ Повесть о победах Московского государства. С. 8.

⁴⁰⁸ Там же. С. 269.

⁴⁰⁹ Лихачев Н.П. Боярский список 1611 года. С. 19.

⁴¹⁰ Там же.

⁴¹¹ Из родословной Дивовых. С. 177.

вполне имел право на такое же повышение, как А.М. Полтев и П.И. Чихачев. Возможно, он действительно удостоивался царского приема в передней вместе с другими московскими дворянами, но московского чина ему не досталось. Царь Василий стремился не нарушать сложившегося первенства родов в системе службы по отечеству, а в разгар Смуты в смоленском служилом городе должен был оставаться опытный лидер. Воин Дивов ведущее положение сохранял в дорогобужском походе в сентябре 1608 года и в обороне Смоленска, несмотря на тяжелую рану под Выркой.

Особый интерес представляет служебное повышение Михаила Петровича Бегичева. В десятне 1605/06 он записан, как дворовый сын боярский с окладом 500 четвертей и не занимает никакой должности. Других представителей этой фамилии в десятне нет. Вероятнее всего, он был родичем того Казарина Бегичева, который в 1590-е годы служил в Смоленске стрелецким головой и посольским приставом. При царе Борисе Казарин Бегичев был стрелецким головой в Москве, а его сын был записан по жилецкому списку⁴¹². При царе Василии он был в списке московских дворян и возглавлял приказ холопьяго суда⁴¹³. Бегичевы происходили из Калужских выборных дворян⁴¹⁴. Однако сам Казарин и его род к концу XVI века выслужили должности в Государевом дворе, а в Смоленске служили временно, дожидаясь дальнейших повышений. М.П. Бегичев упомянут в списке сторонников («ушников») царя Василия периода междуцарствия. В этом документе про него сказано: «Диак, смолянин сын боярской бывал Михайло Бегичев. А диачество ему дано за шептанье»⁴¹⁵. Этими словами неизвестный сторонник поляков в 1610 году обвинял приверженца царя Василия в том, что он совершил скачок на службе недостойным путем. Сведения о службе Бегичева, которые собрала в своей монографии Н.В. Рыбалко, позволяют иначе взглянуть на служебное продвижение М.П. Бегичева. Бегичев начал подписываться как дьяк Галицкой четверти в отписках царю Василию от 20 и 26 января 1607 года. В это время он собирал оброк с далеких от Москвы земель – с чухломского уезда и с Ваги⁴¹⁶. То есть, свою должность Бегичев получил после успешного похода смолян к Москве и сразу стал выполнять в дальних уездах ответственные поручения, не вполне удобные для «шептания». Вероятно, на повышение Бегичева повлияли общие успехи смолян зимой 1606 года, его личные способности, а также то, что его родственник и бывший смолянин Казарин Бегичев уже служил в

⁴¹² Станиславский А.Л. Труды по истории государева двора в России XVI-XVII вв. С. 258, 362.

⁴¹³ Там же. С. 302; Рыбалко Н.В. Российская приказная бюрократия в Смутное время начала XVII века. С. 155.

⁴¹⁴ Там же. 237, 279, 333-334.

⁴¹⁵ Тюменцев И.О. Список сторонников царя Василия Шуйского. (Новая находка в Шведском государственном архиве) // Археографический ежегодник за 1992 г. М., 1994. С. 319.

⁴¹⁶ Рыбалко Н.В. Российская приказная бюрократия в Смутное время начала XVII века. С. 178.

московских приказах. Но личное знакомство М.П. Бегичева с царем Василием и его вхождение в ближний царский круг следует относить к позднему времени. О пожалованиях большинству рядовых смолян мы имеем сравнительно мало сведений. По мнению Б.Н. Флори, одним из пожалований царя Василия смоленским дворянам было право на четвертное жалование⁴¹⁷. Однако само по себе четвертное жалование для верхушки смолян уже тогда не было новшеством. Часть смоленских дворян получала четвертное жалование и ранее, при Борисе Годунове, в том числе А.И. Дедевшин, И.Б. Макшеев, А.М. Полтев⁴¹⁸. Мнение Б.Н. Флори и С.В. Александрова, о том, что четвертное жалование получили все выборные дворяне, дворовые и городовые дети боярские по Смоленску (не зависимо от их участия в походе 1606 года) основано на толковании «заголовка» десяти 1605/06 года⁴¹⁹. Источники о четвертном жаловании смолянам за подавление Болотникова были утрачены в годы московского разорения 1611-12 гг. Самые ранние сведения о четвертных окладах смолянам при царе Василии относятся к «кормленной книге 118 году», ко времени после похода Скопина-Шуйского и не содержит указаний на конкретные службы⁴²⁰. Из челобитных служилых людей других городов (не Смоленска), можно выяснить, что во время походов 1606/07 годов дворяне и дети боярские начали получать четвертное жалование и прибавки к поместному окладу «за службы», «за убитые мужики», и «за раны»:

«А у выписи Семен Полибин сказал: придано ему при царе Василии как побили под Москвой Ивашка Болотникова, да за тульскую службу как царь Василий стоял под Тулою, поместья к старому ево окладу к 500 четвертям 50 чети, денег ко 8 рублям 4 рубли»⁴²¹.

«А у выписи сказали: в прошлом во 1... (году) отца их вор Петрушка убил в Ливнах, а отец их имал при царе Василии по 20 рублей и они деи били челом царю Василию об отца своево помесном окладе и о денежном жалованье, и царь-де Василий велел им дати из отца их окладу, ему, Дементию помесной оклад 500 чети, денег из чети 6 рублей, Елисею 350 чети, денег из чети 5 рублей; да как стоял под Калугою князь Иван Шуйский, а он Дементий пришел под Калугу с Бахтеяром Клешниным, и за ту службу придано помесья к 500 четям 50 чети, денег ко 6 рублям 4 рубли. Да ему ж, Дементию,

⁴¹⁷ Флоря Б.Н. Польско-литовская интервенция в России и русское общество в начале XVII века. С. 103.

⁴¹⁸ Сухотин Л. С. Четвертчики Смутного времени. С. 12, 20, 24.

⁴¹⁹ Александров С. В. Смоленская осада 1609-1611. С. 99-100.

⁴²⁰ Сухотин Л. С. Четвертчики Смутного времени. С. 102-105, 122-123.

⁴²¹ Там же. 202-203.

придано за тульскую службу и за рану, как царь Василий был под Тулою, поместья к 550 четям 50 чети, денег к 10 рублям 5 рублев»⁴²².

«А у выписи князь Михайло Вадбальский сказал: верстан он при расстриге помесным окладом в 300 чети, денег ис приказы 7 рублев; да при царе Василье, как приходил под Москву вор Ивашко Болотников, и за ту он службу пущен в четверть, а велено давать из чети по 6 рублев, да поместья к старому ево окладу к 300 четям 50 четей. Да как бояре стояли под Калугою и побиили воров казаков на Вырке и ему за колужскую службу и за вырковской бой придано поместья к 350 четям 50 чети, денег из чети к 6 рублям 4 рубли. Да как царь Василий стоял под Тулою, и ево под Тулою на бою ранили и и за ту службу и за рану придано ему поместья к 400 четвертям 50 чети, денег к 10 рублям 5 рублев. И всего ему при царе Василии помесный оклад 450 чети, денег из чети 15 рублев»⁴²³.

Царь Василий сохранил от самозванческого верстаня минимальный размер прибавки в 50 четвертей. Но в отличие от Лжедмитрия он жаловал только за личные заслуги (реже – близких родичей за службу погибших дворян). К тому же царь Василий только в особых случаях допускал максимальное увеличение к окладу на 100 четвертей. Также он впервые применял массовые денежные пожалования из четвертного приказа. Эти пожалования производились за боевые заслуги дворян и детей боярских и были весьма значительными и на тот момент беспрецедентными. Если прибавки к поместному окладу составляли 50, реже 100 четвертей, то четвертное денежное жалование зависело от разных показателей и колебалось от 2 до 12 рублей⁴²⁴. Отсюда не следует заключать, что смоленские дворяне получили прибавки особого рода, кроме тех, что известны по источникам. Преимущество смолян состояло лишь в том, что они получали такие массовые заслуженные прибавки к поместным и денежным окладам раньше других служилых городов. Именно это имел ввиду автор «Повести о победах», когда отмечал, что сразу после похода 1606 года «государь царь смолян много жаловал и их службу и раденье пред всеми похвалял». Пожалование смолянам зимой 1606/07 года было началом новой наградной системы Московского государства, которая предусматривала серьезные прибавки к поместным окладам в 50-100 четвертей и массовое верстание деньгами из четверти. В результате повысилось местническое положение смолян, поскольку именно их поход 1606 года создал претендент щедрого царского пожалования за верную службу.

В качестве подведения итогов первой главы следует отметить:

⁴²² Там же. С. 209.

⁴²³ Там же. С. 231.

⁴²⁴ Там же. С. 201, 202, 209-215, 226, 231, 236, 238, 266.

1. «Десятня» 7114 является сокращенным вариантом верстальной десяти, а её составление следует относить к общерусскому верстанью 1605/06 года при Лжедмитрии I. Поскольку её преамбула не сохранилось, то выводы о характере десяти можно делать на основе других известий о целях и задачах этого верстанья. Во время проведения верстанья 1605/06 года в Смоленске произошли определенные изменения: было увеличены поместные оклады дворян и детей боярских, введена новая шкала окладов, кратная 50 четвертям, некоторые представители младших родов получили равные оклады со старшими, в единый список смолян были включены земцы и дети боярские архиепископа. Также к этому смотру можно отнести появление выборных дворян в служилом городе. Все эти пожалования были закреплены при царе Василии.

2. В походе смолян против Болотникова 1606 года значительное влияние было у старших по отчеству родов, представители которых были походными головами и вестниками с сеунчами. Это наблюдение имеет значение для понимания внутренних процессов не только в Смоленске, но и в других служилых городах. Система службы по отчеству глубоко укоренилось в сознании детей боярских и сохраняло свое значение для управления дворянским войском в условиях его почти полного разрыва с государственным центром. Приверженность смолян традиции родовой выслуги, очевидно, повлияла на их выбор в пользу царя Василия и последующее противостояние отрядам сторонников Лжедмитрия II.

3. Смоляне были первыми, кто удостоился массовых пожалований за службу царю Василию, которые затем получили широкое распространение: деньги из четверти и прибавки к поместным окладам. Именно это первенство в обновленной системе пожалований позволило Смоленску получить новое по старшинству место среди служилых городов московского государства.

Глава 3. Смоленский служилый город в годы наибольшего развития Смуты. (1608-1611 годы)

Возвышение смоленского служилого города в начальный период Смутного времени и государево денежное жалование из четверти в значительной степени окупали тяготы военных походов. Однако дальнейшее развитие Смуты: тушинское движение и захват поляками Смоленского уезда привели к новым испытаниям для смоленских дворян. В это время на первый план выдвигаются новые лица и роды, которые раньше не играли заметной роли в смоленском служилом городе. Кроме того, вторжение поляков повлияло на судьбу членов семьи смоленских дворян – жен и детей, которые в наибольшей степени пострадали от «литовского разорения». Поэтому источники 1608-12 годов позволяют проследить судьбы дворянских семей в более широком разрезе. Если в 1606-07 году смолянам удалось с помощью «верной службы» завоевать высокое положение среди других служилых городов, то на последующих этапах развития Смуты им пришлось столкнуться с новыми трудностями: дальнейшим расширением самозванческого движения и польско-литовской интервенцией. Благодаря участию в нижегородском ополчении смоляне смогли закрепить высокое положение среди других служилых городов Московского государства. Однако события Смуты в целом закончились для смолян утратой поместий, разделением семей и другими тяжелыми последствиями, характерными для социально-политического кризиса начала XVII века.

3.1. Борьба смоленского дворянства с тушинцами в 1608-10 годах.

Во время похода нового самозванца, Лжедмитрия II большая часть смолян в составе общерусского войска продолжает воевать на стороне царя Василия. Смоленские дворяне участвовали в сражениях под Болховом (апрель 1608 года) и на Ходынском поле под Москвой⁴²⁵. Афанасий Варахсин, вероятный создатель «Повести о победах», был ранен под Болховом и увезен в плен «в Польшу», т.е. за литовский рубеж⁴²⁶. В «Повести о победах» рассказывается о сражениях с тушинцами на Ваганьковом поле и под Рахманцевым⁴²⁷. Небольшая часть смоленских дворян оставались с царем Василием в осаде Москвы от тушинцев 1608-10 гг., и за это получили пятую часть поместий в

⁴²⁵ Повесть о победах Московского государства. С. 8-9.

⁴²⁶ Род Варахсинных //РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 18. Родословные росписи поданные в палату Родословных дел по случаю отмены местничества. № 40. Л.1.

⁴²⁷ Повесть о победах Московского государства. С. 9-10.

вотчины. Среди них был будущий участник обороны Смоленска Ю.Ф. Потёмкин⁴²⁸. Однако большая часть смолян большая часть дворян к осени 1608 года возвратились в свои поместья. Возвращение смолян произошло при обстоятельствах, которые сыграли большую роль в последующих событиях Смуты в России.

Именно из смоленских дворян были сформированы отряды, которые должны были сопровождать до литовского рубежа послов Речи Посполитой А. Гонсевского и М. Олесницкого и жену Лжедмитрия I Марину Мнишек с отцом. Согласно договору от 1608 года, послы и родственники Лжедмитрия получили возможность навсегда покинуть Россию. Возглавлял дворянский отряд В.Т. Долгорукий и И.А. Колтовский, приставами были Б.С. Собакин и П.И. Мансуров⁴²⁹. Также среди начальников был новый лидер смолян Воин Дивов (как уже было сказано выше, в родословии Дивовых⁴³⁰ он назван главным воеводой) и дьяк Разбойного приказа Д. Раковский. По данным поляка Н. Мархоцкого в отряде было 1000 человек⁴³¹. Родословие Дивовых уточняет: «дворян было с ним послано по списку, смолян и вязмич и белян, триста человек, да пять голов с татары, да триста человек стрельцов да два сотника, Иван Баутин да Богдан (Будай, см. ниже – А.М.) Болтин. А у послов и у Вятовскаго пана и у Сордамирскаго с дочерью приставы были посланы с Воином же дворяне Петр Мансуров, Леонтей Пусторослев Новгородцев, Михайло Бабарыкин, Иван Судаков, Андрей Бунаков»⁴³². Отряд из предосторожности разделился надвое: Долгорукий проводил Гонсевского через Торопец до границы, а Собакин и Дивов шли с Мнишеками и Олесницким через Белую⁴³³. Поэтому отряд Дивова, который перечислен в родословии – это только те смоляне, которые остались охранять Мнишек. Другой отряд под началом у В.Т. Долгорукова охранял велижского старосту А. Гонсевского. В этом отряде, по сведениям самого А. Гонсевского, было 100 смоленских дворян, а главным приставом был Андрей Дедевшин⁴³⁴. Возможно, столько же смолян было и в отряде Воина Дивова. Александра Гонсевского успешно проводили до велижского уезда, после чего смоляне из войска Долгорукова разъехались к себе в поместья. Поход Б.С. Собакина, напротив, закончился неудачей: к середине августа почти все дети боярские из Смоленска, Белой и Вязьмы отъехали от него по своим поместьям, в то время как Олесницкий и Мнишеки ещё не доехали до русско-литовской границы. Для

⁴²⁸ Род Потемкиных // Архив СПбИИ РАН. Ф. 131. Коллекция Ю.В. Татищева. №105. Л.96.

⁴²⁹ Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время. С. 14

⁴³⁰ Из родословной Дивовых. С. 177.

⁴³¹ Мархоцкий. Н. История московской войны. М., РОССПЭН. 2000. С. 45.

⁴³² Из родословной Дивовых. С. 177.

⁴³³ Повесть о победах Московского государства. С. 10; Акты исторические. Т. II. С. 124.

⁴³⁴ Ответ их милостей, господ великих послов Короны Польской и Великого княжества Литовского, данный великим послам Московского государства // Эйльбарт Н.В. Смутное время в польских документах государственного архива Швеции. Новосибирск, 2013. С. 192-193.

их охраны Собакина и Дивова оставалось 50 детей боярских и сотник Будаи Болтин⁴³⁵. Новые смоленские воеводы боярин М.Б. Шеин и московский дворянин П.И. Горчаков, дьяки И. Бунаков и Н. Алексеев получили от Собакина и Дивова грамоту с просьбой о помощи. 17 августа они послали в подкрепление голов с дворянскими сотнями: Елизара Безобразова со смолянами и Алексея Зубова с брянчанами и серпьянами. Однако эта мера оказалась запоздалой: ещё 16 августа маленький отряд Собакина и Дивова был разогнан войсками тушинских воевод Зборовского и Стадницкого⁴³⁶. Царицу Марину с отцом и послом Олесницким увезли по смоленской дороге в Тушино. Похищение было настолько неожиданным, что служилые люди и начальники отряда надолго потеряли друг друга. Только впоследствии удалось выяснить, что Б.С. Собакин был арестован в Белой, которая приняла присягу самозванцу. Воин Дивов ушёл с поля боя шестью детьми боярскими. Безусловно, это был тщательно спланированный побег Мнишеков, который не прошёл бы так удачно, если бы не отъезд смоленских дворян со службы. Личные интересы для дворян из отряда Воина Дивова оказались важнее, чем преданность царю Василию, что впоследствии привело смолян к новым неудачам во время походов 1608-09 годов.

После известия о похищении Мнишеков смоленские воеводы послали на помощь Воину Дивову голов Григория Кокошкина, Ивана Бестужева с детьми боярскими и монастырскими и архиепископскими слугами. Хотя этому отряду не удалось перехватить Мнишеков, но на его основе в сентябре 1608 года был организован первый поход на Лжедмитрия II под Дорогобуж. Возглавили этот поход смоляне Воин Дивов, Григорием Кокошкин и Иван Корсаков «з дворяны и з детьми боярскими и с архиепископли и с монастырскими служками и с смоленскими стрельцы»⁴³⁷. С ними же был и Дорогобужский «приказной человек» Офрем Хитрый, которому было указано собрать посадских и посошных людей и провести работы по укреплению острога. 22 сентября смоленские воеводы получили донесение от Воина Дивова о победе над тушинским войском на реке Выдуге. Смоленскому войску удалось отогнать войско тушинцев к Вязьме. По известию от 22 сентября под стенами Дорогобужа на р. Выдуге отряд Воина Дивова разгромил конный отряд в 500 человек (300 из Литвы и 200 из Вязьмы и Дорогобужа). Действия отряда этого отряда предупредили захват Дорогобужа. По словам пленных, в Вязьме оставался отряд тушинского ротмистра Чиж в 450 человек. Этот отряд был готов к походу «из Вязьмы к Дорогобужу»⁴³⁸. Грамота смоленских воевод о первом походе в Дорогобуж (в сентябре 1608 года) сохранилась и была опубликована в

⁴³⁵ Акты исторические. Т. II. С. 124.

⁴³⁶ Там же. Мархоцкий. Н. История московской войны. С. 45.

⁴³⁷ Памятники обороны Смоленска. С. 29.

⁴³⁸ Там же.

фрагментарном виде⁴³⁹. Поэтому у нас нет ни точных сведений о начале и завершении похода, а также о его результатах и о численности войска. Единственное, что мы знаем – что и этот поход по каким-то причинам закончился неудачей. Закрепится в Дорогобуже и Белой смолянам не удалось. В конце октября оба города были снова заняты тушинцами.

Первый дорогобужский поход стал последним мероприятием, в котором командовали дворянские головы из самого Смоленска. В октябре 1608 года в Смоленск прибыли московские дворяне, Семен Одадуров, а затем и князь Яков Барятинский со своими отрядами. Эти двое воевод впоследствии приняли на себя руководство смолянами в Дорогобужских походах и в походах против тушинцев. Их присылка в Смоленск могла быть вызвана утратой царского доверия к самостоятельному смоленскому войску после похищения Мнишек. К тому же требовалось поднять против тушинцев не одних только смолян, но и все города западных уездов Московского государства. Во всяком случае, после первого Дорогобужского похода и присылке новых воевод из Москвы мы не встречаем сведений о военных лидерах смоленского служилого города до самого конца Смуты. Источники называют нам только стрелецких голов и соратников Шеина в обороне 1609-11 годов.

Руководство смоленскими дворянскими отрядами в августе-сентябре 1608 года следует рассмотреть подробнее. О старшинстве «по отечеству» и личном влиянии в дворянской корпорации Воина Дивова говорит его руководящая роль в походе 1606 года и то, что уже в Тульском походе царя Василия он исполнял должность «письменного головы» в государевом полку. Именно Воина Дивова следует рассматривать в качестве лидера смолян после перехода Григория Полтева в Государев двор. Его появление в качестве руководителя смолян, белян и вязмичей в отряде Собакина было вполне закономерно. Назначение Воина Дивова на должность письменного головы в Дорогобужском походе точно так же подчинялось системе службы по отечеству, как и назначение Григория Полтева в 1606 году. Но в отличие от Полтева, Воин Дивов уже успел проявить себя в качестве лидера дворянского отряда. Об этом говорит то, что он остался во главе служилого города, несмотря на простреленную руку (а это была серьёзная рана в то время), и выслуженное место в числе московских дворян (намек на повышение присутствует в его родословии)⁴⁴⁰.

Как было сказано выше, М.Б. Шеин отправил на помощь Б.С. Собакину дворянские отряды из смоленской крепости⁴⁴¹. В первом вспомогательном отряде смолянами

⁴³⁹ Там же.

⁴⁴⁰ Из родословной Дивовых. С. 177.

⁴⁴¹ Акты исторические. Т. II. С. 124.

командовал Елизар Семенович Безобразов (выборный дворянин по Брянску в начале XVII века)⁴⁴², а брянчанами и серпянами, напротив, руководил смолянин Алексей Zubов. Вероятно, это тот самый Алексей Игнатьевич Zubов, который был послан с сеунчом из Вязьмы во время похода 1606 года. Не прошло и двух лет, как этот представитель рода Zubовых получил самостоятельное воеводское назначение. В этой связи стоит также упомянуть Ивана Корсакова, который был третьим воеводой в августовском дорогобужском походе (после Воина Дивова и Григория Кокошкина). Согласно родословным росписям и десятне 1605/06 года это не мог быть никто иной, кроме Ивана Степановича Корсакова, который в 1606 году был послан с сеунчом из Царева-Займища. И здесь мы также наблюдаем последовательное продвижение по службе – от сеунщика до младшего дворянского головы. Как уже было сказано, Корсаковы и Zubовы (наряду с Чихачевыми) принадлежали к «правлящим» родам, из которых рекрутировались стрелецкие головы и судьи. Алексей Zubов и Иван Корсаков были дворовыми детьми боярскими с окладом 500 четвертей⁴⁴³, принадлежали к верхушке дворянства, оба не были старшими в своем роду. В их судьбе было много общего: они оба участвовали в походе Скопина-Шуйского и впоследствии оба повысились в московские дворяне⁴⁴⁴.

Во втором вспомогательном отряде головами были Григорий Кокошкин и Иван Бестужев. Первым из них был, вероятно, Григорий "Большой" Фёдорович, дворовый с окладом 500 четвертей в 1605/06 г⁴⁴⁵. Он же стал вторым воеводой в августовском дорогобужском походе 1608 года. Впоследствии он был назначен руководить отрядом даточных людей в остроге (деревянном укреплении вокруг смоленской крепости) во время обороны 1609 года⁴⁴⁶. В августе 1609 года в одном из документов он ошибочно назван Федором, что позволяет установить его личность по отчеству, поскольку Григорий Меньшой Кокошкин носил отчество «Андреевич». Именно Григорий Большой Кокошкин имел первенство в своем роду по десятне 1605/06 года. Во время самозванческого верстанья он был дворовым сыном боярским с окладом 500 четвертей. В отличие от прежде указанных дворянских голов, Кокошкин не принадлежал к числу старших "по отчеству" смолян. Кокошкины занимали в Смоленске окладные статьи от 350 до 500 четвертей, но в число выборных дворян не входили. Именно Смута открыла возможности для возвышения не только для старших родов служилого города. Некоторые представители средних родов также смогли повыситься до уровня вторых походных голов

⁴⁴² Станиславский А.Л. Труды по истории государева двора в России XVI-XVII веков. С. 283.

⁴⁴³ Мальцев. Борьба за Смоленск в XVI-XVII вв. С. 366.

⁴⁴⁴ Сташевский Е. Очерки по истории царствования Михаила Фёдоровича. Киев, 1913. С. IV.

⁴⁴⁵ Мальцев. Борьба за Смоленск в XVI-XVII вв. С. 365.

⁴⁴⁶ Медведев П. А. Подготовка смоленской обороны 1609 г. //Источниковедческое изучение памятников письменной культуры. Сб. научных трудов. Л., 1990. С. 79-82.

у дворян. Безусловно, такая возможность существовала и в более ранний период, поскольку система службы по отечеству никогда не была замкнутой и статичной. В предыдущей главе были приведены примеры, когда наиболее заслуженные представители «средних отечеством» родов занимали должности городничих и губных старост. По десятне 1605/06 года они, как правило, служили в составе дворовых с окладом 500 четвертей. Точно таким же старейшиной рода, «средним отечеством» был Григорий Федорович Кокошкин. Вероятно, он выделялся личными качествами среди других таких же родовых старейшин. Во всяком случае, начиная с лета 1608 года, смоленские воеводы не раз дают ему ответственные поручения и даже пишут вторым головой, выше Корсакова. Его отличие от Корсакова и Зубова было заметно в том, что он был единственный представитель своего на «именной», почетной службе. Для него служба вторым воеводой стала вершиной личной карьеры, однако эта служба открывала возможности для дальнейшего служебного повышения Кокошкиных.

Что касается Ивана Бестужева, то его упоминание в числе полковых воевод, посланных на розыск Марины Мнишек вполне отвечает традиции службы "по отечеству". Бестужевы исстари принадлежали к старшим смоленским родам, двое из них записаны в «выбор» и в событиях Смуты этот род сыграл заметную роль. В десятне было трое Иванов Бестужевых – выборный дворянин Иван Большой Дмитриевич (выбор 500 четвертей), дворовые дети боярские Иван Меньшой Дмитриевич (500 четвертей) и Иван Васильевич (400 четвертей)⁴⁴⁷. Двое из них обладали достаточным весом, чтобы быть дворянскими головами. К тому же Иван Дмитриевич Бестужев был впоследствии головой у дворян в осажденном Смоленске в 1609-11 годах. Правда, документы обороны не уточняют, о ком из братьев идёт речь.

Родословная роспись Бестужевых начала XVIII века позволяет уточнить различия между этими двумя братьями тезками. В этом документе читаем: «У Дмитрия Данилова сына дети: Иван Большой, да Григорей, да Никита, да Иван Меньшой волк. Иван Большой 7117 (1608/09 - А.М.) году был послом к великому Карлусу королю. А свидетельствует об нем в Посольском приказе»⁴⁴⁸. Поскольку Иван Большой Дмитриевич участвовал в посольских переговорах со шведами, следовательно, в 1608 году он остался в Москве, а затем вместе с молодым полководцем отправился в Новгород и в Выборг. Это значит, что дворянским головой в Смоленске и в 1608, и в 1610-11 годах был его младший брат.

Общую преемственность дворянских голов (и гонцов с сеунчами) можно изобразить в виде следующей таблицы (таблица б):

⁴⁴⁷ Там же. С. 365, 366, 369.

⁴⁴⁸ Дело о челобитной Бестужевы //РГАДА. Ф. 286. Герольдмейстерская контора. Оп. 2. Кн. 1. Л. 138-139.

Таблица 6. Временные военные должности в Смоленске в 1606-11 годах*.

Годы упоминания службы:	1606-1607 годы.	1608-1609 годы.	1609-11 годы (оборона Смоленска)
Имена голов дворянских сотен.	Григорий Михайлович Полтев (Выбор, 600) <u>Воин Фаустович Дивов</u> (Выбор, 500)	<u>Воин Дивов.</u> <u>Алексей Zubов.</u> <u>Григорий Кokoшкин</u> (Двор 500). Иван Бестужев. <u>Иван Корсаков.</u>	<u>Воин Фаустович Дивов.</u> <u>Иван Дмитриевич Бестужев</u> (Двор 500).
Имена гонцов с сеунчами.	Осип Низовцев Языков. (Выбор, 500) Михаил Александрович Языков. (Выбор, 550) <u>Алексей Игнатьевич Zubов</u> (Двор, 500) <u>Иван Степанович Корсаков</u> (Двор, 500) Юрий Григорьевич Башмаков (Двор 500)	Неизвестно.	Неизвестно.

* Примечание: Совпадающие за разные годы служебные назначения отмечены подчеркиванием.

Источники: Десятня 7114 года по Смоленску //Мальцев В.П. Борьба за Смоленск в XVI-XVII вв. Смоленск, 1940. С. 364-393; Памятники Обороны Смоленска 1609-1611 гг. Под ред. Ю.В. Готье. М., 1912; Смоленская крестоприводная книга 1598 года/Публ. С. П. Мордовиной и А.Л. Станиславского //Источники по истории русского языка. М., 1976. С. 136-166.

Таблицу 6 интересно сопоставить с таблицей 3, в которой приводятся имена стрелецких голов и судей. В обоих случаях мы наблюдаем определенную преемственность в замещении должностей. В основном, состав правящей верхушки служилого города оставался стабильным, однако к концу Смуты произошло выдвижение из «средних отчеством» родов головы Григория Кokoшкина, стрелецкого головы Ивана Оболешева и судьи Ивана Петровича Ленина. Лидерство в служилом городе после 1606 года принадлежит уже не Г.М. Полтеву, ставшему думным дворянином, а Воину Дивову. Ключевые должности с 1606 года и до конца Смуты занимают Zubовы, Корсаковы и Чихачевы.

В последующих дорогобужских походах нет возможности проследить систему управления внутри служилого города, поскольку этими походами руководили не лидеры

служилого города, а присланные из Москвы дворяне Семен Одадуров и Яков Барятинский. Дорогобужские походы происходили в то время, когда, по словам Нового летописца: «немногие же грады стоя в твердости: Казань и Великий Новгород и Смоленск и Нижний, Переславль Резанский, Коломна, царство Сибирское только городов стояху в твердости»⁴⁴⁹. В результате смоляне оказались фактически в одиночестве против тушинского войска. Для смоленского служилого города начался год безуспешных зимних походов, во время которых смоленские дворяне пытались, но не смогли повторить успеха 1606 года.

Была ли у смоленских дворян возможность собрать такой же по численности отряд, как и в 1606 году? В десятне 1605/06 г. по смоленскому списку (который издал и пронумеровал В.П. Мальцев) перечислено свыше 1000 смолян (без осадных земцев)⁴⁵⁰. В челобитной Дернова указывается, что для похода 1606 г.: «выбрано было нас 640 человек против Болотникова»⁴⁵¹. Т.е. в дворянский отряд намеренно отобрали 58,1 % от численности служилого города по десятне. К 1608 году это число, конечно же, сократилось после 2 лет войны. Из родословной биографии Дивова следует, что в отряде Долгорукова и Собакина не могло быть больше 100-150 смолян (10-15 % по сравнению с 1605/06 г.) и ещё 100 смолян было с Андреем Дедевшиным. Какая-то часть смолян пришла вместе с Одадуриным, а позднее и с Барятинским. Но поскольку походная численность смолян колебалась в районе 50-60 % от общей численности служилого города, то даже возвращение в Смоленск отряда в 200-250 человек приводило к тому, что в 1608 году у воеводы Шеина была большая часть дворянского отряда. В их числе были многие участники войны с Болотниковым 1606-07 гг.: Алексей Зубов, которого М. Б. Шеин с товарищами послал на помощь Дивову и Собакину, видимо вернулся в Смоленск ещё до инцидента с Мнишеками. В ноябре 1608 года в поход выступил отряд «смолян и брянчан и серпян дворян и детей боярских восьмьсот человек, архиепископских и монастырских служек сто тридцать семь человек, голову Стрелецкого Федора Зубова, а с ним его приказу четыреста двадцать один человек стрельцов. Всего тысяча триста пятьдесят человек ратных людей»⁴⁵². Следовательно, у смолян была возможность собрать против тушинцев не меньшую войсковую силу, чем против болотниковцев в 1606 году, однако на этот раз организовать успешный поход к Москве не удалось.

Неудача дорогобужских походов 1608-09 годов отразилась в «Повести о победах московского государства». Автор этого произведения сам был смоленским дворянином и

⁴⁴⁹ Новый летописец. С. 325.

⁴⁵⁰ Мальцев В.П. Борьба за Смоленск в XVI-XVII вв. С. 391.

⁴⁵¹ Челобитные смоленского помещика - участника похода против Болотникова. С. 66.

⁴⁵² Памятники обороны Смоленска. С. 5

потому неохотно пишет о поражениях смолян. Уже в рассказе о похищении Мнишек он не упоминает, что в отряде Долгорукова были смоляне, хотя после описания побега царицы все же кратко напишет: «И поидоша государевы люди каждый по своим градом: смольяна же в Смоленск, а иные – по своим градом, и биющиеся за свои грады и полских и литовских людей побивающее». Далее автор «Повести» представляет дело так, будто смоляне не пытались пробиться к Москве, а занимались борьбой за Дорогобуж. «И приидоша польския люди и государев град Дорогобуж взяша. Смоляне же уедав то, поидоша под Дорогобуж и, пришедши, польских людей побили и город государев от них очистили, и в Смоленск возвратишася. Отшедше же смоляном литовские люди многажды к Дорогобужу без них прихождаху и град взимающе. Смольяне же, уедавше, не единою к Дорогобужу прихождаху, польских и литовских людей побивающе, очищающее и вселитися им не дающе. Они же часто без них приходяще, а государевым людям пакости деюще и град берущее»⁴⁵³. В действительности, смоленские воеводы пытались организовать новый поход под Москву, против тушинцев. Цель дорогобужских похода, как было заявлено в «государевой грамоте» воеводам Шеину и Горчакову – не только очистить города Смоленской дороги от тушинцев, но и пробиться к Москве для совместной борьбы с основными силами самозванца. В ответ на царскую грамоту воевода М.Б. Шеин сообщал, что 24 октября 1608 года он обратился к служилым людям с речью, в которой призвал идти «для избавления Московского государства» в поход «не мешкая». Но смоленские служилые люди: «отказали, что им на твою государеву службу к тебе к государю к Москве с твоими государевы воеводы со князем Яковым Барятинским да с Семеном Оударовым, не очистя смоленского уезда от воров и Дорогобужан к Москве идти немочно»⁴⁵⁴. По поводу этой челобитной высказался В.П. Мальцев. «Причина отказа, выдвинутая смоленскими дворянами, была несколько нелогична. Для того, чтобы очистить смоленский уезд от «воров» и польских отрядов был только один правильный выход, это – разбить их главные силы в Москве, а не отсиживаться под Дорогобужем»⁴⁵⁵. На этом основании В.П. Мальцев пришел к заключению о «колебаниях» среди смолян в сторону тушинцев. Однако для суждений о «причине отказа» у нас нет достаточных оснований. Слово «отказали» в те времена могло обозначать просто «ответили». В таком случае, речь шла лишь о констатации факта, что перед походом к Москве им предстоит борьба с тушинцами, которые были дорогобужские дворяне в смоленском уезде. Уже через неделю 30 октября Шеин писал в Москву о посылке войска под Дорогобуж. В своём

⁴⁵³ Повесть о победах Московского государства. С. 10.

⁴⁵⁴ Памятники обороны Смоленска. С. 5

⁴⁵⁵ Мальцев В.П. Борьба за Смоленск в XVI-XVII вв. С. 167.

донесении смоленские воеводы достаточно ясно говорят о цели похода («чтоб твоим государевым воеводам Дорогобуж очистить к тебе к государю к Москве»⁴⁵⁶), которая не расходилась с царским указом. В это время Смоленск был отрезан от Москвы, поскольку ближайшие города — Вязьма и Дорогобуж на востоке, Белая на севере — были заняты сторонниками Лжедмитрия II.

Численный состав войска во втором Дорогобужском походе известен из той же воеводской грамоты: «смолян и брянчан и серпян дворян и детей боярских восьмсот человек, архиепископских и монастырских служек сто тридцать семь человек, голову Стрелецкого Федора Зубова, а с ним его приказу четыреста двадцать один человек стрельцов. Всего тысяча триста пятьдесят человек ратных людей»⁴⁵⁷. По количеству конных дворян отряд превосходил ополчение смолян 1606 года (800 и 640 детей боярских соответственно). На этот раз во главе войска стоял не смоленский сын боярский, а дворяне из Москвы князь Яков Барятинский и Семен Одадунов. Голова стрелецкого приказа Фёдор Зубов (выбор, 500 четвертей) оказался единственным смоленским дворянином, указанным в руководстве отряда. Точно так же, как и в первом Дорогобужском походе, в составе отряда были монастырские слуги и «даточные» холопы с поместий дворянских вдов и недорослей. Стрельцам выдавали «государева жалования по рублю, да по подводе человеку»⁴⁵⁸, то есть посадили на лошадей.

11 ноября в Смоленск пришло известие о разгроме войска тушинцев на реке Уже и о захвате 120 пленных («литовских людей, черкас, козаков и боярских людей») и знамен с литаврами. 14 (24) декабря 1608 года – воеводы получили донесение о заговоре Ивана Зубова, бывшего смоленского дворянина. В декабре 1608 года он прибыл в Дорогобуж из тушинского лагеря со своими «товарищами», смоленскими дворянами. Эти посланники Лжедмитрия стали убеждать смоленское войско, перейти на сторону тушинцев: «И от той, государь, Ивановой Смуты, в Дорогобуже, дворяня и дети боярские и стрельцы и всякие ратные люди издрогли, из Дорогобужа разъехались, воевод князя Якова и Семена покинули, — писал М.Б. Шеин в донесении, — и воеводы князь Яков и Семен из Дорогобужа пришли в Смоленск»⁴⁵⁹. В результате поход к Москве так успешно начатый, закончился неудачей. Воевода М.Б. Шеин был вынужден спешно послать в Дорогобуж подкрепление: «И мы холопы твои, послали из Смоленска в Дорогобуж для оберегания от воров голов Василия Зиновьева, Гаврила Чебышева, а с ними смолян, дворян и детей боярских двесте тридцать два человека, да дву человека сотников, а с ними двесте

⁴⁵⁶ Памятники обороны Смоленска. С. 5.

⁴⁵⁷ Там же.

⁴⁵⁸ Там же.

⁴⁵⁹ Акты исторические. Т. II. С. 162.

стрельцов»⁴⁶⁰. Небольшой вспомогательный отряд состоял из смолян, однако головами Шеин предпочел отправить представителей Брянского служилого города.

В то же время, Иван Зубов и его соратники полностью не достигли своих целей. Хотя смоляне разъехались из отряда в свои поместья, но в Тушино, отправились только Андрей Викентьев (городовой, 350 четвертей с отцова) и Пётр Жидовинов (новик, 250 четвертей) – оба они были младшие представители второстепенных дворянских семейств, и их позиция для всего служилого города не была значимой. Однако в данной ситуации даже неполный успех агитации Зубова сыграл, скорее, в пользу тушинского лагеря. К тому же у Зубова было только 14 сообщников и сама ситуация, при которой они смогли развалить войско больше 1000 человек, представляется неординарной и требует отдельного изучения. Ивана Игнатьевича Зубова следует отнести к одним из выдающихся авантюристов Смутного времени, а его попытка не только развалить смоленское войско, но и стать смоленским воеводой обращает на себя особое внимание. Уже после своего пленения воевода Шеин вспоминал на допросе: «Я с самозванцем никакой ссылки не имел; раз присылал он Ивана Зубова в Смоленск с длинною грамотою, в которой всю Библию и псалтырь выписал, уговаривая, чтоб смольняне ему поддались, воеводу своего свергнули, посадили на его место Зубова, прислали к нему в Тушино всю казну, а купцы прислали бы к нему все свои товары»⁴⁶¹. Вероятно, Зубов делал упор не на велеречивые грамоты самозванца, которые вызвали иронию М.Б. Шеина, а на устную агитацию и на свое влияние среди смоленских дворян. По ряду фактов можно заключить, что Иван Зубов принадлежал к верхушке смоленского служилого города. Сам Зубов в десятне 1606 года не упомянут, однако его братья, Алексей и Матвей были дворовыми детьми боярскими с окладом 500 четвертей. Отец Зубова, Игнатий Ширяевич (Никитович) начинал службу приставом у польских послов, затем служил в дворянах в посольстве князя Канбарова. По своим родовым заслугам Зубовы занимали одно из первых мест среди прочих смоленских дворянских семейств и имели первоочередное право на ключевые должности – стрелецких голов, судей, посольских приставов. Игнатий Ширяевич в 1579 году служил дьяком поместного приказа, составлял писцовые книги по различным русским уездам⁴⁶². Это повышение по службе открывало его сыну возможность со временем также занять низшие должности в государевом дворе. Но остальные Зубовы оставались на службе в Смоленске.

⁴⁶⁰ Там же. С. 163.

⁴⁶¹ Соловьев С.М. Сочинения. Книга IV. История России с древнейших времен. Т. 8. С. 622.

⁴⁶² Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XVI-XVII вв. М., 1975. С. 199.

Впервые Иван Зубов упоминается в 1590-е годы⁴⁶³. Как и его отец, он назначался приставом у папских и императорских послов, которые шли в Москву через Смоленск. В его обязанности входило встречать на Российской границе и провожать до Москвы иноземных посланников, обеспечивать им корм с ночлегом, пресекать случайные контакты с русскими людьми и писать регулярные отписки государю. При царе Борисе Иван Зубов стал получать жалованье из четверти, что также было связано с выполнением особых поручений (четвертное жалование выплачивалось раз в год). В 1603/04 году он получил 10 рублей годового оклада. Деньги взял его сын Илья, а поручиком выступил подьячий Федор Лихачев⁴⁶⁴. В 1605/06 году его двоюродные братья Иван Лукьянович, Фёдор и Никифор Михайлович были выборными дворянами с высокими окладами. Все они были внуками Никиты Ширяя Зубова, но Иван Игнатьевич Зубов принадлежал к старшей ветви, поскольку именно его отец получал важнейшие служебные назначения, в то время, как о меньших братьях Игнатия Ширяевича – Лукьяне и Михаиле – у нас нет сведений. Следовательно, Иван Игнатьевич в 1600-е годы был старейшиной своего рода и находился в том возрасте, когда у служилого человека наступал расцвет карьеры. Но в отличие от своих двоюродных братьев он не указан в десятне смоленских дворян 1605/06 года, поскольку после воцарения Лжедмитрия Зубов был послан на дальнюю службу в сибирский город Березов, и долгое время оставался в стороне от важнейших событий в стране. Сохранились царские грамоты 1607 года в Березов воеводе князю Петру Черкасскому и голове Ивану Зубову⁴⁶⁵. Из этих грамот мы узнаем, что воеводам удалось раскрыть заговор и бунт остяков под руководством князя Василия Обдорского, крещеного представителя местной элиты. За это царь Василий обещал им: «аще, даст Бог, увидите наши царские очи, пожалуем своим великим жалованьем»⁴⁶⁶. Неизвестно, насколько велика была роль самого Зубова в раскрытии измены князя Обдорского. Но точно можно предположить, что он смог не только добиться царского расположения, но и улучшил материальное положение. Уже в тушинском лагере Иван Зубов стремился добиться расположения ближайших соратников самозванца и давал «в воровских полках князю Шаховскому и иным изменникам посулы: лисицы и сукна»⁴⁶⁷. Когда в 1608 году Иван Зубов вернулся со службы, большинство русских городов признавали «царя Дмитрия». По его собственным показаниям, он жил на Вологде семь недель после Покрова (после 1

⁴⁶³ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Ч. 1. Ст. 1251—1252, 1256—1258; Там же. Ч. 2. Ст. 53, 56-59, 123.

⁴⁶⁴ Сухотин Л. С. Четвертчики Смутного времени. С. 24, 27.

⁴⁶⁵ Грамоты царских воевод о восстании в Березове // Миллер Г. Ф. История Сибири. М.; Л., 1941. Т. 2. С. 202–204.

⁴⁶⁶ Там же. С. 203.

⁴⁶⁷ Акты исторические. Т. II. С. 162.

октября 1608 года) и только после этого принял решение приехать к самозванцу⁴⁶⁸. Здесь он вызвался организовать переход смолян на сторону тушинского вора и стал набирать себе сторонников, большую часть которых составили пленные смоленские дворяне. Один из сторонников Зубова, Лукьян Языков, дал показания, что пленных смолян из посольства в Крым Обросима Лодыженского, было в Тушино 29 человек, а для участия в аванюре Зубова было выбрано 14 человек. Кроме того, в Дорогобуже с Зубовым оказались сыновья смоленских воеводских дьяков Леонтий Бунаков и Борис Алексеев, а также стрелец, пушкарь и посадский человек. Перед отъездом Тушинский Вор наградил Ивана Зубова чином думного дворянина и выдал ему грамоту на смоленское воеводство.

В этом не было значительного нарушения служилой иерархии московского государства. Зубов по своему родовому положению вполне мог рассчитывать на следующую ступень в системе государева двора. Не случайно он говорил своему сообщнику посадскому Сидорке Бордукову: «что его дворяня и дети боярские послушают». То же самое он говорил и тушинскому вору и здесь чувствуется расчёт на свой родовой и личный авторитет в Смоленске⁴⁶⁹. Кроме того, Зубов делал ставку на родственные связи, которые должны были обеспечить его отряду безопасность. В Дорогобужском походе стрельцами командовал его двоюродный брат – Федор Михайлович, представитель младшей ветви Зубовых. Это позволяло заговорщикам надеяться на переход смолян на сторону тушинцев. Низовой состав сообщников Зубова был представлен тремя основными слоями смоленских горожан: стрелец Иван Некрасов, пушкарь Иван Пищальников и посадский Сидор Бордуков. Также тщательно были подобраны служилые дворянства, которые представляли различные слои служилого города.

В числе бывших представителей свиты крымского посланника нашлись представители старших, средних и младших родов. Вот состав заговорщиков в том порядке, как они перечислены в донесении М.Б. Шеина⁴⁷⁰, с указанием чинов и окладов в 1605/06 году: Лукьян Языков (выбор, 500 четвертей), Иван Бестужев (дворовый сын боярский 400 четвертей), Никита Веснин (неизвестно, у Весниных-Головиных оклады от 500 четвертей по дворовому списку, до 350 четвертей по городовому), Иван Чихачев (город 400 четвертей, или новик 1604 года), Константин Григорьев сын Шишкин (дворовый сын боярский, 500 четвертей), Петр Зубов (дворовый сын боярский, 500 четвертей), Алексей Ефимьев (дворовый сын боярский, 450 четвертей), Замятня

⁴⁶⁸ Там же.

⁴⁶⁹ Акты исторические. Т. II. С. 162.

⁴⁷⁰ Там же. С. 160-161.

Философов (дворовый сын боярский, 500 четвертей), Дмитрий Zubов (новичок «с отцова поместья» 320 четвертей, возможно, сын самого И.И. Zubова), Семен Бакин (неизвестно, максимальный оклад Бакиных –400 четвертей для городских детей боярских), Степан Юрьев (город 450 четвертей), Рохманин Дернов (городовой сын боярский, 350 четвертей), Данила Обашев (неизвестно).

Самый высокий чин среди сообщников Zubова имел Лукьян Ларионович Языков – он же Лука Казаринов Языков, выборный с окладом 500 четвертей. Он принадлежал к известному в Смоленске роду Языковых, в котором все старослужащие были в 1605/06 году записаны в выборные дворяне. Вторым после Ивана Zubова и Лукьяна Языкова был Иван Бестужев. Очевидно, что его положение второго человека в отряде после Zubова было не случайным, а также определялось «родовой честью». Поскольку Иван Большой Бестужев был в посольстве в Выборг со Скопиным–Шуйским, а Иван Меньшой в августе 1608 года служил в Смоленске, следовательно, речь идёт об Иване Васильевиче Бестужеве. Вообще, представители «старших отечеством» родов среди сообщников Zubова представлены людьми молодого поколения и их собственные оклады не столь уж высоки. К уже известным нам влиятельным родам принадлежали также Иван Чихачев, Пётр и Дмитрий Zubовы. Таким образом, заговорщикам можно было рассчитывать, что их старшие родственники постараются не выдать их воеводам.

«Средние отечеством» служилые люди были представлены в отряде Zubова, напротив, людьми старшего поколения с максимальными в своем роду окладами. Это относится к Замятне Философову, Константину Шишкину, Алексею Ефимьеву. Вероятно, здесь сказался не только принцип отбора участников заговора Zubова, но и порядок набора в посольскую свиту. Об окладах Никиты Веснина, Семена Бакина и Данилы Обашева сведений нет, во всяком случае, двое последних принадлежали к младшим смоленским родам. У «меньших отечеством» были свои авторитеты, как правило, это также были старейшины родов, которые издавна служили нарядчиками у земцев и других мелкопоместных дворян. Среди заговорщиков самым влиятельным для бывших земцев был Рохманин Дернов, который занимал самое высокое среди Дерновых положение в десятне. Бывшие земцы Дерновы представляли собой самый многочисленный смоленский род и уступали количественно только смолянам Нееловым. Очевидно, что уже для службы в посольской свите Обросима Лодыженского отобрали либо молодых детей боярских из старших родов, либо напротив, заслуженных, но из числа бывших земцев. Это позволило Zubову пополнить свой отряд теми смолянами, которые либо сами, либо через родственников, могли повлиять на различные слои служилого города.

Особое место в его отряде занимали Леонтий Бунаков и Борис Алексеев – сыновья смоленских дьяков Ивана Бунакова и Никона Алексеева. В грамоте царю сказано так: «да мой-сей Иванков сын Левка Бунаков, да мой-сей, Никонков сын Бориско Алексеев». Вероятно, Иван Зубов и рассчитывал с их помощью перевести на свою сторону, или хотя бы парализовать волю приказных людей из Москвы. В последующих смоленских грамотах подпись Ивана Бунакова исчезает и среди смоленских дьяков остаётся только Никон Алексеев. Отход от дел составителя десяти 1605/06 года Ивана Бунакова, если только он не умер к этому времени, несомненно, связан с участием его сына в воровских делах. Меры по набору своего отряда освобождали самому Зубову пространство для свободной агитации, в особенности среди дворян и стрельцов. Однако Зубов, видимо, не учёл того, как повлияло возвышение смоленского служилого города в 1606 году на верность служилых людей царю Василию. Вероятно, Зубов не был осведомлен в достаточной степени о походе смолян против Болотникова и о возвышении смолян при царе Василии и не учел, что в новых условиях смоленским дворянам было совсем невыгодно изменять государю, который уже отличил их верную службу, и присоединятся к своим бывшим врагам из лагеря Болотникова. Поэтому план Зубова провалился: он не смог привести смоленский отряд к крестному целованию. К тому же заговорщики не смогли оценить верность присяге воеводы Шеина и его ближайших сподвижников. Зубов и его соратники были арестованы по дороге из Дорогобужа в Смоленск. Допрашивали их в присутствии архиепископа и всего посадского мира. То, что воевода Шеин получит поддержку у посадских людей, Иван Зубов видимо не предполагал. У заговорщиков нашли грамоты о том, чтобы поставить воеводой Ивана Зубова, а смоленскую казну перевезти в тушинский лагерь. Всех сторонников тушинского вора, кроме самого Ивана Зубова, воеводы решили амнистировать по старинной системе поручных записей: «А Ивана, государь, Зубова, за воровство и за смуту, мы холопи твои, велели посадить в тюрьму до твоего государева указа, а Ивана Безтужева с товарищи, приведчи к крестному целованию, велели подавать на поруки с записьюми»⁴⁷¹.

Система поруки известна из отношений бояр с царем в XVI веке. В то время бояре ручались за своего впавшего в немилость товарища деньгами, после чего опала снималась⁴⁷². Поручная система в России давала возможность взаимовыручки и отражала единство Государева двора, как единой корпорации. По мнению С.Б. Веселовского, эта система в какой-то степени ограничивала карательные функции монарха в случае «отъездов» бояр и стала одной из причин введения опричнины (при этом поручные записи

⁴⁷¹ Акты исторические. Т. II. С. 162.

⁴⁷² Антонов А.В. Поручные записи 1527-1571 годов //Русский дипломатий. Вып. 10. М., 2004. С. 8-79.

продолжали составляться и за 1565-71 гг.)⁴⁷³Использование поручных записей в отношениях между воеводой и городовыми детьми боярскими мало изучено. Конечно, это вызвано тем, что поручных записей городских дворян в Смутное время почти не сохранилось. Единственным исключением является поручная запись по делу об измене в Смоленске в августе 1610 года. Об этом деле будет сказано ниже, пока же нужно отметить, что в формуляре поручной записи можно отметить ту же слаженную систему корпоративной выручки, которая известна в поручных записях XVI века. Эта система взаимовыручки являлась скрепляющим звеном и для московских думных и дворовых чинов и для смоленского служилого города.

Вероятно, поручные записи играли в Смутное время большую роль, чем это считалось до сих пор. Известно, что в этот период российские государи не раз проявляли милость к изменникам. Первым был прощен сам Василий Шуйский (возможно – по ходатайству бояр). Впоследствии став государем он сам прощал бунтовщиков против себя – Шаховского, Телятевского, Пашкова и прочих. Более чем вероятно, что во всех этих случаях использовали поручные записи. Характерно, что Шеин впервые сообщил царю о заговоре Зубова, но об отдаче смолян на поруки говорил, как об очевидном деле. Мы предполагаем, что система поручных записей была перенесена на провинциальных дворян из Государева двора во время амнистий болотниковцам и тушинцам и прижилась настолько успешно, что к 1608-09 году её использовали и в верном царю смоленском служилом городе.

В результате заговора И. Зубова и его агитации к тушинцам перешло всего два смолянина. Кроме них в Тушино оставалось 15 смоленских дворян из числа посольства О. Лодыженского, но относительно них нельзя утверждать, считались ли они сторонниками Лжедмитрия II или пленниками. Следует также отметить одного заметного смоленского тушинца – думного дьяка Федора Дмитриевича Шушерина. О его роде мы уже упоминали в предыдущей главе. Он был внуком Романа Шушерина, смоленского пристава в 1547 году, а затем думного дьяка. В 1605/06 Федор Шушерин был выборным дворянином с окладом 500 четвертей⁴⁷⁴. По родословию он принадлежал к младшей ветви рода, но к старшему поколению⁴⁷⁵. Возможно, что в силу возраста или других обстоятельств он действительно был старшим в своем роду. О причинах его перехода в тушинский лагерь ничего не известно, однако можно предположить, что его служба самозванцу началась достаточно рано. Во всяком случае, ни в походе 1606 года, ни в последующих

⁴⁷³ Веселовский С. Б. Исследования по истории Oprичнины. М., 1963. С. 124-126.

⁴⁷⁴ Десятня 7114 года. С. 365.

⁴⁷⁵ Род Шушериных //РГАДА. Ф. 286. Герольдмейстерская контора. Оп. 1. Кн. 241. Л. 1139об-1144об.

походах против Лжедмитрия II представители рода Шушериных себя никак не проявили. Это могло быть связано с тем, что видный представитель их рода подвизался на службе другого «государя» - впрочем, доказать это невозможно. Характерно, что, как и в случае с Иваном Зубовым, в думные чины у тушинского вора пробился представитель первостатейного смоленского рода. Федор Шушерин оказался успешнее Ивана Зубова и впоследствии сумел сохранить свой тушинский думный чин на службе у Первого, а затем и у Второго ополчения.

Позиция Ивана Зубова и Федора Шушерина не отражала мнения смоленской дворянской верхушки. Точно так же и все перечисленные тушинские смоляне (всего их выходит 33 человека за разные периоды) представляли собой 3 % от общей численности служилого города. В большинстве случаев их решение оставалось маргинальным даже для их сородичей. Поэтому причину неудач дорогобужских походов не следует видеть в тайных симпатиях смолян тушинскому вору. В случае с заговором Ивана Зубова большую роль сыграли родовые связи между его сообщниками и смоленскими дворянами из отряда Одадунова и Барятинского. Эти родовые связи позволили Ивану Зубову беспрепятственно агитировать в пользу тушинского вора, а его речи привели к отъездам дворян. Сплоченность смоленского дворянства и возросший в условиях Смуты, авторитет «всего города» проявились в следующем дорогобужском походе. 30 января 1609 года в Смоленск пришло донесение о разгроме войска тушинского ротмистра Плюшка под Дорогобужем, а сам ротмистр был отправлен в Смоленск вместе с другими пленными. Командовали смолянами воеводы С. Барятинский и Я. Одадунов, о количестве войска у нас сведений нет⁴⁷⁶. М.Б. Шеин отправил им из Смоленска приказ двигаться дальше по Московской дороге, и подкрепил его царскими грамотами. Но ещё 29 января Одадунов и Барятинский отправили донесение, что Смоляне из Дорогобужа к Вязьме не пошли: «Да к нам, холопом твоим – писали М.Б. Шеин и П.И. Горчаков царю Василию – смоляне, дворяне и дети боярские отправили челобитчиков, а били челом тебе государю от всей рати, что им к Вязьме и к Москве без прибавочных людей от воров пройти немочно»⁴⁷⁷. Смоляне не просто отказались выступить в поход, но выступили со своей позицией от всех дворян и стрельцов («били челом от всей рати»). В начале февраля дворяне и стрельцы вновь разъехались по поместьям, однако некоторые из них 11 февраля возвратились в Смоленск. Воевода Шеин сделал очередную попытку отправить их в поход. Как и во время суда над Иваном Зубовым, воевода выступает в присутствии архиепископа и посадского «мира». По словам воеводской челобитной к царю: «дворяне и

⁴⁷⁶ Акты исторические. Т. II. С. 173

⁴⁷⁷ Там же. С. 177.

дети боярские всем городом нам, твоим холопом отказали, что им от Смоленска, до просухи, к Москве идти немочно»⁴⁷⁸. Это было явное самовольство, хотя желание ратных людей не идти в поход до таяния снегов и спада весенних паводков было объяснимо. Самовольство смолян вовсе не обозначало их «измены» в пользу тушинцев. В мае 1609 года дворяне и стрельцы и действительно выступили уже в четвертый раз в поход против тушинского войска. 3 июня смоляне взяли Вязьму, однако дальше к Москве не пошли, а по царскому указу повернули на север, где уже выступило в поход русско-шведское войско князя Скопина-Шуйского и Якоба Делагарди. Смоляне воротились под крепость Белую, где 12 июня им открыл ворота тушинский воевода И.А. Хованский. Он принял присягу царю Василию и возглавил войско вместе с Одадуриным и Барятинским. В Белой крепости оставили «для бережения» две стрелецкие сотни, а смоленское войско отправилось в Торжок и в июне 1609 года присоединилось к ополчению М.В. Скопина-Шуйского⁴⁷⁹. С этого момента смоляне вместе с северо-западными служилыми людьми принимают участие в общерусском освободительном походе для освобождения Москвы от осады тушинским войском.

Однако следует вернуться к февральским челобитным к царю. По словам воевод, смоляне сначала били царю челом «от всей рати, что им к Вязьме и к Москве без прибавочных людей от воров пройти немочно»⁴⁸⁰, а затем также «всем городом» отказались идти в поход. Коллективное прошение, безусловно, было отправлено с одобрения лидеров служилого города: Воина Дивова, стрелецких голов Василия Чихачева и Фёдора Зубова, а также Григория Кокошкина, Алексея Зубова, Ивана Корсакова, Ивана Бестужева. Вероятно, они не хотели выступать в поход в зимнее время. Это решение опиралось на мнение всего служилого города. Можно отметить стремление смолян принимать решение внутри своего «города», и ставить мнение «города» выше царских указов. Воеводы из Москвы М.Б. Шеин, П.И. Горчаков, С.И. Одадуров и Я.П. Барятинский представляли интересы государя, для них на первом месте стояло выполнение царского указа. Однако это не ставит под сомнение верность смолян царю Василию.

Стремление смолян действовать даже вопреки указам царя и воеводы, но по решению «всего города» свидетельствует об определённой самостоятельности этого воинского отряда в Смутное время. Также здесь проявлялось их корпоративное единство, которое окрепло уже во время походов 1606-1607 годов. Самостоятельность смоленского

⁴⁷⁸ Там же.

⁴⁷⁹ Там же. С. 289—290.

⁴⁸⁰ Там же. С. 177.

войска было основано на взаимодействии дворян и стрельцов. Связь службы с «отечеством» при назначении стрелецких голов укреплял взаимодействие поместной конницы и огнестрельной пехоты, поскольку руководители этих двух войсковых категорий происходили из одного слоя — верхушки смоленского дворянства. Поэтому различные категории смоленского войска сохраняли единство управления даже в годы в годы ослабления царской власти и междуцарствия. Однако в 1609 году смоляне оставались последовательными сторонниками царя Василия и после «просухи» успешно очистили Дорогобуж и Вязьму и соединились в войском Скопина-Шуйского.

Поход 1609-10 года в составе общерусской рати Скопина-Шуйского стал главным этапом борьбы смолян с тушинцами. В войске Скопина, под началом Хованского и Барятинского были не только смоляне, но и вязмичи, дорогобужане, беляне, брянчане, серпейцы и рославцы (в списке «Повести» они ошибочно названы «ростовцы»)⁴⁸¹. К сожалению, о составе войска у нас слишком мало сведений. Однако общий военный подъем весны 1609 заставляет предположить, что размеры войска были точно такими же, как во втором Дорогобужском походе, то есть около 800 смоленских, брянских и серпейских дворян и детей боярских, а с вместе остальными городами их должно было быть более 1000. Смоленскими стрельцами по-прежнему командовал Федор Зубов, который по этой причине стал одним из лидеров смоленских дворян. В родословных росписях сохранились сведения об участии отдельных смоленских дворян в походе 1609-10 года. Так, под Калязиным был убит Макарий Андреевич Философов, племянник сообщника Ивана Зубова Максима Замятни,⁴⁸². Он был самым молодым представителем своего рода, в 1605/06 году Макар по прозвищу Невежа был только верстан «от братья в отвод» с окладом 300 четвертей⁴⁸³.

Во время похода ополчения В.Ф. Скопина-Шуйского смоляне неоднократно участвуют в самостоятельных военных действиях. Так, под руководством Давида Жеребцова они освобождали Троицкий монастырь от осады, вместе со служилыми людьми северо-восточных городов. Отряд Жеребцова 18 октября беспрепятственно занял Троицкий монастырь⁴⁸⁴, а затем взял штурмом Дмитров, где пытался укрыться Сапега с остатками своего войска. Об особом участии смолян в штурме последней цитадели тушинцев говорит «Летописная повесть» Семена Шаховского: «Москвичи ж вслед их женуша, даже и до городка того (т.е. преследовали тушинцев вплоть до Дмитрова – А.М.). И на стены градские восходят, и смоляне хоругви простирают, и елико в нем людей

⁴⁸¹ Повесть о победах Московского государства. С. 10.

⁴⁸² Род Философовых //СПБИН РАН Ф.131. Оп. 1. № 106. Л. 64-74

⁴⁸³ Десятня 7114 года. С. 387.

⁴⁸⁴ Повесть о победах Московского государства. С. 11-12.

обретают, и тако мечом побивают»⁴⁸⁵. Видимо, другой отряд смолян оставался в это время со Скопиным-Шуйским и участвовал во взятии Александровой слободы. Оттуда и был послан к Москве Афанасий Вараксин с хлебными запасами.

В общерусском ополчении смоляне полностью подчинялись Скопину, авторитет которого оставался для них неизменно высоким. В сентябре 1609 года коронные и литовские войска вторглись в пределы русских земель и приступили к обороне крепостей Смоленск и Белая. Большая часть смоленских, бельских, вяземских и дорогобужских детей боярских находилась тогда в ополчении князя Скопина-Шуйского. В «Повести о победах» сказано, что узнав о польском вторжении смоляне «слезно плакаша и придоша ко князю Михаилу Васильевичу и много молиша его, дабы их отпустил ко граду Смоленску польского короля от града отогнати и град очистить». Скопин-Шуйский, же, по словам «Повести», утешал их «яко чадолубивый отец» и повелел «от своего боярского полку не отлучаться и ждати от Бога милости и одоления на государевы неприятеля»⁴⁸⁶. Князь Скопин-Шуйский смог убедить смолян не разделяться со всем войском и на этот раз смоленские дворяне подчинились воеводе. Смерть Скопина-Шуйского и трагического поражения под Клушином 4 июля 1610 года привела к новому кризису смоленского служилого города. Этот кризис был связан с появлением среди смоленских дворян сторонников коронации королевича Владислава, сына польского короля Сигизмунда III.

3.2. Участие смоленского дворянства в русско-польской войне

в 1609-12 годах.

Польско-литовская интервенция и оборона Смоленска 1609-1611 годов принадлежит к числу неоднократно изученных событий Смутного времени, и к тому же отличается богатой источниковой базой. Но при этом многие важные аспекты обороны изучены недостаточно хорошо. В частности численность смоленского гарнизона и соотношение в нём различных категорий вооруженных сил по-прежнему остаётся предметом дискуссий.

В особенности важен вопрос о численности дворянского войска во время обороны крепости. В.П. Мальцев первым сделал предположение, что в обороне участвовали приблизительно 550 дворян из Смоленска, Вязьмы, Дорогобужа, Рославля, Почапа, Серпейска и Брянска⁴⁸⁷. Он сделал этот вывод на основе сохранившихся списков дворян из

⁴⁸⁵ Шаховской С.И. Летописная книга. С. 400.

⁴⁸⁶ Повесть о победах Московского государства. С. 13.

⁴⁸⁷ Мальцев В.П. Борьба за Смоленск в XVI-XVII вв. С. 227-228

разных городов, с учётом того, что список смоленских дворян он справедливо посчитал неполным. С.В. Александров согласился с его выводами, но дополнил их собственными наблюдениями: «Дворян в Смоленске насчитывалось примерно 550 человек. Согласно хлебным раздачам, в городе было 100 брянчан и серпян, 65 вязьмичей, 38 дорогобужан, несколько дворян из Рославля, Почёпа и Мещовска — всего более 200 человек. Смоленских дворян, согласно росписи сбора даточных, имелось 266 человек, с учетом тех, кто не выставил даточных (приложение № 1), но в документе не указаны дворяне Еленского, Молоховского и Иванковского станов и ряда волостей. Согласно списку смоленских детей боярских, составленных воеводской избой перед началом осады, дворян в Смоленске было 134 человека, из них 14 неверстанных новиков, и 19 значащихся в списках даточных. И всех смоленских дворян летом 1609 г. в Смоленске насчитывалось 370 человек без новиков, но так как списки далеко не полные, то их число могло доходить до 400. В сентябре часть дворян, во главе с Воиным Дивовым, ушла в Дорогобуж. И скорее всего, число смоленских дворян в смоленской армии превышало 300 человек»⁴⁸⁸. Следует отметить, что сведения о походе Воина Дивова под Дорогобуж были изданы в сборнике Готье среди документов сентября 1609 года⁴⁸⁹ только из-за ошибки публикатора. Донесение об этом походе дошло до нас не полностью и без указания года. Отряд смоленского дворянина Воина Дивова действительно ходил под Дорогобуж в 20-х числах сентября, но скорее всего, это произошло годом раньше, в 1608 году. Сам Воин Дивов упомянут в нескольких документах как участник смоленской обороны, следовательно, он не покидал крепости в годы осадного сидения.

С.В. Александров также как и В.П. Мальцев признаёт список смоленских дворян неполным и добавляет в него тех детей боярских, с поместий которых собирались даточные люди. Для этого он привлекает три росписи сбора даточных людей конца августа 1609 года⁴⁹⁰. Поскольку снаряжение даточных считалось частью службы помещиков, эти росписи следует рассмотреть подробно. Они составлялись с учётом первоначального плана смоленских воевод и посадских старост. План состоял в том, чтобы защищать не только каменную крепость, но и внешние деревянные укрепления. Во второй и третьей сборной росписи даточных набирают на службу в острог (воевода Г.Ф. Кокошкин и И. Жидовинов) и на Заднепровскую сторону (воевода Иван Битяговский). Первая роспись, возможно, касается тех даточных, которых с самого начала определили к

⁴⁸⁸ Александров С. В. Смоленская осада 1609-1611. С. 168-169.

⁴⁸⁹ Памятники обороны Смоленска. С. 29.

⁴⁹⁰ Там же. С. 173, 226-232.

службе внутри крепости или на крепостной стене. По не сохранившемуся царскому указу следовало набирать со 133 четвертей одного человека с пищалью топором.

С.В. Александров перечисляет в приложении к своей работе 266 владений, с которых взяли даточных⁴⁹¹. Он полагает, что все эти землевладельцы сами также приняли участие в обороне. Однако среди указанных в приложении 266-и землевладельцев есть 5 дворянских вдов, которые по подсчёту Александра оказались в списке дворянского осадного войска. В число дворян исследователь включил и монастырь в честь святых Кузьмы и Демьяна в Вопецком стане, который также выставил одного даточного человека (в приложении он указан под именем несуществующего сына боярского К. Домиана)⁴⁹². По Александрову в списке участников обороны оказался окольный (затем боярин) Василий Петрович Головин. Как крупный землевладелец смоленского уезда и думный человек он выставил целых 9 даточных⁴⁹³, но сам во время обороны исполнял должность хранителя государевой казны в Москве. Не был смолянином и Михайло Татищев, с которого взяли двух крестьян в разных волостях. Одного из крестьян взяли «с отписного с Михайлова поместья Татищева», т.е. его имения в Смоленске были на момент сбора конфискованы. К моменту сбора даточных в государев двор входили также Григорий и Андрей Полтевы, а также Пётр Иванович Чихачев. Все трое в 1609 году уже перешли из смоленского служилого города в московский дворянский список, но с их земель продолжали брать даточных, причём братья Полтевы выставили на двоих одного человека. В обороне Смоленска не участвовал изменник Андрей Иванович Дедевшин⁴⁹⁴. С июня 1609 по апрель 1610 года он был воеводой в города Бела к северу от Смоленска и вопреки воле её жителей организовал капитуляцию и присягу польскому королю. Так что он также не мог присутствовать при сборе даточного человека со своего поместья в августе 1609 года.

Изучение имен и фамилий дворян, с поместий которых набирали даточных, заставляет предположить, что для набора использовали кадастровые списки, сведения которых к середине Смуты успели устареть. В некоторых случаях, помещик не присутствовал при сборе даточных, поскольку уже умер к тому времени. Так, одного даточного человека взяли с Юрия и Степана Потемкиных в Ратчинском стане⁴⁹⁵. Совместное владение поместьями предполагает, что речь идёт о братьях. И действительно, по десятне 1605/06 года и по родословным росписям мы знаем братьев

⁴⁹¹ Александров С. В. Смоленская осада 1609-1611. С. 280-293.

⁴⁹² Там же. С. 273.

⁴⁹³ Памятники обороны Смоленска. С. 228.

⁴⁹⁴ Там же. С. 227.

⁴⁹⁵ Там же. С. 230.

Ю.Ф. и С.Ф. Потёмкиных. Юрий хорошо известен и даже упомянут в Никоновской летописи, как единственный уцелевший после обороны Смоленска дворянин. Впоследствии он принял присягу Владиславу и отъехал в Литву. Его младший брат Степан, как свидетельствует родословная роспись «убит на государеве службе под Тулою, благоверная памяти при государе, царе и великом князе Василие Ивановиче Московском и всея России самодержце»⁴⁹⁶. Степан погиб в 1607 году, за два года до сбора даточных людей, но его с братом поместье продолжало числиться в совместном владении.

Взяли даточного человека и с Александра Языкова⁴⁹⁷. Под этим именем известен отец смолян Михаила, Саввы и Фёдора Языковых. Про него в родословии Языковых сказано: «В царство великого государя царя и великого князя Иоанна Васильевича всеа России Александр Дмитриевич взят был в полон на бою, и замучен в полону в Крыме»⁴⁹⁸. Все 6 смоленских Языковых были выборными с окладами 550-500 четвертей. Возможно, их высокое положение было наградой за нелегкую участь их родового старейшины. Следует отметить, что сведения о судьбе А.Д. Языкова несколько противоречивы. Его имя упомянуто среди дворян, которые командовали строительством смоленской крепостной стены в 1597 году⁴⁹⁹. В любом случае, в десятню 1605/06 года он уже не входил, а его сын Михаил получил один из самых высоких поместных окладов. Значит, к тому времени Александр Языков уже не стоял в служилом городе. Возможно, о его судьбе можно будет узнать больше после публикации посольских документах о сношениях России с Крымом в XVI веке.

Сопоставление с десятней и со списком дворян-участников обороны можно было бы продолжить и другими примерами. С.В. Александров справедливо отмечал, что список смолян-участников обороны и роспись сбора даточных почти не пересекаются по фамилиям⁵⁰⁰. Только в отдельных случаях помещики одновременно участвовали в обороне сами и выставляли даточных (например, сосед Дедевшина по Мушковской волости Воин Дивов)⁵⁰¹.

Также очевидно, что сами землевладельцы не должны были присутствовать при сборе даточных осадных людей со своих поместий. Эта обязанность целиком лежала на дворянах-сборщиках и на крестьянских общинах. Землевладельцы лишь отдавали часть своего дохода от поместий на их снаряжение. Мнение Александрова, что даточных собирали только с тех детей боярских, кто летом 1609 года оставался в Смоленске не

⁴⁹⁶ Роспись роду Потемкиных //РГАДА. Ф. 286. Герольдмейстерская контора. Оп. 1. Кн. 241. Л. 569об.

⁴⁹⁷ Памятники обороны Смоленска. С. 227.

⁴⁹⁸ Роспись роду Языковых //РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Кн. 259. Л.122

⁴⁹⁹ Смоленская старина. Вып. 1. Ч.1. СПб., 1909. С. 26.

⁵⁰⁰ Александров С. В. Смоленская осада 1609-1611. С. 169.

⁵⁰¹ Памятники обороны Смоленска. С. 227.

находит подтверждения. Однако даточная повинность действительно распространялась не на всех помещиков. Численность смоленского служилого города в 1605/06 году составляла 1229 человек, а сбор даточных охватил только 256 дворян. Из них только 134 человека были записаны в десятню 1605/06 года. Это 10,9 % от всех участников смотра 1605/06 года. Конечно, роспись дошла до нас не полностью (есть сведения о 14 из 24 смоленских волостей и станов)⁵⁰². И всё же даже количество даточных с учтенных волостей представляется небольшим по сравнению с размерами служилого города.

Однако в этой небольшой выборке представлены очень многие заметные смоленские дворяне и дети боярские. Среди них: Воин Дивов – походный голова смолян после повышения Г.М. Полтева; Кузьма Лукьянович Зубов – стрелецкий голова в 1605/06 году; Фёдор Зубов – стрелецкий голова в 1608-10 годах; Воин Корсаков – судья в Смоленске в 1605/06 годах; Иван Петрович Ленин – судья в Смоленске во время обороны 1609-1611 гг.; губной староста Гаврила Потёмкин.

Если мы распределим помещиков из росписи по их окладам в 1605/06 году, то увидим преимущество детей боярских с высокими окладами. Оклады выше 500 четвертей в Смоленске были только у 6 человек. В роспись набора даточных вошли все трое выборных дворян с окладом 600 четвертей (Г.М. Полтев, А.И. Дедевшин, П.И. Чихачев) и один из двух помещиков с окладом 550 четвертей (М.А. Языков). В статьях от 500 четвертей и ниже можно наблюдать прямую зависимость количества помещиков в каждой окладной статье от величины оклада. Чем выше окладная статья, тем больше в ней детей боярских – участников сбора даточных. Самый низкий оклад 150 четвертей только у 4 детей боярских.

Значительное число детей боярских с высокими окладами и руководителей служилого города означает, что даточных людей для смоленской обороны набирали с самых обеспеченных помещиков.

Скорее всего, даточных набирали не с каждых 133 четвертей земли, а с избыточных земель. Практика набора даточных, видимо, повторяла практику набора боевых холопов. Сам дворянин должен был подниматься на службу «конно и оружно» со ста четвертей, а с последующих 133-х четвертей должен был выставить даточных. Чрезвычайный набор пеших людей-пищальников с каждых ста четвертей происходил при Борисе Годунове по указу 3 мая 1601 года⁵⁰³. Его установили для организации службы на засечной черте, но впоследствии не применяли. В Августе 1609 года набор производили по какому-то дополнительному указу, который предусматривал сбор одного даточного

⁵⁰² Карту смоленских волостей и станов см. Мальцев В.П. Борьба за Смоленск в XVI-XVII вв. Вклейка.

⁵⁰³ Разрядная книга 1598-1638. М., 1974. С. 105.

человека со 133 четвертей. При этом, вероятно, учитывали реальные поместные дачи, которые были ниже обозначенных окладов. Поэтому количество даточных людей в большинстве случаев отражает обеспеченность боевой службы детей боярских поместными землями. Однако точных выводов об их земельных наделах сделать невозможно. Известен случай, когда помещик поставил на человека больше, чем «по государеву указу довелось с него взять»⁵⁰⁴. Так что некоторые дворяне могли превысить норму набора. Однако избыточные земли детей боярских – не единственный источник сбора даточных людей для осадного времени. Даточный сбор 1609 года охватил 121 помещика, которые не вошли в десятню 1605/06 года. Вряд ли они недавно заступили на службу, поскольку в той же десятне встречаются сыновья некоторых из них, например Третьяка Довотчикова и Пятого Ракова. Третьяк и Пятой слишком специфические имена, чтобы передаваться в третье поколение. Такое же совпадение имени в росписях набора даточных и частого отчества в десятне у Власа Макшеева, Григория Познякова, Григория Шишкина⁵⁰⁵. В сборе даточных задействовали поместье Фёдора Большого Тимашева, а в десятню записан Фёдор Меньшой. Перечисленные лица обычно выставляют одного даточного, иногда в складчину с другими помещиками. Возможно, осадных пищальников мобилизовали и с небольших поместий отставных служилых людей.

Сложнее вычислить в росписи смолян младшего поколения, т.е. тех, кто ещё не «поспел к службе» в 1605/06 году. Среди них, безусловно, были не только новики, но и недоросли. Прожиточные поместья недорослей и вдов, также как и монастыри, в чрезвычайной ситуации облагались набором конных боевых холопов. 12 июня 1604 года Борис Годунов на два года освободил вдов и недорослей-сирот от такого набора⁵⁰⁶. Однако в Смутное время в Смоленске чрезвычайный призыв возродился. В октябре 1608 года смоленские воеводы должны были по царскому указу отправить на борьбу с тушинцами «смолян, серпьян, брянчан, мещан и голову стрелецкого со стрельцы, и архиепискупных и монастырских служек и со вдов и с недорослей и с посаду даточных людей и всяких ратных людей»⁵⁰⁷. Мобилизация осадных людей для Смоленской обороны точно также затронула церковные земли и вдовьи наделы, следовательно, задействовали и поместья недорослей. Чрезвычайный набор смоленских крестьян для осадного времени затронул избыточные (сверх 100 четей земли) земельные наделы наиболее обеспеченных дворян, а также небольшие прожиточные волостки вдов, недорослей и отставников. Этот набор не

⁵⁰⁴ Памятники обороны Смоленска. С. 173.

⁵⁰⁵ Влас Макшеев был окладчиком Смоленя-новичков в 1596 году. См. Десятня новичков 1596 г. С. 186.

⁵⁰⁶ Законодательные акты русского государства второй половины XVI-первой половины XVII века. Л., 1986. С. 72-73.

⁵⁰⁷ Памятники Обороны Смоленска. С. 5.

затронул те земли, которые обеспечивали боеготовность самих детей боярских. Следовательно, документы о наборе даточных крестьян имеют существенное значение для изучения смоленской дворянской корпорации начала XVII века, однако участие смоленских детей боярских в обороне 1609-11 годов следует изучать по другим источникам.

В «Памятниках обороны Смоленска» опубликовано три списка смоленских дворян⁵⁰⁸. Почти все списки пересекаются между собой по именам, некоторые из них, а возможно и все, неполные. Тем не менее, все списки составлялись, по-видимому, в одно время и предназначались для военных нужд обороны, поскольку в них перечислялись только мужские имена. Первый список начинается с имен дворовых и выборных дворян с окладами 500 четвертей. В нем есть подраздел «Не служилые» и подраздел «новики неверстанные». Все, кто записан во второй и третий подразделы, в десятне 1605/06 года не упоминаются. Следовательно, перед смоленской обороной они считались недорослями, либо только заступили на службу. Третий подраздел следует читать, как «<в> новики неверстанные». В конце списка названы Петрушка Сполохов сын Коптяжин (новик 150 чети), Олешка Петров сын Пешков (город 250 чети), и литвин Андрей Лукьянов, которые явно не принадлежат к подразделу неверстанных новиков и начинают какой-то другой подраздел.

В середине второго списка есть подраздел «Смолняне ж, а в сотне головы у Ивана Безтужева», который следует читать, как «Смолняне ж, а в сотне <у> головы у Ивана Безтужева»⁵⁰⁹. Вероятно, Иван Дмитриевич Бестужев был вторым головой в смоленской обороне, в то время как первым следует считать Воина Дивова. В третьем списке есть подразделы смолян, которые пришли в осаду из Москвы и детей боярских смоленского архиепископа. Помета «в тюрьме» относится к одному из четырех участников заговора Башмакова, либо ко всем одновременно. Характер подразделов показывает, что списки предназначались для учета боевой силы смоленских дворянских сотен. Однако в боевых действиях дворянские сотни не применялись. Основной задачей, которую выполняли смоленские дворяне в годы обороны, заключалось в руководстве стрельцами, даточными крестьянами и посадскими людьми на башнях. Дворянским головой и начальником над смоленскими дворянами следует признать Воина Дивова, который оставался в Смоленске с немногими дворянами и вошел в круг соратников воеводы Шеина. В его родословной биографии можно прочесть:

⁵⁰⁸ Памятники обороны Смоленска. С. 238-239.

⁵⁰⁹ Там же. С. 239.

«А как сидели в Смоленске в осаде, сидел боярин Михайло Борисович Шеин и Воин Дивов с ним же сидел, и Воину Дивову было приказано треть города Смоленска, над дворяны и детьми боярскими и над всеми ратными осадными людьми смотреть»⁵¹⁰.

Третью города Воин Дивов руководил, как глава смоленской дворянской корпорации. Всего же в Смоленске было три дворянских корпорации: смоленская, брянско-серпейская и вяземско-дорогобужская⁵¹¹. Воин Дивов неизменно возглавляет списки смоленских дворян-участников обороны⁵¹². С его имени начинается и список плененных смоленских дворян: 13 июня 1611 года Воин был захвачен поляками (вероятнее всего – в башне вместе с воеводой М.Б. Шеиным) и увезен в плен в Речь Посполитую⁵¹³. Размен пленными произошел только в 1619 году, но некоторые смоляне смогли вернуться в Россию раньше этого срока. И Воин Дивов уже в 1616 году был записан в гарнизон для обороны Москвы. Вместе с Иваном Одадуриным он руководил стрельцами и тяглыми новгородцами на Трубе⁵¹⁴. После Смуты Воин Дивов стал помещиком северного вологодского уезда и там провел остаток дней.

Родословная роспись Бестужевых-Рюминых (сохранилась в деле о присвоении к фамилии приставки «Рюмины») позволяет разобраться в биографии других видных участников смоленской обороны и ближайших соратников Шеина: Василия Феофановича и его племянника Ивана Дмитриевича Бестужевых. Представители этой фамилии во времена смоленской обороны пользовались значительным влиянием в служилом городе. Василий Феофанович Бестужев записан в десятню по отцовскому прозвищу: Василий Меньшого сын Бестужев⁵¹⁵. Идентифицировать его удастся только по родословию, в котором сказано: «У Ивана Матвеева дети: Андрей, Данило Красный, Феофан “Глазастой”. ... У третьего у Иванова сына у Данилова брата меньшого у Феофана Глазуна сын Василей»⁵¹⁶. Следовательно, отец Василия Бестужева был Феофан Глазун, «меньшой» в своем роду. Однако сам Василий Феофанович во времена Смуты остался единственным представителем самого старшего поколения Бестужевых и пользовался уважением за пределами своей семьи. Кроме него только шесть человек получили в 1605/06 году оклады выше 500 четвертей. В документах смоленской обороны он, единственный из дворян, пишется полным отчеством – «Василий Феофанович». В росписи смоленского гарнизона по стенам Василий Феофанович Бестужев показан, как голова у посадских

⁵¹⁰ Из родословной Дивовых. С. 177.

⁵¹¹ Памятники обороны Смоленска. С. 165-166, 238-239, 244-246.

⁵¹² Там же. С. 29, 90-96, 238.

⁵¹³ Сб. РИО. Т. 142. С. 370.

⁵¹⁴ Книги Разрядные по официальным оных спискам. Т. 1. СПб., 1851. С. 203.

⁵¹⁵ Десятня 7114 по Смоленску. С. 364.

⁵¹⁶ Там же. Л. 134.

людей на Молоховских воротах⁵¹⁷. Для истории обороны показательно, что на эти ворота назначали именно В.Ф. Бестужева, выборного дворянина с окладом 550 четвертей. Другие головы на воротах и башнях были дворовыми и городовыми с окладом от 450 до 350 четвертей. Молоховские ворота были оснащены артиллерией лучше, чем другие башни, а по числу вооруженных подъемных посадских людей они уступали только Богословской башне⁵¹⁸. Видимо, эти ворота рассматривались воеводами, как главный въезд в Смоленск и не были прикрыты Днепром, в отличие от противоположных Фроловских. Но поскольку поляки не стремились атаковать хорошо оснащенный орудиями северный участок крепостной стены, то роль Молоховских ворот в истории обороны 1609-11 годов осталась незначительной. Можно отметить предусмотрительность смоленских воевод, которые надежно укрепили самый важный участок. Занимался Василий Феофанович и другими важными поручениями. В июне 1610 года по указу Шеина он раздавал хлебное жалование служилым людям дорогобужанам и их семьям⁵¹⁹. В поручных записях августа 1610 года имя Василия Феофановича Бестужева записано в первой тройке имен вместе с именами дворянских голов – Воина Дивова и его родича Ивана Бестужева⁵²⁰. Если Воин Фаустович Дивов был первым, то Иван Дмитриевич Бестужев был вторым головой у дворян. В списке смоленских дворян есть подзаголовок «Смоляне ж, а в сотне головы у Ивана Бестужего». Этот Иван Бестужев известен, как глава делегации смолян в польском лагере. В середине ноября 1611 года Иван Бестужев «с товарищи» явился в королевский лагерь и присоединился к позиции великих послов Голицына и Филарета, о том, чтобы «в Смоленск польских и литовских людей не пустить ни одного человека»⁵²¹. 28 декабря и 30 января Иван Бестужев вновь являлся в королевский лагерь с повторным челобитьем от дворян⁵²². Наконец 15 марта он передал Голицыну и Филарету условия, на которых в крепость мог войти небольшой отряд поляков⁵²³. Однако эти условия не были приняты поляками, поскольку в них содержалось требование ухода короля Сигизмунда с остальным войском от стен крепости. В истории смоленской обороны И.Д. Бестужева можно считать вторым по значимости после воеводы Шеина, поскольку именно он вел переговоры и передавал полякам отказ смолян от полной капитуляции. Однако его биография не изучена даже предварительно. И родословие Бестужевых и десятины 1605/06

⁵¹⁷ Памятники обороны Смоленска. С. 141

⁵¹⁸ Там же. С. 140, 155.

⁵¹⁹ Там же. С. 93, 95; Медведев П. А. К вопросу о регулировании внутренней жизни в осажденном Смоленске в 1609-1611 гг. Хлебное распределение //Россия от Ивана Грозного до Петра Великого. Сборник трудов посвященных 35-летию научной педагогической деятельности профессора Р.Г. Скрынникова. СПб-Киев, 1993. С. 41-44.

⁵²⁰ Там же. С. 210.

⁵²¹ Сб. РИО. Т. 142. С. 205.

⁵²² Голиков И.И. Дополнения к деяниям Петра Великого. СПб., 1790. Т. 2. С. 191-192.

⁵²³ Сб. РИО. Т. 142. С. 243-251.

года называет двоих И.Д. Бестужевых – родных братьев по прозвищу Большой и Меньшой. Родословие уточняет: «У Дмитрия Данилова сына дети: Иван Большой, да Григорей, да Никита, да Иван Меньшой ‘Волк’». Иван Большой 7117 году был послом к великому Карлусу королю. А свидетельствует о нем в посольском приказе»⁵²⁴. Поскольку старший из братьев ещё в 1608 году отправился послом в Швецию, следовательно, в Смоленске должен был оставаться его младший брат, по прозвищу Волк. Родословие уточняет: «А Иван Меньшой Волк убит на Москве в королевичев приступ в Смоленских воротах бездетен»⁵²⁵. Следовательно, Иван Дмитриевич Бестужев сумел избежать гибели в Смоленске, но в 1618 году всё же сложил голову в войне с поляками. В списке пленных смоленских дворян (март 1613 года) нет ни Василия, ни Ивана Бестужевых (есть только дочь последнего, Василиса). Относительно второго можно предположить, что он был в свите Шеина и сдался в плен, но, как и некоторые другие смоляне (в частности, князь Горчаков), сумел вернуться в Россию ещё до составления общего списка пленных смолян.

Смоленскими стрельцами в 1609-11 году командовал другой выборный дворянин, Василий Григорьевич Чихачев. Стрельцы его приказа упоминаются в различных документах, в том числе в четырех поручных записях по стрельцам-новобранцам. В этих записях за ноябрь 1610 года читаем: «...все мы, поручики, стрельцы Василева приказа Григорьявича Чихачева, поручилися есми государеву *цареву и великого князя Василия Ивановича всия Руси* сыну боярскому сотнику стрелецкому Осипу Миткову, по новоприборном стрельце того же приказу»⁵²⁶ (курсив наш – А.М.). То есть, смоляне продолжали сохранять верность свергнутому царю Василию, только бы не целовать крест польскому королевичу Владиславу или Лжедмитрию II.

В декабре 1610 формуляр поручной записи изменяется: «...поручилися есми все мы, стрельцы Василева приказу Григорьявича Чихачева, *московского государства боярам и всей землисыну* боярскому сотнику стрелецкому Осипу Миткову, того ж приказу по новоприборных стрельцах ...»⁵²⁷ (курсив наш – А.М.). Эта формулировка означала, что смоляне признают власть думных бояр, если те опираются на земский собор. В результате смоляне до самого конца даже для вида не целовали крест никому из незаконных претендентов на русский престол и подчинялись только общерусскому земскому делу. О самом стрелецком голове Чихачеве известно немного. Он исполнял свое дело руководства стрелецкими караулами на стенах крепости, а 3 (13) июня 1611 года проявил себя достойно, бился не щадя живота своего и попал в плен с тяжелыми

⁵²⁴ Дело о челобитной Бестужевых //РГАДА. Ф. 286. Герольдмейстерская контора. Оп. 2. Кн. 1. Л. 138.

⁵²⁵ Там же.

⁵²⁶ Памятники обороны Смоленска. С. 138.

⁵²⁷ Там же. С. 136.

ранениями. В Россию он вернулся только в 1619 году вместе с Филаретом, Шеиным и другими русскими пленниками. Ему дали поместье вместе с другими смоленскими дворянами в касимовском уезде. Сотни, как и приказы в Смоленске были именными, то есть, назывались по именам начальников. Удалось учесть минимум четыре сотни приказа Василия Григорьевича Чихачева.

С 1-й сотни – «безымянная» начинается мартовская роспись хлебных запасов, но поскольку её начало не сохранилось, то имя сотника нам неизвестно. Эту сотню нельзя отождествить ни с одним из доподлинно известных сотников чихачевского приказа. Всего в хлебной росписи перечислен 71 стрелец из этой сотни, с указанием семьи, «стояльщиков» с семьями и хлебных запасов. «Безымянную» сотню описали в первый день составления хлебной росписи, вероятно, 21 марта. Следующий подзаголовок уже имеет дату: «118 году марта в 22 день роспись стрельцам Семовой сотни Соколовой»⁵²⁸.

Далее в мартовской росписи следует сотня Семого Соколова. Семой Истомин сын Соколов уже в списке десяти 1605/06 года показан среди двенадцати сотников на последнем месте. Тогда он был городовым сыном боярским с окладом 350 четвертей. Остальные 11 сотников, дворовых и городовых, имели оклады от 400 до 500 четвертей⁵²⁹. В мае 1609 года Соколов прибыл на заставу Жидовинова и отправил донесение о численности своего отряда. Из этого донесения видно, что стрелецкая сотня в Смоленске накануне обороны была достаточно хорошо укомплектована. Семой Соколов докладывал смоленским воеводам Шеину и Горчакову: «А стрельцов, государь, со мною, пришло в Порецкую волость 96 человек, а подвод под ними 94 подводы, а 3 человека стрельцов не бывало, да стрелец ехал из Смоленска на своей лошади, да стрелец в тюрьме»⁵³⁰. Далее Соколов перечисляет имена нетчиков: Гришка Ростовец, Левка Дорогобужанин, Васька Медведев - и добавляет: «А на своей лошади ехал стрелец Тишка Полуянов сын Сухой, а подводы он в Смоленске не взял, да в тюрьме стрелец Максимка Ляпин, да стрельца в сотне нет»⁵³¹. В росписи от 22 марта 1610 года упомянуты Левка Дорогобужанин, Васька Медведев (двое из трех нетчиков на заставе) и Тишка (Тимошка) Полуянович Сухой, который прибыл на своей лошади, а не на подводе. Сотня Соколова единственная, которая сохранилась в росписи от начала и до конца, однако в ней также перечислен 71 стрелец – столько же, сколько в предыдущей сотне⁵³².

⁵²⁸ Памятники обороны Смоленска. С. 189.

⁵²⁹ Десятня 7114 года по Смоленску. С. 390-391.

⁵³⁰ Там же. С. 18

⁵³¹ Там же. В своем донесении Соколов сначала не учел, что у него под началом только 99 воинов. Это дополнительно подтверждает, что общая численность стрельцов была стабильной.

⁵³² Памятники обороны Смоленска. С. 193.

Третья сотня – «сотня Константина Щелина – Осипа Митькова». Эта сотня чаще всего упоминается в смоленских документах 1609-11 годов. В 1605/06 году Костя Нечаев сын Щелин был городской сын боярский с окладом 300 четвертей⁵³³. Он принадлежал к «детям боярским верстаня 113 году», т.е. только за год до составления десяти стал новиком. Поэтому, да еще по уменьшительному имени можно заключить, что он был достаточно молод. Впервые сотник Константин Щелин упоминается в июле 1609 года на заставе Ивана Жидовинова. Он сменил на этом посту Семого Соколова, но уже 22 июля Шеин потребовал, чтобы он со стрельцами воротился в Смоленск⁵³⁴, а на заставу было велено набирать крестьян из окрестных деревень. В хлебной росписи от 22 марта перечислено всего 59 стрельцов «Константиновой сотни Щелина». Ко второму году тяжелого осадного времени сотню Константина Щелина возглавил Осип Митьков из дорогобужских детей боярских⁵³⁵. Сам Щелин к ноябрю 1609 года умер или погиб в бою и в документах последнего времени обороны не упоминается. О том, что Осип Митьков заменил Константина Щелина можно судить, если сравнить мартовскую роспись хлебных запасов и более поздние поручные записи по смоленским стрельцам. Первая из этих поручных записей составлена 4 ноября 1610 года; в ней стрельцы ручаются цареву и великого князя Василия Ивановича всея Руси сыну боярскому сотнику стрелецкому Осипу Миткову, по новоприбранном стрельце...»⁵³⁶. Во второй – от ноября 1610 года, но без точной даты – стрельцы ручаются по новобранцам просто сотнику, без указания на государя. Наконец, в записи от 16 января 1611 года «поручилися есми все мы, стрельцы Василева приказу Чихачева, московского государства боярам и всей земли сыну боярскому сотнику стрялецкому Осипу Миткову того ж приказу, по новоприбранных стрельцах ...»⁵³⁷.

В этих поручных записях можно обнаружить уже знакомые имена стрельцов Константина Щелина, в том же порядке, как в мартовской росписи хлебных запасов. Сходство и общий порядок имен в обеих сотнях свидетельствуют, что они оба относятся к одной сотне. Таким образом, о составе трех сотен можно судить по мартовской хлебной росписи, а также по поручным записям. Оповещение имен стрельцов представлено в таблице 7.

⁵³³ Десятня 7114 года по Смоленску. С. 379.

⁵³⁴ Памятники обороны Смоленска. С. 20, 23.

⁵³⁵ Там же. С. 214

⁵³⁶ Там же. С. 138.

⁵³⁷ Там же. С. 136.

Таблица 7. Сопоставление перечней смоленских стрельцов из документов Смоленской обороны 1609—1611 годов*

Фрагменты из росписи хлебных запасов смоленских стрельцов от 2 марта 1610 года. Сотня Константина Щелина.	Поручные записи по смоленским стрельцам-новобранцам от ноября 1610 и января 1611 года. Сотня Осипа Митькова.
<p>У стрельца Сенки Ляпуна(...), у стрельца о Ондрюшки пирожника (...), у стрельца Родки Словинского(...), у стрельца Яньки Холмитина(...), у стрельца у Томилки Можайтина(...), у стрельца у Андрюшки Лучянинова(...), у стрельца у Меншика Весялова(...), у стрельца Сеньки Пронина(...),</p>	<p>да яз Семен Говрилов сын Ляпун, да яз Ондрюша Офонасяв сын пирожник, да яз Родя Василяв сын Словенской, да яз Кондраш Осипов сын Колесник, да яз Якуш Иванов сын Холмитин, да яз Ондрюша Ондrejaв сын Лучянин, да яз Меньшой Трофимов сын Вясялой, (4 ноября 1610 года).</p>
<p>У стрельца Конахи Домрачевева(...), у стрельца Васьки Вязметина(...), у стрельца Савки За. (...), у стрельца Агафошки Воинка(...), у стрельца Минки Меркушева(...), у стрельца Кузьки Злобнина(...), у стрельца Меркушки Дмитриева(...), у стрельца Милейки Понырина(...), у стрельца Федьки Вороны(...),</p>	<p>Да яз Кохна Григорьев сын Домрачевево, да яз Василий Фатянов сын Вязметин, да яз Савка Тимофеев сын Ребиков, да яз Агафон Филиппов сын Воинка, да яз Михайло Филиппов сын Меркушин, да яз Кузьма Андреев сын Злобнин, да яз Иван Онаньин сын Вязметин, да яз Федор Михайлов сын Ворона, да яз Олеша Савин сын Малахов, да яз Ондрюша Григорьяв сын Сахаров, (16 января 1610 года)</p>
<p>У стрельца у Лазури(...), у стрельца у Юрки Первушина(...), у стрельца у Гриши Повароченного(...), у стрельца у Андронки Повароченного(...), у стрельца Фомки Извошикова(...), у стрельца Колинки Гнидина (...), у стрельца Якимки Гречихина, у стрельца Илейки Словенского (...), у стрельца у Пашки Дняпровца(...),</p>	<p>Се яз, Лозуря Стефанов сын Гончар, да яз, Иван Лозурин сын Гончар, да яз, Гриша Иванов сын Повароченок, да яз, Торас Филиппов сын Меркушев, да яз, Микита Офанасьев сын Дрищов, да яз, Фома Оврамов сын Извошиков, да яз, Юрии Филиппов сын Первушин, да яз, Овдоким Григорьев сын Сапожник, да яз Яким Иванов сын Гречихин, да яз, Илья Ондронов сын Словинский, (4 ноября 1610 года).</p>

* В левом столбце сведения о семье и хлебных запасах заменены пропусками. В правом столбце в каждой колонке указывается дата составления поручной записи.

Источник: Памятники Обороны Смоленска 1609-1611 гг. Под ред. Ю.В. Готье. М., 1912.

Четвертая сотня – сотня Стефана Шатихина. В десятне 1605/06 года Степан Климентьев сын Шатихин записан как городской сын боярский с поместным окладом в

350 четвертей⁵³⁸. Его сотня известна нам из поручной записи от 16 января 1611 года. В этом документе 47 стрельцов «Васильева приказа Чихачева» ручаются за новобранцев «бояр московских и всей земли сотнику стрелецкому Стефану Шатохину»⁵³⁹. Эту поручную запись составил подьячий и стрелецкий пятидесятник Семен Игумнов, который упомянут и в некоторых других судебных делах⁵⁴⁰. Сопоставление поручной записи по шатихинским новобранцам с мартовской росписью не выявляет ни одного случая сходства имен. А поскольку в случае с приказом Щелина-Митькова такое сходство есть во всех трех поручных записях, следует несомненный вывод: Шатихин не руководил безымянным приказом и не сменил в должности Семого Соколова. Вероятно, его сотня была переписана в недошедшем отрывке росписи хлебных запасов (в начале или в самом конце). В итоге мы имеем данные о четырех самостоятельных сотни, которые доподлинно входили в приказ В.Г. Чихачева. Но кроме них в Смоленске были и другие сотни. Одна из них входила в приказ Федора Михайловича Зубова, большая часть которого участвовала в походе Скопина Шуйского.

Известна сотня Фёдора Ивановича Лихарев, который был дворовый дворянин с поместным окладом 400 четвертей⁵⁴¹. Он сам и стрельцы его сотни упоминаются в нескольких делах воеводского Разряда за 1609-11 годы⁵⁴². В феврале 1610 года дворянская жена Марьица Самарина обвинила своего дворника, стрельца Лихаревской сотни Максимку Антипина в краже вещей из повалуши. Поскольку во время кражи Максимка был в карауле на стене, на допрос были вызваны его сослуживцы: двое пятидесятников и четверо десятников «Федорова приказу Зубова, Федоровой сотни Лихарева»⁵⁴³. Конец этого любопытного дела не сохранился. На допросе стрельцы показывали, что Максимка с ними служит четыре года «а в слободе с ними не жывал, а жывал все в дворниках у дворян и у детей боярских». Следовательно, неполнота мартовской росписи объясняется тем, что в ней перечислены только слободские стрельцы. Из того же дела выясняется, что сотня Федора Лихарева относилось к приказу Ф.М. Зубова, который в это время был в походе Скопина–Шуйского.

Во время смоленской обороны Смоленска 1609-11 года Ф.И. Лихарев командовал своей сотней самостоятельно и не подчинялся стрелецкому голове В.Г. Чихачеву. По этой причине некоторых документах сотню Лихарева ошибочно называют «приказом». В документе от 15 февраля перечислены стрельцы и посадские, которых застали за игрой в

⁵³⁸ Десятня 7114 года по Смоленску. С. 375.

⁵³⁹ Памятники обороны Смоленска. С. 134-136.

⁵⁴⁰ Там же. С. 54-55. 121.

⁵⁴¹ Десятня 7114 года по Смоленску. С. 369.

⁵⁴² Памятники обороны Смоленска. С. 48, 68-69, 84.

⁵⁴³ Там же. С. 68.

зернь (такая забава не одобрялась на Руси и была запрещена в осажденном Смоленске). В этом документе упомянуты стрельцы «Васильева приказу» (Чихачева – А.М.), а также трижды упомянуты стрельцы Федора Лихарев, причем один раз сказано просто – «Федора Лихарева», другой раз – «Федоровой сотни Лихарева», в третий – «Федорова приказу Лихарева»⁵⁴⁴. В росписи хлебных запасов от 24 марта 1610 года (на этот раз переписывали дворы детей боярских) упомянут дворник Сава Михайлов – стрелец «Федорова приказу Лихарева»⁵⁴⁵. Подобная ошибка связана еще и с тем, что действительный руководитель приказа Зубов и его сотник были тезками.

Имеются сведения и о сотне Афанасия Деденева. В десятне 1605/06 года этот сын боярский не встречается. Как стрелецкий сотник он впервые упомянут в документе от 14 октября 1610 года. В этот день: «принес к Разряду стрелец Федорова приказу Зубова Афанасьевой роты Деденева Клишко Гречихин седло ветчано софьяное старое бухарское»⁵⁴⁶. Термин «рота» в русском войске в то время не использовался. В данном случае его употребление опять-таки связано с особым, независимым положением отряда Деденева по сравнению с сотнями из приказа Чихачева. Во всех остальных источниках эта рота называется сотней. 5 ноября стрелец Иван Шило из сотни Афанасия Деденева вернулся в Смоленск из литовского плена⁵⁴⁷. 7 декабря стрельцы Деденева арестовали В.Ф. Зубова при попытке побега со стены⁵⁴⁸. Следует отметить, что сотни Федора Лихарева и Афанасия Деденева упоминаются в разное время обороны. До лета 1610 года упоминается только сотник Федор Лихарев, после лета 1610 года – только Афанасий Деденев. Скорее всего, это была одна сотня, руководство которой сменилось где-то в начале осени 1610 года, точно так же, как это было в случае с сотней Митькова-Щелина.

Необходимо учесть еще двух сотников, которых затруднительно отнести к какому-либо приказу: Ивана Быкова и Василия Коробанова. Оба этих сотника были вязмичи, а значит, они могли руководить иногородними стрелецкими отрядами. Но Быков и Коробанов упомянуты в составе Якушкинского отряда, следовательно, они вряд ли командовали вяземскими стрельцами. К тому же иногородние стрельцы среди участников обороны не упоминаются. Гораздо более вероятно, что Быков и Коробанов руководили сотнями в приказе В.Г. Чихачева. Наконец, их сотни могли быть тождественны каким-то другим из вышеперечисленных сотен.

⁵⁴⁴ Там же. С. 72.

⁵⁴⁵ Там же. С. 197.

⁵⁴⁶ Там же. С. 104.

⁵⁴⁷ Там же. С. 108.

⁵⁴⁸ Там же. С. 119-120.

В Смоленске было двое детей боярских с именем Иван Быков – Иван Борисович и Иван Михайлович⁵⁴⁹. Один из них был головой у посадских людей на первой баше после Молоховских ворот⁵⁵⁰. Другой, стрелецкий сотник, впервые встречается в документе от 31 января 1610 года. В этот день он арестовал посадских людей Василия и Григория Кожевниковых за распитие «безъявочного вина»⁵⁵¹. В Смоленске в годы осады хранение вина было строго регламентировано. Однако в конце осады и сам Быков оказался повинен в таком же преступлении. 25 ноября 1610 года «боярину и воеводам сказывал стрелец Ивановой сотни Быкова Тишка Лошаков, не ходят-деи в город ночевать пятидесятник Игнат Гнездин, да десятник Медведь, а сотник-деи, Иван Быков их не спрашивает, да и сам-деи Иван Быков на ночь иногда не ходит». Стрелец добавил, что «десятник-деи Медведь не бывал в городе, пять ночей пьет дома, да и ныне у него пьет же и Иван Быков у него и топерь пьет». Пятидесятник Гнездин и десятник Медведь были арестованы пьяными. По приказу смоленских воевод «сотник стрелецкий Иван Быков, пятидесятник и десятник биты батоги»⁵⁵². В этом деле любопытно сходство имен десятника Медведя и рядового стрельца Тишки Лошакова с именами стрельцов Семого Соколова из мартовской росписи: Ивашкой Медведкой и Тимошкой Лашковым⁵⁵³. Не исключено, что Быков сменил Соколова на посту стрелецкого сотника. Правда, сотник Быков упомянут и в январе и в ноябре 1610 года, а сотник Семей Соколов назван в росписи в марте того же года. Следовательно, Иван Быков сперва командовал другой сотней, возможно той, которая числится в росписи хлебной раздачи, как безымянная. Но затем он был назначен на место Соколова, возможно, из-за его смерти или гибели в обороне. В тот же самый день 25 ноября было еще одно происшествие: «боярину и воеводам сказал сотник стрелецкой Василий Коробанов, скинулся з городу ево сотни стрелец Тимошка Велижанин, прозвище Толкун, и как-деи он скинулся, ногу изломал и лег у города и его взяли в город». Обычно воеводы сурово обходились с беглецами, тем более служилыми людьми, однако на этот раз «тот стрелец отпущен ко двору, покаместа обможетца»⁵⁵⁴. В качестве сотника Василий Коробанов упомянут единственный раз, до этого он встречается только в списках детей боярских вязмичей⁵⁵⁵. Стрелец Тимошка Велижанин-Толкун также не встречается в каких-либо стрелецких списках. Василий Коробанов мог в 1610 году возглавлять безымянную стрелецкую сотню из росписи хлебных запасов. Также

⁵⁴⁹ Там же. С. 214, 222, 224.

⁵⁵⁰ Там же. С. 78, 141, 155.

⁵⁵¹ Там же. С. 66.

⁵⁵² Там же. С. 116.

⁵⁵³ Там же. С. 191, 193.

⁵⁵⁴ Там же. С. 117.

⁵⁵⁵ Там же. С. 214, 223, 224.

возможно, что он действительно возглавлял отдельную сотню, которая нигде больше не упоминается. Стрелецкими сотниками в Смоленске обычно назначали молодых детей боярских из «средних отечеством» и младших служилых родов. Некоторые из них, как Семейка Соколов, могли задержаться на службе надолго, других быстро заменяли. А в последний период обороны на это должность стали назначать детей боярских из вяземского и дорогобужского служилых городов: Быков, Коробанов, Митьков. Все трое упоминаются в росписях хлебной раздачи вязмичам и дорогобужанам и в списке отряда Якушкина в Дорогобуже. Возможно, смоленские воеводы стремились в первую очередь предоставить «хлебные» должности для годных к управлению войском иногородних дворян, которые были гораздо хуже смолян обеспечены продовольствием в крепости. Других сотников в документах смоленской обороны 1609-11 года обнаружить не удалось. В результате у нас есть сведения о восьми стрелецких сотнях, некоторые из которых тождественны друг другу, так что можно с уверенностью говорить только о 500 стрельцах в смоленской обороне – четыре сотни приказа В.Г. Чихачева и одна сотня приказа Ф.М. Зубова. К этому числу следует с большой осторожностью присовокуплять сотни Деденева, Быкова и Коробанова (в особенности первую). Поскольку большинство имен сотников встречается в документах регулярно или взаимно заменяют друг друга, то весьма сомнительно, чтобы количество стрельцов превосходило 700 человек.

На должности сотских у даточных людей также зачастую назначали отставных стрелецких сотников. Артемий Кошелев, который был сотником у стрельцов и в 1598 и в 1605/06 годах во время Смоленской обороны руководил сотней «боярских людей». Эта сотня была составлена из холопов, и в её задачу входило несение караулов у ворот⁵⁵⁶.

В числе ближайших соратников воеводы Шеина неожиданно оказался Иван Игнатьевич Зубов. С его именем связаны попытки польского руководства обвинить Шеина в измене в пользу Лжедмитрия II. 21 ноября 1610 года Лев Сапега прислал послам Голицыну и Филарету грамоту, в которой говорил, что Шеин хочет сдать крепость тушинскому вору: «А те люди, которые к нам из Смоленска бегут, говорят, будто бы в городе Смоленске между людьми великое нестроение, и множество таких, которые вору калужскому радеют и умирать за него хотят. И сам Михайло Борисович Шеин будто бы Ивана Зубова, который до прихода нашего под Смоленск от вора в Смоленск был послан и до тех пор за это в тюрьме сидел, (и Шеин) его из тюрьмы выпустил и к вору послал»⁵⁵⁷.

Действительно, уже в августе 1610 года Иван Игнатьевич Зубов жил в осажденном Смоленске на свободе. Его имя появляется в поручной записи по заговорщикам, которые

⁵⁵⁶ Памятники обороны Смоленска. С. 62, 125.

⁵⁵⁷ Сборник РИО. Т. 142. С. 193.

замыслили сдать крепость полякам⁵⁵⁸. Если его освобождение может быть связано с тем, что в крепости скрывалась от нашествия его семья (жена и дети Зубова упомянуты в Оладынском списке пленных смолян), то его отсылка из крепости с каким-то поручением представляет собой совсем неординарное событие. Вряд ли такое событие могло быть полностью вымышлено перебежчиками. Интересно, что уже в декабре 1610 года Зубов возвращается в Смоленск. Вероятно, М.Б. Шеин решил использовать бывшего смутьяна, чтобы организовать военную помощь осажденному Смоленску. Известно, что весной 1611 года поход для освобождения Смоленска организовывали две силы: сами смоленские дворяне, которые покинули лагерь Сигизмунда, и бывшие сторонники самозванца с юга России. Вот что говорит об этом исследователь Б.Н. Флоря: «Конкретные сведения об организации такой помощи должны были принести гонцы из Брянска во главе с Федором Вяземским. По пути они подверглись нападению, грамоты от В.П. Шереметева были утрачены, но один из гонцов, сын боярский Владимир Конурин, сумел добраться до Смоленска и устно передать их содержание. Он сообщил, что на помощь Смоленску идет рать во главе с кн. Федором Барятинским а вместе с ним «Юшка Беззубцев из Путивля». Если учесть, что кн. Ф.П. Барятинский в 1610 г. был воеводой Лжедмитрия II в Новгороде-Северском, а Ю. Беззубцев был известным предводителем служилых людей Путивля уже в 1605-1606 гг., то ясно, что в походе на Смоленск должны были принять участие дети боярские из Северских городов. Очевидно, намечалась крупная военная акция, в подготовке которой, судя по всему, принимало участие правительство Первого ополчения»⁵⁵⁹. Но не исключено, что Шеин и его окружение уже осенью 1610 года искали союзников в борьбе с осаждавшими Смоленск поляками. Поскольку рассчитывать на помощь Московского правительства они не могли, то Шеин, возможно, пытался использовать Зубова, чтобы наладить связи с русским окружением тушинского вора. Безусловно, такая миссия могла быть только тайной, в первую очередь от самого самозванца, иначе поляки использовали бы её, чтобы посеять недоверие к Шеину. Следует напомнить, что внутри смоленской крепости никогда не присягали ни Лжедмитрию, ни королевичу Владиславу. В формулярах грамот на месте государева имени до ноября 1610 года стояло имя царя Василия, а после – «Московского государства бояре и вся земля»⁵⁶⁰. Смоленск становился одним из первых центров земского, патриотического сопротивления. К сожалению, нет прямых подтверждений тому, что Зубов организовывал тайные связи между Шеином и окружением Самозванца для

⁵⁵⁸ Памятники обороны Смоленска. С. 92-93.

⁵⁵⁹ Флоря Б.Н. Польско-литовская интервенция в России и русское общество в начале XVII века. С. 357-358.

⁵⁶⁰ Памятники обороны Смоленска. С. 136-138.

совместной борьбы с королевским лагерем. Это всего лишь одно из возможных объяснений приведенных фактов. В июне 1610 года Шеина допрашивали о его связях с тушинским вором. Шеин пересказал историю Зубова, но завершил рассказ на том, как тушинского думного дворянина вместо воеводства посадили в тюрьму. Несомненно, главной целью допроса был поиск «заговора» против «царя Владислава» в осажденном Смоленске, но Шеин сумел отречься ото всех обвинений. В итоге дальнейшая судьба Ивана Зубова до последнего времени не привлекала внимания исследователей. Этот авантюрист вместе со всей семьей попал в плен, и назван смолянами в Оладынском списке в качестве брянского дворянина. Вернуться в Россию он смог только во время похода Владислава на Москву в 1618 году, когда его использовали для передачи грамот от радных панов к боярам и жителям Москвы. В описях царского архива упоминается грамота москвичам от радных панов и от князя Липского, Луцкого епископа. Её доставил в Москву Иван Зубов 11 ноября 1617 года. С ним же эта грамота была отправлена в Разряд⁵⁶¹. Роль посланника была легальной возможностью вернуться на Родину, и Зубов этой возможностью воспользовался, после чего оставался на российской службе вплоть до смотра 1622 года.

При изучении событий обороны 1609-11 годов нужно учитывать, что главный вклад в оборону крепости внесли горожане – посадские люди, которые составляли большинство гарнизона. В источниках достаточно указаний на то, что именно посадские люди, а не стрельцы и дворяне составляли основу войска. Участник осады ксендз Якуб Задзик в письме от 3.VII.1610, сообщал со слов пленника: «стрельцов нет и 500, бояр 200, посадских людей, которые *ostinatissimi* - 2000, черни до 1000, но та постоянно умирает. Чернецов и попов до 300»⁵⁶². Эти данные приводит и королевский дневник похода на Москву (который в итоге стал дневником осады Смоленска)⁵⁶³. Термин *ostinatissimi* можно перевести как - "самые упорные" в своем сопротивлении польско-литовскому войску. О посадских людях, как о главной силе обороны, упоминают и русские источники. Автор "Повести о победах Московского государства" обычно прославляет смоленских дворян, т.е. профессиональных воинов, к которым он и сам принадлежал. Однако защитников Смоленска времен обороны он называет "осадными людьми", а потом и "гражданами"⁵⁶⁴ - этим редким на Руси термином обозначали горожан, то есть посадских людей.

⁵⁶¹ Сборник РИО. Т. 142. С. 8, 28.

⁵⁶² Письма Я Задзика Л. Гембицкому //Эйльбарт Н.В. Смутное время в польских документах государственного архива Швеции. Новосибирск, 2013. С. 249.

⁵⁶³ Дневник похода на Москву короля Сигизмунда III. С. 613-614.

⁵⁶⁴ Повесть о победах Московского государства. С. 16, 26-27.

Однако в деле организации обороны М.Б. Шеин всегда мог найти сторонников из числа смоленских дворян, как старшего, так и среднего и младшего звена. Позицию Смоленского дворянства лучше всего выражено в челобитной, которую по версии И.И. Голикова на основе утраченного впоследствии "манускрипта" передал польским послам И.Д. Бестужев: «Бъём мы челом королю о том, что все люди Московского государства приговорили и излюбили, а нас бы королевское величество тем же пожаловал, а с Москвой розниться не хотим»⁵⁶⁵. Нежелание «быть в розни» отстаивали смоляне в крепости, а весной 1611 к формирующемуся земскому ополчению присоединяются дворяне смоленского уезда из отряда Скопина-Шуйского.

Отдельный вопрос изучения представляют смоленские дворяне – сторонники королевича Владислава в 1610 году. Если на службу тушинцам перешло совсем немного смолян, то иначе дело обстояло с другим претендентом на престол – королевичем Владиславом. В отряде Г.Л. Валуева, который капитулировал перед Станиславом Жолкевским в остроге под Можайском, было 220 смолян, подписавших договор с гетманом⁵⁶⁶. Их лидером Лаврентий Андреевич Корсаков, по прозвищу Нехороший (Двор, 500 четвертей). Он принадлежал к младшей ветви Корсаковых, но к старшему поколению: по родословцам он приходился дядей Воину Лукьяновичу и Ивану Степановичу Корсаковым⁵⁶⁷. Смоляне из этой партии, вместе с остальными сидельцами острожка поддержали тушинский проект призвания Владислава на царство, но внесли поправку о сохранении православия и о нерушимости принципа службы «по отечеству». Именно этот проект был впоследствии признан на земском соборе 21 августа 1610 года. Возможно, к этой партии примкнул и стрелецкий отряд во главе с Ф.М. Зубовым. Другая часть смолян стала переходить к гетману Жолкевскому из Москвы после свершения царя Василия. В их числе был Иван Иванович Дивов (Двор, 500 четвертей), стрелецкий голова, который бил челом Жолкевскому, чтобы тот взял царя Василия под свое покровительство⁵⁶⁸. В этой ситуации московский совет, в котором кроме «семибоярщины» сильны были позиции патриарха и земского собора, находит опору среди некоторых представителей смоленского дворянства. В Великом посольстве 1610 года смоленский служилый город был представлен новыми родами: Андреем и Иваном Уваровыми в дворянской свите и стрелецким головой Иваном Оболешевым (все трое – дворовые с окладом 500 четей). Однако их служба земскому делу в составе Великого посольства была не характерна для

⁵⁶⁵ Голиков И.И. Дополнения к деяниям Петра Великого. Т. 2. С. 191-192.

⁵⁶⁶ Челобитная смоленских дворян королю Сигизмунду с просьбой отпустить королевича Владислава на Российский престол // AGAD. Dz 2. Archiwum Radziwiłłów. Suppl. 250.

⁵⁶⁷ Родословие дворян Корсаковых. С. 17-18.

⁵⁶⁸ Письма Я. Гридича Л. Сапеге о походе гетмана Жолкевского к Москве // Эйльбарт Н.В. Смутное время в польских документах государственного архива Швеции. С. 339-340.

смолян, большинство которых рассматривало польского королевича Владислава как состоявшегося кандидата на русский престол. Переход смолян на сторону Владислава во многом объясняет смоленское дело об измене. Дело это произошло в самый сложный период обороны Смоленска в июле-августе 1610 года. В это время уже было известно о низложении царя Василия. Москва в любой момент могла оказаться в руках тушинцев или поляков Жолкевского. Поляки и смоляне из отряда Елецкого-Валуева оказывали сильное давление на защитников крепости, уговаривая их сдаться. После этих событий у смолян не было ясности, какому государю они теперь служат. В то же время без совета с Москвой капитуляция казалась смоленским жителям и воеводам преждевременной. По свидетельству ксендза Задзика, попытки Лаврентия Корсакова и других смолян из валуевского гарнизона переговорить со смолянами в крепости и убедить их сдаться, окончились неудачей: «Осажденные упрекали в глаза изменой государю и бегством; говорили только с одним, который им поведал о проигранной битве Дмитрия Шуйского и о сдаче Городка (острога Елецкого и Валуева – А.М.). Однако они не дали говорить с собой о сдаче, сказав, что готовы умереть за веру и за крестное целование Шуйскому»⁵⁶⁹.

Видимо на многих смоленских дворян в крепости оказал влияние переход их сородичей в отряд Жолкевского. В ночь на 28 июня (8-е августа н.ст.) из крепости в королевский лагерь перебежали двое детей боярских. Как впоследствии выяснилось, это были князь Василий Морткин (дворовый, 400 чети, бывший архиепископский сын боярский) и Михаил Сушов (городовой, 400 чети, верстан в 1604 году). Они передали королю следующую информацию: «Многие бояре и многие из простого народа сильно желают сдаться королю; одни лишь купцы не хотят этого и хлопочут, чтоб осаждённые не разъединялись, поэтому те не осмеливаются гласно заявить своего желания. Они ожидают, когда с другой стороны будут устроены шанцы и сделан будет пролом, тогда желающие сдаться смелее восстанут против упорных. Говорят они также, что несколько десятков боярских детей знали об их намерении бежать из крепости и сами хотят бежать»⁵⁷⁰. В этом донесении, как и во всех показаниях перебежчиков много вымысла и преувеличений. Изменники пытались убедить польских военачальников, что чуть ли не все осаждённые желают сдаться, но по каким-то причинам боятся заявить свою позицию. Сильно преувеличили они число своих сообщников – «несколько десятков детей боярских». Уже после взятия Смоленска документы об этом заговоре были уничтожены. Сами изменники не были расположены к откровенности. Поэтому мы можем только собирать отдельные сведения о том, как развивались события внутри крепости. Ещё 8 мая

⁵⁶⁹ Там же. С. 255.

⁵⁷⁰ Дневник похода на Москву короля Сигизмунда III. С. 646.

1610 года, когда неизвестный человек скинулся со стены со среднего боя башни рядом с Еленскими воротами («Кузьмину башню Илищева»). Побег со стены случались и до этого. Сторожить стену ставили посадских людей, у которых в крепости были родные. Но бывало так, что посадские люди уставали нести службу и нанимали на ночь вместо себя крестьян или чьих-то холопов, которые пришли в осаду. Такие наймиты, как правило, были люди бедные и больше других страдали от голода и потому многие из них не выдерживали и спускались со стены в польский лагерь. Поэтому смоленские воеводы строго боролись против найма людей на стенах и если кого уличали, что он ночью сам не ночевал, а поставил за себя другого человека, его наказывали плетьюми. Но на этот раз скинулся не стражник и не наймит, а совсем неизвестный человек. 10 июня стрелец Лученин показал, что видел в тот день в башне Тимошку, холопа Афанасия Баскакова с незнакомым человеком. Сам же Тимошка в расспросе признался, что был тогда с холопом Михаила Суцова Назаркой и что этот Назарка действительно сбежал из города, но что он, Тишка, про его измену не ведал⁵⁷¹. После этого в деле появляется необычная поручная запись – Тишку выкупали из тюрьмы и ручались головами, что он не сбежит из города. Необычность этого дела состоит в том, что в качестве поручиков выступили 29 детей боярских. Первым среди них был князь Василий Морткин. Также в списке можно встретить хозяина Назарки, Михалку Суцова, и некоторых других будущих фигурантов дела⁵⁷². Однако в списке присутствовали и другие смоляне, имена которых впоследствии не отразились в признательных показаниях, в том числе – стрелецкий сотник Федор Лихарев. Данная поручная запись ярко демонстрирует систему взаимовыручки смоленских дворян. Вероятно, у В. Морткина и М. Суцова было опасение, что арест Тишки приведет к обвинению их самих, и они обратились за помощью служилого города, чтобы избавить Тишку из заточения. Любопытно, что смоленские дворяне согласились им помочь и даже поручились головами за Тишку, хотя желание В. Морткина и М. Суцова выкупить чужого холопа из заточения говорило не в их пользу. Воевода Шеин был вынужден пойти на поводу у старинной системы круговой поруки.

Дело Назарки и Тишки стало прелюдией к побегу В. Морткина и М. Суцова. Следовательно, связь между некоторыми осажденными смолянами и королевским лагерем установилась раньше сдачи Валуева острожка и даже раньше Клушинской битвы. Вероятно, свою роль в установлении этих связей сыграла сдача крепости Белой и появление в королевском лагере бельского Андрея Дедевшина в апреле 1610 года. И Дедевшин и Морткин с Суцовым позиционировали себя, как сторонники не польского

⁵⁷¹ Памятники обороны Смоленска. С. 80-81.

⁵⁷² Там же. С. 81-82.

завоевания, но «царя Владислава». В итоге Дедевшин подписал капитуляцию, по которой Белая передавалась Речи Посполитой «на вечные времена», а Морткин и Сушов озвучили в королевском лагере идею об ударе в тыл защитникам крепости. Как выяснилось позднее, Морткин и Сушов «велели приступить большим приступом к Крылошевским воротам». Эту идею королевские саперы хоть и не сразу, но реализовали 3 июня 1610 года. Никоновская летопись приписывает этот план Дедевшину, который знал, в каком месте крепость была достроена наспех. Действительно, Андрей Дедевшин участвовал в строительстве крепостной стены. Не исключено, что с весны 1610 года между сторонниками Владислава в крепости и в лагере Сигизмунда установилась более тесная связь, чем может показаться на первый взгляд.

После побега князя Морткина и Михаила Сушова из крепости воевода Шеин начал серьезное расследование, ход которого, к сожалению, неизвестен. Уже 3 (13) августа, через пять дней после побега воеводы взяли на поруки пятерых смолян: Петра Башмакова, Якова Головачова, Михаила Румянцева, Богдана Озеренского и Леонтия Бунакова. Михаил Иванович Румянцев (Город, 400 чети, верстания 1604 г.) был среди тех, кто ручался за Тишку. Башмаков, Головачов и Озеренский отмечены в списке смоленских дворян в разделе «Смоляне ж, которые с Москвы пришли». Скорее всего, они вернулись в Смоленск уже после Клушинской битвы. Леонтий Бунаков, сын смоленского дьяка, ранее уже принимал участие в заговоре Зубова. Поручные записи по пяти дворянам-заговорщикам значительно отличаются от поручных записей по Тишке. Если за холопа Баскаковых вместе с Морткиным и Сушовым ручались дети боярские средних чинов (то есть, молодые по возрасту или отечеству), то ручательство за дворян было более представительным⁵⁷³. Состав поручиков в каждый из пяти записей отличается незначительно. Однако в них можно выделить три имени, которые всегда стояли первыми: Воин Дивов, В.Ф. Бестужев, И.Д. Бестужев. Воин Дивов был лидером служилого города, а Василий Бестужев – первым по чину и окладу в десятне 1605/06 года. Втроем они составляли правящую верхушку служилого города в осадное время. Кроме них поруки на себя дали Лукьян Казаринович (Ларионович) Языков (выбор 500 четвертей) и освобожденный из тюрьмы Иван Игнатьевич Зубов. Далее следовали дети боярские с меньшими чинами и окладами, а в самом конце стоит подпись одного или двух представителей посада, либо стрелецкого войска. Похожая структура была у поручных записей XVI века по опальным боярам. Сходство заключалось и в том, что поручные записи составлялись в строгом порядке старшинства по отечеству и личного авторитета, а в конце стояли подписи представителей неслужилого сословия. Следовательно, принцип

⁵⁷³ Памятники обороны Смоленска. С. 92-96.

взаимовыручки из государева двора во времена Смуты перекочевал и укоренился в смоленском служилом городе. Этот традиционный принцип становился серьёзным ограничением для проведения следствия по делу об измене. Положение Шеина в Смоленске можно передать словами Веселовского о Иване Грозном накануне опричнины: «Когда в 1563—1564 гг. опалы поразили большое количество дворян, царь "Иван должен был почувствовать себя опутанным густой сетью «печальников», ходатаев и лиц, готовых ручаться за опальных головой и всем своим имуществом»⁵⁷⁴.

Дальнейший ход дела нам не известен, поскольку грамоты дошли до нас в обрывочном виде, однако воеводам все же удалось произвести аресты. Смоленские власти смогли получить показания другого участника заговора – Дениса Яковлевича Шушерина (Город 400 чети). Он также был в числе поручиков по Тишке. Вероятно, он не был отпущен на поруки и оставался в заключении. В результате Шушерин признался в заговоре и назвал своих сообщников, в числе которых были отпущенные на поруку. «И Денисий Шушерин с ними с очей на очи сказал тож, что-деи князя Василя Морткина да Михалку Суцова отпускали х королю в таборы они все, а не ведали-деи про отпуск толко Богдан Тиханов да Левонтий Бунаков и в думе они с ними не были. А с Петром-деи Башмаковым про отпуск они не говаривали же и с ними в думе он не был. А говорил-деи Яков Головачов, что-деи его Яковлева мысль и Петра Башмакова. И боярин и воеводы велели Дениса Шушерина пытатъ перед собою накрепко. И Денис Шушерин на пытке говорил тож, что и в роспросе сказал. А как-деи они князя Василя и Михалка Суцова отпустили и с ними приказывали, а велели промышлят над городом приступом, а приступать велели болшим приступом к Крылошев<ским воротам>»⁵⁷⁵. После этого смоленские воеводы допросили Головачова и Башмакова главных заговорщиков по версии Шушерина. Яков Головачов (его имени в десятне нет) в заговоре не признался, а Петр Башмаков (Двор 450 чети) попытался перевести обвинение на своих сообщников: "А Петр Башмаков у пытки сказал: говорил-деи ему Петру Яков Головачов, сказывал-деи ему, Якову, Денисеи Шушерин, что-деи он думает идти к королю в таборы и звал-деи его Якова Денисеи с собою и он-деи Петр Якову говорил, чтоб он Яков того не зделал, что ему идти х королю в таборы, а з Денисем-де он Шушеринам ни о чем не говаривал и про отпуск князя Василя Морткина и Михалка Суцова он, Пётр не ведал, а в том-деи он виноват, что слыша у Якова Головачова, боярину и воеводам не сказал"⁵⁷⁶.

⁵⁷⁴ Веселовский С. Б. Исследования по истории Опричнины. М., 1963. С. 125.

⁵⁷⁵ Памятники обороны Смоленска. С. 89-90.

⁵⁷⁶ Там же. С. 90.

Остальные участники заговора по отдельности не допрашивались, но коллективно отрицали свою вину. Тем не менее, у Шеина хватило воли отдать приказ об аресте, в том числе тех, за кого недавно поручился головами весь город. «И боярин и воеводы Михаила Борисович Шеин да князь Петр Горчаков Богдана да Погожего Тихановых велели дати на поруку з записью, а Дениса Шушерина да Якова Головачова да Петра Башмакова, Ивана Мокшеева, Микифора Бестужего, Михаила Румянцова, Богдана Озаренского, Левонтия Бонакова и князя Васильеву жену Морткина велели до указу посадити в тюрьму и поручные записи по ним взяты»⁵⁷⁷. Поручиками по Тихоновым стали дворяне и дети боярские небольших статей, представители младших, зачастую земецких родов⁵⁷⁸. Из показаний заговорщиков можно заключить, что их ядро составляли три человека: Петр Башмаков, Яков Головачов и Денис Шушерин. При этом Башмаков поддерживал связь через Головачова, а сам держался в стороне. Сам он, впрочем, намекал на то, что Шушерин и Головачов пытались также втянуть его в заговор, как и остальных, но он не поддался. Тайное лидерство Башмакова представляется более вероятным. Он был единственным, кроме князя Морткина, дворовым дворянином, который был записан в службу раньше 1605 года. В историографии этот заговор до настоящего времени связывают с именем И.Б. Макшеева, выборного дворянина и выдвиженца Лжедмитрия I⁵⁷⁹. Название «заговор Макшеева-Морткина» предложил В.П. Мальцев, который указал на то, что И.Б. Макшеев был первым в списке смоленских дворян, а Василий Морткин – первым среди дворян смоленского архиепископа⁵⁸⁰. Однако тождество И.Б. Макшеева (выбор, 700 четей) с заговорщиком Иваном Макшеевым не может быть доказано, поскольку отчества в источнике не сохранилось, а в Смоленской обороне участвовал не только он сам, но и его сын Иван. О каком-либо влиянии князя Морткина также говорить не приходится, поскольку принадлежность к бывшим архиепископским дворянам считалась менее честной, чем давняя служба с городом. Почти все заговорщики принадлежали к детям боярским, поверстанным в 1604 году, либо вовсе не были записаны в десятню. Заговор Башмакова и Головачова был заговором молодых людей, которые стремились проявить себя на службе самому перспективному, по их мнению, претенденту на престол - королевичу Владиславу. Они пользовались при случае, традиционным покровительством служилого города, однако заговорщики не имели общих целей со смоленской дворянской верхушкой. И Воин Дивов, и Иван Бестужев, и Иван Зубов в целом поддерживали

⁵⁷⁷ Памятники обороны Смоленска. С. 90.

⁵⁷⁸ Там же. С. 91-92.

⁵⁷⁹ Флоря Б.Н. Польско-литовская интервенция в России и русское общество в начале XVII века. С. 249.

⁵⁸⁰ Мальцев В.П. Борьба за Смоленск в XVI-XVII вв. С. 308-310.

политику Шеина, которая была направлена на взаимодействие с советом всей земли и дальнейшую защиту смоленской крепости от посягательств королевского войска.

Дальнейшая судьба заговорщиков нам неизвестна. Яков Головачов и Денис Шушерин упоминаются в одном деле как тюремные сидельцы в ноябре 1610 года⁵⁸¹. Богдан Озеренский вышел на свободу и сам давал поручные записи по сотнику Осипу Митькову, которого вместе со стрельцами обвинили в грабеже на рубеже 1610-11 гг.⁵⁸². Главный заговорщик, Петр Башмаков, и вовсе сумел пережить осаду и даже получал 26 рублей из Устюжской четверти в 1619-20 году⁵⁸³. При обращении к родословным росписям обращает на себя внимания одна любопытная деталь. Ни Петр Башмаков, ни Денис Шушерин в родословных росписях не называются. Между тем, их место в роду достаточно легко восстановить, поскольку в родословии Башмаковых присутствуют братья Петра Афанасьевича⁵⁸⁴, а в родословии Шушериных легко найти Якова Федоровича, отца Дениса⁵⁸⁵. Из всех фигурантов дела об измене в родословцах удалось отыскать пока одного только рядового участника Микифора Микифорвича Бестужева (его отчество восстанавливается при помощи списков смоленских дворян времен осады). В родословном деле Бестужевых-Рюминых про него сказано кратко: умре бездетен⁵⁸⁶. Поскольку в родословиях часто указывали ветви без потомства, случай с Башмаковым и Шушериним показывает, что даже у их сородичей измена вызвала желание вычеркнуть имена изменников из семейной памяти. Смоляне вскоре уяснили, что действия Башмакова и его сообщников объективно служили не интересам «царя Владислава», а Речи Посполитой и тех магнатских родов, которые претендовали на смоленские земли.

Своеобразную легитимность действиям Башмакова, Дедевшина, Морткина и их сообщников придавало то, что у «партии Владислава» было большое число сторонников, в том числе в смоленском служилом городе. Вероятно, эта партия в виде небольшого числа единомышленников, появилась ещё в царствование Василия Шуйского, однако судить о ней крайне затруднительно, поскольку изначально эта партия по понятным причинам носила конспиративный характер. Во всяком случае, Б.Н. Флоря указывает на то, что уже в 1609 году староста велижский Александр Корвин-Гонсевский устанавливал связи с верхушкой дворянства северо-западных городов: Великие Луки, Невль, Торопец⁵⁸⁷. В отличие от Смоленска, эти города поддерживали Лжедмитрия II. Интересно сравнить

⁵⁸¹ Памятники обороны Смоленска. С. 114.

⁵⁸² Там же. С. 120-121.

⁵⁸³ Расходная книга Устюжской четверти 1619/20 г. С. 152.

⁵⁸⁴ Род Башмаковых //РГАДА. Ф. 388. Разрядно-сенатский архив. Оп. 1. Кн. 765. Л. 592об-593.

⁵⁸⁵ Род Шушериных //РГАДА. Ф. 286. Герольдмейстерская контора. Оп. 1. Кн. 241. Л. 1139об-1144об.

⁵⁸⁶ Дело о челобитной Бестужевых //РГАДА. Ф. 286. Герольдмейстерская контора. Оп. 2. Кн. 1. Л. 138-142., 146-155, Л.691-693об.

⁵⁸⁷ Флоря Б.Н. Польско-литовская интервенция в России и русское общество в начале XVII века. С. 94-96.

эти сведения с отрывком из ответа, который дали польские послы на съезде с Российскими в ноябре 1615 г.⁵⁸⁸. Среди авторов ответа (на обвинение в организации Смуты) был сам Гонсевский. В пункте о побеге Мнишек было сказано: «Вашему государю следовало после этого скорее слать своих послов к королю и на оных жаловаться, и, если бы Шуйский прислал с жалобой на них, то был бы о том суд и наказание. Тем более что второй посол и посланники крепко держались своего крестного целования и поблагодарив своего пристава Андрея Дедюшина, сто смоленских дворян и других, он проводили через велижскую волость на смоленскую границу»⁵⁸⁹. Появление Дедевщина на должности пристава не удивительно, поскольку он уже давно исполнял подобные обязанности и пользовался доверием Москвы⁵⁹⁰. К тому же он один из немногих смолян мог претендовать на одинаковую должность с Воином Дивовым. Последующая деятельность Дедевщина заставляет предположить, что уже тогда был оформлен его тесный союз с Гонсевским, с целью подготовить смоленский служилый город к возведению Владислава на русский престол. Эта идея сперва не получила распространения, но под влиянием гибели Скопина-Шуйского и неудач царя Василия становилась всё более популярна в смоленском служилом городе. До Клушинской битвы в лагере Сигизмунда под Смоленском не было заметных представителей служилого города. Пожалованные королем смоленские землевладельцы принадлежали к самым незаметным земецким родам, а некоторые из них зачастую не принадлежали к служилому городу. Характерным примером такого землевладельца является Иван Назарович Фефилов, который ни в десятне, ни в других источниках не упоминается. 25 мая и 24 июля он получил в королевском лагере грамоты на свои поместья⁵⁹¹. Но 20 ноября 1610 года некоторые новые поместья Фефилова (Деревня Рипшова и пустошь Халымова) были переданы старому хозяину Ивану Васильевичу Румянцеву (Двор., 450 четей)⁵⁹². Тот же Иван Румянцев 22 ноября получил назад земли. Которые под ним выпросили его дядя и земцы Козловские «давши омывную грамоту»⁵⁹³. В данном случае новую польскую власть использовали в борьбе за поместья самые мелкие землевладельцы, которые за бедностью с городом не служили. Среди них оказались и молодые смоляне, такие как Артемий Дмитриевич Сухотин (новик, 300 четей), Иван Иванович Неелов (неизвестно) и Невежа

⁵⁸⁸ Ответ их милостей, господ великих послов Короны Польской и Великого княжества Литовского, данный великим послам Московского государства // Эйльбарт Н.В. Смутное время в польских документах государственного архива Швеции. С. 185-201.

⁵⁸⁹ Там же. С. 192-193.

⁵⁹⁰ Памятники дипломатических сношений с папским двором и с итальянскими государствами. Стб. 402-414. Сборник РИО. Т. 137. С. 394-397, 401-407.

⁵⁹¹ Акты Западной России. Т. IV. С. 333, 337.

⁵⁹² Там же. С. 381.

⁵⁹³ Там же. С. 382.

Дмитриевич Самарин (новик 300 четей), которые получили грамоты на свои поместья 21 мая 1610 года⁵⁹⁴. На тот момент они, по-видимому, оказались в уезде в отрыве от своих сородичей и всего служилого города. Кроме того, в составе первых пожалованных Сигизмундом оказались и смоляне из лагеря Лжедмитрия. Например, 2 марта 1610 года Сигизмунд выдал грамоты на поместья членам тушинской делегации и в этот день свои поместья получил Тимофей Васильевич Шушерин (городовой, 400 четей), который вероятно был как-то связан с думным дьяком самозванца Федором Шушериным⁵⁹⁵. Впоследствии этот Тимофей Шушерин вместе с Лаврентием Корсаковым стал лидером сторонников Владислава в смоленском служилом городе. Новые грамоты на свои поместья он получает 2 и 7 августа 1610 года⁵⁹⁶. Именно в эти дни в Смоленск вместе с князем Елецким и тушинским боярином М. Салтыковым приезжают смоляне - сторонники Владислава из Валуева острожка: Лаврентий Корсаков, Прокофий Бестужев, Неупокой Кокошкин и другие⁵⁹⁷. С этого момента начинаются массовые раздачи поместий. Характерно, что первая крупная раздача 7 августа произошла накануне побега Морткина и Суцова. Сам Лаврентий Корсаков сначала получил грамоту на свои поместья, но затем сумел расширить свои владения за счет земель князя Ивана Куракина⁵⁹⁸. Среди лиц, которые вместе с ним получили поместья можно отметить Прокофия Бестужева (Двор, 500 четей), Сергея Ефимьева (Двор., 450 четей) Дружину Неелова (Двор., 450 четей), Неупокая Кокошкина (новик, 250 четей)⁵⁹⁹. Все трое были будущими участниками обороны Москвы от королевича Владислава, однако, в 1610 году их следует рассматривать, как его сторонников. Дважды обращались к королю Сигизмунду за новыми грамотами на поместья Севрин и Павел Михайлович Уваровы: 7 августа Севрин получил свое поместье, а 17-го братья получили новые земли (видимо, из выморочных земель)⁶⁰⁰. Пожалования Севрину и Павлу представляет интерес потому, что род Уваровых проявил себя обороне Смоленска и в великом посольстве, а впоследствии был связан с земским сопротивлением.

Из менее значительных лиц, пожалованных королем Сигизмундом в августе 1610 года можно отметить Тимофея Довотчикова – стрелецкий сотник в 1598 году, дворовый, 450 четей; братьев Кожиных – Исака, Константина и Федора Леонтьевичей – все трое

⁵⁹⁴ Там же. С. 330.

⁵⁹⁵ Там же. С. 323.

⁵⁹⁶ Там же. С. 338-339.

⁵⁹⁷ Список думных людей и дворян, отправленных гетманом Жолкевским в лагерь под Смоленск к королю Сигизмунду // AGAD. Dz 2. Archiwum Radziwiłłów. Suppl. 252.

⁵⁹⁸ Там же. С. 339, 344.

⁵⁹⁹ Там же. С. 338, 340, 341. Вместе с Неупокоем Кокошкиным грамоту на свои поместья и на выморочные поместья родственников получил его брат Замятня Андреевич (Двор, 400 четей).

⁶⁰⁰ Там же. С. 339. 344

городовые, 200 четей; Федора Ленина, Илью Лыкошина⁶⁰¹. Эти лица принадлежали к менее значительным фамилиям и в последующих службах себя не проявили. В те же дни, 15 августа 1610 года получил пожалование Андрей Дедевшин – ему достались новые земли из отписного поместья стольника Василия Головина⁶⁰².

Новый виток пожалований начался 29 сентября 1610 года и связан с приездом великого посольства Филарета. В этот день получили свои пожалования братья Иван и Афанасий Иванович Дивовы – дворовые, 500 и 400 четей. Старший из них был стрелецким головой в Москве (видимо, в промежутке между Федором Зубовым и Иваном Оболешевым) и отъехал к Жолкевскому после свержения царя Василия. Таким образом, Иван Дивов представлял более умеренную партию сторонников Владислава. Братья получили свои земли и выморочные земли своего дяди Юрия в Ветлицком и Молоховском станах⁶⁰³. В конце октября они получили новые грамоты на свои поместья в Бережницком стане и повторную грамоту на старые владения⁶⁰⁴. В этот же день получил грамоту Семен Воинов сын Дивов – дворовый, 400 четей, в 1605/06 году был записан на службу с отцова поместья. Грамоту он получил на поместье своего отца, который с 1607 года был лидером смоленских дворян, а с 1609 года сидел с Шеином в осажденном Смоленске. Ему было «дано старое поместье, выслуга отца его в Мушковской волости»⁶⁰⁵. Решение Семена испросить поместье отца, который сидел от короля в осаде, представляется необычным. Для сравнения можно рассмотреть другую его жалованную грамоту – от 5 декабря 1611 года, – в которой Семен получил прожиточное поместье своей тещи Авдотьи Макшеевой - « в деревне Черничине 50 четвертей, докуль теща его з осады выйдет из смоленского замку; а за выходом её тот жребий мает быти на прожиток ей, по–старому»⁶⁰⁶. Вероятно, в случае отцом, как и в случае с тещей, Семеном двигало желание сохранить за собой поместья своих родственников до конца осады. Подобное стремление было связано с двумя обстоятельствами: с действиями королевских приставов (фуражиров), от грабежа которых старались сохранить имения и с опасением, что поместья осажденных смолян могут быть отписаны более «верным» слугам Сигизмунда. Во всяком случае, есть свидетельства тому, что поместья осажденных смолян считались изменничьими. Правда, «погоня за поместьями» самих осадных сидельцев почти не затронуло. Редким исключением стал сын боярский Афанасий Философов, городской с окладом 450 четей в 1605/06 году, старший брат знаменитого впоследствии Ивана

⁶⁰¹ Там же. С. 338- 344.

⁶⁰² Там же. С. 342.

⁶⁰³ Там же. С. 356.

⁶⁰⁴ Там же. С. 359-360, 363

⁶⁰⁵ Там же. С. 356.

⁶⁰⁶ Там же. С. 392.

Философова. В 1610 году этот сын боярский служил в Смоленске, в сотне Ивана Дмитриевича Бестужева. Принадлежавшая ему в Свадицкой волости деревня Вязгино с пустошами была отдана Федору Ефимьеву (Двор., 500 четей) «до воли и ласки господарской» - 15 августа 1610 года⁶⁰⁷. Следующим претендентом на поместье Афанасия Философова оказался Федор Елизарьевич Кикин (его род до этого в смоленском служилом городе не известен, хотя после он получал со смолянами жалование из Устюжской четверти)⁶⁰⁸. Кикину было «дано поместье здрайцы Афанасия Философова в смоленском повете, в ветлицком стане деревня Голнева на речце на Голодне до воли и ласки короля его милости»⁶⁰⁹. Слово «здрайца» в польском языке означает изменника и имеет резко негативный окрас. Его употребление характеризует отношение короля Сигизмунда и верных ему дворян к смоленским осадным сидельцам. Афанасий Философов вместе с дядей Замятней впоследствии погиб в смоленской обороне⁶¹⁰.

Но случай с Афанасием Философовым все же был отклонением: хотя поместья осадных сидельцев были признаны изменничьими, но сторонники Владислава из числа смолян обычно не спешили ими воспользоваться, за исключением тех случаев, когда поместье становилось выморочным. Например, Кузьма Истомина Соколов (Город., 350 четей), брат стрелецкого сотника Семого Соколова 15 октября получил грамоту на земли своего отца Истома (Город., 400 четей) и двоюродного брата Андрея Никитича (город, 350 четей). Истома и Андрей служили головами у посадских людей на башнях, но грамота об этом не упоминает, а только в самом конце констатирует (видимо, со слов Кузьмы) – «а тых особ, сверху поименованных не стало»⁶¹¹. Что же до самих осадных сидельцев, то случаи получения ими поместий сводятся к единицам: можно указать на Семена Семеновича Лескова, который в списке участников смоленской обороны числится недорослем, а затем получил грамоту на совместное владение с братом Федором⁶¹².

Среди смоленских дворян, пожалованных королем Сигизмундом, во время самой крупной раздачи поместий в сентябре-октябре 1610 года были представители почти всех смоленских фамилий, включая самые значимые. В то же время, ближайшее знакомство с этими фамилиями показывает, что королевские «милости» оказались востребованы далеко не во всем служилом городе. Уже не раз упоминались смоленские сеунщики, а затем сотенные головы Алексей Зубов и Иван Корсаков, которые вдвоем делали постепенное продвижение к лидерству в служилом городе. Оба они начали свой путь в 1606 году, а

⁶⁰⁷ Там же С. 343. Одновременно Федор Ефимьев получил выморочные поместья своих дядьев.

⁶⁰⁸ Расходная книга Устюжской четверти 1619/20 г. С. 153.

⁶⁰⁹ Акты Западной России. Т. IV. С. 351.

⁶¹⁰ Род Философовых //СПБ ИИ РАН Ф.131. Коллекция Ю.В. Татищева. Оп. 1. № 106. Л. 68.

⁶¹¹ Акты Западной России. Т. IV. С. 363.

⁶¹² Там же. С. 357.

закончили в 1618 в обороне Москвы и затем стали московскими дворянами. Оба они, а также их родичи Матвей Игнатьевич Зубов и Воин Лукьянович Корсаков, также будущие московские дворяне, грамот на поместья от Сигизмунда не получали. Стрелецкий голова Федор Михайлович Зубов, который был старшим лидером служилого города в походе Скопина-Шуйского, также не отметился в получении королевских грамот. В роду Зубовых грамоты на свои поместья получил только Илья Иванович, а в роду Корсаковых, кроме ветви Лаврентия – младший брат Ивана, Петр Степанович⁶¹³. Точно такую же избирательность старших представителей рода можно отметить и в менее значимых семействах. Так, в роду Философовых грамоту от короля на свое поместье получил младший брат Афанасия Философова, Федор⁶¹⁴, однако его отец Федор Иванович, двоюродный дядя Федосий Афанасьевич и старшие братья, Андрей и Иван никакими пожалованиями не были отмечены. Из братьев Вараксиных грамоту на свои поместья дважды получал Александр⁶¹⁵, но Василий и Афанасий Логиновичи, семьи которых оставались в осажденной крепости, в списке пожалованных королем не числятся. Из заметных родов часто получают жалованные грамоты только Башмаковы и Шушеринь (то есть родственники основных участников заговора в августе 1610 года).

Среди не получавших грамот от Сигизмунда следует отметить двоих Уваровых – Андрей Романович и Иван Курбатович - из Великого посольства Филарета и Голицына, а также другой член посольства – стрелецкий голова Иван Оболев. Все эти факты, не могут быть объяснены одной только скудостью источников. К тому же численность пожалованных Сигизмундом (включая тех, кто получил грамоты на свои поместья) меньше трети от состава служилого города, причем большая их часть приходится на октябрь – начало ноября 1610 года, а потом резко сокращается (зато начинаются частые раздачи поместий брянским дворянам, рассмотрение которых не входит в задачи нашего исследования). Следовательно, большая часть служилого города, включая его столпов – лидеров старших родов – не стремилась получать подтверждения на королевские поместья. Сами же эти пожалования лишь в ряде случаев следует рассматривать как награду сторонникам «царя Владислава». В большинстве случаев пожалования были ответом на просьбы смолян, которые таким образом стремились оградить свои владения от ограблений королевскими фуражирами, чтобы потом хоть как-то подняться на службу. Те же из смолян, которые были близки к Великому посольству и думным чинам в Москве

⁶¹³ Там же. С. 357.

⁶¹⁴ Там же. С. 358.

⁶¹⁵ Там же. С. 362.

занимали выжидательную позицию, а уже с началом зимы 1610-11 года наступает окончательное разочарование в коронации Владислава.

В то же время, некоторые смоляне не сразу смогли освободиться от мысли о законности присяги Владиславу и даже после их решительного разрыва с Сигизмундом, в лагере Второго ополчения под Москвой оставались сторонники «королевича». Об их тайных переговорах с королем сообщал Якуб Задзик в письме из Орши от 26 сентября 1612 года⁶¹⁶. Вероятно, что король вел переговоры не со всеми смолянами, а с оставшимися сторонниками «царя Владислава». Наиболее представительным сторонником партии Владислава оказался Юрий Федорович Потемкин (Выбор, 500 четей). В самый канун свержения царя Василия, 16 июля он получил грамоту о переводе в вотчину пятой части своего поместья (село Воротыщино и другие волостки)⁶¹⁷. Вскоре после этого он оказался в осажденном Смоленске и был один из немногих, кто, по словам летописи, невредимым ушел после штурма⁶¹⁸. Но впоследствии Потемкин перебежал к королевичу Владиславу и принял польское подданство⁶¹⁹. В своем родословии Потемкины писали: «А как в московское же разорение Смоленск был от короля полского в осаде и в то время сродники их Потемкины сидели в осаде и король полский Смоленск взял и они были з женами и з детми взяты в полон и задержаны в Польше. И у тех их сродников у Потемкиных привелии на вотчины, на природную их шляхетскую честь есть и с того времени будучи в польской земле по изволению королевскому печаталися сродники их Потемкины гербом: рука с мечом из облака в щите и на щите каруна и из каруны три пера страусовы»⁶²⁰. В 1654 году в составе «смоленской шляхты» - совершенно нового по составу корпуса служилых землевладельцев – почти нет фамилий известных на службе Российскому государству XVI-нач. XVII вв. Из известных родов мы видим только сыновей заметных представителей «партии Владислава» - Семиона Потемкина и Семена Лаврентьевича Корсакова⁶²¹. Уже в конце XVII века именно в родословиях Корсаковых и Потемкиных были самые пестрые родословные легенды о предках-иноземцах, а также им принадлежат первые попытки разработать собственную геральдику. Более чем вероятно, что здесь сказался опыт общения представителей рода со шляхтой речи Посполитой. Кроме них, да ещё нескольких земецких родов никто не согласился менять Российское

⁶¹⁶ Письма Я. Задзика Л. Гембицкому //Эйльбарт Н.В. Смутное время в польских документах государственного архива Швеции. С. 309.

⁶¹⁷ Род Потемкиных //Архив СПбИИ РАН. Ф. 131. Коллекция Ю.В. Татищева. №105. Л. 96-97.

⁶¹⁸ Памятники обороны Смоленска. С. 165-166. ПСРЛ-14. С. 111.

⁶¹⁹ Там же. С. 120.

⁶²⁰ Род Потемкиных //Архив СПбИИ РАН. Ф. 131. Коллекция Ю.В. Татищева. №105. Л. 95об.

⁶²¹ Смоленская шляхта. Т. II. Списки шляхты, хранящиеся в Российском Государственном архиве древних актов. (Историческая библиотека Б. Г. Федорова, Кн. 9). М.: Российское экономическое общество, 2006. С. 23, 63.

подданство ради сохранения «наследственных» владений. Позиция всего смоленского служилого города была в сохранении своих земель в составе Российского государства.

Представляют интерес дальнейшие судьбы дворян-участников обороны Смоленска. Оборона Смоленска оказало решительное влияние на успех России в борьбе с польским нашествием, но для смоленского дворянства этот подвиг ознаменовался гибелью сородичей, либо их долгим пленением. В числе источников о судьбе дворян-участников обороны 1609-11 годов в первую очередь следует отметить «Оладьинский» список пленных⁶²². Денис Оладьин был первым послом в Речь Посполитую после освобождения Москвы. Он был отправлен в Польшу от Земского собора 10 марта 1613 года, вскоре после избрания Михаила Романова на русский престол, но до его коронации⁶²³. С собой у него были грамоты с предложением перемирия, а также два списка пленных россиян. Первый список составили на Земском соборе: в нем были перечислены участники Великого посольства во главе с отцом нового царя, патриархом Филаретом; здесь же были названы воевода Шеин и архиепископ Сергей (второй воевода Горчаков ещё раньше сумел освободиться из неволи и вернуться на Родину)⁶²⁴. Отдельный список для розыска пленных был составлен теми самыми смоленскими дворянами из ополчения Скопина-Шуйского, которые сами в обороне не участвовали. Они надеялись найти и выкупить своих родственников. Всего в Оладьинском списке 526 пленных смолян, значительную часть которых составляют женщины и дети⁶²⁵. В том числе, большая часть мужских имен принадлежит мальчикам. Имя отца у несовершеннолетних дворян писалось в начале (например: «Богданов сын Шестакова Кузьма»⁶²⁶). В других случаях дворяне-мальчики упомянуты при матери (например: «Степанова жена Аксенова Марфа с сыном с Матвеем»⁶²⁷), что было невозможно для взрослых дворян. Всего взрослых мужских имен в Оладьинском списке около 100, но нужно учитывать, что этот список имел предварительный, сыскной характер. В 1613 году смоленские дворяне в Москве не обладали достаточной информацией обо всех уведённых в плен и выживших после штурма 13 (3 ст. ст.) июня 1611 года. Поэтому если имя дворянина есть в списке Оладына, это не всегда обозначает, что он оказался в плену. Некоторые дворяне и их родственники из списка Оладына могли погибнуть в последние дни обороны. Также известны дворяне, которые погибли в обороне до того, как смоляне отъехали из лагеря Сигизмунда во второе ополчение. Поэтому в Оладьинском списке сохранились известия о

⁶²² Сб. РИО. Т. 142. С. 370-381.

⁶²³ Там же. С. 310-345.

⁶²⁴ Там же. С. 409, 419-420.

⁶²⁵ Там же. С. 370-377.

⁶²⁶ Там же. С. 371.

⁶²⁷ Там же. С. 372.

смерти ряде видных участников осадного сидения 1609-11 годов. В числе пленниц названы вдовы: Григория Кокошкина вдова Ульяна и вдова Кречета Микулина Варвара⁶²⁸. Их мужья проявили себя за годы обороны. Григорий Федорович Большой Кокошкин был назначен воеводой в остроге — внешнем деревянном укреплении⁶²⁹. Должность эту он получил в первые дни осады, когда М.Б. Шеин имел надежду оборонять не только каменный город, но и посад⁶³⁰. Впоследствии появление польского отряда изменило его планы — войско завоевателей было слишком многочисленным, и нельзя было рассчитывать оборонять деревянные стены и не потерять напрасно людей. По решению Шеина смоляне сожгли деревянный город и заперлись в крепости⁶³¹, а имя острожного головы Г.Ф. Кокошкина в последующих документах не упоминается. Кречет Микулин 28 августа 1609 года был назначен головой на Авраамиевских воротах⁶³². Именно к этим воротам ходил драгунский отряд во главе с мальтийским кавалером Новодворским и минером Шембеком, во время первого приступа поляков в ночь с 4 на 5 ноября (24-25 сентября ст. ст.) 1609 года⁶³³. Этот неудачный для польского войска приступ подробно описан исследователями, однако имя Кречета Микулина до сих пор оставалось в забвении.

Важным источником о гибели дворян-участников обороны стали родословные росписи конца XVII века. В этих росписях отражались не только родственные связи их предков, но и самые значительные службы за предыдущие столетия, в основном за XVI-XVII века. Несколько раз в родословиях встречаются упоминания о гибели во время обороны Смоленска («убит от польских людей в Смоленску, как взял польский король Смоленск»). Другой важный источник о судьбах участников смоленской обороны - показания выходцев из польско-литовского плена, которые были записаны в Патриаршем дворцовом приказе в 1623-24 году⁶³⁴. В силу специфики этого ведомства бывших пленников допрашивали только о смене вероисповедания. Однако из этих показаний можно заключить, что большинство пленников жили в качестве домашних слуг - как у панов, так и у рядовых солдат-жолнеров - в разных уездах Речи Посполитой. В литературе часто можно встретить утверждение об особой религиозной терпимости землях Польши и

⁶²⁸ Там же. С. 377.

⁶²⁹ Памятники обороны Смоленска. С. 151-158.

⁶³⁰ Медведев П. А. Подготовка смоленской обороны 1609 г. //Источниковедческое изучение памятников письменной культуры. Сб. научных трудов. Л., 1990. С. 79-82.

⁶³¹ Поход его королевского величества в Москву [Россию] 1609 года //Русская историческая библиотека. СПб., 1872. Т. 1. Стб. 449.

⁶³² Акты исторические. Т. II. С. 308.

⁶³³ Поход его королевского величества в Москву [Россию] 1609 года. С. 450-451.

⁶³⁴ Расспросные речи иноземцев и русских, возвратившихся из плена, присланных из Разряда в Патриарший дворцовый приказ для допросов //Русская историческая библиотека. Т. II. Стб. 597-668. Далее: Расспросные речи иноземцев и русских.

Литвы. Однако бывшие пленники зачастую были вынуждены отказаться от веры и исполнять католические и протестантские обряды, смотря по тому, какой веры придерживались их новые хозяева. Так, 11 сентября 1623 года брянчанин Федор Потресов сказал на Патриаршем Дворе: Взяли его в смоленское взятие и свезли в Польшу в Познань. Служил он у пана Черновского, веру держал папешскую: у ксендза на исповеди был и секрамент брал. Вышел в 1620-21 году в Брянск. Вместе с другими выходцами Потресов провел время под началом в монастыре, после чего был исповедован и помазан миром 12 октября⁶³⁵. А 12 ноября того же года допросили новую партию бывших пленников. Среди них были смоляне Михаил Тимофеевич Дернов и Дмитрий Калинин сын Самарин. Дернова взяли в смоленском уезде «тому 14 лет» (то есть в 1609 году) и свезли в виленский повет, где он «служил у лютыря и держал веру люторскую»⁶³⁶. Самарина после взятия Смоленска свезли в Вильну, и он «служил у жолнера восьм лет и держал папешскую веру, выехал четвертый год»⁶³⁷. В рамках нашего исследования следует затронуть судьбы простых дворянских семей, которым пришлось вынести все тяготы осадного сидения. В качестве примера приведем семью Афанасия Логиновича Вараксина, автора «Повести о победах Московского государства»⁶³⁸. Афанасий Логинович много пережил в годы Смуты, дважды бывал в плену и преждевременно скончался от ран⁶³⁹, но перед смертью сумел оставить потомкам свое произведение о событиях Смуты. В начале Смуты Афанасий был молодым человеком. Его старший брат Василий и он сам были женаты, а младшие братья, Александр и Тимофей так и не успели обзавестись семьями из-за Смуты⁶⁴⁰. Все четверо братьев и старший сын Василия Матвей были участниками похода Скопина-Шуйского 1609-10 года. В осажденном Смоленске оставались жена Василия Дарья и жена Афанасия Пелагея⁶⁴¹. О судьбе жены Афанасия и о его детях в Смоленской обороне у нас нет сведений. В Оладинском списке упомянута только семья его старшего брата: «Васильева жена Вараксева Дарья детьми с сыном Вавилом, да Тимофеем, да з двумя дочерьми с Натальею да с Анною»⁶⁴². Участь Дарьи и племянниц Афанасия также не известна. А вот у его племянников, двоих сыновей Василия: Данилы и

⁶³⁵ Там же. Стб. 598.

⁶³⁶ Там же. Стб. 610.

⁶³⁷ Там же. Стб. 612.

⁶³⁸ Молочников А.М. Родословие Вараксиных и «Повесть о победах Московского государства» //Смутное время в России в начале XVII века: поиски выхода. К 400-летию «Совета всея земли» в Ярославле. Материалы Международной научной конференции (Ярославль, 6-9 июня 2012 года). М., 2012. С. 326-330.

⁶³⁹ Челобитная Федора Вараксина о верстании //РГАДА. Ф. 210. Столбцы приказного стола № 60. Л. 502.

⁶⁴⁰ Род Вараксиных //РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 18. Родословные росписи поданные в палату Родословных дел по случаю отмены местничества. № 40. Л. 1.

⁶⁴¹ Памятники обороны Смоленска. С. 243. Родословие орловских дворян Масловых //Летопись историко-родословного Общества в Москве. Вып. 4. М., 1907. С. 28.

⁶⁴² Сб. РИО. Т. 142. С. 372.

Тимофея, судьбы сложились по-разному. Данила хоть и попал в список пленных, но потом стало известно, что он погиб во время последнего штурма. И хотя он не достиг зрелых лет, но родословие Варакиных бережно сохранило о нем память: «у Василья Логиновича дети Матфей, да Данило, убит в Смоленское взятие, да Тимофей»⁶⁴³. Его младший брат Тимофей 12 лет провел в плену и был принужден сменить веру. На допросе, на патриаршем дворе в ноябре 1623 года Тимофей сказал: «взяли де его литовские люди в Смоленское взятие и отвезли в Польшу в Езуполь и жил-де он все у жолнёра у Тхоровского, у ксенджа был и секрамент трижды принимал и веру держал папешскую. Вышел на Великие Луки в нынешнем во 132 году перед Рождеством Христовым (т.е. в декабре 1623 года)»⁶⁴⁴. Он пробыл шесть недель под началом в монастыре, после чего вместе с другими выходцами был исповедан и помазан миром 22 марта 1624 года. Тимофей, видимо, попал в плен в детском возрасте, а его старший брат, как и многие смоляне, и дворяне, и посадские люди предпочли погибнуть, но не терпеть унижения плена и не принимать чужой веры.

Взятие Смоленска 3 (13) июня 1611 года ознаменовало окончательную оккупацию западных уездов и поставило на первое место вопрос о материальном обеспечении службы смолян, вязмичей, белян, дорогобужан, а также белян, брянчан, рославцев и прочих. Уже 30 июня Первое Земского ополчения приговорило «у которых стольников и у стряпчих и у дворян больших и у жильцов и дворян же и у детей боярских из городов в Смоленску, в Дорогобуже, на Белой, в Вязьме, в Можайску и в иных порубежных городех от литовские стороны и в украинных в северских городех от крымские стороны разорены и запустошены от литовских и от крымских людей, а сами ныне служат с землею вместе, и про тех дворян и детей боярских сыскивать городы и по сыску давать поместья в иных замосковных городех, как им мочно сытим быть; а смольнянам и белянам и дорогобуженым и можайчем и всем разоренным городам поместья давати наперед»⁶⁴⁵. В раздачу смольнянам пошли дворцовые земли арзамасского уезда. Однако «дворцовые мужики» «не послушали, делить себя не дали, чтоб им быть за ними в поместьях, и стояли многое время и бои с мужиками были, только мужиков не осилили, помогли мужикам арзамасские стрельцы 300 человек»⁶⁴⁶. В этом эпизоде советские историки справедливо отмечали проявление социальной борьбы – положение поместных крестьян было значительно тяжелее, чем крестьян дворцовых. Но не было ли у крестьян, и, тем более, у

⁶⁴³Род Варакиных //РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 18. Родословные росписи поданные в палату Родословных дел по случаю отмены местничества. № 40. Л. 1.

⁶⁴⁴ Расспросные речи иноземцев и русских. Т. II. Стб. 618.

⁶⁴⁵ Приговор Ляпуновского ополчения 30 июня 1611 года //Забелин И. Е. Минин и Пожарский. СПб., 2005. С. 223.

⁶⁴⁶ Попов А. Н. Изборник. С. 353.

стрельцов, которые им помогли, иных моральных побуждений? Наделять поместьем, тем более из дворцовых земель мог только царь. То, что это право присвоил себе земский собор можно объяснить «реформаторским мышлением» вождей Первого ополчения, каждый из которых вкусил прелесть участия в мятежах и небывалого взлета на волне Смуты. Итак, первая попытка испоместить смолян оказалась неудачной. Иначе решил проблему нижегородский посадский староста Кузьма Минин. Его идея – создать ополчение на средства нижегородских, а затем и других торговых и посадских людей оказалась весьма действенной. Жалованье детям боярским должно было заменить доход с поместий. В Карамзинском Хронографе сказано: «первой статье давали по 50 рублей, а другой по 45 рублей, третьей по 40 рублей, а меньше 30 рублей не было»⁶⁴⁷. Другую версию приводит «Повесть о победах Московского государства»: «Прежде всем равно даде по 15 рублей, потом же даде по статьям, первой статье по 30 рублей, средней же статье по 20 рублей, меньшей же статье по 15 рублей»⁶⁴⁸. Сохранились 2 челобитных царю Михаилу Федоровичу от смолянина Я. Ф. Шушерина за 1613 год. В первой челобитной от 20 апреля сказано «нашему городу смольнянам дано большей статье по 20 и по 8 рублей, а мне, холопу твоему велено дать против тоежа статьи 28 рублей з Большого Приходу». Здесь же он пишет «а поместейца, государь, за мной нет ни в котором городе ни одной четверти»⁶⁴⁹. В повторной челобитной от 16 июля Шушерин прямо говорит «велели мне, холопу твоему, дать против братьи моей смольян, которым дано твое государево жалованье в Нижнем Новгороде большой статьи по 20 и по 8 рублей»⁶⁵⁰. На основе анализа челобитных Я.Ф. Шушерина мы можем сделать следующие выводы. Во-первых, они документально показывают высшую сумму нижегородского денежного оклада смолянам, который был ниже, чем указано в обеих повестях. Во-вторых, многие смоляне даже после коронации Михаила Федоровича не получали поместий, поскольку сохранялась надежда возвратить смоленские земли. В-третьих – нижегородская система выплаты денег признавалась, как «государево жалованье», и сохранялась даже после избрания новой династии. Только ополченскую казну (которой заведовал Минин), сменил официальный орган – Большой приход. Имена лидеров смоленского дворянского ополчения во время боевых действий в 1611-12 года неизвестны. Представители старших родов – Корсаковы, Зубовы, Чихачевы, Бестужевы, вероятно, по-прежнему занимали высокое положение. В ополчении Скопина-Шуйского первым среди смоленских дворян

⁶⁴⁷ Там же.

⁶⁴⁸ Повесть о победах Московского государства. С. 31

⁶⁴⁹ Челобитные царю Михаилу от разных лиц о вспомоществовании по случаю различных обстоятельств // Забелин И. Е. Минин и Пожарский. СПб., 2005. С. 242.

⁶⁵⁰ Там же. С. 245.

назван стрелецкий голова Федор Михайлович Зубов. О судьбе его стрелецкого отряда после Клушинской битвы сравнительно мало сведений. После разгрома русского войска Фёдор Зубов на какое-то время исчезает из виду. Смоленскими стрельцами в Москве и в лагере под Смоленском в 1610 году командовал Иван Обошешев. Стрельцы последнего упоминаются осенью 1610 года, когда они возвращались из Москвы в осаждённую крепость⁶⁵¹. Известно, что Иван Обошешев командовал стрелецким отрядом в составе великого посольства Голицына и Филарета. В этот отряд входили 5 сотников и 184 смоленских стрельца⁶⁵². Скорее всего, стрелецким головой он стал только после Клушинской битвы и «заменял» Фёдора Зубова. Дело в том, что стрельцы Фёдора Зубова после Клушинского поражения находились в отряде гетмана Жолкевского. Во всяком случае, так можно понять показания зубовских стрельцов, которые также вернулись в Смоленск в сентябре 1610 года и рассказали следующее: «Да и смоленских-деи стрельцов всех бояря с Москвы отпустили; а грамот-деи от бояр нет: грамоты отпускные давал Желковский.(...) А Желковский-деи стоит под Москвою, перешод Ходынку. И Желковский-деи ходил на вора со всеми русскими и литовскими ратными людьми в последнее воскресенье перед Семеновым днём через Москву. И вор-деи из-под Москвы побежал на Коломну; и они-деи смоленские стрельцы на вора с Желковским ходили»⁶⁵³.

Стрельцы здесь говорят о битве с тушинцами под стенами Москвы 12 августа 1610 года. В этой битве жителям столицы помог отряд Григория Валуева, который на тот момент принял присягу Владиславу и находился в польском войске гетмана Жолкевского⁶⁵⁴. Судя по всему, стрельцы Зубова также входили в валуевский отряд, но не стали особенно обращать на это внимание смоленских воевод. Если учесть, что часть смоленского войска перешла к Жолкевскому, а часть оставалось в Москве на службе у царя Василия, а затем у семибоярщины, то появление третьего стрелецкого головы в 1610 не удивительно. Те смоляне, которые поддерживали кандидатуру Владислава получали от короля Сигизмунда грамоты на свои и чужие поместья, но ни Фёдор Зубов, ни Иван Обошешев королевских пожалований не получали⁶⁵⁵. Кто из них в результате командовал смоленскими стрельцами в походах 1611—1612 годов неизвестно. Точно также неясно, кто руководил смолянами, когда они переходили из одного ополчения в другое. В любом случае, Фёдор Михайлович Зубов в это время был вместе со всеми смолянами, а по

⁶⁵¹ Памятники обороны Смоленска 1609—1611 гг. С. 96—97.

⁶⁵² Сб. РИО. Т. 142. С. 184.

⁶⁵³ Акты Исторические. Т. II. С. 351—352.

⁶⁵⁴ См.: Флоря Б.Н. Польско-литовская интервенция в России и русское общество в начале XVII века. С. 211—212.

⁶⁵⁵ Акты Западной России. Т. IV. С. 320—427.

своему родовому положению и личным заслугам он входил в правящую верхушку служилого города.

Существует, по крайней мере, одно свидетельство участия Ф.М. Зубова в Земском совете ополчения князя Пожарского в Ярославле. Это грамота князя Дмитрия Пожарского в Суздальский Покровский монастырь игуменье Ольге от 4 мая 1612 года. По решению совета всей земли в Ярославле Ф.М. Зубов должен был произвести сыск в монастыре и выселить казачьих жен, детей и племянников, которые укрывались в кельях⁶⁵⁶. К сожалению, в этом документе не названы чин и должность Зубова и вопрос о руководителе смоленских стрельцов во втором ополчении остается открытым.

Лидерство в служилом городе в 1611-12 годах уже не ограничивалось представителями старших родов, как это было в походе 1606 года. Во время войны с Речью Посполитой на «именную» службу выдвигаются новые фамилии. Самым заметным стало продвижение по службе Уваровых и Философовых, которые до того не занимали ведущих позиций в служилом городе. Они принадлежали к тем фамилиям, про которые в источниках писали – «отечеством средние».

К сожалению, родословная роспись Уваровых-смоленских так и не была введена в научный оборот, хотя её фрагмент использует Веселовский в своей книге по истории опричнины⁶⁵⁷. Книга опубликована после смерти исследователя по черновым записям, и ссылка на источник не приводится, хотя из текста видно, что речь идет о переводе рода Уваровых в Смоленск. В начале Смуты Уваровы принадлежат к средним отечеством родам. Первое место по чинам и окладам занимал Матвей Романович Уваров (Двор, 500 чети). Такой же чин и оклад был у Павла Владимировича Уварова и у некоторых других представителей рода. Многие Уваровы отметились в обороне Смоленска 1609-11 годов. В частности, Игнатий Уваров (Двор, 500 чети) был осадным головой на Лучинской круглой башни, а Иван Матвеевич Уваров (Двор, 450 чети) – на Никольской круглой башне⁶⁵⁸. Трое Уваровых служили в сотне у Ивана Бестужева⁶⁵⁹. В Оладьинском списке отмечены 22 Уварова, но при этом всего 6 мужских представителей рода. Двое из них, Данила Игнатьевич и Епифан Павлович были отмечены в одном из списков, как неслужилые, то есть, молодые дворяне. Отсутствие в сыскном списке Оладьина всех известных взрослых и старослужащих Уваровых говорит о высокой смертности дворян, принимавших

⁶⁵⁶ Грамота князя Дмитрия Пожарского в Суздальский покровский монастырь //ГАВО. Ф. 575. Оп. 1. № 49. Л. 1 – 3. За возможность ознакомиться с текстом архивного документа выражаю благодарность к.и.н. Давыдову М.И. (Владимирский филиал РАНХиГС). См. также: Антонов. А.В. Маштафаров. А.В. Об архиве суздальского Покровского девичьего монастыря XV-начала XVII вв. //Русский дипломатарий. М., 2004. Вып. 10. С. 332.

⁶⁵⁷ Веселовский С. Б. Исследования по истории Опричнины. С. 299.

⁶⁵⁸ Памятники обороны Смоленска. С. 152, 157.

⁶⁵⁹ Там же. С. 168.

активное участие в обороне, а в некоторых случаях, о своевременном выходе из плена. Известно, что Иван Матвеевич Уваров, хотя и командовал на башне, оказался в числе бесхлебных дворян и вместе с Данилой Уваровым по воеводскому указу получил хлеб от более запасливых жен Павла, Федора и Севрина Уваровых⁶⁶⁰.

Двое Уваровых были в числе первых, кто приехал в лагерь короля Сигизмунда – братья Севрин и Павел Михайловичи. Эти двое в августе 1610 получили от короля Сигизмунда не только свои, но и чужие поместья⁶⁶¹. Однако в последующих событиях активную роль стали играть двое других представители рода – дворяне великого посольства Филарета: Андрей Романович Уваров и Иван Курбатович Уваров⁶⁶². Как известно, более 150 Смоленян из Москвы и из войска Жолкевского, негласно приняли участие в этом посольстве и отправились в лагерь Сигизмунда. Поэтому недостатка людей в служилом городе не было, следовательно, выдвижение сразу двоих Уваровых в качестве официальных представителей Смоленска говорит о том, что в 1609-10 году влияние рода возросло. У Андрея Уварова в Смоленске осталась жена Матрена и дети Иван и Мария⁶⁶³, а сам он был увезен в Польшу, вместе с другими дворянами из посольства Филарета⁶⁶⁴. Но и после пленения участников посольства Уваровы продолжали активно участвовать в политических событиях Смуты. Один из них, не названный по имени, был посланником к воеводе Шеину от спешившего для освобождения крепости смоленского войска⁶⁶⁵. Отличились Уваровы и в делах Второго ополчения, судя по тому, что они одни из первых получили жалованные грамоты на поместья в кинешемском уезде⁶⁶⁶.

Род смолян Философовых, напротив, хорошо известен по родословцам конца XVII века. В начале Смуты этот род занимает второстепенное положение в Смоленском служилом городе. Трое старших представителя рода: Иван Федорович и его братья Максим «Замятня» и Андрей были дворовыми с окладами 500 четвертей. Их отец Федор Никитович был убит крымцами «под Воротынском»⁶⁶⁷, а двое братьев не дожили до

⁶⁶⁰ Там же. С. 242

⁶⁶¹ Акты Западной России. Т. IV. С. 339, 344, 346,

⁶⁶² Сб. РИО. Т. 142. С. 183.

⁶⁶³ Там же. С. 377.

⁶⁶⁴ Там же. С. 371.

⁶⁶⁵ Флоря Б.Н. Польско-литовская интервенция в России и русское общество в начале XVII века. С. 357.

⁶⁶⁶ Документы Печатного приказа/Сост. С. Б. Веселовский. М., 1994. С. 44, 243, 267, 294.

⁶⁶⁷ Род Философовых //СПБ ИИ РАН Ф.131. Коллекция Ю.В. Татищева. Оп. 1. № 106. Л. 68. Имеется в виду набег крымских татар летом 1584 года. «А крымские люди многие приходили на города: на Белев, на Козелеск, на Воротынеск, на Мещеск. И Белевские, и Козельские, и Воротынские, и Мещеские и Мосальские места пожгли и вывоевали и полону бесчисленно много русского народу взяли». В результате татары были разбиты на Оке талантливым «опричным» воеводой и думным дворянином Михаилом Безниным. (Разрядная книга 1475-1605 гг. Т. III. Часть II. М., АН СССР. (Институт истории). Наука. 1984. С. 39-40).

Смуты и погибли бездетными: Григорий под Коловертью, а Иван Меньшой под Ругодивом⁶⁶⁸. Был у Ивана, Максима и Андрея двоюродный брат Федосий Афанасьевич Философов, городской с окладом 500 четвертей. Его отец, Афанасий Лукьянович погиб при Молодях. Остальные братья Федора Никитовича и Афанасия Лукьяновича не оставили потомства: они также сложили головы в сражениях под Москвой в 1571 году, при Молодях в 1572 году, да во время Немецкого похода 1577-78 годов⁶⁶⁹. Никто из последнего, перед Смутой, поколения Философовых не встретил мирную смерть от старости. А следующие поколение уже встретило новые испытания.

У старейшины рода, Ивана Федоровича Философова было четыре сына: Афанасий (город 450 четей), Алексей (город 400 четей), Иван (новик 300 четей) и Федор (новик 300 четей). У Максима Замятни, участника Зубовского заговора 1609 года, был сын Алексей (новик 300 четей). У младшего сына Андрея был сын Макарий (новик 300 четей) – он погиб от рук поляков в бою под Калязиным монастырем в 1609 году во время похода Скопина-Шуйского⁶⁷⁰.

У Феодосия Афанасьевича Философова в Смоленске оставалась жена Мария. Она попала в плен с двумя дочерьми, имя которых не сохранилось⁶⁷¹. Как уже было сказано, в Оладынском списке могли упоминаться погибшие при последнем штурме крепости, поэтому конечная участь семьи Феодосия остается неизвестно. Сам он дослужился до московского дворянина и умер бездетным – возможно, это было связано с долгой неизвестностью об участи Марии.

В обороне Смоленска участвовали двое Философовых – тот самый Максим «Замятня», который был впутан в дело Зубова и был отпущен на поруки, и его племянник Афанасий, старший сын старейшины рода Ивана Федоровича Философова. Афанасий служил в сотне Ивана Дмитриевича Бестужева, он упоминается первым среди дворян этой сотни. И Максим Замятня и Афанасий Иванович погибли во время смоленской обороны и в Оладынском списке не упоминаются⁶⁷².

Больше других прославился сын Ивана Федоровича, родной племянник «Замятни» и младший брат Афанасия Иван Иванович Философов. В своей челобитной 1626 года он сказал, что служит уже 28 лет и ходил со смолянами во все походы, начиная с 1606 года. Челобитная Философова перечисляет многие известные службы смолян: Тулу, Болхов,

⁶⁶⁸Род Философовых //СПБНИИ РАН Ф.131. Коллекция Ю.В. Татищева. Оп. 1. № 106. Л. 68. Города Коловерть и Ругодив были взяты русскими войсками во время государева похода 1577-78 г. Город Кесь взяли осенью 1577 года. (Разрядная книга 1475-1605 гг. Т. II. Часть II. М., АН СССР. (Институт истории). Наука. 1984. С. 325-326).

⁶⁶⁹Род Философовых //СПБНИИ РАН Ф.131. Коллекция Ю.В. Татищева. Оп. 1. № 106. Л. 68.

⁶⁷⁰ Там же. Л. 69.

⁶⁷¹ Сборник РИО. Т. 142. С. 380.

⁶⁷²Род Философовых //СПБНИИ РАН Ф.131. Коллекция Ю.В. Татищева. Оп. 1. № 106. Л. 68.

поход с Я.П. Барятинским и М.В. Скопиным-Шуйским⁶⁷³. С его именем связана одна героическая легенда. После освобождения Москвы он попал в плен к полякам (в декабре 1612 года) и сумел убедить самого короля Сигизмунда, что в столице стоит большое войско со множеством припасов. По словам летописи, его взял под Москвой передовой отряд Адама Жолкевского. В этом отряде были бывшие великие послы, а теперь сторонники Сигизмунда князь Данила Мезецкий и дьяк Иван Грамотин. Они должны были убедить Москвичей вернуться к присяге королевичу. «Ему же даде Бог слово, что глаголити, - передает летопись слова Ивана Философова на допросе - и рече им: Москва людна и хлебна, и на то все обещахомся, что всем помереть за православную веру, а королевича на царство не имати»⁶⁷⁴. После этого Адам Жолкевский отступил в под Волоколамск, где была ставка короля Сигизмунда. По словам летописи, Философов повторил те же самые слова на допросе перед самим королем и радными панами. После неудачных попыток взять приступом Волоколамск король Сигизмунд «пойде наспех из Московского государства».

Начиная с исследования С.Ф. Платонова, подвиг Ивана Философова подвергается сомнению в историографии. Причиной для сомнений стал текст донесения князя Данила Мезецкого и дьяка Грамотина, в котором они извещали Сигизмунда о неудаче своего похода на Москву. В том числе, передавали слова Философова: «А на расспросе, государи, нам и полковникам сын боярский сказал, что на Москве у бояр, которые вам, государям, служили и у лучших людей хотение есть, чтоб просить на государство вас, великого государя Владислава Жигомонтовича. И именно-де о том говорить не смеют, а говорят, чтоб выбрать на государство иноземца. А казаки-де, государи, говорят, чтоб выбрать кого из русских бояр, а примеривают Филаретова сына и воровского сына Калужского. И во всем-де казаки боярам и дворянам сильны, делают что хотят, а дворяне-де и дети боярские разъехались по поместьям. А на Москве осталось дворян и детей боярских всего тысячи с две, да казаков две с половиной тысячи человек, да стрельцов с тысячу человек, да мужики чернь. ...А делает всякие дела князь Дмитрий Трубецкой, да князь Дмитрий Пожарский, да Куземка Минин, и кому вперед быти на государстве, тому ещё не постановили намерения»⁶⁷⁵. Кроме того, Философов сказал, что князя Мстиславского отставили от дел, а Ивана Безобразова и Федора Андропова посадили в тюрьму. Безусловно, показания Ивана Философова в этом источнике отличаются от

⁶⁷³ Челобитная Ивана Философова о пожаловании его в московские дворяне // Сташевский Е. Очерки по истории царствования Михаила Фёдоровича. Киев, 1913. С. III.

⁶⁷⁴ Новый летописец. С. 128.

⁶⁷⁵ Письма Я Задзика Л. Гембицкому // Эйльбарт Н.В. Смутное время в польских документах государственного архива Швеции. С. 368.

летописного варианта. В качестве дополнения можно привести известие ксендза Якуба Задзика, который был свидетелем стычки москвичей с поляками под Москвой и сообщил об этом в письме Гембицкому. По его словам, стычка завязалась при попытке вызвать московский гарнизон на переговоры. Поляков встретил воинский отряд, а выставленные вперед делегаты заявили, «что они не хотят говорить ни о каких делах, только о пленниках, о государе «будут совещаться в другое время»; также полякам заявили, что не желают иметь государем королевича «за его лживые сказки»⁶⁷⁶. После чего русские завязали стычку, которую поляки отбили. Допрос пленного Философова Якуб Задзик передает таким образом: «Также этот пленник подтвердил, что не стоит думать ни о каких переговорах, а закончить все силой и сейчас, потому что москвитяне не имеют продовольствия и число их самих не более 6 тысяч. Он добавил и то, что если бы их взять в осаду сейчас, они поддадутся за месяц»⁶⁷⁷. Таким образом, поступок Философова представляется не столь героическим, как о том упоминает летопись.

В 1627 году Иван Философов напомнил о себе в челобитной: «Да в прошлом, государь, во 121-м году, приходил литовский король и королевич в Московское государство и стоял он под Волоком Ламским, а под Москву, государь, от короля приходил Адам Жолкевской с литовскими людьми и был бой с вашими государевы со князем Дмитрием Алексеевичем Пожарским и на том бою я холоп ваш, вам государям, служил и за вас государей первой был мертвец изсекли меня, холопа вашего во многих местах, и от тех ран рука у меня, холопа вашего, испорчена. И сечена меня взяли в полон и привели перед короля и перед королевича к роспросу; и король и королевич меня, холопа вашего спрашивали: «Москвы не взяли-ль и про мой королевский и про королевичев приход бояре ведают-ли, что мы идем со многими людьми и королевича на Московское государство хотят ли или хотят с нами битца?». И я, холоп ваш перед королем и перед королевичем в роспросе сказал, что бояре Москву взяли, и которые отрывы от Китая и от Кремля были и то закрепили, и наряд по городу изставили. И на Москве многие ратные люд и по городам в сборе, и про твой королевской и про королевичев приход ведают, а королевича на Московское государство не хотят, потому что Москву пожгли и высекли, против королевича хотят битца, а обирают на Московское государство тебя, праведнова государя, царя и великого князя Михаила Фёдоровича всея Руси. И Божию милостью и твоим государевым счастьем и твоими, великого государя светейшего патриарха молитвами по моим расспросным речам король и королевич с

⁶⁷⁶ Там же. С. 324.

⁶⁷⁷ Там же. С. 325.

литовскими людьми из Московского государства вышли вон»⁶⁷⁸. В результате царь Михаил «пожаловал Ивана Иванова сын Философова для нынешней радости, благоверные царевны и великие княжны Ирины Михайловны велел ево написати в Московский список»⁶⁷⁹.

Однако пожалование Ивана Философова сводилось и к тому, что подвиг его был делом давним и государь был милостив по случаю рождения дочери. В результате, летопись несколько иначе передает слова Философова, чем донесение Мезецкого-Грамотина и, тем более, письмо Задзика.

В то же время, следует разделять первые показания Ивана Философова, которые он дал зимней ночью сразу после ранения и захвата в плен, и его последующее поведение перед лицом короля Сигизмунда. По словам самого Философова: «И многие, государь, поляки выезжали и полоняники выходили к Москве, к боярам и про те мои расспросные речи сказывали и ваши государевы бояре князь Д.Т, Трубецкой, да князь Д.М. Пожарский про тое мою службишку и про расспросные речи и про королевский отход писали по городам, что король и королевич по моим расспросным речам из Московского государства вышли вон»⁶⁸⁰. Действительно, известие о подвиге Философова встречается в грамоте Трубецкого и Пожарского в Осташков, которая сохранилась в переводе на шведский язык⁶⁸¹. В этой грамоте также упоминаются выходцы из польского полона. Вероятнее всего, это те, которых упоминает в своем следующем письме Задзик: «Москвитяне, кои до сего времени были при его королевском величестве, отпущены ехать к своим, дабы там, *per occasionem* вели дела *in rem* его королевского величества. Они обещали, не знаю, захотят ли. Некоторые говорили, с плачем, что желали бы остаться при его королевском величестве, но не могут выдержать из-за великой нужды, должны искать хлеб среди своих, чтобы не сдохнуть от голода»⁶⁸². Это письмо было написано из Вязьмы и сообщало о скором отъезде короля Сигизмунда в Смоленск. В числе выходцев был, вероятно, и князь Данила Мезецкий, который до этого момента служил королю, а затем принял участие в избирательном земском соборе и поставил свою подпись под грамотой

⁶⁷⁸ Челобитная Ивана Философова о пожаловании его в московские дворяне // Сташевский Е. С. I-II.

⁶⁷⁹ Там же. С. IV.

⁶⁸⁰ Челобитная Ивана Философова о пожаловании его в московские дворяне // Сташевский Е. С. II.

⁶⁸¹ Сборник Новгородского общества любителей древностей. Вып. V. Новгород, 1911. С. 19-20. В передаче Винекинда: Поэтому, когда им (королем Сигизмундом - А.М.) посланы были с вооруженным отрядом Адам Жолкевский, Даниил Мезецкий и Иван Грамотин, мы, убедившись, что нас обманывают, разбили их, а потом от многих вражеских пленных и от некоторых наших, возвращавшихся от поляков, узнали, что все прежние предчувствия, не напрасно внушавшие нам страх, правильны, а сверх того, что король от одного смоленского боярина Ивана Философова услышал о нашем союзе, об отказе от общения с поляками и готовности вечной ненавистью преследовать их и литовцев; что, узнав об этой враждебности, он ушел в Польшу на сейм.

⁶⁸² Письма Я. Задзика Л. Гембицкому // Эйльбарт Н.В. Смутное время в польских документах государственного архива Швеции. С. 329.

об избрании Михаила Романова. Следовательно, о показаниях Философова московские власти могли судить из близкого и осведомленного источника, при этом у князя Мезецкого не было причин преувеличивать заслуги Философова. Поэтому у лидеров ополчения и совета всей земли были основания считать «расспросные речи» Ивана Философова перед королем за достоверное событие.

Вероятно, следует разделять как два события поведение Философова в первые минуты пленения и его последующие расспросные речи перед королем. В то же время уже первый допрос Философова повлиял на отступление польского войска из-под Москвы. Задзик пишет: «получив от него известия и отчаявшись завязать переговоры в три часа ночи, после долгих совещаний (потому что многие хотели дожидаться дня, чтобы отход не казался бегством), имея на этот счет много верных соображений и то наиважнейшее, что челядь на сильном морозе, без огня, никоим образом не могла бы выдержать, мы двинулись в лагерь, до которого доехали перед самым рассветом»⁶⁸³. Отряд Адама Жолкевского не имел достаточно сил для штурма Москвы и в его задачу входила охрана послов, которые должны были вести переговоры от имени «царя Владислава». Первые слова Философова о гарнизоне «не более 6-и тысяч» войска соответствует его показаниям Мезецкому и Грамотину: 2 000 дворян, 2 500 казаков и 1000 стрельцов. Но даже такая численность московского гарнизона значительно превосходила войско Адама Жолкевского. По словам пана Задзика, в этом отряде было около 1000 человек. Указание Философова на то, что в Москве нет продовольствия, и что осада может занять месяц, также не усиливало желание польских солдат наступать, поскольку, как неоднократно отмечает тот же Задзик, отряд Жолкевского испытывал трудности постоянные трудности с продовольствием. Главный же смысл показаний Философова и перед паном Зборовским и перед князем Мезецким состоял в том, что на Москве сильны противники королевича Владислава, и что никакие переговоры не возможны. Именно так передает его показания собственная челобитная и грамота в Осташков. Сам Иван Философов вскоре вернулся из плена и уже в 1613 году начал службу с князем Черкасским под Смоленском, а затем в отходе из-под Можайска и в московском осадном сидении 1618 года. В расспросных речах он уточнял, что «родителей де ево и братьи и дяди побито на государевых службах от крымских и от литовских и от немецких людей 15 ч.»⁶⁸⁴. Если родичей Ивана Философова, которые погибли на службах ещё в XVI веке, то количестве смертей в бою в этом роду действительно достигает 13 человек. При сыске выяснилось, что в московские

⁶⁸³ Там же. С. 325.

⁶⁸⁴ Сташевский Е. Очерки по истории царствования Михаила Фёдоровича. С. III.

дворяне уже был пожалован двоюродный дядя Ивана, Феодосий Философов⁶⁸⁵. Вероятно, история с войском Адама Жолкевского была лишь одним из моментов службы рода Философовых в Смутное время.

Итак, успех 1606 года повлиял на общую стратегию смоленского служилого города. Смоляне стремились действовать сообща, и определять свои действия общим мнением корпорации и решением авторитетных лидеров из старших по отчеству фамилий. К этому можно добавить долгую верность одному государю – Василию Шуйскому, добрую память о котором смоленская «Повесть о победах» передала спустя годы. Однако эта стратегия, весьма успешная в самом начале борьбы с самозванцами, не всегда оказывалась успешной в ходе дальнейшего развития Смуты. С 1610 года смоляне ищут новые проекты, причем наиболее популярной для них стала идея коронации Владислава на русский престол. Неопределенность польской стороны по вопросу об избрании нового государя приводит к разделению служилого города и к ослаблению позиций старших родов. На первый план выдвигаются новые лидеры: сначала активные сторонники коронации Владислава (Корсаков, Шушерин), а после те, кто придерживался принципов сотрудничества с набиравшим силу советом всей земли. В результате смолянам удалось в тяжелейших условиях сохранить единство, а их присоединение к ополчению Минина и Пожарского позволило им закрепить все первоначальные успехи. Однако на фоне этих успехов в семье каждого смолянина можно проследить трагедию утраты близких (в том числе жен и детей) и разрыва с родными землями, на которых они сформировались, как единая воинская корпорация. Итогам Смутного времени для смоленского дворянства посвящена заключительная глава.

⁶⁸⁵ Там же. С. II.

Глава 4. Результаты Смуты для Смоленского служилого города

4.1. Смоляне и четвертное жалование в Смутное время

В книгах четвертного жалования отразились важнейшие заслуги смоленских дворян. Значение четвертного жалования для продвижения провинциальных дворян по службе в Смутное время до сих пор остается сравнительно мало изученным в отечественной историографии.

Четвертями в Московском государстве называли особые территориальные приказы, одной из функций которых была выплата жалования служилым людям. К началу Смутного времени четвертное жалование ещё не было широко распространено и большинство уездных дворян, в т.ч. смоленские дворяне получали жалование «с городом». Однако жалование «с городом» и прибавки к нему зависели от места служилого человека в дворянской корпорации, от его чина, «отечества» и поместного оклада. Четвертное жалование назначалось дворянам за особые службы, а его размер в меньшей степени зависел от места дворянина в служилом городе. При назначении четвертного жалования и прибавок к нему всегда фиксировались конкретные заслуги дворян. Поэтому книги выплат четвертного жалования представляют собой ценный источник сведений о служебных достижениях, в том числе о службах смоленских дворян в годы Смуты. Четвертное жалование могло достигать значительных размеров: если верхнее значение оклада «с городом» было 14 рублей, то жалование из четверти, или «из чети» могло доходить до 50 рублей выше для городских дворян. По справедливому предположению Л.С. Сухотина, четвертное жалование было первым этапом для перехода в чин выборных, а затем и московских дворян⁶⁸⁶. В годы Смуты четвертное жалование широко распространяется среди провинциальных дворян, поскольку назначение денежных окладов из четверти становится распространенным способом пожалования служилым людям. Делопроизводство самих четвертей за этот период сохранилось в виде расходных и окладных книг четырех финансовых приказов – Галицкой, Владимирской, Костромской и Устюжской четвертей. После публикации четвертных или кормленых книг начала XVII века, выполненной Л.С. Сухотиным, в историографии укрепился термин «четвертчики» - для обозначения тех, кто получал четвертное жалование. Четвертчиками при царе

⁶⁸⁶ Сухотин Л. С. Четвертчики Смутного времени. С. XIV-XV; Смирнов Н.В. Кормленые книги, как источник по военной истории //Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Новгород, 2002. С. 91-97.

Василии становятся участниками боев с войсками Болотникова и Лжедмитрия⁶⁸⁷. Смолене, вероятно, были первыми из городских дворян, которых в достаточно большом количестве допустили к получению четвертного жалования по итогам похода 1606 года против Ивана Болотникова. Десятня 1605/06 года начинается со слов «Смоленск. Выбор, выше статей, государево, царево и великого князя всея Руси жалование емлют из четверти»⁶⁸⁸. Б.Н. Флоря по этому поводу заметил, что смоляне «наряду с другими выборными дворянами» получили возможность получать четвертное жалование⁶⁸⁹. Однако десятня составлялась до похода 1606 года, когда четвертчиками могли быть, в лучшем случае шесть первостатейных дворян. И даже после разгрома Болотникова под Москвой четвертчиками становятся не все смоляне и даже, вероятно, не все участники сражений 1606-07 годов. Многие смоляне, уже известные в десятне 1605/06 года были поверстаны четвертными окладами «вновь» за службу в земских ополчениях и за войны с поляками и шведами в первые десять лет царствования Михаила Федоровича. В последние годы Смутного времени (1613-1618) четвертное жалование для смоленских дворян становится по-настоящему массовым. Относительно же четвертчиков царя Василия можно сказать, что представляли собой небольшую, но лучшую в плане боеготовности часть смоленского служилого города.

Из книг Галицкой и Владимирской четверти 1610-х годов нам известны имена 62-х смолян, получавших четвертное жалование при царе Василии. При назначении им окладов в источниках содержатся ссылки на кормленую книгу «118-го» (1609-10) года⁶⁹⁰. В их числе 34 человека имеют оклады ниже 9 рублей, а выше 13 рублей в год получали за службу единицы – всего 8 человек. Все известные к настоящему времени четвертчики царя Василия продолжали служить и получать жалование в царствование Михаила Федоровича. Четвертчики были лучшими бойцами в поместной коннице, своего рода воинской элитой. В отношении четвертчиков царя Василия имеются некоторые примечательные факты. Во-первых, их имена практически не пересекаются с именами дворян, получавших поместные грамоты от короля Сигизмунда. Только пятеро из шестидесяти трех смолян: Алферий Петрович Баскаков, Григорий Любимович Пыхачев, Иван Семенович Озеренский, Петр Иванович Монастырев и Алексей Семенович Челюскин – одновременно являлись четвертчиками царя Василия и получили грамоты на

⁶⁸⁷ Сухотин Л. С. Четвертчики Смутного времени. С. 202, 210, 213, 231, 238.

⁶⁸⁸ Мальцев. Борьба за Смоленск в XVI-XVII вв. С. 364.

⁶⁸⁹ Флоря Б.Н. Польско-литовская интервенция в России и русское общество в начале XVII века. С. 103 (61, 70, 104-105, 122-123)

⁶⁹⁰ Там же. С 60-188, 280-283, 287, 300, 302, 308-326.

поместья от короля Сигизмунда⁶⁹¹. В остальных случаях наблюдается разделение служилого города четвертчиков царя Василия и тех, кто воспользовался милостями короля Сигизмунда. Это разделение нельзя объяснить лакунами в источниках, здесь прослеживается определенная закономерность. В некоторых случаях разделение отмечается между близкими родственниками. Так, четвертчиком царя Василия отмечен Григорий Андреевич Меньшой Кокошкин (городовой, 350 четей, жалование из чети в 1609-10 годах 6 рублей)⁶⁹². Его родные братья Неупокрой (дворовый, 500 четей) и Замятня (дворовый, 400 четей), Андреевичи отметились неоднократным получением своих и чужих поместий от короля Сигизмунда⁶⁹³. При этом сам Г.А. Кокошкин в королевской раздаче поместий участия не принимал. Есть пример и с более близкими родственниками: братья Иван и Атаман Васильевичи Золотиловы были четвертчиками царя Василия с окладами 9 рублей⁶⁹⁴ (Иван был городовой сын боярский с окладом 350 четей, а Атаман в десятню 1605/06 года не попал). Поместья от короля Сигизмунда получали их сыновья: и Матвей Атаманович и Данила Иванович⁶⁹⁵ (соответственно: городовой 250 четей и новик 150 четей). Такое же разделение наблюдаем и в роду Лызловых: будущий московский дворянин Федор Елизарьевич Лызлов при царе Василии получал из чети 14 рублей, но в отличие от других своих сородичей не получал поместья от Сигизмунда.

Можно указать на целые служилые фамилии, представителей которых вовсе не видим в списках пожалованных Сигизмундом помещиков, но зато встречаем до трех представителей в четверти царя Василия: Дементьевы и Шестаковы. Уже в 1605/06 году двое Дементьевых занимают место в выборе с окладами 500 четей: Федор и Семой Никитовичи⁶⁹⁶. Их сыновья, Дмитрий Федорович (дворовый, 500 четей), Андрей и Иван Семеновичи стали четвертчиками царя Василия, причем Д.Ф. Дементьев получил довольно высокий оклад в 18 рублей, а его двоюродные братья – по 8 рублей⁶⁹⁷. В первой главе уже отмечалось, что Дементьевы не заметны в служилом городе в XVI веке и никак не отметились в походе Болотникова. Однако в царствование царя Василия они окончательно закрепились в верхушке служилого города, а впоследствии стали выборными и московскими дворянами. Служилый род Шестаковых занимал менее заметное положение, но в нем также было трое четвертчиков царя Василия: Юрий Васильевич (дворовый, 450 четей), Михаил Тимофеевич (дворовый, 350 четей) и Матвей

⁶⁹¹ Там же. С. 61, 89, 105, 319, 328; Акты Западной России. Т. IV. С. 349, 351, 355, 358, 363,

⁶⁹² Сухотин Л. С. Четвертчики Смутного времени. С. 122.

⁶⁹³ Акты Западной России. Т. IV. С. 341, 344.

⁶⁹⁴ Сухотин Л. С. Четвертчики Смутного времени. С. 90.

⁶⁹⁵ Акты Западной России. Т. IV. С. 357, 360.

⁶⁹⁶ Мальцев. Борьба за Смоленск в XVI-XVII вв. С. 364.

⁶⁹⁷ Сухотин Л. С. Четвертчики Смутного времени. С. 61, 75, 317.

Иванович (новик, 300 четей). И точно также в этом служилом роду не известно пожалований от короля Сигизмунда. Среди четвертчиков царя Василия находим и двоих представителей служилого города в великом посольстве Голицына и Филарета: дворянина Андрея Романовича Уварова и стрелецкого голову Ивана Казариновича Оболенева (оба – дворовые, 500 четей)⁶⁹⁸. Примечательно, что у них обоих были достаточно крупные по тем временам оклады – 26 рублей у Уварова и 30 рублей у Оболенева – следовательно, они начали служебное продвижение до участия в Великом посольстве. Вообще же о деятельности четвертчиков в 1610-11 годах известно мало, однако есть указания, что именно они принимали наибольшее участие в общих земских делах и уже летом 1610 года выступали против интервентов. В числе тех, кто подписался под челобитной королю Сигизмунду и просил его сына на царство в остроге под Царевым-Займищем, был Федор Языков⁶⁹⁹ – младший брат выборного дворянина Михаила Языкова. При царе Василии Федор Александрович получал четвертное жалование 9 рублей⁷⁰⁰. Но уже 17 августа 1610 года его смоленское поместье было отдано Тимофею Игнатьевичу Довотчикову, как «изменничье»⁷⁰¹. К сожалению, польские источники не раскрывают, в чем именно состояла «измена». Примечателен сам факт, насколько быстро Федор Языков отказался признавать фактическую власть польского короля. Вероятно, его подпись под челобитной в условиях общей капитуляции валуевского гарнизона, также не была вполне искренней. Ещё более примечательна биография другого четвертника царя Василия – Алексея Елизарьевича Самарина. При царе Василии он получил оклад 8 рублей, а потом придачу в 4 рубля за «московское осадное сидение». После свержения царя Василия он оказался в осажденной смоленской крепости в сотне Ивана Бестужева⁷⁰² и уже 3 августа ручался по Башмакову и его подручным. Как было сказано выше, во время смоленской обороны А.Е. Самарин получил ответственную должность головы у «слухов», то есть, руководил саперными работами. Во время взятия Смоленска в 1611 году он был ранен и попал в плен, но уже в 1612 году вернулся и принял участие в боях под Москвой и в освобождении Торопца от войск Сигизмунда. За эти службы Алексей Самарин получал новые прибавки к четвертному окладу, который к февралю 1615 года уже составлял 26 рублей⁷⁰³. Следует добавить, что его брат Андрей и некоторые другие Самарины в 1610 году получали поместья от короля Сигизмунда⁷⁰⁴. Следовательно, в отказе четвертчиков

⁶⁹⁸ Там же. С. 314, 318.

⁶⁹⁹ Флоря Б.Н. Польско-литовская интервенция в России и русское общество в начале XVII века. С. 172.

⁷⁰⁰ Там же. С. 323.

⁷⁰¹ Акты Западной России. Т. IV. С. 345.

⁷⁰² Памятники обороны Смоленска. С. 329.

⁷⁰³ Сухотин Л. С. Четвертники Смутного времени. С. 318-319.

⁷⁰⁴ Акты Западной России. Т. IV. С. 332, 391.

царя Василия была своя закономерность. Безусловно, четвертчики были меньше зависимы от доходов с поместий, что, несомненно, играло свою роль в смутные времена междуцарствия. Но не следует забывать и о том, что четвертное жалование само по себе было результатом предыдущих боевых заслуг. Характерна судьба четвертчика Афанасия Зубова (городовой, 400 четей), про которого сказано в справе оклада от 6 сентября 1615 года: «Велено по разрядному сыску справить ему до большого сыска старый его оклад, что ему было при царе Василии, 20 р.: 8 р. было ему за калужскую службу и за раны, а 12 р. – придача за службу и за проезд от Твери от боярина князя Михаила Васильевича Шуйского (и тот оклад при царе Василии не справлен)»⁷⁰⁵. Следует предположить, что Афанасий Зубов участвовал и в других службах Смутного времени, как и многие смоляне, но жалование и прибавки к окладу (кстати, достаточно большие) при царе Василии выдавались за особую выслугу. Поэтому четвертчиками становились самые преданные воины царя Василия. Поэтому четвертчики были не столь заинтересованы в том, чтобы присоединиться к партии Владислава.

Другой особенностью четвертчиков царя Василия было то, что среди них были самые разные по возрасту и по своему отчеству дворяне, в том числе городовые дети боярские и новики 1605 года. Следовательно, в четвертчики попадали наиболее заслуженные и наиболее достойные по моральным и боевым качествам представители смоленского служилого дворянства. Именно это выделяло четвертчиков царя Василия из общей массы смолян в годы междуцарствия. Сплоченность вокруг четвертчиков обеспечивала смолянам победы над болотниковцами и тушинцами, но после клушинского поражения и выдвижения кандидатуры королевича Владислава влияние четвертчиков значительно ослабло и возродилось уже в 1611 году. К сожалению, судить о количестве четвертчиков в служилом городе не представляется возможным, поскольку их списки сохранились не полностью. Вероятно, в состав четвертчиков входили другие лица, не получавшие поместья от короля Сигизмунда, но имевшие влияние в служилом городе, либо известные по своим заслугам: Иван Корсаков, Федор и Алексей Зубовы, возможно, также многие из Философовых и Афанасий Вараксин.

После 1612 года количество четвертчиков значительно возросло. В их числе оказались многие из тех, кто недавно получал поместья от Сигизмунда, но затем отдал силы на службу земским ополчениям. После взятия Москвы вопрос о наделении этих смолян денежным жалованием сохранял свою актуальность. Верстание Минина распространялось на весь служилый город и предусматривало замену доходов с поместья на денежное жалование для всех детей боярских. Для четвертчиков проблема обеспечения

⁷⁰⁵ Сухотин Л. С. Четвертчики Смутного времени. С. 318.

службы даже после взятия Смоленска стояла столь не остро. Четверти и доходы с них оставались в распоряжении воевод Первого, а затем и второго ополчения, ровно как и Большой приход (главное финансовое ведомство) Дворец (главное хозяйственное ведомство)⁷⁰⁶. Но и четвертчики царя Василия поначалу стремились получать регулярное жалование из ополченской казны. Так, белянин Тимофей Тарбеев, участник боев за Торопец не смог в свое время получить жалование, которое назначалось из ополченской казны в Ярославле летом 1612 года. По его словам «белянам дворянам и детям боярским **всем** государево жалование дано в Ярославле при боярех для их бедности и разорения, большой статье по 27 рублей, а другой по 26 рублей, а третьей по 24 рубли. А давал боярин князь Дмитрий Михайлович Пожарский, да Кузьма Минин, а ему было в Ярославль ехать к жалованию не мочно, потому что был в Торопце в воеводах и литовские и немецкие люди и русские воры прихаживали под город и к острогу безпристани. И государь б его пожаловал, велел бы ему дати свое государево жалование против белян же ныне, а государева жалования ему из четверти 18 рублей»⁷⁰⁷. Из челобитной видно, что денежное верстание Минина и Пожарского распространялось изначально на всех детей боярских одинаково, включая четвертчиков. Челобитная рассматривалась уже в январе 1614 года. Тарбеев, хоть и указывает четвертной оклад, просит, чтобы его поверстали вместе со всеми беспоместными детьми боярскими, по той же системе, которая сложилась в Нижнем Новгороде и в Ярославле. Это ещё раз подтверждает, что верстание Минина определило финансовое обеспечение беспоместной кавалерии на годы вперед. Характерно, что в окружении царя приняли другое решение: «дати против торопецких осадных сидельцев оклад его сполна, 18 рублей»⁷⁰⁸. Однако денежное верстание Минина постепенно заменялось на традиционное поместное и денежное обеспечение. В этой ситуации значительное расширение состава четвертчиков ознаменовало признание заслуг дворян и детей боярских в борьбе за освобождение Москвы от польско-литовского гарнизона. Новые верстанья в четверть проходили ещё в Первом земском ополчении, но смоленских дворян они почти не коснулись. Только Григорию Чихачеву «за подмосковные службы» было «велено давать из чети вновь по 6 рублей» 14 января 1612 года⁷⁰⁹.

Второе ополчение проводит крупный смотр 15 декабря 1612 года. Этот первый смотр посвятили тем, кто участвовал в последних боях за освобождение столицы осенью 1612 года и при этом получил ранения. До нас дошли имена 17 смолян, которые приняли

⁷⁰⁶ Забелин И.Е.. Минин и Пожарский. С. 225.

⁷⁰⁷ Сухотин Л. С. Четвертчики Смутного времени. С. 257.

⁷⁰⁸ Там же. С. 258.

⁷⁰⁹ Сухотин Л.М Четвертчики Смутного времени. С. 135.

участие в верстальном смотре 15 декабря⁷¹⁰. Все они получили новые оклады «за подмосковную службу и за раны 121 году».

Список четвертчиков с размером оклада готовили заранее и составляли специальный документ – «память». Память для верстального смотра 15 декабря составлял дьяк Андрей Вареев⁷¹¹. Его имя и дата 15 декабря всегда стоят рядом в кормленной книге галицкой четверти 1615 года и в других сведениях о четвертных пожалованиях. Из 17 случаев участия смолян в верстальном смотре в двух случаях год не указан, один раз упомянут 120 год, и один раз не приписано «и за раны». Эти небольшие отклонения никак не влияют на представление об общей картине смотра. «Подмосковная служба 121 году» – время решающих сражений с неприятелем, таких, как битва с Ходкевичем и взятие Китай-города, а те, кто получил в этих битвах ранение, получали новые четвертные оклады и прибавки к старым в первую очередь. Все 17 случаев верстания охватывают шкалу окладов от 8 до 3 рублей. В самую большую верстальную статью – «по 6 рублей» вошло 6 человек, в остальных статьях представлено по два человека. Вероятнее всего, это не полный список смолян – участников первого верстального смотра. Однако уже эта выборка достаточно показательна.

Старые четвертчики царя Василия были представлены на верстальном смотре 1612 года пятью персонами: А.С. Бердяев, А.С. Дементьев, Г.А. Меньшой-Кокошкин и П.И. Соколов, М.И. Шестаков. Все они получили придачи к уже существующим окладам, которые составляли 3 или 4 рубля. Те, кто были пущены в четверть впервые (по терминологии источника – «вновь»), стал получать 8, 7, 6 и 5 рублей. Для них верстание денежными четвертными окладами означало признание заслуг перед «всею землей» в деле «очищения Московского государства». Таким образом, оформилось новое поколение четвертчиков. Примечательно, что только двое из них получали поместья от короля Сигизмунда: Дружина Довотчиков и С.М. Неелов (оба – новики 1605 года)⁷¹². Дружина Довотчиков был поверстан в самую высокую статью денежного жалования – 8 рублей – и впоследствии смог увеличить четвертное жалование в походах под Смоленск 1613-16 годов. Среди первых участников денежного верстания 15 декабря 1612 года преобладали городские дети боярские, а также новики 1605 и последующих годов. В результате состав смоленских четвертчиков пополнился новыми людьми.

Верстание 15 декабря затронуло тех, кто, по мнению вождей ополчения, заслуживал награды в первую очередь. Кроме того, пожалование раненым смолянам было

⁷¹⁰ Кормленная книга Костромской чети. СПб., 1894; Сухотин Л.М. Четвертчики Смутного времени. С. 60-188, 308-332.

⁷¹¹ Сухотин Л. С. Четвертчики Смутного времени. С.86, 90, 91, 99, 103, 120, 121, 150, 327-329.

⁷¹² Там же. С. 75, 150; Акты Западной России. Т. IV. С. 358, 362.

обусловлено тем, что многие из них оставались в Москве и не были отправлены на другие службы. Но на этом этапе наградные мероприятия не остановились. Верстальные смотры, которые можно зафиксировать в позднейших кормленных книгах, проходили 8 и 13 января, 5 и 7 февраля. В кормленных книгах сказано, что в январе 1613 года и 7 февраля служилым людям назначали жалование «за службы 120 и 121 году» - на них также были отмечены заслуги смолян из второго ополчения. В том числе дважды наградили Ивана Тимофеевича Шушерина⁷¹³, поместье которого ранее досталось князю Морткину⁷¹⁴. Его первый оклад составил 5 рублей, а повторная придача за подмосковные службы – 7 рублей. Особняком стоит смотр 5 февраля. В этот день начали верстать большую группу смолян из первого ополчения – «за подмосковные службы 119 году». Впоследствии им посвятили особый смотр 15 февраля 1613 года.

15 февраля 1613 года пускали в четь и давали придачу к окладам «за подмосковные службы 119 году». Это были смоляне, которые участвовали в первом земском ополчении. Из кормленных книг можно получить сведения о 9 смолянах – участниках первого ополчения и смотра 15 февраля 1613 года. Только двое из них получили первые четвертые оклады: Андрей Скобятин – получил новое жалование 5 рублей, Микифор Коверзин был верстан вновь пятью рублями⁷¹⁵. Остальные были старые четвертики царя Василия и получили придачи в 3 и в 5 рублей. Среди них были И.К. Оболешев, Д.Ф. Дементьев, Ф.А. Языков. Следовательно, старые четвертики царя Василия в отличие от большинства смолян принимали участие в подмосковном ополчении с польско-литовском гарнизоном уже на первых этапах боев за Москву в 1611 году. Через три дня, 18 февраля 1613 года был проведен самый крупный верстальный смотр. Нам известны имена 21 смолянина-участника смотра. Память для верстания составляли два дьяка – уже известный по прежним смотрам Семейка Сампсоньев и Иван Булыгин. Направление данного смотра определить труднее, чем двух предыдущих. О четвертиках, которых пожаловали по памяти Семейки Самсонова, как правило, нет точных сведений: за какие службы они получили прибавки к окладам, а немногие сведения говорят о верстании за подмосковные службы самых разных лет. Более четкие задачи были у верстания по памяти за приписью Ивана Булыгина. Все, кого верстали по этой памяти, получили новые оклады или прибавки к старым окладам «за подмосковные службы 120 и 121 году». Один из старых четвертиков царя Василия, М.Т. Шестаков, получил придачу 6 рублей к старому окладу – «за подмосковные службы 119 и 120

⁷¹³ Там же. С. 317.

⁷¹⁴ Акты Западной России. Т. IV. С. 379.

⁷¹⁵ Сухотин Л. С. Четвертики Смутного времени. С. 162, 174.

годов»⁷¹⁶. Также по памяти Ивана Булыгина Федор Ефимьевич Моложенинов получил придачу 5 рублей, а двое братьев Золотиловых – придачи по 3 рубля⁷¹⁷. Службы 120 и 121 году» была та же служба во Втором ополчении под Москвой, но теперь настала очередь меньших окладов. Новые оклады 18 февраля 1613 года составляли 5 рублей.

По памяти Семейки Сампсоньев от 18 февраля верстали «за подмосковные службы 120 году». Служба 120 году в основном приходится на тяжелый период между убийством Ляпунова и приходом под Москву Кузьмы Минина и князя Пожарского. Поэтому новые оклады за эту службу оказывались достаточно высокими. Например, Степан Афанасьевич Бердяев получил за подмосковную службу 120 году новый оклад в 10 рублей⁷¹⁸. Прибавка за смоленскую оборону 1609-11 года и возвращение из плена также предусматривалась в памяти Сампсоньева для смотра 18 февраля. Именно тогда старый четвертчик царя Василия Алексей Самарин получил прибавку в 4 рубля «за смоленскую службу и за раны»⁷¹⁹. Следует отметить, что новые оклады для участников обороны Смоленска и выходцев из плена были достаточно высокими. Так, Иван Головин, который во время обороны 1609-11 годов числился неслужилым новиком⁷²⁰, был пущен в четверть с окладом в 7 рублей. Он вышел из плена перед приходом под Москву войска гетмана Хоткевича и принес вести, за что получил придачу 5 рублей⁷²¹. Известен случай, когда дорогобужанину Терюшному Облязову за Смоленское осадное сидение и выход из плена удвоили 10-рублевый оклад⁷²².

В «памяти» дьяка Сампсоньева для февральского смотра выделялись особые «службы 121 году». Вот что сказано об Автомоне Ивановиче Соколове: «Велено ему давати из чети вновь по 5 рублей, да по той же памяти за подмосковные службы и китайское взятие придано ему к 5 рублям 5 рублей, и при государе справки о памяти не принашивал»⁷²³. Здесь мы видим оклад с одновременной придачей, впервые отдельно выделено взятие Китай-города. Судя по всему, такой же оклад с одновременной придачей получил его родич Иван Посников Соколов⁷²⁴. Вероятно, смотр 18 февраля имел двойкий характер: дьяк И. Булыгин составил память для награждения основной массы смолян – участников Второго ополчения окладами и придачами по 5 рублей, в то время, как С. Сампсоньев рассматривал особые служебные достижения. 20 февраля 1613 года проходит

⁷¹⁶ Там же. С. 318.

⁷¹⁷ Там же. С. 90, 328.

⁷¹⁸ Там же. С. 327.

⁷¹⁹ Там же. С. 318.

⁷²⁰ Памятники обороны Смоленска. С. 328.

⁷²¹ Сухотин Л. С. Четвертчики Смутного времени. С. 320.

⁷²² Там же. С. 230, 321.

⁷²³ Там же. С. 105.

⁷²⁴ Там же. С. 90.

новый смотр. Здесь уже отдельно рассматриваются более сложные истории служб. Очередные придачи получили в этот день старые четвертчики Д.Ф. и И.С. Деменьтевы: за службу под Москвой в 119 и в 120 и в 121 годах⁷²⁵. Но в основном этот смотр коснулся тех, кто за время освободительного движения участвовал не только в боях под Москвой, но и нес службу в порубежных городах. За эти службы давали высокие четвертные оклады: А.К. Довотчиков получил вновь 14 рублей «за подмосковные, Ржевские и новоторжские службы»; П.М. Довотчиков «за Ржевские и новоторжские службы 119, 120 и 121 году» получил новый оклад в 10 рублей⁷²⁶. Придачи к старым окладам были значительно меньше. Уже известный Алексей Самарин получил «за торопецкие и подмосковные службы» придачу в 4 рубля⁷²⁷. Другой четвертчик царя Василия, Иван Рагозин получил придачу в 5 рублей «за царевское осадное сидение и за подмосковные службы 120 и 121 году»⁷²⁸. Царевская служба мало прослеживается по источникам. Вероятно, она была связана с действиями запорожцев в юго-западных землях зимой 1612 гг.

Последний смотр «при боярах» проходил 25 января и охватил тех, кто по каким-то причинам не был верстан раньше. От него известно только два человека. Дальнейшие верстальные смотры происходят уже при государе Михаиле Федоровиче. Зимние смотры 1612-13 гг. стали одним из важнейших мероприятий воевод Трубецкого и Пожарского. Можно выделить три важных направления компании 1611-12 гг.: «подмосковные службы», оборона Смоленска, с которой началось национальное сопротивление, и служба на западных и северо-западных границах. В условиях послесмутного разорения страны большое верстание 1612-13 гг. стало началом восстановления государственной системы жалования. В то же время четвертное жалование изначально предполагалась как награда за особые личные заслуги. Но уже в верстании по памяти Ивана Булыгина отразилась тенденция давать рядовым участникам подмосковных служб оклады по 5 рублей. В первые годы царствования Михаила Федоровича эта тенденция укрепились. Новый государь, опираясь на ту же земскую власть, продолжил политику ополченских воевод. При нем продолжились награждения участников смоленской обороны и боев за Москву. Так 7 августа получил новый оклад в 7 рублей, за подмосковную службу Кузьма Шестаков⁷²⁹, и тогда же был пожалован участник смоленской обороны Лукьян Трубников:

⁷²⁵ Там же. С. 61, 317

⁷²⁶ Там же. С. 104, 326.

⁷²⁷ Там же. С. 318.

⁷²⁸ Там же. С. 76.

⁷²⁹ Там же. С. 326.

«Велено ему за смоленское осадное сидение и за службу и за литовский полон и за выход давати из чети вновь по 5 рублев»⁷³⁰.

Новые пожалования служилых людей четвертными окладами и придачами происходили в августовские дни 1615 года. В эти дни получают четвертные оклады остальные участники Первого и Второго ополчений. Верстальные памяти составляли дьяки Марк Поздеев и Сыдавной Васильев. В этих памятях появляется новая терминология, выделяются самые значимые сражения: «Хоткеев бой», «Китайское взятие». Новые четвертные клады за службы 120 и 121 года составляли от 6 до 9 рублей, то есть несколько повышаются со времен первых верстальных смотров 1612-13 годов. Поскольку верстальные смотры августа 1615 года носили дополнительный характер, то старые четвертки в них уже не участвуют.

Тогда же, в августе 1615 года верстали новыми окладами смолян «за новгородскую и бронницкую службы», т.е. участников похода на Новгород 1613 года с князем Трубецким. Во время этого похода отряд Якоба Делагарди осадил русское войско в острожке под Бронницами. Однако гарнизон упорно сопротивлялся и сумел добиться сдачи острожка и отступления на почетных условиях. Как придача к старому окладу, так и новое жалование за бои под Бронницами составляла 5 рублей. Но были и случаи особого пожалования. Так, Матвей Атаманович Золотилев, уже 13 июля 1614 получил новое жалование 7 рублей за бронницкую службу и за раны⁷³¹. Впоследствии он вместе со всеми получил придачу за бронницкую службу в августе 1615 года – но уже только 3 рубля. В некоторых случаях по памяти Сыдавного Васильева в августе 1615 года получали четвертное жалование сразу и за подмосковные и за бронницкие службы – в таком случае новые оклады могли составлять 7-8 рублей. Всего известны имена 12 смолян пожалованных за новгородские и бронницкие службы.

Бронницкая служба 1613 года – единственный пример участия смолян в боях на северо-западном направлении. Большинство служилых людей получали новые четвертные оклады и прибавки к старым за «смоленские», и «бельские» службы 1613-1617 годов. Именно в борьбе за смоленские земли смоляне были в большей степени заинтересованы. Известны имена 25 смолян – участников походов под Смоленск в первые годы царствования Михаила Федоровича. Прибавки к четвертному жалованию за эти походы составляли 1-2 рубля, а новые оклады не назначались. Любопытно, что на особых службах отметились старые четвертки царя Василия: 12 июня 1614 года Влас Кушелев, городской с окладом 350 четей, получил придачу 5 рублей за строительство острогов и за

⁷³⁰ Там же. С. 174.

⁷³¹ Там же. С. 122.

выход из плена⁷³², а другой четвертчик царя Василия, Федор Елизарьевич Лызлов, получил придачу 4 рубля «за языки» (захват пленных)⁷³³.

Следует отметить, что четвертчики царя Василия и ополченских воевод не сразу стали получать ежегодные оклады в полном объеме. В 1617 году у 18 смолян оклады были всё ещё «не справлены» то есть, не подтверждены. Особый сыск денежных и поместных окладов происходил при участии всего служилого города, и только когда служба и жалования подтверждались, оклад окончательно помечался в кормленных книгах, как справленный. Ещё в 1617 году не справленными оставались оклады 18 смолян, в основном четвертчиков царя Василия и подмосковных ополчений.

Четвертные оклады смолян на исходе Смутного времени отразились в расходной книге Устюжской четверти⁷³⁴. Это были уже справленные годовые оклады, которые смоляне должны были получить за 7128 (1619/20) год. Из книги Устюжской четверти можно судить о составе смолян-четвертчиков на исходе Смуты, поскольку именно в этом финансовом приказе ежегодное жалование получали большая часть служилого города. В настоящей момент в книге Устюжской четверти зафиксировано 200 смолян. В это число входит несколько бывших смолян, к 1619 году служивших стольниками, например Матвей Игнатьевич Зубов – жалование из четверти составляло 65 рублей в год⁷³⁵. Для смолян, которые служили по выбору, но вместе с городом, максимальное годовое жалование составляло 60 рублей – в этой окладной статье были записаны Игнатий Андреевич Уваров – участник смоленской обороны 1609-11 годов (сын посольского дворянина при Филарете и Голицыне); Иван Федорович Философов, отец Афанасия и Ивана Философовых⁷³⁶.

Выше уже отмечалось, что эти служилые фамилии проявили себя в 1610-12 году и их старейшины вошли в верхушку служилого города. Оклад 55 рублей получил Иван Степанович Корсаков⁷³⁷ – о его служебном продвижении от гонца с сеунчом из-под Вязьмы и до сотенного головы уже упоминалось в данной работе. В расходной книге Устюжской четверти представлены свершенные оклады, сведений о службе там почти не содержится. Исключения представляют прибавки к окладам за участие в войне против королевича Владислава в 1618 году. Смоляне участвовали в обороне и отступлении Можайска вместе с князем Б.М. Лыковым, а также в битве за Боровск и на заключительном этапе – в обороне Москвы осенью 1618 года и в подмосковных боях с

⁷³² Там же. С. 329.

⁷³³ Там же. С. 317.

⁷³⁴ Расходная книга Устюжской четверти 1619/20 г. С. 142-164.

⁷³⁵ Там же. С. 145.

⁷³⁶ Там же.

⁷³⁷ Там же. С. 146.

войсками Владислава и гетмана Сагайдачного. Все эти придачи в основном давались в августе 1620 года по памяти дьяка Михаила Данилова. Так про того же Ивана Корсакова сказано, что за Можайскую службу и отход с князем Б.М. Лыковым он получил придачу 4 рубля. В результате его оклад составил 59 рублей. У Дмитрия Ивановича Зубова (беспоместный новик 1605 года) был оклад 33 рубля, но затем он получил придачи и за Боровскую и за Можайскую службу и с осаду Москвы и за бои с Сагайдачным (в которых он был ранен). Общая сумма прибавок составляла 17 рублей, и жалованье за 1619-20 год составило 50 рублей⁷³⁸. О других прибавках за Боровскую службу в книге Устюжской четверти нет сведений, хотя Новый летописец особо отмечает участие в битве смоленских дворян: «Тогда же князь Димитрий Мастрюкович Черкасской с Волока Ламского пришёл в Рузу и послал товарища своего, князя Василья Петровича Ахмушкова-Черкасского, на воинския полския люди. Со многими полскими полки под Боровским объехашася, и бой велик у государевых людей с полскими людьми учинися, и много с полскими и литовскими людьми под Боровском бишася. Тогда же за умножение грех наших литовския люди многих государевых людей побили и в полон поймали»⁷³⁹.

Среди дворян, раненых и захваченных в плен под Боровском был и Афанасий Вараксин, оклад которого в 1619/20 году составлял 29 рублей⁷⁴⁰. Однако в его случае, как и у большинства смолян, придачи к окладу не указаны. Гораздо большее число смолян (14 человек) получили прибавки за Можайскую службу князя Лыкова. Эти сведения позволяют уточнить характер службы смолян во время последней схватки с королевичем Владиславом. Всего в расходной книге 1619/20 годов упомянуто 36 из 59 смолян, получивших в 1619 году вотчины за Московское осадное сидение⁷⁴¹. У большинства из них денежное жалование составляло от 30 до 50 рублей. При этом обычные прибавки за Можайскую и Московскую службы редко составляли 5-6 рублей. В обороне Москвы были представлены в основном выборные дворяне, а также небольшое количество городских и дворовых. Именно высокое денежное жалование позволяло служилым людям подняться на службу на рубеже 1610-20-х годов. В результате при царе Михаиле лучшую в плане боеготовности часть поместного войска составляли не просто четвертчики, но четвертчики с высокими окладами выше 30 или хотя бы выше 20 рублей годового жалования.

⁷³⁸ Там же. С. 150.

⁷³⁹ Новый летописец. С. 37.

⁷⁴⁰ Расходная книга Устюжской четверти 1619/20 г. С. 151.

⁷⁴¹ Осадный список 1618 г. С. 57-58, 77, 87-88.

4.2. Поместное обеспечение и службы смолян по итогам Смутного времени

После захвата Смоленска в 1611 году, вопрос о наделении смоленских дворян поместьями стоял особенно остро. К решению этого вопроса приступили сразу же после освобождения Москвы. Уже в начале ноября 1612 года составляются отдельные записи на поместья смолянам в кинешемском уезде. Записи составлялись по наказу князя Пожарского, который следует датировать первыми днями после освобождения Москвы. Отдельщиками и дозорщиками выступали московский дворянин Борис Собакин и дьяк Иван Алексеев. 8 ноября 1612 года они составили несколько отдельных выписей на поместья в Кинешемской волости. Среди новых помещиков были Алексей Зубов с братом Матвеем, а также Лукьян Андреевич Полтев (его отец был братом Григория Полтева, воеводы смолян в походе против Болотникова), Андрей Федорович Философов (младший брат Ивана Федоровича). В каждой отдельной выписи встречаются упоминания и о заселенных деревнях в 2-3 крестьянских двора, и о пустых деревнях. Так, М.В. Бестужев получил 6 деревень живущих и три пустоши, 29 крестьянских дворов⁷⁴². У Алексея Зубова стало 10 деревень, правда, в их числе 3 были пустые, зато в остальных было 29 крестьянских дворов⁷⁴³. У его брата Матвея стало 14 живых деревень и 43 крестьянских двора⁷⁴⁴. Можно отметить, что на фоне общего разорения Смуты смолянам достались поместья, достаточно хорошо обеспеченные крестьянами. Однако такие поместья обычно получали лучшие представители смоленского служилого города, четвертчики и представители старших родов, многие из которых затем переходили на службу по московскому списку. Уже в сентябре начались отдели земель в пошехонском уезде, причем отдельщиком выступал бывший голова смоленских стрельцов Петр Чихачев⁷⁴⁵. Документы об этом отделе свидетельствуют, что обычный размер живущей пашни в одном поле составлял 42-43 чети, а пустовало 94-100 четей. Бывшие дворцовые и черносошные земли на Пошехонье раздавались не только смолянам, но и выезжим иноземцам, служилым казакам и другим категориям новых помещиков. Тем не менее, смоляне сохраняли свое название и не образовывали новых корпораций с помещиками других уездов. Представители смоленского служилого города испомещались достаточно компактно, во всяком случае, в уездах Русского Севера. Так, в белозерском уезде смолян испоместили в Азатской волости надпорожского стана и в Киснемской волости

⁷⁴² Акты служилых землевладельцев XV—начала XVII века. М., 2005. Т. III. С. 30-31,

⁷⁴³ Там же. С. 117-118

⁷⁴⁴ Там же. С. 119.

⁷⁴⁵ Там же. С. 357-458

Заозерского стана⁷⁴⁶. Смолян, помещиков Вологодских, испоместили в Водожской волости Годского стана, а в других волостях и станах того же уезда служили дорогобужане и иноземцы⁷⁴⁷.

Наиболее полный перечень земель, в которых были испомещены смоляне, дворяне и дети боярские можно выявить из соборного решения о проведении общероссийского смотра поместного войска в 1622 г. Причиной смотра была подготовка Российского государства к новой большой войне против Речи Посполитой за возвращение западно-русских земель. 12 октября 1621 года на Земском соборе в Грановитой палате Кремля все служилые люди и «торговые чины» одобрили решение великих государей – царя Михаила Федоровича и его отца патриарха Филарета – идти войной «на недруга – короля литовского». Однако по челобитью дворян и детей боярских было решено провести общерусский смотр. По всем служилым городам были посланы воеводы, дворяне и дьяки для разбора и смотра. Бывших смоленских, вяземских и дорогобужских дворян и детей боярских разбирали по разным городам. Указ о проведении смотра показывает границы испомещения дворян и детей боярских – выходцев из западных уездов. Смоляне стали помещиками шеховскими, рыбинскими, переславскими, пошехонскими, кинешемскими, галицкими, углическими, вологодскими, белозерскими, суздальскими, луховскими, касимовскими, рязанскими. Вязмичи – помещиками пошехонскими, галицкими, вологодскими, владимирскими, гороховскими, касимовскими, балахонскими, рязанскими. Дорогобужане – помещиками пошехонскими, вологодскими, владимирскими, суздальскими, гороховскими, касимовскими, балахонскими, рязанскими. До нас дошли лишь материалы смотра во Владимире, во время которого князь Иван Федорович Хованский и дьяк Василий Юдин разобрали смолян, вязмичей, дорогобужан, дмитровцев, дворян и детей боярских, помещиков замосковских городов⁷⁴⁸. Смотр показал тяжелую картину разорения дворян и детей боярских. Поэтому война с Речью Посполитой была отложена⁷⁴⁹. Материалы этого смотра дают возможность для изучения истории служилых городов в послесмутный период. Смотр проводили 13 групп разборщиков в различных русских городах. Всего смотр охватил 89 служилых городов. В рамках этого смотра проходил разбор помещиков во Владимире, во время которого князь Иван Федорович Хованский и дьяк Василий Юдин разобрали «смолян, вязмичей, дорогобужан,

⁷⁴⁶ Платежная книга Белозерского уезда //РГАДА. Ф. 1107. Белозерская приказная изба. Оп.1. № 115.

⁷⁴⁷ Дозорная книга Вологодского уезда разных лет //РГАДА Ф. 1209. Поместный приказ. Оп. 1. № 62.

⁷⁴⁸ Разборная «десятина розных городов смолян, вязмичей, дорогобужан» 1622 года. Л.1.

⁷⁴⁹ Воробьев В. М. Из истории поместного войска в условиях послесмутного времени (на примере новгородских служилых городов) //Исторический опыт русского народа и современность. СПб., 1994. С. 82-91.

дмитровцев, дворян и детей боярских разных помещиков»⁷⁵⁰. Сведений о службе пяти дмитровцев у окладчиков не было, да и сами они появились на смотре по ошибке. Что же касается службы вязмичей и дорогобужан, то данные об их службе также будут привлекаться для сравнения со смолянами.

К сожалению, других материалов разбора смолян в 1622 году не сохранилось, а десятня разбора владимирских и касимовских помещиков сохранилась в позднейшем списке и без преамбулы. Вот её заголовок:

«Десятня разных городов, смолян, вязмичей, дорогобужан, дмитровцев, дворян и детей боярских, розных помещиков. Списана с разборного списка разбору в Володимере боярина князя Ивана Федоровича Хованского, да дьяка Василя Юдина 130 году. А тот разборной список взят в Розряде у подьячего у Родиона Самарина для того, что прежняя розборная десятня и список боярина князя Ивана Федоровича Хованского да дьяка Василя Юдина 130-го году в Московской большой пожар в нынешнем в 134-м году мая в 4 день в Розряде згорели. А припись у тово розборнова списка дьяка Михайла Данилова»⁷⁵¹.

Из заголовка мы узнаем, что подлинник десяти сгорел в пожаре 1626 года, а в списке преамбула не сохранилась. Тем не менее, о целях и задачах смотра мы можем судить, опираясь на формуляры десятен и на известные указы. Какую же информацию несет нам «десятня разных городов разных помещиков»?

В первую очередь, мы получаем информацию о расселении дворян и детей боярских. Внутри служилых городов они поделены по городам, где размещались поместья, а уже затем – по чинам и статьям. Из 29 смольнян, которых охватил смотр, 18 были «касимовские помещики»⁷⁵², 3 – «суздальские помещики»⁷⁵³ и 2 – «шуйские помещики»⁷⁵⁴, 5 оказались «дмитровцами»⁷⁵⁵, а 1 – «луховский помещик»⁷⁵⁶. Среди 31 вязмича преобладали «владимирские помещики» (14 человек),⁷⁵⁷ далее шли «суздальской помещик»⁷⁵⁸, 7 касимовских,⁷⁵⁹ 9 гороховских⁷⁶⁰. Среди 31 дорогобужан об одном мы не имеем сведений⁷⁶¹, 1 Владимирский помещик⁷⁶², 1 суздальский помещик⁷⁶³, 28

⁷⁵⁰ Разборная «десятня розных городов смолян, вязмичей, дорогобужан» 1622 года. Л.1.

⁷⁵¹ Там же. Л. 1-1об.

⁷⁵² Там же. Л. 4-18об.

⁷⁵³ Там же. Л. 2-4. Л. 23-23об.

⁷⁵⁴ Там же. Л. 23об-24об.

⁷⁵⁵ Там же. Л.21-23

⁷⁵⁶ Там же. Л. 20-20об.

⁷⁵⁷ Там же. Л. 25-36об.

⁷⁵⁸ Там же. Л.36об-37

⁷⁵⁹ Там же. Л. 37об-42

⁷⁶⁰ Там же. Л. 42об-46.

⁷⁶¹ Там же Л. 47-48.

⁷⁶² Там же. Л. 48-48об.

⁷⁶³ Там же. Л. 48об-49.

гороховских⁷⁶⁴. Мы видим, что смоляне, вязмичи и дорогобужане после Смуты получали поместья в северо-восточных уездах. При этом не у всех поместья были сконцентрированы в одном уезде. Были случаи, когда служилый человек имел также поместье или вотчину в других уездах. Так, у смолянина Ивана Иванова сына Полтева, суздальского помещика, «в суздальском уезде было 340 чети и из того числа дано ему в вотчину за нынешнее московское осадное сидение 180 чети, крестьян в поместье и в вотчине 12 человек да 8 бобылей, ...да за ним же на Белоозере поместья 150 чети крестьян 6 человек, да 4 бобыля»⁷⁶⁵. У вязмича, володимирского помещика, Михайлы Порошина сына Грибоедова – «в дачах в володимирском уезде сто одна четь, крестьян 6 человек, да 4 бобыля, и те сего лета погорели, ...в балахонском уезде поместья 17 чети, крестьянин один человек да бобыль, да в нижгородском уезде 55 чети, запустело (от государевых податей крестьяне разбежались), ... в вяземском уезде за ним в вотчине 130 чети, крестьян 2 человека, да два бобыля»⁷⁶⁶. Также были случаи владения поместьем или вотчиной вологодском, ярославском и других уездах Поволжья и русского севера. У вязмичей в некоторых случаях сохранялись старые земельные владения. Так у одного из вязмичей, Владимирского помещика Кураки Матвеева Новокрещеного, была «в вяземском уезде вотчина, царя Васильево жалованье, 130 чети»⁷⁶⁷. Из 29 смольнян, которых охватил смотр, 18 были «касимовские помещики»⁷⁶⁸, 3 – «суздальские помещики»⁷⁶⁹ и 2 – «шуйские помещики»⁷⁷⁰, 5 оказались «дмитровцами»⁷⁷¹, а 1 – «луховский помещик»⁷⁷². Среди 31 вязмича преобладали «владимирские помещики» (14 человек),⁷⁷³ далее шли «суздальской помещик»⁷⁷⁴, 7 касимовских,⁷⁷⁵ 9 гороховских⁷⁷⁶. Из 31-ого дорогобужанина об одном мы не имеем сведений⁷⁷⁷, 1 Владимирский помещик⁷⁷⁸, 1 суздальский помещик⁷⁷⁹, 28 гороховских⁷⁸⁰. Можно отметить, что смоляне, вязмичи и дорогобужане после Смуты получили поместья в «замосковских городах», т.е. ближайших от Москвы уездах. При этом не у всех поместья были сконцентрированы в

⁷⁶⁴ Там же. Л. 49-70 об.

⁷⁶⁵ Там же. Л. 2-2об.

⁷⁶⁶ Там же. Л. 25-25об.

⁷⁶⁷ Там же. Л. 27об.

⁷⁶⁸ Там же. Л. 4-18об.

⁷⁶⁹ Там же. Л. 2-4. Л. 23-23об.

⁷⁷⁰ Там же. Л. 23об-24об.

⁷⁷¹ Там же. Л.21-23

⁷⁷² Там же. Л. 20-20об.

⁷⁷³ Там же. Л. 25-36об.

⁷⁷⁴ Там же. Л.36об-37

⁷⁷⁵ Там же. Л. 37об-42

⁷⁷⁶ Там же. Л. 42об-46.

⁷⁷⁷ Там же. Л. 47-48.

⁷⁷⁸ Там же. Л. 48-48об.

⁷⁷⁹ Там же. Л. 48об-49.

⁷⁸⁰ Там же. Л. 49-70 об.

одном уезде. Были случаи, когда служилый человек имел также поместье или вотчину в других уездах. Так, у смолянина Ивана Иванова сына Полтева, суздальского помещика, «в суздальском уезде было 340 чети и из того числа дано ему в вотчину за нынешнее московское осадное сидение 180 чети, крестьян в поместье и в вотчине 12 человек да 8 бобылей, ...да за ним ж де на Белоозере поместья 150 чети крестьян 6 человек, да 4 бобыля»⁷⁸¹. У вязмича, володимирского помещика, Михайло Порошина сына Грибоедова – «в дачах в володимирском уезде сто одна четь, крестьян 6 человек, да 4 бобыля, и те сего лета погорели, ...в балахонском уезде поместья 17 чети, крестьянин один человек да бобыль, да в нижегородском уезде 55 чети, запустело (от государевых податей крестьяне разбежались), ... в вяземском уезде за ним в вотчине 130 чети, крестьян 2 человека, да два бобыля»⁷⁸². Также были случаи владения поместьем или вотчиной вологодском, ярославском и других уездах Поволжья и русского севера. У вязмичей в некоторых случаях сохранялись старые земельные владения. Так у одного из вязмичей, Владимирского помещика Кураки Матвеева Новокрещеного, была «в вяземском уезде вотчина, царя Васильево жалованье, 130 чети»⁷⁸³.

О признании заслуг смолян, кроме «Повести о победах» говорит то, что часть их родов закрепилось в составе государева двора. В то же время, государство не могло обеспечить всех служилых людей смоленского уезда доброй землей с крестьянами. Бывшие дворцовые и черносошные земли, которые пошли в раздачу смолянам, также были разорены Смутой, как и исконно поместные владения. Поэтому испомещение в дворцовых землях не решало общих для всего уездного дворянства экономических проблем. Наряду с общими для служилых городов трудностями, для испомещенцев была особенно актуальна проблема беглых крестьян. Как уже говорилось, дворцовые крестьяне относились к внедрению поместной системой на родных землях с крайней неприязнью. Конечно, в новых условиях крестьяне не могли сопротивляться новым хозяевам также активно, как это было в арзамасском уезде в 1611 году. Но протест против внедрения поместной системы в бывших дворцовых землях сохранялся, и выражался в массовом бегстве крестьян. Дорогобужанин Федор Афанасьев сын Ознобишин (в каком уезде было его поместье, неизвестно) рассказывал, что «поместье за ним худо, в дачах осмнадцать чети, крестьяне из-за него разбежались в те же поры, как ему поместье дано, потому что запомещены наперед сего не бывали (курсив и выделение мои – А.М.), а ныне свозил по государеве грамоте восьм бобылей»⁷⁸⁴. В источнике не случайно отмечена связь между

⁷⁸¹ Там же. Л. 2-2об.

⁷⁸² Там же. Л. 25-25об.

⁷⁸³ Там же. Л. 27об.

⁷⁸⁴ Разборная «десяти розных городов смолян, вязмичей, дорогобужан» 1622 года. Л. 47-47об.

побегам крестьян и недавним внедрением поместной системы. Стало быть, современникам (составителям десяти) была известна особая готовность именно бывших дворцовых крестьян к социальному протесту. О случаях борьбы крестьян с ненавистным «запомещиванием» в том же регионе в более ранний период говорят и другие источники. В Приходно-расходной книге Разрядного приказа 7128 (1619-1620) года сказано: «Августа в 11 день у Ивана Быкова прогонных денег восьм рублев и девять алтын з деньгою взято; а он те деньги по государеву наказу доправил благовещенского протопопа Максима з братьею на хрестьянах касимовского уезда села Мордаша за непослушанье, что они из своего села смольянина Поликарпа Тухачевского беглых крестьян не выдали и прежнево посыльщика Михаила Колзакова лаяли»⁷⁸⁵. Поликарп Павлов сын Тухачевский, касимовский помещик, упомянут в изучаемой десяти, как городской сын боярский с окладом в 300 четей, «поместья за ним в касимовском уезде в дачах 53 чети крестьян два человека, да два бобыля»⁷⁸⁶. Сопrotивление крестьян «запомещиванию», в условиях послесмутного разорения делало бывшие дворцовые, а ныне поместные и вотчинные владения малозначимыми, для экономического обеспечения «конной, людной и оружной» службы. В особенности это касалось помещиков, которые по разным причинам не смогли подняться до службы по выбору и не имели поместий в центральных уездах. Количество крестьянских хозяйств в поместьях служилых людей представлено в таблице 8.

Таблица 8. Обеспеченность службы смоленских, вяземских и дорогобужских детей боярских крестьянами и бобылями в 1622 г.

Служилые города	Сведения о поместьях				
	Многопоместные		Худопоместные		Пустопоместные
	Дворян	Крестьян и бобылей	Дворян	Крестьян и бобылей	
Смоленск	7	164	8	50	1
Вязьма	3	42	17	112	5
Дорогобуж	8	149	17	140	5
Итого	18	355	42	302	11

Источник: Разборная «десятина розных городов смолян, вязмичей, дорогобужан» 1622 года //РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 4. Дела десятиен. №18.

⁷⁸⁵ Приходно-расходная книга Разрядного приказа 7128 (1619-1620) г. //Приходно-расходные книги московских приказов 1619-1621 гг. М., 1982. С. 190.

⁷⁸⁶ Разборная «десятина розных городов смолян, вязмичей, дорогобужан» 1622 года. Л. 15

Что касается сведений, которые интересовали окладчиков, то здесь на первом месте стоит личная годность к службе: «собою добр», «собою стар» и т.д. Такое определение давали разборные воеводы. В дальнейшем они характеризовали готовность к службе с опорой на слова самих служилых людей и на мнение окладчиков (имена которых были утеряны вместе с преамбулой). Смолян расспрашивали о «дачах», т.е. о реальном количестве поместий и вотчин смолян, вязмичей и дорогобужан. Далее разборщиков интересовало число крестьян и бобылей. Но главным вопросом, который интересовал окладчиков, была боеготовность: конность, людность и оружность. Во время смотра 1622 года дворяне и дети боярские указывали не только обеспечение службы на момент разбора, но указывали возможность «прибавить службу» в случае выплаты государева денежного жалованья. В конце формуляра указывался размер денежного жалованья дворян и детей боярских. Главный вопрос смотра 1622 – о готовности к новому походу против Речи Посполитой, был весьма актуален для смолян, вязмичей и дорогобужан. Их вотчины и поместья, а также бобыли и холопы не случайно интересовали московских разборщиков. Предполагалось, что именно труд поместных и вотчинных крестьян ляжет в основу боеготовности дворян и детей боярских. Однако в ходе общерусского смотра в 1622 году стало ясно, что без выплаты дополнительного денежного жалованья дворяне и дети боярские не смогут подняться на службу. Поэтому дворяне и дети боярские говорили на смотре не только о своей реальной готовности служить «конно, людно и оружно», но и о сметной, то есть о возможности повысить качество службы, «только государь пожалует денежное жалованье». Во время смотра 1622 года во Владимире удалось выяснить реальную и сметную боеготовность 75 дворян и детей боярских – 20-и смолян, 25-и вязмичей и 30-и дорогобужан (таблица 9).

Таблица 9. Реальная готовность смоленских, вяземских и дорогобужских дворян к службе по результатам смотра 1622 г.

Служилые города	Готовые к дальней полковой конной службе.				Не готовые к дальней полковой конной службе.	Всего:	
	Дворяне и дети боярские		Боевые холопы			Дворян и детей боярских	Боевых холопов
	С запасными лошадьми	Без запасных лошадей	Служилые	С господскими запасными лошадьми			

	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Смоленск	4	20	6	30	4	37,5	4	62,5	10	50	20	100	7	100
Вязьма			7	28	3	100			18	72	25	100	3	100
Дорогобуж			9	30					21	70	30	100		100
Итого:	4	5,3	22	29,3	7	63,6	4	36,6	49	65,3	75	100	11	100

Источник: Разборная «десятина розных городов смолян, вязмичей, дорогобужан» 1622 года //РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 4. Дела десятиен. №18.

В ходе смотра выяснилось, что на дальнюю полковую службу могут подняться только 26 человек или 34,6 от общего числа служилых людей, в том числе, 10 смолян, 7 вязмичей и 9 дорогобужан. Из всех 25 детей боярских «розных городов» только 4 смолянина (5,3 %) могли привести с собой запасную лошадь, которая по нормам Уложения 1556 была необходима для дальнего похода⁷⁸⁷. То же Уложение предписывало приводить с каждых ста четвертей вооруженного боевого холопа. Официальный поместный оклад смолян, вязмичей и дорогобужан колебался от 300 до 900 четей. Однако в условиях послесмутного разорения они смогли привести с собой только 12 холопов.

В смоленском служилом городе положение было лучше, чем в других служилых корпорациях – здесь 10 детей боярских имели 4 холопа с запасными лошадьми и 4 холопа «в полк», т.е. для боевых действий. В вяземском и дорогобужском уездах дело с обеспеченностью служилых людей холопами обстояло куда хуже. В Вязьме на 7 детей боярских приходилось 3 боевых холопа. Все 30 детей боярских дорогобужан и вовсе не имели боевых холопов, и весь их ратный корпус составляли дети боярские. Поэтому к полноценной полковой конной службе было готово только 4 человека, все четверо – из смоленского служилого города. Боеготовность дворян и детей боярских увеличилась бы с выплатой государева денежного жалованья (таблица 10.)

Таблица 10. Сметная готовность смоленских, вяземских и дорогобужских дворян к службе по результатам смотра 1622 г.

Служилые города	Готовые к дальней полковой конной службе		Не готовые к дальней полковой конной службе.	Всего:	
	Дворяне и дети боярские	Боевые холопы		Дворян и детей боярских	Боевых холопов

⁷⁸⁷ Законодательные акты русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века. №11. С. 38.

	С запасными лошадьми		Без запасных лошадей		Сужилые		С господскими запасными лошадьми							
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Смоленск	8	40,0	10	50	8	50	8	50	2	10,0	20	100	16	100
Вязьма	7	28,0	18	72,0			7	100			25	100	7	100
Дорогобуж	1	3,3	28	93,3	8	88,9	1	11,1	1	3,3	30	100	9	100
Итого:	16	21,3	56	74,7	16	50	16	50,0	3	4,0	75	100	32	100

Источник: Разборная «десять разных городов смолян, вязмичей, дорогобужан» 1622 года //РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 4. Дела десятен. №18.

Что касается качества боевых лошадей детей боярских и их холопов, то оно оказалось достаточно высоким. В десятне 1622 встречаются три качественные характеристики боевых лошадей – конь, мерин и меринок. Эта терминология была подробно рассмотрена В.М. Воробьевым. По его мнению «в основе такого деления, помимо холощности, обеспечивающей более спокойный нрав лошади, лежали, по-видимому, различия (по нисходящей линии) перечисленных типов по основным боевым качествам: резвости, выносливости, вьючности. В принятом в десятнях XVI в. перечне типов лошадей в качестве «добрых лошадей» следует признать первые четыре типа (конь добрый, конь, мерин добрый, мерин), остальные же два типа (меринок и меринец) - «худыми лошадьми». В пользу данного предположения говорит тот факт, что служилые люди при получении государева денежного жалованья предпочитали заменить своего меринка или меринца на более резвых и выносливых лошадей - на мерина или коня»⁷⁸⁸. По служебной характеристике лошадей делят на 5 типов: лошадь под дворянином, запасная, лошадь под холопом с запасной лошадью, лошадь под служилым холопом и лошадь под кошевым холопом. Нас будут интересовать первые четыре типа, поскольку сведений о кошевых холопах десятня не содержит. Из таблицы 11 видно, что абсолютное большинство конного корпуса смоленского, вяземского и дорогобужского служилых городов составляли лошади типа «конь». (Таблица 11).

⁷⁸⁸ Воробьев В.М. Конность, людность, оружность и сбруйность при первых Романовых. С. 95-97.

Таблица 11. Реальная оснащенность смоленских, вяземских и дорогобужских дворян и детей боярских боевыми лошадьми в 1621 г.

Служебное назначение лошадей	Типы лошадей						Всего лошадей	
	Конь		мерин		меринок			
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Под дворянином	23	88,5	2	7,7	1	3,8	26	100,0
Запасные «простые»	4	100					4	100,0
Под холопом с запасной лошадейю	3	75	1	25			4	100,0
Под служилым Холопом			3	42,9	4	57,1	7	100,0
Итого:	30	73,2	6	14,6	5	12,2	41	100,0

Источник: Разборная «десятина розных городов смолян, вязмичей, дорогобужан» 1622 года //РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 4. Дела десятен. №18.

Этот тип явно доминировал перед меринком и меринком в качестве лошади для дворянина, запасной лошади и лошади для холопа «с простым конем». Только боевые холопы были обеспечены лишь меринами и меринками. С чем связано качественное различие лошадей двух различных категорий холопов, пока не ясно. Это же различие мы можем наблюдать также в псковском и пусторжевском служилых городах⁷⁸⁹. Но в отличие от этих двух городов, в смоленском, вяземском и дорогобужском служилых городах не мерин, а конь был доминирующим типом, что говорит о хорошей обеспеченности служилых городов «добрыми лошадьми». В этом случае на полковую конную службу не смогло бы подняться только три человека. Двое из них – Василий Григорьевич Чихачев и Иван Игнатьевич Зубов – могли служить «московская или городовая (т.е. пешая – А. М.) служба»⁷⁹⁰. Однако для них невозможность служить «конно, людно и оружно» объясняется не столько бедностью, сколько ранами и увечьем. Так, про Василия Чихачева сказано «Василий стар и от ран увечен, без руки, и болен нутреннею болезнью – черева выплывают»⁷⁹¹. Не смотря на болезни, и пережитый плен (про его сына сказано: «в полону был с отцом вместе»⁷⁹²) он не только продолжал служить сам, но отдал в службу со своего поместья сына, и был готов отдать с того же поместья другого. Неудивительно, что

⁷⁸⁹ Воробьев М. В. Боевые лошади русской кавалерии XVI-XVII вв. Миф и реальность. С. 155-160

⁷⁹⁰ Разборная «десятина розных городов смолян, вязмичей, дорогобужан» 1622 года. Л. 4-6об.

⁷⁹¹ Там же. Л. 4об.

⁷⁹² Там же. Л. 18.

подобные люди смогли уберечься от участия в мятежах в период Смуты. Старых и увечных среди смолян было, впрочем, немного.

Непрерывные многолетние походы сделали свое дело и старшее поколение смолян, вязмичей и дорогобужан в основном, отошло от службы – кто-то был отставлен, многих уже не стало. Остальные 72 человека (96 %) могли служить конную службу после выплаты денежного жалованья. Однако на запасных лошадях смогли бы быть немногие – 8 смолян, 7 вязмичей и только один дорогобужанин. Всего 16 человек или 21,7 % от общего числа. Число холопов по сметной готовности могло увеличиться до 32 человек. Причем, выгодное положение оставалось бы у смолян – 8 полковых холопов и 8 холопов с запасными лошадьми. Интересно, что в рамках отдельного служилого года можно проследить различный подход к использованию государева жалования. Это видно из сравнения данных о конности в таблицах 10 и 11. Так, вязмичи ставили первоочередной задачей покупку запасных лошадей. К ним, как правило, ставили уже имевшихся служилых холопов.

Примеров, правда, известно всего три, но они показательны, поскольку в остальных случаях дополнительное денежное жалование использовалось чтоб подняться на конную службу: Андрей Андреев сын Бунаков. Выбор, поместный оклад 600 чети, владимирский уезд, село Карачарово. «На государеве службе ему мочно быти на коне, с пищалью, с саблею, за ним человек на мерине с пищалью, с саблею, за ним человек на меринке, с пищалью, с саблею. А только-де государь пожалеет ему денежное жалованье, и он прибавит конь простой, а человек с простым конем будет тот же на коне»⁷⁹³. Нехорошей Степанов сын Новокрещенов. Выбор, поместный оклад 700 чети, владимирский уезд, село Карачарово. «На службе наперед сего бывал на коне в саадаке с саблею, да за ним человек на меринке с пищалью, с саблею. А ныне только де государь пожалует ему денежное жалованье и он службу прибавит, конь простой, а с простым конем человек будет тот же на меринке»⁷⁹⁴

Григорий Степанов сын Новокрещенов. Выбор, поместный оклад 700 чети, владимирский уезд, село Карачарово. «На службе наперед сего бывал на коне, в Саадаке, с саблею, за ним человек на меринке, с пищалью, с саблею. А ныне только государь пожалует ему денежное жалованье, и он службы прибавит, конь простой, а с простым конем быть тому ж человеку». Такова была судьба трех боевых холопов у вязмичей, которые были указаны в таблице 9. Отсюда становится понятным значительный количественный рост дворян с запасными лошадьми в вяземском служилом городе и

⁷⁹³ Там же. Л. 28-28об.

⁷⁹⁴ Там же. Л. 29-29об.

полное исчезновение боевых холопов. Напротив, дорогобужане по-прежнему не имели запасных лошадей, но ставили ближайшей задачей именно увеличение числа холопов. За исключение одного человека, почти все, кто до того мог подняться на службу, предпочли улучшить качество службы именно за счет холопов «в полк». Здесь уместно ограничиться рядом примеров.

Федор Дмитриев сын Челюсткин. Выбор, оклад 850 чети, гороховский уезд. «Наперед сего на службе бывал на коне, с пищалью, с саблею, а ныне-де ему с того поместья мочно на службе быть по-прежнему. А только государь (ево) пожалует денежным жалованием и ему-де службы мочно прибавить человека в полк на мерине с пищалью, с саблею»⁷⁹⁵.

Василий Григорьев сын Сверчков. Выбор, оклад 750 чети, гороховский уезд. «Наперед сего на службе бывал на коне, с пищалью, с саблею, а ныне де ему с того поместья мочно быть на службе без жалованья по-прежнему. А только государь пожалует его денежным жалованьем и ему-де службы мочно прибавить, за собою человека в полк на мерине с пищалью, с саблею»⁷⁹⁶.

Илья Яковлев сын Тиханов. Выбор, поместный оклад 450 чети, гороховский уезд. «Наперед сего на службе бывал на коне, с пищалью, с саблею, а ныне де ему с того поместья мочно быть на службе без жалованья по-прежнему. А только государь пожалует его денежным жалованьем и ему-де мочно службы прибавить, человека за собою в полк на мерине с пищалью, с саблею»⁷⁹⁷. Как видим, выставленные холопы имеют один тип лошади (мерин) и общий стандартный комплект оружия. За удивительной общностью действий дорогобужан и вязмичей можно отметить строгий расчет, согласованное распределение средств внутри служилого города. В целом, число боевых послужильцов в Смоленском, Вяземском и Дорогобужском служилых городах оставалось недостаточным по нормам Уложения 1556. Нужно помнить, что в большинстве и смоляне и вязмичи и дорогобужане были вынуждены тратить средства не на покупку запасных лошадей или вооружения для своих холопов, но чтобы самим подняться на конную службу. Оснащенность боевыми лошадьми изначально была сравнительно высокой, а в случае выплаты государева денежного жалованья она щаметно улучшалась.

Насколько изменились качественные показатели боевых лошадей, видно из таблицы 12.

⁷⁹⁵ Там же. Л. 49об-50.

⁷⁹⁶ Там же. Л. 53об-54.

⁷⁹⁷ Там же. Л. 63-63об.

Таблица 12. Сметная оснащенность смоленских, вяземских и дорогобужских дворян и детей боярских боевыми лошадьми в 1621 г.

Служебное назначение лошадей	Типы лошадей						Всего лошадей	
	Конь		Мерин		Меринок		Кол-во	%
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%		
Под дворянином	66	91,7	3	4,2	3	4,2	72	100,0
Запасные-«простые»	16	100					16	100,0
Под холопом с запасной лошадью	6	37,5	5	31,2	5	31,2	16	100,0
Под служилым Холопом	2	12,5	10	62,5	4	25	16	100,0
Итого:	90	75	18	15	12	10	120	100,0

Источник: Разборная «десяти розных городов смолян, вязмичей, дорогобужан» 1622 года //РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 4. Дела десятен. №18.

Число боевых лошадей в этом случае возросло бы от 41 до 120. Несмотря на увеличение числа меринков и меринков, доля коней не только не увеличилась, но и возросла и достигла 75 %. Примечательно, что и по сметной и по реальной боевой готовности 100 % от количества запасных лошадей составляли кони. На конях сидело большинство холопов с запасными лошадьми и подавляющее большинство (91,7 %) дворян и детей боярских. Лишь у служилых холопов по-прежнему на первом месте стоял мерин (62,5 %), а на втором меринок (25 %). Этот тип явно доминировал перед меринком и меринком в качестве лошади для дворянина, запасной лошади и лошади для холопа «с простым конем». Только боевые холопы были обеспечены лишь меринами и меринками. С чем связано качественное различие лошадей двух различных категорий холопов, пока не ясно. Это же различие мы можем наблюдать также в псковском и пусторжевском служилых городах⁷⁹⁸. Но в отличие от этих двух городов, в смоленском, вяземском и дорогобужском служилых городах не мерин, а конь был доминирующим типом, что говорит о хорошей обеспеченности служилых городов «добрыми лошадьми». Сметная готовность лишь подтвердила относительно хорошую оснащенность изучаемых служилых городов боевыми лошадьми. Несколько лучшая, по сравнению с другими городами, качество боевых коней следует связывать с денежными выплатами из четверти. Следовательно, именно четвертное жалование позволяло помещику обзавестись

⁷⁹⁸ Воробьев М.В. Боевые лошади русской кавалерии XVI-XVII вв. (мифы и реальность). С. 155-160.

качественным боевым конем, в то время как мерины и меринки, вероятно, изымались из крестьянского хозяйства. Это видно из того, что когда дворяне и дети боярские получали государево денежное жалование, они стремились в первую очередь улучшить качество лошади.

Оружность дворян и детей боярских обращает на себя внимания стремлением смолян, дорогобужан, вязмичей, к унификации и в то же время – стремление в условиях разорения обойтись минимальным комплектом вооружения. Мы видим всего два оружейных комплекта – саадак с саблею и пищаль с саблею (Таблица 13).

Таблица 13. Вооруженность конных смоленских, вяземских и дорогобужских дворян и детей боярских в 1621-38 гг.

Комплекты оружия	Реальная готовность к службе		Сметная готовность к службе	
	Дворян и детей боярских		Дворян и детей боярских	
	Кол-во	%	Кол-во	%
Пищаль, сабля	20	76,9	54	76,1
Саадак, сабля	6	23,1	17	23,9
Итого	26	100	71	100

Источник: Разборная «десятина розных городов смолян, вязмичей, дорогобужан» 1622 года //РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 4. Дела десятен. №18.

Причем второй комплект значительно превосходит первый, что говорит о постепенном развитии среди представителей служилых городов огнестрельного оружия и вытеснении лука и стрел. Зависимость между материальным обеспечением служилых людей по отечеству и комплектом оружия проследить не удастся. Братья Полтевы, которые могли обеспечить себя по сметной службе защитным вооружением, шли на службу «на коне, в саадаке, с саблею»⁷⁹⁹. В то же время 73,9 % дворян и детей боярских, которые могли подняться на службу только посредством государева жалования, имели саблю с пищалью. По сметной боеготовности доля дворян и детей боярских с саадаками увеличилась, но незначительно. Никто из служилых людей не собирался в случае выплаты денежного жалования сменить саадак на пищаль. Все изменения в составе вооружения по реальной и по сметной готовности состояли в пополнении числа комплектов за счет вновь поднявшихся на службу смолян, вязмичей и дорогобужан.

⁷⁹⁹ Там же. Л. 2об. Л. 3об.

Пищаль следует признать более дорогим оружием, чем саадак. Но для служилых людей, судя по всему, определяющее значение имела не цена, а выбор между верностью старине и стремлением повысить эффективность службы.

В условиях характерной для того времени ориентации на традицию, большинство детей боярских всё же делает выбор в пользу модернизации вооружения, что соответствовало нуждам государства в условиях подготовки к войне. Кроме конности, людности и оружности среди характеристик службы дворян и детей боярских можно выделить такое понятие, как сбруйность. То есть, обеспеченность доспехами (защитным снаряжением). Понятие это почти исчезает после Смуты⁸⁰⁰. До выплаты государева денежного жалованья ни о какой «сбруе» речь и не шла. Но и по сметной боевой готовности защитное вооружение могло быть только у двоих – братьев Полтевых, которые открывают собой список. О Иване Иванове сыне Полтеве, первом по десятне, выборном с окладом 900 четей, суздальском помещике окладчики «а только государь пожалует ему денежное жалование и он службы прибавит: на себя бехтерец да шишак»⁸⁰¹. Его брат Федор, выборный дворянин, суздальский помещик с окладом в 700 четей, подтвердил слова окладчиков о себе, что в случае дополнительной выплаты жалованья «он службы прибавит: на себя латы да шишак»⁸⁰². Братьев Полтевых можно считать самыми обеспеченными не только в Смоленском служилом городе, но и среди всех вновь испомещенных служилых городах. Однако большая часть дворян и детей боярских не имели средств на покупку защитного вооружения, хотя потребность в нем сохранялась ещё долгое время.

Итак, в сравнении с другими служилыми городами, мы можем говорить о хорошей боеготовности смолян, вязмичей и дорогобужан. Более 90 % конных по сметной готовности – редкое достижение для служилых корпораций того периода⁸⁰³. Но не нужно забывать, что, во-первых, речь идет о крайне малочисленных корпорациях замосковских помещиков, и высокий показатель их сметной службы никак не влиял на ситуацию в стране в целом. Во-вторых, относительно высокий показатель боеготовности мог быть достигнут только в случае выплаты государева денежного жалованья. А без этого фактора положение вновь испомещенных дворян и детей боярских оставалось таким же бедственным, как и положение их собратьев из других уездов.

⁸⁰⁰ Воробьев В.М. Конность, людность, оружность и сбруйность при первых Романовых. С. 95-97.

⁸⁰¹ Разборная «десяти розных городов смолян, вязмичей, дорогобужан» 1622 года. Л. 2об-3.

⁸⁰² Там же. Л. 3 об. - 4.

⁸⁰³ Смирнов Н.В. Разбор и смотр войска в 1621 году и поместное дворянство//Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Новгород, 1999. С. 91-99.

Поэтому причину того, что служилые люди-помещики замосковных уездов были готовы столь эффективно использовать государево денежное жалование с пользой для службы следует видеть в самих размерах этого жалования, поскольку многие смоляне получали довольно крупное четвертное жалование, чего нельзя сказать о других городах.

Результаты смотра 1622 года применимы только к верхушке смоленского дворянства, то есть к представителям старших родов и к небольшому количеству особенно заслуженных участников Смуты. Благодаря высоким четвертным окладам они по своему положению были близки к членам государева двора.

4.3. Смоляне и государев двор по результатам Смутного времени (1620-е годы).

В результате Смуты многие смоляне оказались включены в состав государева двора. Во-первых, некоторые дети боярские переходили и смоленского служилого города на более высокие чины – стольников, московских дворян. Во-вторых, к 1620-м годам в Смоленске значительно возросло количество выборных дворян, которые также входили в государев двор.

В Боярском списке 7134 (1626) года в составе выборного дворянства по Смоленску⁸⁰⁴ записаны следующие роды: Башмаковы (7), Румянцевы (6), Уваровы (6), Философовы (4), Бердыевы (3), Дементьевы (3), Самарины (3), Шестаковы (2), Баскаковы (2), Веснин-Головин (2), Головачовы (2), Зубовы (2), Клокачевы (2), Ленины (2), Макшеевы (2), Перфурьевы (2), Пикины (2), Полтевы (2), Трегубовы (2), Шишкины (2), Бестужевы (1), Битяговские (1), Воронцовы (1), Гурьевы (1), Дивовы (1), Ефимьевы (1), Захаровы (1), Корсаковы (1), Кузьмины (1), Лызловы (1), Милославские (1), Миносковы (1), Моклоковы (1), Монастыревы (1), Нееловы (1), Нерыбины (1), Свизевы (1), Слепушкин (1), Сназины (1), Тихоновы (1), Тухачевские (1), Чихачевы (1), Языковы (1).

Состав служилого города в период 1605 по 1626 году претерпел значительные изменения. В неприкосновенности остались старые фамилии: по сравнению с десятней 1605/06 года из состава выборного дворянства исчезли только Дедевшины, Потемкины и Шушерины. Примечательно, что старшие представители первых двух фамилий перешли на службу Сигизмунду, но, вероятно, на состав выборного дворянства в 1626 году их измены повлияли лишь косвенно. В выборе присутствует, например, Андрей

⁸⁰⁴ Подлинный боярский список 1626 г. С. 410-412.

Лаврентьевич Корсаков⁸⁰⁵, хотя его отец принял подданство Речи Посполитой. А.Л. Корсаков имел сравнительно небольшой для выборных смолян оклад 500 четвертей. Другие представители Корсаковых, в частности, Иван Степанович, сохраняли верность Московскому государству, и именно их карьера оказывала наибольшее влияние на судьбу рода. Представители рода Шушериных в те же годы служили среди Московских дворян⁸⁰⁶. Тушинский думный дьяк Федор Шушерин сохранил свой чин, однако числился теперь среди дьяков «не у дел»⁸⁰⁷. Вообще же от старших родов начала XVII века: Бестужевых, Дивовых, Полтевых, Чихачевых, Языковых - в составе смоленского выбора осталось по одному человеку, и связано это было с переходом самых заслуженных родов в более высокие чины государева двора. Однако род Башмаковых по-прежнему преобладал в составе смоленского выборного дворянства, а род Румянцевых значительно расширился. Сохранение старых фамилий особенно заметно на примере рода Клокачевых. Федор Андреевич Клокачев записан и в выборе 1605/06 года (500 четей). Его сын Дмитрий в 1626 году указан как выборный с окладом 800 четей, а затем перейдет в московские дворяне⁸⁰⁸. В том же боярском списке отмечен и Ф.А. Клокачев, как выборный с окладом 700 четей⁸⁰⁹, с пометой «приказан в Девиче монастыре». Никаких примеров заметной службы Клокачевых в Смутное время не выявлено, а положение рода в служилом городе оставалось стабильным.

Присутствие в выборе нескольких представителей одного рода, особенно в высоких статьях, могло быть обусловлено двумя факторами: принадлежностью к прежним выборным родам (примером являются Башмаковы и Румянцевы) и долгой личной «доброй службой» в Смутное время. Пример такой службы представляли собой дворяне Уваровы, сыгравшие заметную роль в Великом посольстве 1610 года и в организации служилого города на борьбу с поляками в 1611 году. К ним примыкают дворяне Философовы, также представленные в боярском списке четырьмя представителями. Практически в составе каждой фамилии, которые после Смуты попали в выбор в количестве 3-6 человек, можно обнаружить четвертчиков царя Василия. Можно привести в пример уже неоднократно упомянутого Алексея Елизарьевича Самарина, московского и смоленского осадного сидельца, который в 1626 году служил по выбору вместе с тремя родственниками⁸¹⁰. Сам А.Е. Самарин в 1626 году имел оклад 900 четей и согласно помете

⁸⁰⁵ Там же. С. 412.

⁸⁰⁶ Там же. С. 378-379, 384.

⁸⁰⁷ Там же. С. 386.

⁸⁰⁸ Там же. С. 411; Сташевский Е. Очерки по истории царствования Михаила Фёдоровича. С. IV.

⁸⁰⁹ Подлинный боярский список 1626 г. С. 412.

⁸¹⁰ Там же. С. 411-412.

числился «в отсылку для разбойного сыску»⁸¹¹. Начали службу в выборе и двое Баскаковых: Алферий Петрович и Михаил Михайлович – оба они получали четвертное жалование при царе Василии⁸¹². В числе новых выборных дворян было трое Бердяевых, а ранее двое других Бердяевых были записаны в четверть при царе Василии: вероятно, род сохранял определенную сплоченность в 1610-11 годах, поскольку только один его представитель получал поместья от короля Сигизмунда⁸¹³. Точно также поднялся в Смуту род Шестаковых. Выше было указано, что в составе этого рода было трое четвертчиков царя Василия и ни одного пожалования поместьями при Сигизмунде: в выборе 1626 года находим двоих Шестаковых, один из которых стал четвертчиком при царе Василии⁸¹⁴.

Связь старшинства по отчеству и личной доброй службы можно проследить на примере фамилии Дементьевых, которые служили по выбору ещё в 1605/06 году. В 1626 году по выбору служат трое Дементьевых, двое из которых – старые четвертчики царя Василия. В число выборных дворян попал И.И. Веснин-Головин (800 четей) с племянником Петром (700 четей)⁸¹⁵. Этот Головин, участник смоленской обороны 1609-11 годов, который сумел бежать из плена и принес в подмосковное ополчение вести о приходе Ходкевича. За это он получил четвертное жалование в подмосковном ополчении⁸¹⁶. Вероятно, перевод в выбор часто был связан с участием в московском осадном сидении, однако и здесь многое зависело от предыдущих родовых заслуг. Так, в 1619 году дворовый сын боярский Бухван Лызлов получает вотчину за осадное сидение от королевича Владислава, а в 1626 году служит по выбору с окладом 900 четей⁸¹⁷. Возвышение Лызлова можно связать и со службой его родича, Федора Елизарьевича, бывшего четвертчика царя Василия, а затем Московского дворянина и с участием в обороне Москвы в 1618 году.

Для всех смоленских родов, которые представлены в выборе 1626 года несколькими (а иногда и двумя) дворянами можно обосновать причину возвышения в Смутное время. В большинстве случаев находятся примеры доброй службы одного или нескольких представителей служилого рода, а остальных переводили в выбор по родству. Закрепление за всем родом выслуженного положения в системе московских чинов оставалось важнейшей особенностью наградной системы Российского государства.

⁸¹¹ Там же. С. 411.

⁸¹² Там же. Л. 143, 144. (Соответственно 800 и 750 четей); Сухотин Л. С. Четвертчики Смутного времени. С. 319, 320.

⁸¹³ Подлинный боярский список 1626 г. С. 412; Сухотин Л. С. Четвертчики Смутного времени. С. 90, 327; Акты Западной России. Т. IV. С. 357.

⁸¹⁴ Подлинный боярский список 1626 г. Л. 142, 145; Сухотин Л. С. Четвертчики Смутного времени. С. 91, 105, 318.

⁸¹⁵ Подлинный боярский список 1626 г. С. 411-412.

⁸¹⁶ Сухотин Л. С. Четвертчики Смутного времени. С. 320.

⁸¹⁷ Осадный список 1618. С. 58; Подлинный боярский список 1626 г. С. 411.

Вершиной карьеры для смоленских дворян в Смутное время был переход в московские дворяне, стольники и другие чины государева двора. Этой чести удостаивались, прежде всего, главы старших родов, которые служили сотенными дворянскими головами и возглавляли стрелецкие приказы. В чине московского дворянина завершил карьеру стрелецкий голова 1605/06 года Пётр Чихачев, который в 1614—1615 году служил воеводой на Белоозере⁸¹⁸. Впоследствии он получил по царскому указу вотчину за московское осадное сидение 1618 года, хотя из-за болезни не смог участвовать в обороне⁸¹⁹. Как и многие другие руководители смоленского служилого города, стрелецкий голова Фёдор Михайлович Зубов после Смуты был пожалован в московские дворяне⁸²⁰. В 1627 году он служил воеводой в Балахне⁸²¹. В 1629—1631 годах был воеводой в Переяславле-Залесском⁸²². Любопытно, что на воеводской должности подчинении у бывшего руководителя одного из самых крупных за пределами Москвы стрелецких приказов был только всего один сотник и 50 стрельцов. Пожалуй, больше всех повезло Ивану Коверзиновичу (Алексеевичу) Оболюшеву. Оболюшев был явно моложе отечеством остальных стрелецких голов, но вскоре после Смуты стал стольником Московского государства⁸²³. Сказалось, вероятно, его участие в великом посольстве вместе с митрополитом Филаретом, отцом будущего государя.

Список московских дворян продолжал пополняться смолянами уже после составления боярского списка 1626 года. 3 апреля 1627 года чином московского дворянина был пожалован Иван Философов. В деле о его повышении сохранилась справка: «А в Розряде в боярском списке написаны в Московских дворянех, а наперед того служили они по Смоленскому списку: Воин Лукьянов сын Корсаков, Фёдор Володимеров сын Уваров, Ондрей Романов сын Уваров, Овдоким Иванов сын Баскаков, Иван Иванов сын Румянцов, Матвей да Алексей Игнатъевы дети Зубова, Иля да Дмитрий Ивановы дети Зубова, Семен Василев сын Дивов, Захар Григорев сын Шишкин, Посник Матвеев сын Монастырев, Василий Матвеев сын Монастырев, Иван да Петр Степановы дети Карсакова, Лукьян Данилов сын Башмаков, Онтон да Филон Григорьевы дети Башмакова, Василий Степанов сын Жидовинов, Фёдор Василев сын Шушерин, Тимофей Василев сын Шушерин, Фёдор Елизарьев сын Лызлов, Григорий Богданов сын Шестаков, Данило, да Иван, да Фёдор Ивановы дети Полтева, Игнатий Ондреев сын Уваров, Кирило

⁸¹⁸ Акты исторические. Т. III. С. 30, 39, 41—44.

⁸¹⁹ Осадный список 1618 г. С. 42

⁸²⁰ Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в Боярских книгах, хранящихся в 1-м отделении Московского архива министерства Юстиции. М., 1853. С. 20.

⁸²¹ Книги Разрядные по официальным оных спискам. Т. 1. Стб. 1362.

⁸²² Там же. Т. II. СПб., 1852. Стб. 167, 265, 333.

⁸²³ Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в Боярских книгах, хранящихся в 1-м отделении Московского архива министерства Юстиции. С. 38.

Иванов сын Беклемешев, Иван Микифоров сын Бестужево, Фёдор Фёдоров сын Дементьев, Ефим Иванов сын Самарин, Меньшой Любимов сын Головачев. Дмитрий Фёдоров сын Клокачев»⁸²⁴.

Из перечисленных лиц в выборе 1626 года с разными окладами служили: все трое Башмаковых, Меньшой Любимов Головачов, Семен Васильевич Дивов, Дмитрий Федорович Клокачев, Ефим Иванович Самарин⁸²⁵. Кроме того, в деле упомянуто, что по московскому списку в 1627 служил двоюродный дядя Ивана Философова, Феодосий (выборный, 900 четей в 1626 году)⁸²⁶. Следовательно, между 1626 и 1627 годом можно отметить переход сразу нескольких дворян из смоленского выбора в московский список. Следовательно, процесс перехода смолян в более высокие чины государева двора продолжался и после завершения Смуты. В ряде случаев можно лишь строить предположения о причинах подобного перевода. Вероятно, Ефим Самарин и Феодосий Философов были повышены, в московские дворяне, как старейшие представители служилых родов, известных своей доброй службой (их племянники Афанасий Философов и Алексей Самарин по-разному проявили себя в обороне Смоленска в сотне Ивана Бестужева)⁸²⁷. Вероятно, как глава рода повысился в московские дворяне Евдоким Баскаков. Повышение в Московский список Феодосия Философова и Евдокима Баскакова можно связать и с их участием в московском осадном сидении 1618 года⁸²⁸. Такое же повышение вместе с родом можно предполагать у Ивана Ивановича Румянцева. Последний служил по выбору с окладом 500 четей в 1605/06 году (единственный представитель рода по выбору). К этой же группе следует относить и Ивана Философова, каковы бы не были реальные подробности его поведения под Москвой в 1612 году.

В то же время, в московском списке встречаем лиц, которые непосредственно прославили род личной службой. Это – Роман Уваров, участник великого посольства, и его сын Игнатий, участники обороны Смоленска. К московским дворянам, получившим чин за личную выслугу, следует относить и Федор Елизарьевича Лызлова, который уже при царе Василии получал четвертное жалование 14 рублей, а в дальнейшем получал прибавки и за службу в подмосковном ополчении и за походы под Смоленск⁸²⁹. Не совсем понятно повышение рода Шишкиных, поскольку в настоящий момент нет сведений об их заметной службе Московскому государству, равно как о службе Постника Монастырева, Кирилла Беклемишева, Григория Шестакова и Василия Жидовинова.

⁸²⁴ Сташевский Е. Очерки по истории царствования Михаила Фёдоровича. С. IV.

⁸²⁵ Подлинный боярский список 1626г. С. 411-412.

⁸²⁶ Там же. С. 411.

⁸²⁷ Памятники обороны Смоленска. С. 239.

⁸²⁸ Осадный список 1618 г. С. 57, 88.

⁸²⁹ Сухотин Л. С. Четвертки Смутного времени. С. 317.

Остальные смоляне в Московском списке принадлежали к старшим родам: Башмаковы, Бестужевы, Дивовы, Зубовы, Корсаковы, Полтевы и Шушеринны. Самыми заметными из них на протяжении всей Смуты оставались Алексей Зубов и Иван Корсаков. Оба они получили повышение в московские дворяне вместе с родными младшими братьями – М.И. Зубовым и П.С. Корсаковым.

Лидеры смоленского служилого города Григорий Полтев и Воин Дивов к середине 1620-х годов отошли от дел и род Полтевых, как и Дивовых были представлены младшими представителями рода.

Во время разбора 1622 года Ф.И. и И.И. Полтевы были суздальскими помещиками с окладами 900 и 700 четвертей. В десятне они записаны первыми, так что первенство Полтевых в 1622 году все еще сохранялось и по-прежнему определялось системой службы по отечеству⁸³⁰. В 1626 году они вслед за старшим братом Данилой стали дворянами московскими⁸³¹. Все три брата принадлежали к младшей ветви рода. В смоленском выборе 1626 года продолжал служить дети А.М. Полтева Лукьян и Фёдор, с окладами 800 и 500 четвертей⁸³². Можно сказать, что после окончания Смуты Полтевы всё же утратили вековое старшинство среди смолян, но к этому моменту уже все ветви рода были представлены в числе дворян московских.

У Воина Дивова возвысилась ветвь его старшего брата, Василия Фаустовича который был поверстан в первую статью вместе с Фаустом и Образцом Дивовыми при боярине Фёдорове⁸³³. В десятне 1605/06 года записаны его дети Роман и Семен⁸³⁴. «У Осипа Ратмана Васильева сына Дивова дети Гаврило, Данило бездетен, да Лев. Оной Лев Ратманов от государя царя и великаго князя Михаила Федоровича всея Великия и Малыя и Белья России самодержца в 127 году пожалован вотчиной грамотою за московское осадное сиденье королевичева приходу»⁸³⁵. В осадном списке 1618 года среди вотчинников два сына Осипа-Ратмана – Данило и Леонтий, однако составитель родословия имел больше сведений о младшем брате. Сын Воина Дивова Семен также получил в отчину за оборону Москвы в 1618 году, он записан в выборе, в то время как Ратмановичи – среди дворовых детей боярских⁸³⁶. Однако в Московский список в итоге попал только младший племянник Воина Дивова – Семен Васильевич.

⁸³⁰ Разборная «десятня розных городов смолян, вязмичей, дорогобужан» 1622 года. Л. 2-4

⁸³¹ Сташевский Е. Очерки по истории царствования Михаила Фёдоровича. С. IV.

⁸³² Подлинный боярский список 1626 г. С. 411-412.

⁸³³ Из родословия Дивовых. С. 176.

⁸³⁴ Десятня 7114 по Смоленску. С. 364.

⁸³⁵ Из родословия Дивовых. С. 176.

⁸³⁶ Осадный список 1618 г. С. 57-58.

Перевод смоленских дворян в Московский список затронул в первую очередь, старейшие отечеством роды, но также он коснулся старейшин некоторых родов, которые выдвинулись в Смутное время за счет нелегкого ратного труда. Почти за каждым повышением детей боярских в московский список можно проследить конкретные давние и «добрые» службы либо самих служилых людей, либо их ближайших родственников или предков.

В итоге социально-политических волнений и военных конфликтов начала XVII века в структуре и в материальном положении смоленского служилого города произошли значительные перемены. Эти перемены можно свести к трем составляющим:

1. Изменилось соотношение смолян в составе Государева двора - увеличилась численность выборных дворян, а некоторые фамилии смогли закрепиться среди московских дворян и других столичных чинов.

2. Полностью поменялось землевладение: после утраты западных уездов, смоляне сначала временно, а затем и навсегда получают поместья в северных и северо-восточных областях Российского государства.

3. Значительно увеличилось количество смолян, получавших жалование из четверти.

Заключение

Изучение смоленского служилого города в Смутное время позволяет сделать вывод о значительных изменениях, которые произошли в положении смоленского дворянства в 1605-1612 годах. Изменения эти были связаны как с признанием заслуг смолян перед государями (В.И. Шуйским и М.Ф. Романовым), так и с утратой Смоленска и разрушением прежней системы поместных владений.

Признание заслуг смолян в годы Смуты оказало существенное влияние на статус смоленского служилого города среди других корпораций. Накануне Смуты смоляне по численности превосходили другие городские корпорации западных уездов, однако в общей иерархии служилых городов Московского государства занимали одно из самых последних мест. Представители смолян (в отличие от соседних белян, вязмичей и дорогобужан) не имели высшего в служилом городе чина «выборных дворян», то есть, не были представлены в составе Государева двора. В конце Смуты смоляне были уже достаточно широко представлены в Государевом дворе: количество выборных дворян по Смоленску становится одним из самых больших среди служилых городов. Кроме того, смоляне гораздо чаще, чем иные городские корпорации, получали повышение из служилого города в московские чины Государева двора. К этому следует добавить обильные пожалования смолян довольно высокими денежными окладами, которые выплачивались из «четвертей». Такое стремительное повышение статуса целого служилого города было уникальным явлением даже для Смутного времени. Именно поэтому участие смолян в событиях Смуты находит отражение в самых разных источниках и даже в особой «Повести о победах московского государства», посвященной деяниям смоленского дворянства в Смуту. Следует отметить, что как в «Повести о победах», так и в большинстве русских повествовательных памятников возвышение смоленского служилого города представлено только, как признание заслуг смолян в борьбе с И. Болотниковым в 1606 году и в организации ополчения К. Минина и Д.М. Пожарского в 1612 году. В настоящем исследовании процесс возвышения смолян впервые в историографии был показан, как многоплановый и неоднозначный. Изменения в положении смоленского служилого города начались с общерусского верстания Лжедмитрия I, в царствование которого происходит объединение смоленских земцев (местных вотчинников) в общий список с детьми боярскими, а также появляется единая шкала поместных окладов. Именно при Лжедмитрии I оформилась структура смоленского

служилого города, в том виде, в котором она существовала на протяжении Смуты. В ходе исследования была выявлена широкая поддержка смоленскими дворянами кандидатуры королевича Владислава на русский престол. Также можно отметить несколько случаев перехода смолян в лагере Лжедмитрия II и даже успешной их карьеры там. Однако пожалования от самозванцев и иноземных претендентов не оказали того влияния на дальнейшее возвышение смоленского служилого города, которое оказали пожалование от царя В.И. Шуйского и вождей ополчений.

Возвышение смоленского служилого города не было одномоментным и даже поэтапным, а выразилось в целом комплексе пожалований отдельным смоленским дворянам: повышения в чине, назначение и увеличение окладов денежного жалования, прибавки к поместным окладам. Один из выводов настоящего исследования следующий: активное продвижение смолян по служебной лестнице не затрагивали традиционной системы службы «по отечеству», которая сложилась в смоленском служилом городе уже в XVI веке. Уже во время похода против И. Болотникова в 1606 году лидерами смоленского служилого города стали главы «старших отечеством» родов: Г.М. Полтев, В.Ф. Дивов, а также Зубовы, Корсаковы и другие. Представители этих фамилий со второй половины XVI до начала XVII века сохранялись ключевые в корпорации должности сотенных и стрелецких голов, приставов, судей и т.д. Право на высокие должности и места в правящей верхушке служилого города для них определялось «добрыми службами» нескольких предыдущих поколений. В годы Смуты представители «старших отечеством» родов первыми получали пожалования в «выборные дворяне» и таким образом оформляли свое лидирующее положение в служилом городе. Впоследствии они же активнее других продвигаются в московские чины Государева двора. В результате состав правящей верхушки смоленского служилого города значительно обновился, однако сама система службы «по отечеству» показала свою устойчивость в годы Смутного времени.

Если повышение в чине было связано с изначальным положением служилого человека в системе службы «по отечеству», то назначение и увеличение денежных окладов «из четверти» было, напротив, связано с признанием личных заслуг и подвигов в годы Смуты. Вопреки распространенному мнению, количество «четвертчиков» в 1606-12 годах было незначительным и только в первые годы царствования М.Ф. Романова начались массовые верстание смолян «четвертными» денежными окладами. Сравнительное изучение служебных биографий смолян показывает, что значительное увеличение четвертного жалования в дальнейшем приводило к повышению в чине, а иногда и к переходу на службу по московскому списку. Кроме того, достаточно высокие

денежные оклады позволяли многим смолянам подниматься на службу в условиях послесмутного разорения и утраты смоленского уезда.

История смоленского служилого города в Смуту – пример успешного служебного продвижения целой сплоченной городской корпорации. Среди важнейших успехов следует отметить и то, что служилый город сохранил свое единство, несмотря на утрату Смоленского уезда, а смоляне получили новые земли в бывших дворцовых волостях северо-восточных уездов, сравнительно мало разоренных Смутой. И все же следует признать, что итоги Смуты оказались для смоленского дворянства неоднозначны: с одной стороны, повысился статус служилой корпорации, сохранилась структура служилого города и общее название «смоляне». С другой стороны, «смоляне, разных городов помещики» утратили прежнее территориальное единство и стали землевладельцами в северных и северо-восточных уездах. Утрата поместий, распад привычной системы связей, в совокупности с общими итогами длительных войн и разорения понижали значимость общих успехов смоленского дворянства.

По итогам Смутного времени положение смоленского служилого города оказалось двойственным и противоречивым. Несмотря на испомещение на новых землях, служилая корпорация сохранила свою традиционную структуру и единство верхушки служилого города в лице выборных дворян. Однако этой корпорации отныне пришлось функционировать в условиях рассеяния смолян-помещиков по разным уездам и постепенной интеграции в дворянские сообщества этих уездов на основе общих интересов и корпоративных связей. Насколько смоленская дворянская корпорация смогла сохранить свое единство, и как эта корпорация функционировала в царствование первых Романовых – этот важный вопрос требует специального исследования.

Приложение

Обработанные варианты родословных некоторых смоленских дворянских родов начала XVII века, с указанием поместных окладов в 1605/06 году, важнейших служебных назначений и некоторых биографических сведений из родословных росписей и других источников. Обработанные таким образом родословные чаще всего представлены полностью, от легендарного предка до составления родословий конца XVII века. Только некоторые из них, из-за обилия ответвлений, даны фрагментарно. Биографические сведения указаны в круглых скобках рядом с именем дворянина. Дополнительные источники обозначены специальными сокращениями и выделены жирным шрифтом. В тех случаях, когда сопоставление с дополнительными источниками не может быть точным, поставлен знак вопроса. В ломаных скобках указываются дворяне, которые не попали в родословные, но их место в генеалогии можно восстановить при помощи десяти 1605/06 года.

При составлении приложений использовались следующие сокращения для дополнительных источников:

РКБС - Реестр смоленских князей, бояр и слуг Русская Историческая Библиотека. М., 1903. Т. XXVII. (Книги Литовской метрики). Стб. 477-508.

ДН – Десятни новиков, поверстанных в 1596 году //Известия русского генеалогического общества. Вып. 3. СПб., 1909. с. 183-186.

ДТ – Дворовая тетрадь //Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х гг. XVI в. М.; Л., 1950. С. 111-208.

в 1605/06 г. – в десяти 7114 года по Смоленску см. Мальцев В.П. Борьба за Смоленск в XVI-XVII вв. Смоленск, С. 364-393.

Также при составлении приложения использовались специальные терминологические сокращения:

113-го – сын боярский поверстанный в 7113 (1604/05) году.

Выбор – выборный дворянин.

Город - городской сын боярский.
Двор - дворовый сын боярский.
ДД – думный дворянин.
ЛД – «литва» дворовая.
Пост. – постельничий.
с о/п. – служит с отцовского поместья.
сост. – составитель родословной.
стр. кл. - стряпчий с ключом.
ч. – четвертей земли в поместно окладе.

Генеалогия смоленских дворян Башмаковых

1-е поколение: Семен Африканович.

2-е поколение: Дети Семена: Юрий.

3-е поколение: Дети Юрия: Иван.

4-е поколение: Дети Ивана: Фёдор.

5 поколение: Дети Фёдора: Протасий (тысяцкий Ивана Калиты).

6-е поколение: Дети Протасия: Василий (тысяцкий).

7-е поколение: Дети Василия: Василий (тысяцкий), Фёдор Воронеж, Тимофей (окольничий), Юрья Грунка.

8-е поколение: Дети Фёдора: Род Воронцовых, дети Тимофея: Симон (бездетен), дети Юрия: Андрей.

9-е поколение: Дети Андрея: Вельямин, Фёдор Пьяница.

10-е поколение: Дети Вельямина: Вельминовы, Аксаковы. Дети Фёдора: Василий, Василий (бездетен), Павел (бездетен).

11-е поколение: Дети Василия: Данила Башмак (служил Василия Васильевичу).

12-е поколение: Дети Данилы: Пётр, Андрей, Иван Шадра, Михаил (бездетен), Михаил.

13-е поколение: Дети Петра: Данила (бездетен), Иван, Сергей. Дети Андрея: Григорий, Василий, Ташлык бездетен, Федор (бездетен), Иван Ферзик Метель (?). Дети Михаила: Гаврила (бездетен).

14-е поколение: Петровичи: Дети Ивана: Афанасий. Дети Сергея: Данило (убит на службе в 1588/89 г.), Григорий (*выбор 500 ч. в 1605/06 г.*), Иоаким (*дворовый 450 ч. в 1605/06 г.*, бездетен). **Андреевичи:** Дети Василия: Семен (бездетен), Яков (*выбор 500 ч. в 1605/06 г.*, бездетен), Лаврентий (бездетен), Филипп (*дворовый, 500 ч. в 1605/06 г.*, бездетен). Дети Ивана: Иван.

15-е поколение: Дети Афанасия: Фёдор, <Пётр (дворовый, 450 ч. в 1605/06 г.)>. Дети Данилы: Лукьян (дворовый 450 ч. в 1605/06 г., бездетен), Григорий (город 350 ч. 113 года). **Андреевичи:** Дети Ивана: Василий (дворовый, 450 ч. в 1605/06 г.).

16-е поколение: Дети Фёдора: Василий (бездетен). Дети Григория: Юрий, Антон (дворовый 450 ч. в 1605/06 г.), Филон (Двор 400 ч. в 1605/06 г. верстания 113).

17-е поколение: Дети Юрия: Яков (бездетен). Дети Антона: Иван (бездетен), Леонтий, Григорий, Гаврила (бездетен). **Андреевичи:** Дети Василия: Иван, Михаил.

18-е поколение: Дети Леонтия: Иван. Дети Григория: Сава. **Андреевичи:** Дети Ивана: Лукьян. Дети Михаила: Василий.

19-е поколение: Дети Ивана: Гаврила, Иван, Тимофей. Дети Савы: Яков. **Андреевичи:** Дети Лукьяна: Борис. Дети Василия: Алексей.

Источник: РГАДА. Ф. 388. Разрядно-сенатский архив. Оп. 1. Книга 765. Л. 592об-593.

Генеалогия смоленских дворян Бестужевых

1-е поколение: Гаврил Бест.

2-е поколение: Дети Гаврилы: Яков Рюма, Данила (бездетен).

3-е поколение: Дети Якова: Матвей (посол от Ивана III к хану Ахмату).

4-е поколение: Дети Матвея: Василий (бездетен), Иван, Фёдор.

5-е поколение: Дети Ивана: Андрей (ДТ), Данила Красный, Феофан Глазастый.

6-е поколение: Дети Андрея: Замятня (бездетен, воевода в мордовском походе 1577 года). Дети Данилы Патрикей (убит под Кесью), Дмитрий. Дети Феофана: Василий (выбор 550 четей в 1605/06 г.)

7-е поколение: Дети Патрикея: Никифор (двор 500 ч. в 1605/06 г. убит под Москвой от поляков), Прокофий (двор 500 ч. в 1605/06 г.). Дети Дмитрия: Иван Большой (выбор 500 ч. в 1605/06 г., на посольстве в Швецию в 1609 году), Григорий (двор 450 ч. в 1605/06 г.), Никита (двор 450 ч. в 1605/06 воевода в Шацке в 1645 году), Иван Волк Меньшой (двор 500 ч. в 1605/06 г., убит в обороне Москвы в 1618 году), Дети Василия: Михаил (двор 500 ч. в 1605/06 г.), Юрий, Илья (город., 400 ч. в 1605/06 г.), Фёдор (город., 400 ч. в 1605/06 г.).

8-е поколение: Дети Никифора: Иван (город., 400 ч. в 1605/06 г., воевода в Нарымске в 1632/33 г. бездетен), Никифор (бездетен). Дети Прокофия: Иван (бездетен), Образец (бездетен). Дети Ивана Большого: Василий (город., 400 ч. в 1605/06 г., убит под Смоленском). Дети Григория: Никита (бездетен, воевода в Польше), Михаил (воевода в

Брянске), Пётр (бездетен, в плену в Польше). Дети Никиты: Игнатий (в плену в Польше, воевода в Муроме). Дети Михаила: Иван (новик., 300 ч. в 1605/06 г., убит под Боровском). Дети Юрия: Андрей (воевода в Цывильске), Андриан (воевода в Ростове, бездетен), Пётр (воевода в Тотьме). Дети Ильи: Фёдор (убит под Конотопом). Дети Фёдора: Алферий.

9-е поколение: Дети Михаила: Пётр. Дети Игнатия: Иван. Дети Ивана: Алексей, Дмитрий. Дети Андрея: Семен (убит под Чигириным, бездетен), Дмитрий. Дети Петра: Иван, Степан, Семен, Дмитрий. Дети Фёдора: Гаврила (бездетен, убит под Конотопом), Иван Большой, Степан, Сила. Дети Алферия: Фёдор, Андрей.

10-е поколение: Дети Ивана Большова: Василий.

Источник: РГАДА. Ф. 286. Герольдмейстерская контора. Оп. 2. Книга 1. Л. 138-142., 146-155, 691-693об.

Генеалогия смоленских дворян Корсаковых (фрагмент)

4-е поколение: Дети Фёдора: Михаил, Семион, Стефан.

5-е поколение: Степановичи: Фёдор, Андрей Койдат.

6-е поколение: Степановичи: Дети Фёдора: Лука. Степан. Дети Андрея: Лаврентий (двор 500 ч.), Тимофей-Темир (двор 500 ч.).

7-е поколение: Степановичи: Дети Луки: Воин (бездетен, *выбор 500 ч. в 1605/06 г.*), Михайло (бездетен). Дети Степана: Фёдор (*выбор 500 ч. в 1605/06 г.*), Иван (*Двор, 500 ч.*), Пётр (*Двор, 500 ч.*). Дети Лаврентия: Семен. Дети Темира: Евстигней Неупокоей.

8-е поколение: Степановичи: Дети Семена: Богдан (В Смоленске). Дети Неупокоей: Гаврила (бездетен), Алексей.

Источник: Лихачев Н.П. «Генеалогия» дворян Корсаковых. СПб. 1913. С. 14.

Генеалогия смоленских дворян Полтевых (фрагмент)

6-е поколение: Лукьяновичи: Дети Фёдора: Михаил Гребень, Куприян, Борис (бездетен). Дети Ковери: Савватий (бездетен), Давид (бездетен). Дети Гаврилы: Фёдор (*ЛД в Ярославле в ДТ*). **Федоровичи:** Дети Дмитрия: Иван, Григорий. Дети Алексея: Михайло (бездетен; *ЛД в Ярославле в ДТ*), Фёдор (бездетен; *ЛД в Ярославле в ДТ*). **Григорьевичи:** Дети Дмитрия: Никифор, Семен, Панкратий (бездетен). Дети Куприяна: Игнатий.

7-е поколение: Лукьяновичи: Дети Михаила Гребня: Григорий (*Выбор 600 ч.* в 1605/06 г., воевода смолян в 1606 году, думный дворянин), Андрей (*Выбор 500 ч.* в 1605/06 г.). Дети Куприяна: Алимпий. Дети Фёдора: Никифор (бездетен; *ДД* в Ярославле в *ДТ*). **Федоровичи:** Дети Ивана: Борис, Степан (*Двор 500 ч.* в 1605/06 г., бездетен; убит под Москвой). Дети Григория: Роман (новик 250 ч. в *ДН* в Боровске, бездетен), Иван. **Григорьевичи:** Дети Никифора: Флор (бездетен, убит под Москвой), Андрей (бездетен, убит под Москвой), Фёдор, Иван (бездетен). Дети Семёна: Поликарп (новик 250 ч. в *ДН* в Серпейске), Парамон (бездетен), Иван (бездетен), Кирьян (бездетен), Антон (бездетен), Анцифер (новик 250 ч. в *ДН* в Серпейске, бездетен, убит под Москвой). Дети Игнатия: Иван (окладчик в *ДН*, *Двор 500 ч.* в 1605/06 г.), Дмитрий (*Город 450 ч.* в 1605/06 г. бездетен).

8-е поколение: Лукьяновичи: Дети Григория Полтева. Никита (*Двор 400 ч.* в 1605/06 г.), Павел (бездетен), Елизарий (*Новик 250 ч.* в *ДН*, *Двор 500 ч.* в 1605/06 г., бездетен). Дети Андрея Полтева: Лукьян (*Город 400 ч.* в 1605/06 г., бездетен), Фёдор (*Город 400 ч. 113-го* в 1605/06 г.). Дети Алимпия: Иван (бездетен). **Федоровичи:** Дети Бориса: Алексей, Василий (бездетен, убит под Москвой), Леонтий, Ерофей. Дети Ивана: Василий, Гаврила (бездетен). **Григорьевичи:** Дети Фёдора: Семен (*ДД*, бездетен), Анисим (бездетен). Дети Поликарпа: Юрий (бездетен), Андрей, Иван. Дети Ивана: Данила (*Новик 250 ч.* в *ДН*, *Город 400 ч.* в 1605/06 г.), Василий, Иван (*Город 400 ч.* в 1605/06 г.), Фёдор, Игнатий (*новик 300 ч.* в 1605/06 г., бездетен).

9-е поколение: Лукьяновичи: Дети Никиты: Матвей Замятня, Дети Фёдора: Михайло (убит под Конотопом), Иван (*сост.?*). **Федоровичи:** Дети Алексея: Фёдор (*пост.* при ц. Алексее Михайловиче, *ДД* при ц. Фёдоре Алексеевиче), Никифор (бездетен). Дети Леонтия: Маковей (бездетен). Дети Ерофея: Семен (*стр. кл., сост.*). Дети Василия: Данила, Иван (*сост.*). **Григорьевичи:** Дети Андрея: Никита. Дети Ивана: Михайло (*сост.*), Пётр (*сост.*). Дети Данилы: Исаак (бездетен). Дети Василия: Семен (бездетен). Дети Ивана: Иван (бездетен), Дмитрий. Дети Фёдора: Сава(бездетен), Пётр (бездетен).

10-е поколение: Лукьяновичи: дети Матвея Замятни: Тимофей. Дети Михаила: Иван (убит под Чигириным). Дети Ивана: Роман (*сост.*), Яков(*сост.*). **Федоровичи:** Дети Фёдора: Василий, Яков (*сост.*), дети Ивана: Василий. **Григорьевичи:** Дети Дмитрия: Никита (*сост.*).

Источник: РГАДА. Ф. 286. Герольдмейстерская контора. Оп. 1. Книга 241. Л. 486-487об..

Генеалогия смоленских дворян Потёмкиных

1-е поколение: Тарасий (Ганс) Александров сын Потёмкин (выехал на русскую службу из Польши при в.к. Василии Ивановиче).

2-е поколение: Иван (получил от ц. Ивана Васильевича село Воротыщино), /Родион Булгак.

3-е поколение: Дети Ивана: Фёдор. Дети Родиона (Лариона?): <Данило (*Двор*, 500 ч.в 1605/06 г.)> Фёдор (*Двор*, 500 ч.в 1605/06 г.).

4-е поколение: Дети Фёдора: Гаврило (убит под Москвой в 1591 г.), Юрья (*Выбор*, 500 ч.в 1605/06 г.), /Степан (бездетен, убит под Тулой в 1607 г. (*Двор*, 400 ч.в 1605/06 г.). <Дети Данилы: Лукьян (*Новик*, 300 ч.в 1605/06 г.)> Дети Фёдора: Семен.

5-е поколение: Дети Гаврилы: Иван (*Новик*, 300 ч.в 1605/06 г.). Дети Юрья: Иван. Дети Семена: Сима, Александр (бездетен), Самойла (бездетен).

6-е поколение: Дети Ивана: Пётр (*ДД сост.*), Фёдор (*Ст.*). Дети Ивана: Василий (*Ст.?*), Михайло (*Ст. сост.*). Дети Симы: Василий (*Ст.*)

7-е поколение: Дети Петра: Степан (*Ст. подал роспись*). Дети Фёдора: Дмитрий (*Ст.*), Григорий. Дети Василия: Иван (*Ст.?*), Яков (*Ст.?*), Андрей (*Ст.*). Дети Василия: Александр.

8-е поколение: Дети Степана: Иван (*Ст.*)

Источник: РГАДА. Ф. 286. Герольдмейстерская контора. Оп. 1. Книга 241. Л.567-585об.

Генеалогия смоленских дворян Филосовых

1-е поколение: Марко (Христофорович) Философ.

2-е поколение: Григорий, Платон (бездетен).

3-е поколение: Дети Григория: Арист.

4-е поколение: Дети Ариста: Киприан (бездетен), Василий, Дмитрий (бездетен).

5-е поколение: Дети Василия: Анисим (бездетен, убит), Тимофей, Семен (бездетен), Михайло.

6-е поколение: Дети Тимофея: Парфений, Савин. Дети Михаила: Феклист (убит).

7-е поколение: Дети Парфения: Уар, Данило (бездетен), дети Савина: Никифор. Дети Феклиста: Аверкий, Василий, Семен (бездетен).

8-е поколение: Дети Уара: Яков (бездетен), Федот, Анофрей (бездетен), Пётр (бездетен). Дети Никифора: Елисей (убит). Дети Аверкия: Аким. Дети Василия: Фока (бездетен убит), Прокофий.

9-е поколение: Дети Федота: Фатей (бездетен), Харитон. Дети Елисея: Аввакум (бездетен), Анисим (бездетен). Дети Акима: Пимен, Виктор (бездетен), Фома (бездетен). Дети Прокофия: Лаврентий (бездетен), Пров (бездетен).

10-е поколение: Дети Харитона: Дмитрий (бездетен), Исак, Михей. Дети Пимена: Григорий, Захарий (бездетен убит).

11-е поколение: Дети Исака: Созон (бездетен). Дети Михея: Ларион (бездетен). Дети Григория: Иван (бездетен), Леонтий, Варлам (бездетен), Семион (бездетен убит).

12-е поколение: Дети Леонтия: Максим, Стефан (бездетен), Прокофий.

13-е поколение: Дети Максима: Роман (бездетен убит). Дети Прокофия: Остафий (бездетен, убит), Тимофей (бездетен убит)?.

14-е поколение: Дети Тимофея: Семен, Василий (бездетен, убит), Илья, Лука, Матвей (бездетен), Прохор (бездетен убит).

15-е поколение: Дети Семена: Фёдор (бездетен). Дети Ильи: Иосиф (бездетен). Дети Луки: Знахарей, Арсений (бездетен).

16-е поколение: Дети Захарей: Протас (бездетен), Данило (бездетен), Самойло (бездетен, убит), Иван.

17-е поколение: Дети Ивана: Устин.

18-е поколение: Дети Устина: Андрей.

19-е поколение: Дети Андрея: Лукьян (убит), Никита.

20-е поколение: Дети Лукьяна: Афанасий (убит крымцами при Молодях), Стефан (бездетен крымцами при Молодях), Фёдор (бездетен, убит немцами под Кесью).|| Дети Никиты: Федор (убит крымцами под Воротынском), Василий (бездетен убит крымцами в Москве), Андрей (убит бездетен под Володимерцом-немецким)

21-е поколение: Дети Афанасия: Федосий (*Город 500 ч.* в 1605/06 г., бездетен). ||| Дети Фёдора: Иван (*Двор 500 ч.* в 1605/06 г.), Григорий (бездетен убит немцами под Коловертью), Максим Замятня (*Двор 500 ч.* в 1605/06 г., убит поляками при взятии Смоленска), Иван Меньшой (убит немцами под Ругодивом), Андрей (*Двор 500 ч.* в 1605/06 г., убит поляками при взятии Смоленска).

22-е поколение: Дети Ивана: Афанасий (*Город 450 ч.* в 1605/06 г., бездетен, убит поляками при взятии Смоленска), Алексей (*Город 400 ч.* в 1605/06 г.), Иван (*Новик 300 ч.* в 1605/06 г.), Фёдор (*Новик 300 ч.* с отцова в 1605/06 г., воевода в Туле в 1630/1 и 1631/2 гг.). Дети Максима: Алексей (*Новик 300 ч.* в 1605/06 г.). Дети Ивана меньшого: Филипп

(бездетен). || Дети Андрея: Макарий (*Новик 300 ч.* в 1605/06 г., бездетен убит поляками под Калязином).

23-е поколение: Дети Алексея: Михаил (увечен), Иван (бездетен). Дети Ивана: Василий (московский ловчий при Фёдоре Алексеевиче, 2-й воевода в Смоленске, бездетен). Дети Фёдора: Матвей (рында у Алексея Михайловича). Дети Алексея: Данила (бездетен убит под Конотопом), Анофрий, Никита (бездетен убит под Конотопом), Никифор (бездетен).

24-е поколение: Дети Михаила: Григорий, Яков. Дети Анофрия: Аггей.

Источник: СПБНИИ РАН Ф.131. Коллекция Ю.В. Татищева. Оп. 1. № 106. Л. 68-69об.

Генеалогия смоленских дворян Шушериных

1-е поколение: Дмитрий.

2-е поколение: Борис.

3-е поколение: Лев (Владимир в ТТ).

4-е поколение: Дети Льва: Иван.

5-е поколение: Дети Ивана: Роман (Пристав в 1547 г. затем дьяк в Смоленске).

6-е поколение: Дети Романа: Тимофей, Остафий, Василий, Дмитрий, Федор (бездетен), Елизарий.

7-е поколение: Дети Тимофея: Андрей (двор 400 ч. в1605/06 г.), Иван (двор 500 ч. в1605/06 г.), Григорий (бездетен). || Дети Остафея: Василий (выбор 500 ч. в1605/06 г.). || Дети Василия: Федор (двор 500 ч. в1605/06 г., голова у стольников писец поместного приказа, МД, воевода), Роман (двор 500 ч. в1605/06 г., МД, воевода). || Дети Дмитрия: Федор (выбор 500 ч. в1605/06 г. думный дьяк). Дети Федора: Яков (двор 500 ч. в1605/06 г. воевода в Чаронде в 1614/15 году).

8-е поколение: Дети Федора: Данила (бездетен). Дети Романа: Максим (бездетен), Василий (сост.), Михайло (ст.) Дети Василия: Тимофей (город 400 ч. в1605/06 г.). Дети Якова: Федор.

9-е поколение: Дети Василия: Максим, Петр, Федор. Дети Михаила: Иван. Дети Федора: Милон, Михаил (стр.)

Источник: РГАДА. Ф. 286. Герольдмейстерская контора. Оп. 1. Книга 241. Л. 1139об-1144об.

Генеалогия смоленских дворян Языковых

1-е поколение: Алексей Язык.

2-е поколение: Захарий.

3-е поколение: Никита.

4-е поколение: Иван. Пожалован царем Иваном волостью Медуши.

5-е поколение: Дети Ивана: Дмитрий, Игнатий Хомяк.

6-е поколение: Дети Дмитрия: Александр (замучен в Крымском плену). Дети Игнатия: Иван.

7-е поколение: Дети Александра: Михаил (убит на бою, выбор 550 ч. в 1605/06 г.), Савва, Фёдор. **Игнатовичи:** Дети Ивана: Пётр, Яков.

8-е поколение: Дети Саввы: Авдоким (воевода в Кузнецком остроге), Семен, Сергей. Дети Фёдора: Семен, Иван, Емельян. **Игнатовичи:** Дети Петра: Иван. Дети Якова: Василий.

9-е поколение: Дети Сергея: Василий, Фёдор, Данила. Дети Семена: Фёдор, Иван. Дети Ивана: Фёдор, Степан. Дети Емельяна: Иван. **Игнатовичи:** Дети Ивана: Михаил.

Источник: РГАДА. Ф. 286. Герольдмейстерская контора. Оп. 1. Книга 259. Л. 122.

Список источников и литературы

Архивные источники:

Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 131. Коллекция Ю.В. Татищева:

1. Род Философовых //Архив СПбИИ РАН Ф. 131. Коллекция Ю.В. Татищева. Оп. 1. № 106. Л. 68-69об.

Государственный архив Владимирской области (ГАВО) Ф. 575. Акты суздальского Покровского монастыря:

2. Грамота князя Дмитрия Пожарского в Суздальский покровский монастырь //ГАВО. Ф. 575. Оп. 1. № 49. Л. 1 – 3.

Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 210. Разрядный приказ:

3. Разборная «десятня розных городов смолян, вязмичей, дорогобужан» 1622 года //РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 4. Дела десятен. №18.
4. Разборная десятня служилых городов Смоленска и Белой 1649 года //РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 4 Дела десятен. №175.
5. Род Вараксиных //РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 18. Родословные росписи поданные в палату Родословных дел по случаю отмены местничества. № 40.
6. Род Ефимьевых //РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 18. Родословные росписи поданные в палату Родословных дел по случаю отмены местничества. № 65.
7. Челобитная Федора Вараксина о верстании //РГАДА. Ф. 210. Столбцы приказного стола. № 60. Л. 502-503.

Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 286.

Герольдмейстерская контора:

8. Дело о челобитной Бестужевых //РГАДА. Ф. 286. Герольдмейстерская контора. Оп. 2. Кн. 1. Л. 138-142., 146-155, 691-693об.
9. Род Кошелевых //РГАДА. Ф. 286. Герольдмейстерская контора. Оп. 2. Кн. 1. Л. 131-135.
10. Роспись роду Полтевых //РГАДА. Ф. 286. Герольдмейстерская контора. Оп. 1. Кн. 241. Л. 486-487об.
11. Роспись роду Потемкиных //РГАДА. Ф. 286. Герольдмейстерская контора. Оп. 1. Кн. 241. Л.567-585об.
12. Род Шушериных //РГАДА. Ф. 286. Герольдмейстерская контора. Оп. 1. Кн. 241. Л. 1139об-1144об.
13. Роспись роду Языковых //РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Герольдмейстерская контора. Кн. 259. Л.122.

**Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 388. Канцелярия
разрядно-сенатского архива:**

14. Род Башмаковых //РГАДА. Ф. 388. Канцелярия разрядно-сенатского архива. Оп. 1. Кн. 765. Л. 592об-593.

**Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1107. Белозерская
приказная изба:**

15. Платежная книга белозерского уезда //РГАДА. Ф. 1107. Белозерская приказная изба. Оп.1. Кн. 115.

**Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1209. Поместный
приказ:**

16. Дозорная книга вологодского уезда разных лет //РГАДА Ф. 1209. Поместный приказ. Оп. 1. Кн. 62.
17. Список с писцовой книги боровского уезда письма и меры Василия Колычева 137 и 138 гг. //РГАДА. Ф. 1209. Поместный приказ. Кн. 10326.

Главный архив древних актов в Варшаве (Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie – AGAD):

1. Челобитная смоленских дворян королю Сигизмунду с просьбой отпустить королевича Владислава на Российский престол //AGAD. Dz 2. Archiwum Radziwiłłów. Suppl. 250.
2. Список думных людей и дворян, отправленных гетманом Жолкевским в лагерь под Смоленск к королю Сигизмунду //AGAD. Dz 2. Archiwum Radziwiłłów. Suppl. 252.

Опубликованные источники:

1. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографической экспедицией Императорской академии наук. Т. II. СПб., 1836.
2. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1846. Т. II. СПб., 1848. Т. III.
3. Акты служилых землевладельцев XV—начала XVII века. М., 2005. Т. III.
4. Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в Боярских книгах, хранящихся в 1-м отделении Московского архива министерства Юстиции. М., 1853.
5. Антонов А.В. Поручные записи 1527-1571 годов //Русский дипломатарий. М., 2004. Вып. 10. С. 8-79.
6. Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). М., 1907.
7. Лихачев Н.П. Боярский список 1611 года. СПб., 1895.
8. Грамота князя Пожарского в г. Осташков с известием об освобождении Москвы и созыве земского собора //Сборник Новгородского общества любителей древностей. Новгород, 1911. Вып. V. С. 19-20.
9. Грамоты царских воевод о восстании в Березове //Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 2. М.; Л., 1941. Приложение. С. 202–204.
10. Десятня 7082 года по Смоленску //Летопись историко-родословного общества в Москве. М., 1913. Вып. 1-2. С. 71-82.
11. Десятня 7114 года по Смоленску //Мальцев В.П. Борьба за Смоленск в XVI-XVII вв. Смоленск, 1940. С. 364-393.
12. Десятня Водской пятины 1605 года //Известия русского генеалогического общества. СПб., 1911. Вып. IV. С. 435-509.
13. Десятня новиков, поверстанных в 1596 году //Известия русского генеалогического общества. СПб., 1909. Вып. III. С. 183.

14. Дневник похода на Москву короля Сигизмунда III //Русская историческая библиотека, издаваемая археографическою комиссиею. СПб., 1872. Т. I.
15. Документы Печатного приказа/Сост. С. Б. Веселовский. М., 1994.
16. Законодательные акты русского государства второй половины XVI-первой половины XVII века: Тексты. Л. 1986.
17. Из родословной Дивовых. Известия "статейного списка" по истории земских соборов и Смуты конца XVI - начала XVII вв. //Исторический архив. 1994. № 6. С. 169-178.
18. Иное Сказание //Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. СПб., 1892. Т. XIII. Стб. 1-144.
19. Карамзинский хронограф //Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесённых в хронографы русской редакции. Собрал и издал Андрей Попов. М., 1869. С. 321-379.
20. Книги Разрядные по официальным оных спискам. СПб., 1850. Т. 1-2.
21. Кормленая книга костромской чети. СПб., 1894.
22. Малов А.В. Торопецкая верстальная десятина 114-го (1605/06) – 115-го (1606/07) гг. //Единорогъ. М., 2009. Вып. 1. С. 12-62.
23. Мархоцкий. Н. История московской войны. М.: РОССПЭН, 2000.
24. Новый летописец //Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. XIV.
25. Осадный список 1618 г. //Памятники истории Восточной Европы. Источники XV—XVII вв. Т. VIII: Осадный список 1618 г./Сост. Ю.В. Анхимюк, А.П. Павлов. М.; Варшава, 2009.
26. Ответ их милостей, господ великих послов Короны Польской и Великого княжества Литовского, данный великим послам Московского государства //Эйльбарт Н.В. Смутное время в польских документах государственного архива Швеции. Новосибирск, 2013. С. 185-201.
27. Памятники дипломатических сношений с папским двором и с италианскими государствами (с 1580 по 1699 год) //Памятники дипломатических сношений Древней Руси с державами иностранными. СПб., 1871. Т. 10.
28. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб., 1851. Ч. 1.
29. Памятники Обороны Смоленска 1609-1611 гг. Под ред. Ю.В. Готье. М., 1912.
30. Письма Я. Гридича Л. Сапеге о походе гетмана Жолкевского к Москве //Эйльбарт Н.В. Смутное время в польских документах государственного архива Швеции. Новосибирск, 2013. С. 333-349.

31. Письма Я. Задзика Л. Гембицкому //Эйльбарт Н.В. Смутное время в польских документах государственного архива Швеции. Новосибирск, 2013. С. 247-332.
32. Повесть о победах Московского государства/Подг. Г.П. Енина. Л.: Наука. Сер. «Литературные памятники», 1982.
33. Подлинное дело о строении Смоленска //Смоленская старина. Вып. 1. Ч.1. СПб., 1909. С. 27.
34. Подлинный боярский список 1626 г. //Единорог. Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и раннего Нового времени. М., 2014. Вып.3. С. 350-439.
35. Приговор Ляпуновского ополчения 30 июня 1611 года //Забелин И.Е. Минин и Пожарский. СПб., 2005. С. 220-232.
36. Приходно-расходная книга Разрядного приказа 7128 (1619-1620) г. //Приходно-расходные книги московских приказов 1619-1621 гг. М., 1982. С. 167-242.
37. Псковская летопись по списку Оболенского //Полное собрание русских летописей. Т. V: Псковские летописи. Вып. 1. М., 2003. С. 122-126.
38. Разрядная книга 1598-1638. М., 1974.
39. Разрядная книга Ливонского похода 1577-78 //Вельяминов-Зернов. Исследования о Касимовских царях и царевичах. СПб., 1864. Т. II. С. 26-83.
40. Разрядная книга Полоцкого похода // Русский дипломатарий. М., 2004. Вып. 10. С. 120-154.
41. Расспросные речи иноземцев и русских, возвратившихся из плена, присланных из Разряда в Патриарший дворцовый приказ для допросов //Русская историческая библиотека, издаваемая археографической комиссией. Т. II. Стб. 597-668.
42. Расходная книга Разрядного приказа 1606/07 г. //Исторический архив. М.; Л., 1953. Т. VIII. С. 29-64.
43. Расходная книга Устюжской четверти 1619/1620 г. //Приходно-расходные книги московских приказов 1619-1621 гг. М., 1982. С.142-164.
44. Реестр пожалований короля Сигизмунда на поместья 1610-1613 гг. //Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные археографической комиссией. СПб., 1848. Т. IV. С. 320-427.
45. «Реестр смоленских князей, бояр и слуг» конца XV века //Русская историческая библиотека. Т. XXVII. (Книги Литовской метрики). СПб., 1903. Стб. 477-508.
46. Родословие дворян Корсаковых //Лихачев Н.П. «Генеалогия» дворян Корсаковых. СПб., 1913. С. 14.

47. Родословие орловских дворян Масловых //Летопись историко-родословного Общества в Москве. М., 1907. Вып.4.
48. «Рукопись Филарета» //Сборник Муханова. СПб., 1866.
49. Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 35: Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. 1. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством в царствование Великого Князя Ивана Васильевича. Ч. 1 (годы с 1487 по 1533). СПб., 1882.
50. Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 59: Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. 5. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством, Ч. 2 (годы с 1533 по 1560) СПб., 1887.
51. Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 71: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством, часть 3-я (годы с 1560 по 1570): Т. 3. СПб., 1892.
52. Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 137: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-литовским государством: Т. 4 СПб., 1912.
53. Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 142: Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством: Т. 5 СПб., 1913.
54. Симон Азарьин. Книга о чудесах Преподобного Сергия. СПб., 1888.
55. Соловецкий летописец конца XVI века/Публ. Корецкий В.И. //Летописи и хроники. М., 1981. С. 240-241.
56. Смоленская крестоприводная книга 1598 года/Публ. С. П. Мордовиной и А.Л. Станиславского //Источники по истории русского языка. М., 1976. С. 136-166.
57. Смоленская шляхта, Т. II. Списки шляхты, хранящиеся в Российском Государственном архиве древних актов. (Историческая библиотека Б. Г. Федорова, Кн. 9). М.: Российское экономическое общество, 2006.
58. Список 100 году //Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х гг. XVI в. М.; Л., 1950. Приложение 2. С. 220-246.
59. Сухотин Л. С. Четвертки Смутного времени (1604-1617). М., 1912.

60. Тюменцев И.О. Список сторонников царя Василия Шуйского. (Новая находка в Шведском государственном архиве) //Археографический ежегодник за 1992 г. М., 1994. С. 319.
61. Тысячная книга 1550 г. Дворовая тетрадь пятидесятих годов XVI века. М.; Л., 1950.
62. Челобитные смоленского помещика - участника похода против Болотникова //Исторический архив. М.; Л., 1953. Т. VIII. С. 65-66.
63. Челобитная Ивана Философова о пожаловании его в московские дворяне //Сташевский Е. Очерки по истории царствования Михаила Фёдоровича. Киев, 1913. С. I-II.
64. Челобитные царю Михаилу от разных лиц о вспомоществовании по случаю различных обстоятельств //Забелин И. Е. Минин и Пожарский. СПб., 2005. С. 242.
65. Шаховской С.И. Летописная книга //Памятники литературы Древней Руси XVI-XVII века. М., 1987. С. 358-425.

Литература:

1. Александров С.В. Смоленская осада 1609-1611. М.: Вече, 2011.
2. Алексеев С.А. Дворянское землевладение в послесмутное время (на примере белозерского уезда) //Смутное время в России в начале XVII в.: поиски выхода. Сборник материалов Ярославской научной конференции к 400-летию «Совета всей земли» в Ярославле. М., 2013. С. 159-170.
3. Андреев И.Л. О проблеме сословной организации и сословном самосознании служилого «города» в XVII столетии //Сословия и государственная власть в России. М., 1994. С. 13-20.
4. Антонов А.В. Родословные росписи конца XVII века. М., 1996.
5. Антонов. А.В. Маштафаров. А.В. Об архиве суздальского Покровского девичьего монастыря XV-начала XVII вв. //Русский дипломатарий. М., 2004. Вып. 10.
6. Аракчеев В.А. Аграрная история великолукского и пусторжевского уездов во второй половине XVI - XVII вв.: Автореф. дисс. канд. ист. наук. СПб., 1994.
7. Баранов К.Н. О готовности Костромского служилого города к службе в 1630 и 1649 гг. //Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Новгород, 2002. Ч.1. С. 170-173.
8. Барсуков А. Обзор источников и литературы русского родословия. СПб., 1887.
9. Богданов И.В. О «конности, людности о оружности» Алексинского и Козельского служилых городов в 1621 г. //Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Новгород, 2002. Ч.1. С. 160-163.

10. Бенцианов М.М. Смоленская «десятина 1574» и формирование смоленской служилой корпорации //Смутное время в России: конфликт или диалог культур? Материалы научной конференции. Санкт-Петербург. 12-14 октября 2012 года. СПб., С. 15-18.
11. Бычкова М. Е.Родословные книги XVI—XVII вв. М., 1975.
12. Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV-XVII вв. М., 1975.
13. Веселовский С. Б. Исследования по истории Опричнины. М., 1963.
14. Вовина-Лебедева В.Г. Новый летописец: история текста. СПб., 2004.
15. Воробьев В.М. Из истории поместного войска в условиях послесмутного времени (на примере новгородских служилых городов) //Исторический опыт русского народа и современность. СПб., 1994. С. 82-91
16. Воробьев В.М. Как и с чего служили на Руси в XVII веке (к истории русского дворянства) //Средневековая и новая Россия. СПб., 1996. С. 451-462.
17. Воробьев В.М. «Конность, людность, оружность и сбруйность при первых Романовых» //Дом Романовых в истории России. СПб., 1995. С. 95-97.
18. Воробьев В.М. Лжедмитрий I и судьбы службы по отечеству и поместной системы //Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Новгород, 2003. С. 98-122.
19. Воробьев М.В. Боевые лошади русской кавалерии XVI-XVII вв. (мифы и реальность) //Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Новгород, 2002. Ч.1. С. 155-160.
20. Воробьев М.В. Псковский и пусторжевский служилые города по материалам смотра военных сил России в 1621 г. //Псков в Российской и европейской истории (к 110-летию первого летописного упоминания). М., 2003. Т.1. С. 326-333.
21. Голубцов И.А. «Измена» смольнян при Б. Годунове и «извет» Варлаама» //Учёные записки института истории РАНИОН. Т. 5. М., 1928. С. 218-251.
22. Козляков В.Н. Источники о новичьем верстании в первой половине XVII века //Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. Сборник статей. М., 1991. С. 89-101.
23. Козляков В.Н. Источники о формировании и составе городских служилых корпораций Верхнего Поволжья в первой половине XVII века. М., 1989.
24. Козляков В.Н. Служилый "город" Московского государства XVII века: От Смуты до Соборного уложения. Ярославль, 2000.
25. Кондрашенков А.А. Смоленский край в XVI-первой половине XVII века. Спецкурс. Смоленск, 1978. С. 34-68.
26. Кошелева О.Е. Морозов Б.Н. Историческое сознание и социальное поведение российского дворянства XVII века (К вопросу о формировании аналитического

- комплекса источников) //Сословии и государственная власть в России. М., 1994. С, 226-230.
27. Курбатов О.А. Морально-психологические аспекты тактики русской конницы в середине XVII века //Военно-историческая антропология. Ежегодник. М., 2003.
 28. Кушева Е.П. Из истории публицистики Смутного времени XVII века. Саратов. 1926.
 29. Лаптева Т.А. Провинциальное дворянство России в XVII веке. М., 2010.
 30. Лисейцев Д.А. Костромские выборные дворяне рубежа XVI-XVII веков //Российская история. 2013 г. № 6. С.111-128.
 31. Лихачев Н.П. «Генеалогия» дворян Корсаковых. СПб., 1913.
 32. Лихачев Н.П. Разрядные дьяки XVI века. СПб., 1888.
 33. Мальцев В.П. Борьба за Смоленск в XVI-XVII вв. Смоленск, 1940.
 34. Медведев П. А. К вопросу о регулировании внутренней жизни в осажденном Смоленске в 1609-1611 гг. Хлебное распределение //Россия от Ивана Грозного до Петра Великого. Сборник трудов посвященных 35-летию научной педагогической деятельности профессора Р.Г. Скрынникова. СПб.; Киев, 1993. С. 41-44
 35. Медведев П. А. Подготовка смоленской обороны 1609 г. //Источниковедческое изучение памятников письменной культуры. Сб. научных трудов. Л., 1990. С. 79-82.
 36. Молочников А.М. Родословие Вараксиных и «Повесть о победах Московского государства» //Смутное время в России в начале XVII века: поиски выхода. К 400-летию «Совета всея земли» в Ярославле. Материалы Международной научной конференции (Ярославль, 6-9 июня 2012 года). М., 2012. С. 326-330.
 37. Новицкий В.И. Выборное и большое дворянство XVI-XVII вв. Киев, 1915.
 38. Новосельский А.А. Правящие группы в служилом городе XVII века //Учёные записки Института Истории РАНИОН. М., 1928. С. 315-335.
 39. Павлов А.П. Государев Двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584-1605 гг.). СПб., 1992.
 40. Павлов. А.П. К вопросу об участии дворянства «украинных городов» в событиях Смуты //Смутное время Московского государства: поиски выхода. К 400-летию «Совета всея земли» в Ярославле. М., 2012. С. 118-135.
 41. Павлов А.П. Проблема «боярство и дворянство» XVI-XVII вв. и генеалогия //Генеалогия. Источники. Проблемы. Методы исследования. М., 1989. С. 12-14.
 42. Павлов-Сильванский Н.П. Государевы служилые люди. Происхождение русского дворянства. СПб., 1898.
 43. Петров П.Н. История родов русского дворянства. СПб., 1886. Т.1.

44. Платонов С.Ф. Древнерусские сказания и повести как исторический источник. СПб., 1913.
45. Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI-XVII века. СПб., 1937.
46. Рыбалко Н.В. Российская приказная бюрократия в Смутное время начала XVII века. М.: Квадрига, 2011. С. 128-129.
47. Седов П.В. Закат Московского государства. Царский двор конца XVII века. СПб., 2005.
48. Седов П.В. Поместные и денежные оклады как источник по истории дворянства в Смуту // Архив Русской истории. М., 1993. Вып. 3. С. 227-241.
49. Селин А.А. Новгородское общество в эпоху Смуты. СПб., 2008.
50. Скрынников Р.Г. Самозванцы в России в начале XVII века. Григорий Отрепьев. Новосибирск, 1987.
51. Скрынников Р.Г. Социально-политическая борьба в Московском государстве в начале XVII века. (Смута). М., 1989.
52. Словарь книжников и книжности Древней Руси. М.; СПб., 1994-1998. Вып. 3. XVII в. Часть 1-3.
53. Смирнов И.И. Восстание Болотникова. Л., 1950.
54. Смирнов И.И. Обзор источников о восстании Болотникова // Восстание Болотникова. Документы и материалы. М., 1959. С. 5-40.
55. Смирнов Н.В. Боевые холопы в составе поместной конницы в первой половине XVI-первой половине XVII в. // Исследования по истории средневековой Руси. СПб., 2006. С. 369-382.
56. Смирнов Н.В. Кормленные книги, как источник по военной истории // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Новгород, 2002. С. 91-97.
57. Смирнов Н.В. Разбор и смотр войска в 1621 году и поместное дворянство // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Новгород, 1999. С. 91-99.
58. Соловьев С.М. Сочинения. Книга IV. История России с древнейших времен. М., 1989. Т. 8.
59. Солодкин Я.Г. Очищение Московского государства в изображении «Нового летописца» (о некоторых спорных интерпретациях источника) // Смутное время Московского государства: поиски выхода. К 400-летию «Совета вся земли» в Ярославле. М., 2012. С. 47-50.
60. Станиславский С.Л. Труды по истории Государева двора XVI-XVII вв. М., 2004.

61. Сторожев В.Н. Десятни XVI века //Описание документов и бумаг Московского архива министерства юстиции. М., 1890. Т. 9.
 62. Сухотин Л.С. О списке смоленской десяти XVI в. //Журнал министерства народного просвещения за декабрь 1914 года. СПб., 1914. С. 257-264.
 63. Фатеев Д.М. Вооружение и снаряжение русской кавалерии в 1556-79 гг. //Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Новгород, 2002. Ч.1. С. 147-154.
 64. Фатеев Д.М. Приокские служилые города в 1550-х и 1570-х гг. (готовность к дальней полковой конной службе) //Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Новгород, 2002. Ч.1. С. 124-129.
 65. Федосеев Д.М. Тульский служилый город в 1621 и 1631 гг. //Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Новгород, 2003. С. 326-333.
- Флоря Б.Н. Польско литовская интервенция и русское общество. М., 2004.

